

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

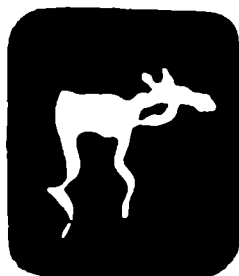
III

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т А Н Т Р О П О Л О Г И И , А Р Х Е О Л О Г И И И Э Т Н О Г Р А Ф И И

С О В Е Т С К А Я А Р Х Е О Л О Г И Я

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1937 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор изданий
директор Института антропологии, археологии и этнографии
акад. *И. И. Мещанинов*

Председатель редколлегии *И. И. Мещанинов*
Ответственный секретарь *С. Н. Замятин*
Члены редколлегии: *В. А. Городцов, П. П. Ефименко, В. И. Равдоникас*
Секретарь редакции *В. В. Храмова*

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
О вредительстве в области археологии и о ликвидации его последствий	V
СТАТЬИ	
В. И. Равдоникас (Ленинград). Следы тотемических представлений в образах наскальных изображений Онежского озера и Белого моря	3
А. В. Збруева (Москва). К вопросу о появлении домашних животных в Прикамье	33
МАТЕРИАЛЫ	
С. Н. Замятин (Ленинград). Пещерные навесы Мгвимеви, близ Чиатуры	57
М. В. Воеводский (Москва) и П. И. Борисковский (Ленинград). Стоянка Елин Бор	77
В. В. Федоров (Ленинград). Некоторые орудия рыболовства неолитического времени	101
Л. А. Евтюхова (Москва). Барвихинское городище	113
Н. А. Прокошев (Ленинград). Погребение на р. Чусовой	127
С. В. Киселев (Москва). Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931 и 1932 гг.	137
Е. И. Горюнова (Москва). Шойбулакский и Аксаркинский могильники	167
А. В. Арциховский (Москва) и Б. А. Рыбаков (Москва). Раскопки на Славне в Новгороде Великом	179
МЕЛКИЕ СООБЩЕНИЯ	
К. М. Поликарпович (Минск). Первая находка мустьерской эпохи в БССР	197
К. Я. Виноградов (Москва). Исполинский олень у дер. Ясниковское	199
Н. Кригер (Истра). Геологические условия залегания ископаемых костей у дер. Ясниковское	204
Е. А. Байбуртян (Ереван). Новые находки каменного века в Армении	206
Е. А. Байбуртян (Ереван). По поводу древней керамики Армении из Шреш- Блура	209
К. М. Поликарпович (Минск). Новая верхнепалеолитическая стоянка в бас- сейне р. Десны	213
О. Н. Бадер (Москва). Неолитические погребения на Верхней Волге	217
В. В. Федоров (Ленинград). Находка поделки из рога лося в Ленинградской области	221
Т. С. Пассек (Москва). Новые исследования в области «трипольской куль- туры» в УССР	223
Н. А. Захаров (Краснодар). Погребение мегалитического типа из предгорных районов Северного Кавказа	227
НЕКРОЛОГ	
А. В. Мачинский (Ленинград). Маршал Савиль	229
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА	
М. З. Паничкина (Ленинград). Сессия Археологической секции Института антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР	237
Н. Л. Эрнст (Симферополь). Обзор археологических исследований в Крыму в 1935 г.	240
А. П. Круглов (Ленинград). Археологические работы на р. Терек	245
А. А. Иессен (Ленинград). Сухумская экспедиция ГАИМК	251
П. Н. Шульц (Ленинград). О работах Евпаторийской экспедиции	252
В. Н. Чернецов (Ленинград). Командировка в Березовский район Остяко- Вогульского округа (1935 г.)	254
М. З. Паничкина (Ленинград). Обзор археологических находок по газетным сообщениям в 1934—1935 гг.	257
РЕЦЕНЗИИ	
Б. В. Лунин (Ростов н/Д.). Н. И. Березин. Справочник по палеолиту СССР	271

SOMMAIRE

M É M O I R E S		Page
V. Raudonikas (Léningrad). Traces de représentations totémiques dans les gravures rupestres du lac Onéga et de la mer Blanche		3
A. Zbrueva (Moscou). Les premiers animaux domestiques dans la région de la Kama		33
M A T É R I A U X		
S. Zamiatnin (Léningrad). Les abris sous roche de Mgvimévi près de Tchiatoura (Transcaucasie)		57
M. Voevodskij (Moscou) et P. Boriskovskij (Léningrad). La station d'Iélin Bor		77
V. Fedorov (Léningrad). Quelques particularités des engins de pêche en pierre néolithiques		101
L. Evtiouchova (Moscou). Le gorodistché de Barvikha		113
N. Prokošev (Léningrad). Une sépulture sur la rivière Tchousovaïa		127
S. Kiselev (Moscou). Les tombes de Karassouk d'après les fouilles de 1929, 1931 et 1932		137
E. Goriunova (Moscou). Les cimetières de Choïboulak et d'Aksarkino		167
A. Arcichovskij (Moscou) et B. Rybakov (Moscou). Les fouilles de Slavna à Novgorod-la-Grande		179
B R È V E S C O M M U N I C A T I O N S		
K. Polikarpovič (Minsk). Première trouvaille de l'époque moustérienne dans la Russie Blanche		197
K. Vinogradov (Moscou). Trouvaille d'un cerf mégacéros près le village de Yasnikolskoïé		199
N. Krieger (Istra). Les conditions de gisement géologiques des ossements fossiles à Yasnikolskoïé		204
E. Bajburtjan (Jérévan). Nouvelles trouvailles de l'âge de la pierre en Arménie		206
E. Baiburtjan (Jérévan). Sur la céramique ancienne de Chrech Blour (Arménie)		209
K. Polikarpovič (Minsk). Une nouvelle station du Paléolithique supérieur dans le bassin de la Desna		213
O. Bahder (Moscou). Sépultures néolithiques sur la Haute Volga		217
V. Fedorov (Léningrad). Trouvaille d'un objet en bois d'élan dans la région de Léningrad		221
T. Passek (Moscou). Nouvelles recherches dans la région de la culture de Tripolié (Ukraine)		223
N. Zacharov (Krasnodar). Une sépulture de type mégalithique dans le Caucase du Nord		227
N É C R O L O G I E		
A. Mačinskij (Léningrad). Marshal H. Saville		229
C H R O N I Q U E A R C H É O L O G I Q U E		
M. Paničkina (Léningrad). La session de la Section archéologique de l'Institut d'Anthropologie, d'Archéologie et d'Ethnographie de l'Académie des Sciences de l'URSS		237
N. Ernst (Simféropol). Aperçu sur les recherches archéologiques exécutées en 1935 en Crimée		240
A. Kruglov (Léningrad). Les travaux archéologiques sur le Terek		245
A. Jessen (Léningrad). L'expédition de Soukhoun de l'Académie Marr d'Histoire de la Culture Matérielle		251
P. Schultz (Léningrad). Sur les travaux de l'expédition d'Iévpatoria		252
V. Černecov (Léningrad). Une mission dans la région de Bérézov, arrondissement Ostiako-Vogoul (1935)		254
M. Paničkina (Léningrad). Revue des trouvailles archéologiques de 1934—1935		257
A N A L Y S E S		
B. Lunin (Rostov s/Don). N. Berezin. «Répertoire du Paléolithique de l'URSS»		271

О ВРЕДИТЕЛЬСТВЕ В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ И О ЛИКВИДАЦИИ ЕГО ПОСЛЕДСТВИЙ

В ряде недавних судебных процессов были вскрыты гнусные злодеяния японо-германо-троцкистских агентов, подлых террористов, заклятых врагов народа, направивших всю свою омерзительную преступную деятельность на реставрацию капитализма в нашей стране. Народы Советского Союза с глубочайшим удовлетворением встретили справедливые приговоры Верховного суда, по заслугам покаравшего этих шпионов, вредителей, убийц, посягнувших на счастье нашей великой социалистической родины.

В своем докладе и заключительном слове на мартовском пленуме ЦК ВКП(б) т. Сталин с исчерпывающей ясностью и глубиной показал те крупные недостатки в нашей работе, которые позволяли врагам народа совершить свое подлое вредительство. Тов. Сталин указал и меры к ликвидации вредителей и к борьбе с последствиями вредительства. Политическая беспечность, отсутствие или недостаток большевистской бдительности, ротозейство, слепота, самоуспокоенность были условиями, при которых вредители могли безнаказанно причинять вред. Бдительность, политическая прозорливость, овладение большевизмом, критика и самокритика являются необходимым условием для того, чтобы ликвидировать вредителей-двурушников и последствия их вредительства.

Доклады тт. Сталина, Молотова и Жданова на мартовском пленуме ЦК ВКП(б) и решения пленума указывают верный путь к выкорчевыванию всех вредителей в нашей стране.

Из этого должны сделать для себя все выводы и работники советской науки.

Подлые враги народа, агенты Гестапо, троцкисты-зиновьевцы пробрались и в наши научные учреждения, в том числе в учреждения, занимающиеся археологическими исследованиями. В течение ряда лет орудовали троцкистские и иные вредители: Кипарисов, Быковский, Пригожин, Томсинский, Дубровский — в Гос. Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра (ГАИМК); Жаков, Пионтковский, Татаров — в Московском отделении ГАИМК (МОГАИМК); Маторин, Бусыгин, Быковский, Седых — в Институте антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР (ИАЭ). Обманув доверие партии, воспользовавшись

притуплением бдительности, идиотской беспечностью и ротозейством работников этих учреждений, враги народа вели в них свою подлую, предательскую подрывную работу. Их вредительство собственно в науке проявлялось в различных формах.

Вредители взяли прежде всего решительный курс на развал научной работы и на ликвидацию тех наук, которые представлены в учреждениях, явившихся ареной преступной деятельности вредителей. Они усиленно проповедывали и пытались осуществить на деле полное упразднение археологии и этнографии как отраслей науки, существование которых якобы «несовместимо с марксистско-ленинской методологией». ГАИМК, организованная в 1919 г. по декрету, подписанному В. И. Лениным, как центральное археологическое учреждение в РСФСР, под влиянием вредительского «руководства» Кипарисовых, Быковских, Пригожиных отклонилась далеко в сторону от своих прямых задач. Археологические исследования были отодвинуты в ГАИМК на задний план, издание археологических работ и археологических памятников прекратилось вовсе. Такое же ликвидаторство археологии и этнографии процветало и в ИАЭ под влиянием врагов народа — Маторина, Быковского, Бусыгина. В Ленинградском Гос. университете и в выделившемся из него Историко-лингвистическом институте (ЛИФЛИ) вредители Кипарисов, Горловский, Пальвадре, Быковский привели к ликвидации преподавание как археологии, так и этнографии. Они разогнали большую часть специалистов-преподавателей и свели на-нет конкретные курсы. Прекрасный археологический кабинет ЛГУ, создававшийся десятилетиями, был подвергнут полному разгрому вредителями, и только часть его ценных собраний удалось спасти музейным учреждениям — Гос. Эрмитажу и МАЭ.

Поставив своей задачей уничтожение конкретных исторических наук и конкретно-исторического знания, вредители занимались в своих подлых писаниях антимарксистской псевдо-социологической схоластикой и требовали этого от других. Двурешники, выступая под маской якобы сторонников марксизма-ленинизма и прикрываясь с целью маскировки многочисленными цитатами из трудов классиков марксизма, на деле вели скрытую упорную борьбу против великих идей Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина. Так, предатель Быковский пытался подвергнуть сплошной ревизии взгляды Энгельса на первобытное общество, отрицал периодизацию Энгельса—Моргана, «доказывал» существование особой «тотемической стадии», примыкая в этом всецело к самым реакционно-буржуазным ученым, нагло извращал мысли Ленина о первобытной религии, о происхождении государства и т. п. Матерый троцкист Жаков предпринимал поход против всего учения Энгельса о происхождении и ранних стадиях развития первобытного общества, заявляя, что кровнородственной семьи не было, что труд и производство орудий труда вовсе не есть грань, отделяющая человеческое общество от царства животных, что общество возникает якобы только с началом экзогамии и т. п. Подобные же «установки» по отношению

к основоположникам марксизма выступают во вредительских писаниях Маторина, Пригожина и др.

С помощью зажима и даже прямого насилия вредители искореняли опасную для них критику и самокритику. Действенную критику враждебных марксизму взглядов они подменяли в своих писаниях пустой фразеологией, бьющей мимо цели и сводящейся, по существу, к пропаганде якобы критикуемых мнений. Для борьбы с критикой и самокритикой они применяли ряд подлейших приемов. В частности, используя право редактирования, они не пропускали в печать опасные для них критические работы, или же, публикуя их, вносили такие «исправления» и «дополнения», которые нередко изменяли мнения авторов на диаметрально противоположные. Для пропаганды своих вредительских «теориек» и раздувания своего «авторитета» они снабжали предисловиями работы даже наиболее крупных советских ученых (В. В. Струве, Б. Д. Греков и др.).

Рупорами вредительских установок и проводниками вредительского влияния являлись находившиеся долгое время, к нашему стыду, в руках врагов народа журналы «Сообщения» и «Проблемы» ГАИМК и «Советская этнография». В этих научных журналах печатались в качестве «руководящих» и «передовых» статьи вредителей, нередко сопровождаемые подхалимским восхвалением их сторонников и приспешников (Худяков, Пальвадере) или даже введенных в заблуждение честных ученых.¹ Это создавало видимость «авторитета», хотя на деле Кипарисовы, Пригожины, Быковские никакого отношения к науке не имели, не владели ни фактами, ни приемами научных исследований.

Как выяснилось на собраниях актива ГАИМК и МОГАИМК, происходивших в апреле 1937 г., троцкистские вредители искусственно насаждали и склоку среди научных работников, натравливая их друг на друга, захватывали не по заслугам молодежь и обостряли отношения молодых и старых ученых. Все это делалось для того, чтобы добиться полного развала в научных учреждениях.

Для создания дымовой завесы вокруг своей преступной деятельности вредители поднимали шумиху, устраивали показательные очковтирательские пленумы с внешне эффектными выставками, с широковещательными докладами и т. д. Враг народа Кипарисов ухитрился именно таким путем в течение ряда лет водить за нос Наркомпрос, представляя дутые лживые доклады о деятельности ГАИМК, которым Наркомпрос настолько верил на слово, что ни разу до самого последнего времени не направил своих представителей в ГАИМК для обследования дела на месте. При этом Наркомпрос нисколько не позаботился о том, чтобы после смерти в 1934 г. выдающегося руководителя ГАИМК великого ученого и большевика Н. Я. Марра выдвинуть нового достойного руководителя, который смог бы предотвратить вредительство.

---

¹ См. «Советская этнография», № 6, 1936 г.

Проводя последовательную линию систематического вредительства в науке, враги народа дезориентировали целый ряд научных работников и в той или иной степени оказали на них свое вредное влияние.

Так, одним из самых крайних проявлений ликвидаторства явилась статья А. В. Арциховского, С. В. Киселева и А. П. Смирнова под многозначительным названием — «Возникновение, развитие и исчезновение «марксистской археологии».¹ В этой статье содержится следующее утверждение: «при диалектико-материалистическом понимании исторических источников археология теряет право на существование как самостоятельная и даже как вспомогательная наука. Она подлежит упразднению, как подлежит упразднению и этнография». К требованию упразднения археологии и этнографии особым письмом в редакцию «Сообщений ГАИМК» поспешил присоединиться и А. Я. Брюсов.

Насаждавшаяся вредителями в целях борьбы с конкретно-историческим знанием псевдо-социологическая схоластика может быть ярче всего представлена в некоторых работах А. Н. Бернштама и Е. Ю. Кричевского (напр. работа «К вопросу о закономерности в развитии архаической формации»). В неменьшей степени псевдо-социологизм и схематизм выступает в ряде работ: В. И. Равдоникаса (статья о ведущем противоречии доклассового общества, схематическая трактовка готской проблемы и пр.), С. П. Толстова (статьи о палеолите, о дуальной организации у туркмен и др.), С. В. Киселева (разложение рода и феодализм на Енисее) и др.

Прямое влияние врагов народа сказалось в тяжелых ошибках, в искажениях марксизма-ленинизма, содержащихся в работах ряда археологов. Гнусный призыв вредителя Быковского к ревизии взглядов Энгельса нашел, например, отклик со стороны П. И. Борисковского. В своей книжке «К вопросу о стадильности в развитии верхнего палеолита», вышедшей с предисловием и под редакцией Быковского, П. И. Борисковский не остановился перед тем, чтобы прямо заявить: «эта часть работы Энгельса в наибольшей степени требует уточнений и видоизменений», имея в виду периодизацию истории доклассового общества в «Происхождении семьи...» Ф. Энгельса. А. М. Золотарев вслед за вредителем Жаковым отрицал существование кровнородственной семьи, признаваемой Энгельсом, и в корне искажал вопрос о происхождении экзогамии. В. И. Равдоникас, С. П. Толстов и др. признавали пресловутую «тотемическую стадию» Быковского, хотя впоследствии и исправили эту свою ошибку. «Тотемическая стадия» представлена в завуалированной форме даже в таком ценном и конкретном труде, как «Дородовое общество» П. П. Ефименко, который нашел для себя возможным цитировать в этой книге вредительские писания Быковского по вопросу о тотемизме. Нелепейшая антинаучная схема Быковского о развитии рода и племени нашла свое отражение во взглядах Б. Л. Богаевского на историю социального строя Крито-Микенского общества.

---

¹ Сообщения ГАИМК, 1932, № 1.

Вредное влияние «теориек» врага народа Бухарина сильно проявилось в прежних работах А. В. Арциховского, А. Я. Брюсова, С. В. Киселева, А. П. Смирнова, смотревших, по их собственному выражению, «сквозь его (Бухарина) призму взглядов» и впоследствии признавших свои ошибки. Это разлагающее влияние правых отщепенцев отразилось и в самых последних работах некоторых исследователей. Так, большая книга Б. Л. Богаевского «История первобытно-коммунистической техники», вышедшая в 1936 г. под редакцией и с предисловием Бухарина, написана, как показал детальный разбор этой книги в ГАИМК, на основе бухаринских взглядов, с огромным множеством грубейших методологических и фактических ошибок.

Все эти примеры показывают, что последствия вредительства далеко еще не ликвидированы в области археологической науки. Они продолжают сказываться не только в наличии тяжелых неизжитых ошибок в работах ряда археологов, находившихся под влиянием вредителей, но также и в том, что в археологических учреждениях до сих пор должным образом не налажена конкретная исследовательская работа, не произведена настоящая мобилизация научных работников на борьбу с последствиями вредительства, в частности — не развернута как следует критика и самокритика.

Одним из примеров слабого развертывания самокритики в области археологии может служить резолюция, принятая активом МОГАИМК на собрании в апреле 1937 г. Из этой резолюции видно, что актив МОГАИМК не развернул должной критики и самокритики, не вскрыл тяжелых ошибок ряда своих работников, проводивших линию ликвидации науки, а гнусную работу подлого троцкиста Жакова, всецело направленную против учения Энгельса о первобытном обществе, скромно назвал «пропагандой фрейдизма в вопросах первобытной истории».

Чрезвычайно слабо проводится самокритический просмотр печатных работ в ГАИМК, давший пока незначительные результаты. ИАЭ Академии Наук СССР пока не счел нужным вовсе приступить к самокритическому просмотру, проявляя свою прежнюю политическую беспечность и благодушие.

Из этого видно, что необходим самый решительный поворот на борьбу с вредительством и его последствиями в области археологии. Необходимо до конца выжечь тяжелые ошибки в научной работе археологов, явившиеся следствием влияния вредителей, и предупредить возможность восстановления этих ошибок. Одним из важных условий для этого является большевистская критика и самокритика, развертывание которой есть прямое, неотложное дело всех археологических учреждений и всех археологов. Со своей стороны «Советская археология» намерена систематически печатать на своих страницах критические и самокритические статьи, вскрывающие вредные установки и ошибки в археологических исследованиях. «Советская археология» обращается ко всем археологам с горячим призывом незамедли-

тельно присылать такого рода актуальнейшие статьи для скорейшего их опубликования.

Залогом успешности борьбы с вредительством и его последствиями является овладение большевизмом. Необходима упорная работа по овладению большевизмом, по поднятию политических качеств научных работников, без чего они не смогут строить подлинную советскую науку и очищать ее от всякого рода вредных искажений и извращений.

Необходимо до конца ликвидировать политическую беспечность, политическое ротозейство и благодушие, чтобы предупредить всякую возможность вредительства в нашей среде, чтобы разгромить и выкорчевать вредителей и ликвидировать последствия их вредительства.

Наш прямой и важнейший долг заключается в том, чтобы, следуя мудрым указаниям великого Сталина, развить в себе большевистскую бдительность, уметь разоблачать врага, какой бы маскировкой он ни пользовался, в какой бы области он ни выступал.

Наш прямой и важнейший долг заключается в том, чтобы до конца выполнить указания т. Сталина: **«Надо добиться того, чтобы их, троцкистских вредителей, не было вовсе в наших рядах»**.¹

Редакция.

---

¹ И. В. Сталин. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад и Заключительное слово на Пленуме ЦК ВКП(б) 3—5 марта 1937 г. Партиздат, 1937 г., стр. 26.

СТАТЬИ

В. И. РАВДОНИКАС

СЛЕДЫ ТОТЕМИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ОБРА- ЗАХ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА И БЕЛОГО МОРЯ

Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря обнаруживают значительное сходство с аналогичными изображениями Скандинавии, хотя в то же время отличаются от них многими своеобразными особенностями (напр., преобладание сплошных силуэтов над контурными, наличие ряда сюжетов, пока неизвестных в Скандинавии, органическое сочетание реалистических¹ и символических фигур и т. д.). Скандинавские наскальные изображения давно уже принято делить на две основные группы: 1) североскандинавские, арктические, связанные с охотничье-рыболовческим неолитом, и 2) южнскандинавские, приписываемые земледельческому населению эпохи бронзы и более позднего времени. Названия эти довольно условны, так как «арктические» наскальные изображения встречаются и в южной Скандинавии, напр., в окрестностях Осло, а «южнскандинавские» зарегистрированы и на севере Норвегии. Но такое деление имеет свои основания, так как оно опирается на существенные различия в стиле и в содержании фигур. Североскандинавские наскальные изображения имеют, как правило, реалистический или полуреалистический характер и по своей тематике (преобладают изображения диких животных — оленей, лосей, медведей и т. д. и рыб) действительно связаны с охотничье-рыболовческим укладом жизни. Южно-

---

¹ Я употреблял в других своих работах о наскальных изображениях термины «натурализм», «натуралистические изображения», «натуралистическое искусство», и т. д. в применении их к образам первобытного искусства в условном смысле, имея в виду подчеркнуть этими терминами только тенденцию первобытных художников в своих произведениях этого рода быть ближе к природе и передавать характерные черты своих живых оригиналов. Содержание, вкладываемое в эту терминологию в применении ее к современному нам искусству, таким образом, не переносилось мною на искусство первобытное. Наименование стилей первобытного искусства следует пересмотреть, но это требует специальных исследований. В настоящем же ремя я думаю, что термин «первобытный реализм» более приемлем, чем термин «натурализм», для характеристики близких к природе образов первобытного искусства.

скандинавские наскальные изображения сильно схематизированы: изображения животных для них не характерны; в них преобладают фигуры и композиции символического и культового порядка, имеющие, по мнению ряда авторов, непосредственное отношение к земледельческим культам.

Уже давно Г. Гальштрём (G. Hallström) указал на сходство «арктических» наскальных изображений Скандинавии с изображениями западноевропейского палеолитического искусства. «Я считаю себя в праве утверждать, — писал Гальштрём, — что мы имеем дело с определенной художественной традицией, связывающей палеолитическое искусство и искусство североскандинавских наскальных изображений».¹

Позднее Г. Шетелиг (H. Schetelig) в итоге обстоятельного исследования также пришел к обоснованному выводу о генетической связи между искусством палеолита и неолитическими наскальными изображениями Скандинавии.² «Только искусство ледниковой эпохи, — писал Шетелиг, — может идти в сравнение с искусством наскальных изображений нашего каменного века... Оба эти искусства имеют общую основу; оба они отличаются своим натурализмом и манерой поразительно живо характеризовать животных».³ «Что касается больших натуралистических наскальных изображений, то возможна одна логически удовлетворительная их интерпретация: это искусство укоренилось на севере тогда, когда оно было еще живо в Западной Европе, т. е. в течение последнего периода палеолитической культуры».

О «палеолитических чертах», «палеолитической традиции» в «арктических» наскальных изображениях говорит и известный исследователь доистории Норвегии А. В. Брёггер (A. W. Brögger).⁴

Действительно, трудно отрицать близость к палеолитическому искусству ряда поразительных по своей художественной силе североскандинавских неолитических изображений, как, напр., знаменитые изображения оленей (рис. 1) у Бёлы (Böla) и у Хелля (Hell), лосей в Бардале (Bardal), медведей в Финхагене (Finnhagen) и т. д.⁵ Но и более грубые изображения животных того же круга (Винген, Клубба и т. д.) носят следы своей связи с реалистическими изображениями палеолита.

Палеолитические традиции, таким образом, ясно прослеживаются в искусстве западных наскальных изображений северной Европы. Следует полагать, что аналогичные более восточные памятники северо-запада СССР

¹ G. Hällström. Nordskandinaviska Hällristningar. Fornvännen, 1908, стр. 85.

² H. Schetelig. Primitive Tider i Norge. Bergen, 1922.

³ H. Schetelig. Préhistoire de la Norvège. Oslo, 1926, стр. 49.

⁴ A. W. Brögger. Die arktischen Felsenzeichnungen und Malereien in Norwegen. ИРЕК, 1931, стр. 23.

⁵ Несколько месяцев спустя после того, как настоящая работа была сдана в печать, в сентябре 1936 г., пишущим эти строки была открыта новая группа наскальных изображений в Залавруге у Белого моря (район Сороки), содержащая замечательные изображения оленей в натуральную величину, несколько не уступающие по своим художественным достоинствам самым лучшим скандинавским изображениям.

в этом отношении не являются исключением. Действительно, генетическая связь, по крайней мере древнейшей по своему происхождению части их, с образами и представлениями эпохи палеолита может быть установлена.

Если наскальные изображения Онежского озера и Белого моря расчленить на тематические или сюжетные группы, то по численности фигур на первом месте будет стоять, без сомнения, группа изображений животных, птиц и отчасти рыб. В составе наших памятников мы встречаем прежде и больше всего многократно повторяющиеся изображения рогатых животных из семейства сервидов — северных оленей, лосей, затем изображения медведей, лисиц, волков, изображения собаки и пр. Птицы представлены изображениями лебедей (наиболее излюбленный сюжет), гусей, уток, гагар, лесных птиц — вероятно, куропаток и тетеревов. Имеются изображения и таких животных, как ящерицы и змеи. Что касается изображений рыб, то они типичны собственно лишь для беломорской группы наскальных изображений. Среди онежских изображений рыбы встречаются редко и пока известны здесь только в одном пункте — в группе изображений Бесова Носа. Изображались различные виды рыб — осетр или стерлядь, красноперая рыба, сом или налим, семга и т. д.

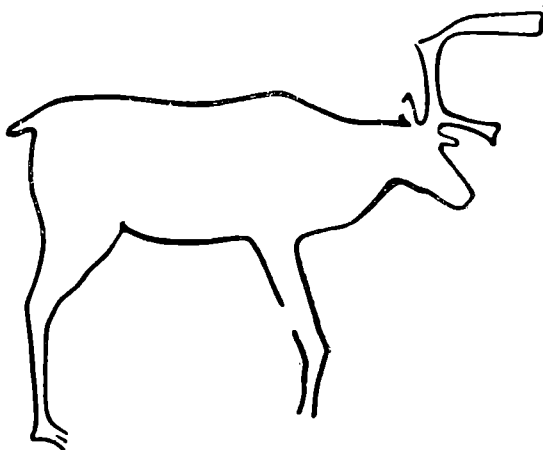

Рис. 1. Наскальное изображение оленя. Бёла (Норвегия).

Представители окружающей человека фауны являются, как известно, древнейшим сюжетом изобразительного искусства; они особенно типичны для искусства эпохи верхнего палеолита. По своей преобладающей тематике наскальные изображения Онежского озера и Белого моря ведут нас, следовательно, к палеолиту, и это сближение выступит перед нами гораздо более ясным и обоснованным, если мы обратимся к стилистическим особенностям наших памятников.

Я уже отмечал,¹ что искусство наших наскальных изображений есть графически-плоскостное, т. е. двухмерное и строго линейное искусство. Изображения переданы силуэтами, сплошными или контурными. Перспектива и объем отсутствуют, и если передаются изредка, то всегда очень условно — путем косой проекции объемных частей на плоскость. Внутри-силуэтные, внутриконтурные детали не изображаются или изображаются крайне редко. Фигуры даны чаще всего в статических, спокойных, уравновешенных позах. Животные и птицы изображаются всегда сбоку; в изображениях четвероногих животных мы всегда видим только две ноги — те,

¹ «Советская археология», изд. Акад. Наук СССР, 1936, № 1, стр. 38.

которые обращены к зрителю. Соотношение фигур между собой в ряде случаев производит впечатление чего-то или случайного или, во всяком случае, условного. В частности, животные и птицы иногда изображаются с обратной ориентировкой друг к другу: одно животное головой вверх, другое — вниз, и т. п.

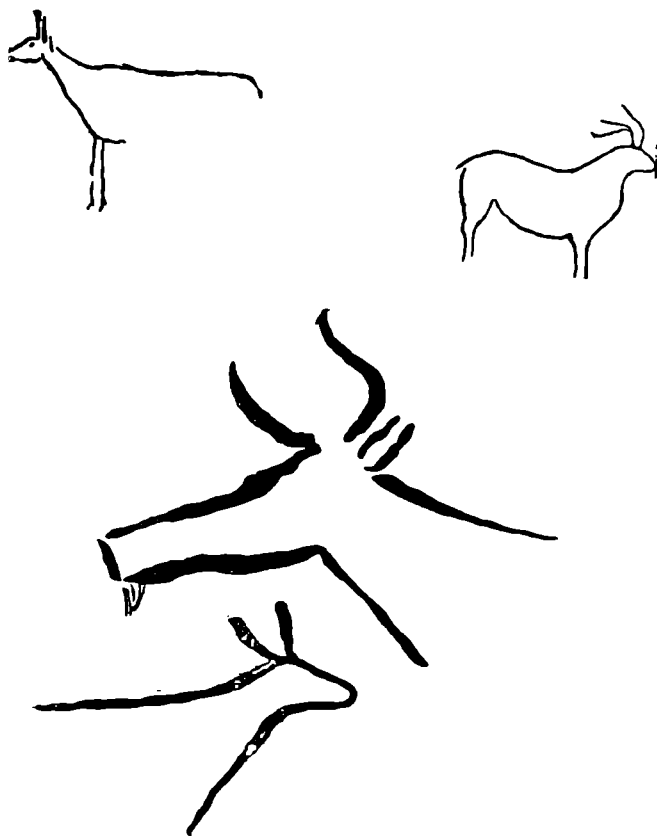

Рис. 2. Изображения ориньякской эпохи.

Чрезвычайно любопытно, что все эти стилистические черты представлены в самом раннем искусстве палеолита — в искусстве ориньяка, в то время как искусство мадлена показывает более высокую ступень: оно знает трехмерность, перспективу, полихромия, относительно сложные композиции, передает динамику, детали фигур и т. д. Приведу одну-две из фигурирующих в науке характеристик ориньякского искусства в подкрепление своей мысли. Еще в 1906 г. А. Брейль (H. Breuil) следующим образом охарактеризовал стиль своей первой фазы развития палеолитического

искусства (ориньяк-солютре): широкие и глубокие борозды в гравировке, силуэты всегда показаны в профиль, у животных большею частью присутствуют лишь две обращенные к зрителю ноги. Живопись также передает только силуэты, заполнение внутренней площади фигур отсутствует: нет, напр., изображений волос и других деталей.¹ Не так давно Герберт Кюн (H. Kühn) писал об ориньякском искусстве следующее: «решающее в стиле этих произведений изобразительного искусства — это отсутствие глубины, это их одноплоскостность («Einfächigkeit»), безусловное спокойствие их на плоскости (in der Ebene)... Но самое важное — это глубоко и резко выведенный контур, который ничем не нарушается, который обрисован твердо и крепко».² «Животное выглядит совсем плоским, — говорит

¹ H. Breuil. L'évolution de l'art pariétal des cavernes de l'âge du renne. Congrès international d'Anthropologie et d'Archéologie, Monaco, 1906. Compte rendu, t. I. стр. 370.

² H. Kühn. Kunst und Kultur der Vorzeit Europas. Das Paläolitikum. Berlin, 1929.

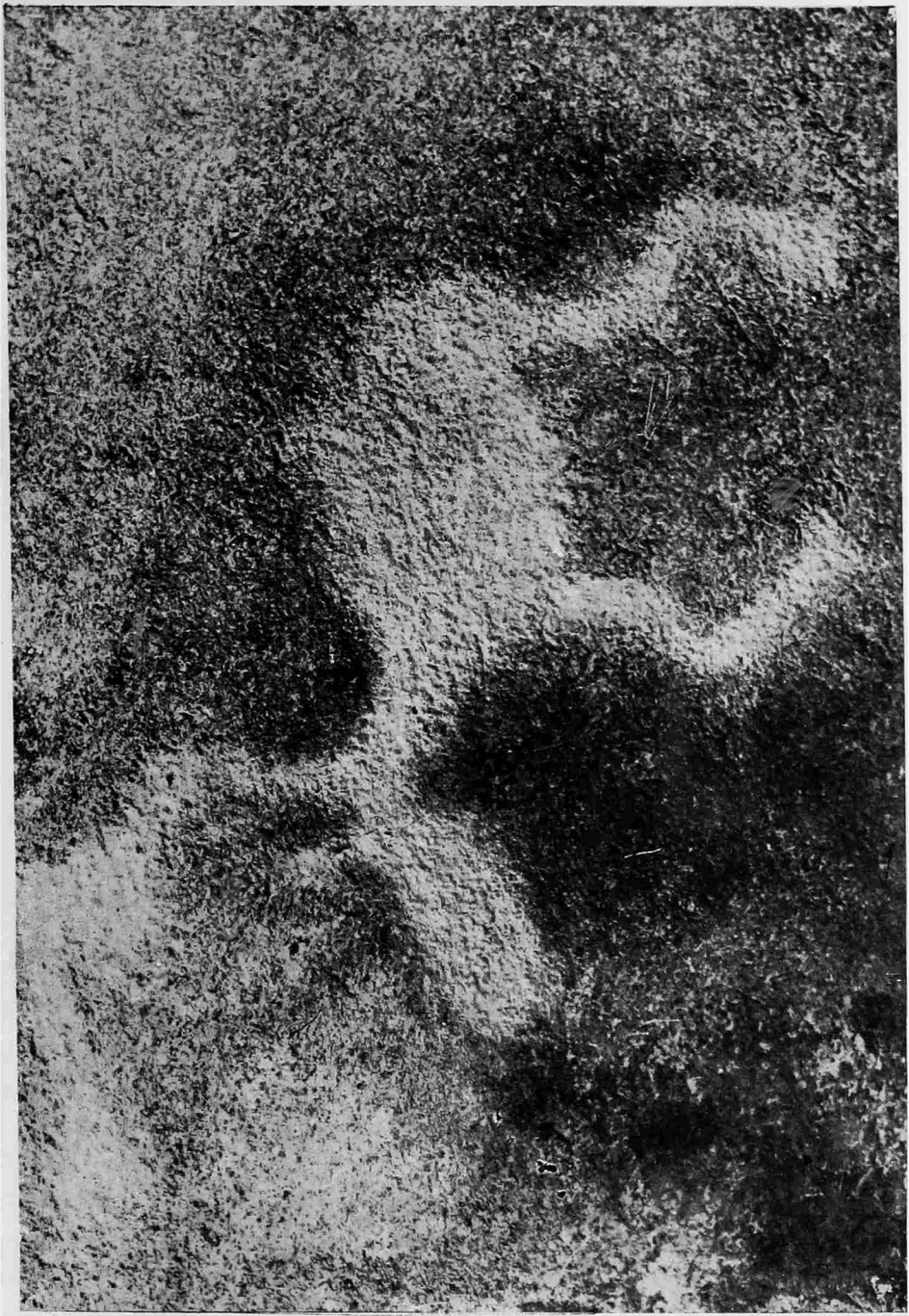

Рис. 3. Изображение лоя (Пери-Нос).

он об одной из ориньякских фигур из «Pair по Pair», — изображение покоится в одной плоскости». ¹ «Стиль ориньяка, — резюмирует Кюн, — это установка всего изображения на контур.» ² И даже скульптурные фигуры ориньяка Кюн считает фронтально контурными, т. е., в сущности, плоскостными, двухмерными. Эта характеристика, действительно, схватывает существеннейшие черты стиля ориньякского искусства (рис. 2).

Рис. 4. Изображения самца лося (Пери-Нос) самки лося (Северный мыс Бесова Носа) и оленя (Пери-Нос).

То, что говорят А. Брейль и Г. Кюн о стиле ориньякских изображений, до известной степени может быть отнесено и к некоторым наскальным изображениям нашего севера, именно к тем из них, в которых дана реалистическая трактовка образов. Эти плоскостные и реалистические изображения, довольно живо передающие характерные черты животных, порой кажутся очень близкими к ориньякским изображениям, хотя в них чувствуется некоторая огрубелость, сухость и пережиточная застойность, в то время как ориньякское искусство полно жизненных сил ранней молодости. Таковы, напр., некоторые изображения рогатых животных из семейства оленей — самца лося (Пери-Нос, рис. 3 и 4), самки лося (Северный мыс Бесова Носа, рис. 4) и оленя (Пери-Нос, рис. 4). Данные фигуры довольно близко к действительности передают отличительные признаки этих живот-

¹ Н. Kühn. Kunst und Kultur der Vorzeit Europas. Das Paläolitikum. Berlin, 1929.

² Там же.

ных — широкую морду с отвислой губой у лося, рога у самца, короткий хвост и т. п. Таково же по стилю плоскостное, силуэтное, но очень правдивое изображение медведя из беломорской группы (Бесовы Следки, рис. 5). Очень любопытны близкие к природе изображения птиц, напр., изображения лебедя (Бесовы Следки и Пери-Нос, рис. 6 и 7), изображение гуся, стоящего на земле с вытянутой кверху шеей и поднятой головой, как бы настороженно осматривающегося по сторонам, что очень типично для вожака гусиного стада (Пери-Нос, рис. 7), другое изображение гуся с горизонтально-вытянутой шеей, показанного, может быть, в позе нападения (Пери-Нос, рис. 7), и т. д. В изображениях лесных и болотных птиц (рис. 8) отчетливо выражены их видовые отличия (короткая шея и широкий хвост лесных птиц, длинный клюв у болотных и т. п.).

Реализм и живость этих изображений можно в полной мере оценить по достоинству, если принять во внимание, что лишь с большим трудом и лишь опытной рукой умелого художника, привыкшего к реалистической трактовке образов, можно было высекать, без значительных против природы искажений, относительно небольшие, требующие особой остроты глаза и точности удара, изображения в такой твердой породе, как гранит, и лишь с помощью грубых каменных орудий. Только давняя реалистическая традиция, хотя, может быть, уже и угасающая, могла быть необходимым условием для создания таких произведений, как показанные на наших рис. 3—8 изображения животных и птиц. И мы действительно знаем, что реалистическое искусство было свойственно обществу, оставившему нам памятники неолита с ямочно-гребенчатой керамикой. Это видно по каменным скульптурным фигурам животных, происходящим из неолитических памятников лесной полосы восточной Европы, в круг которых входят и наши наскальные изображения.

Так, широко известны скульптурные изображения звериных голов в частности на орудиях типа молота или кирки, происходящих из неолитических местонахождений Северного края, Карелии и Финляндии. Сюда относятся опубликованные еще Аспелином и Уваровым молот с замечательной головой лося, найденный в районе Петрозаводска у д. Падозеро,¹ молот с головой медведя, найденный у Тулгубы в районе с. Кижы (Карелия),² аналогичный молот, найденный в Карелии у д. Вороново,³ два молота с изображением какой-то звериной головы, также из Карелии,⁴ молот с изображением звериной головы, найденный у с. Няшебожского в Запечерском крае⁵ (Северный край). Подобное скульптурное изображение головы животного хранится в Гос. Эрмитаже в составе коллекции недокументированных неолитических находок, происходящих с территории Ленин-

¹ А. С. Уваров. Археология России, т. II, 1881, табл. 34, № 445.

² Там же, табл. 34, № 446.

³ Там же, табл. 34, № 447.

⁴ Там же, табл. 34, №№ 448 и 449.

⁵ Там же, табл. 34, № 4736.

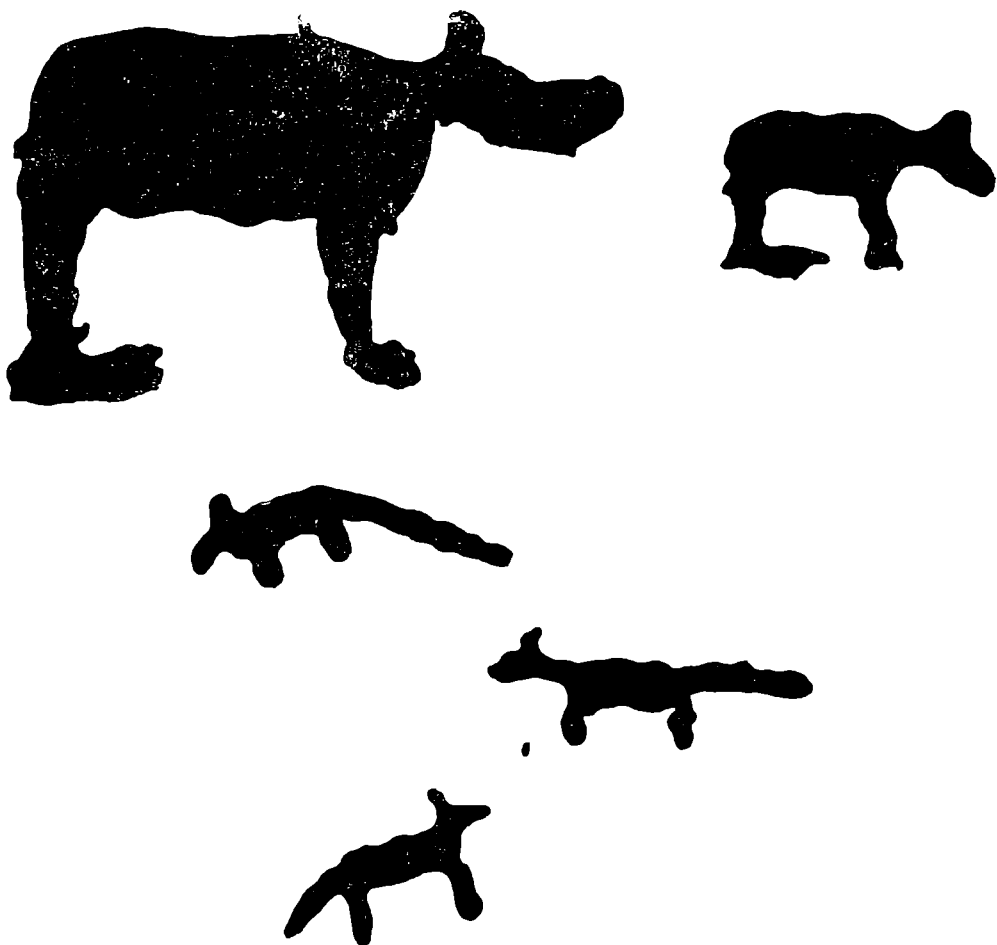

Рис. 5. Изображения медведей и лисиц (Бесовы Следки).

Рис. 6. Изображение лебедя (Бесовы Следки).

градской области и Карелии. Публикуем здесь его впервые (рис. 9). В составе той же коллекции имеется скульптурное изображение из камня головы змеи или рыбы (рис. 10), которое с известной вероятностью может быть включено в данную группу памятников, хотя этот предмет не относится к молотам или киркам.

Аналогичные скульптуры были найдены на территории Финляндии и Швеции. Обзор этих находок был сделан Ю. Айлио.¹

Большинство каменных молотов со звериными головами является случайными находками. В мнениях о их хронологии имеются разногласия. В. А. Городцов датирует их второй половиной II тысячелетия до н. э., опираясь на формальное сходство одного финляндского молота с изображением на

Рис. 7. Изображения птиц — лебедя, гуся и птицы с длинным клювом (Онежское озеро).

рукояти бронзового сейминского кинжала.² А. М. Тальгрэн относит их к эпохе бронзы,³ Ю. Айлио и А. Европеус — к неолиту.⁴ Если принять во внимание, что были случаи нахождения этих предметов в неолитических стоянках *in situ* (прекрасная голова лося типа наверхья найдена в стоянке у Малмина на р. Палоёки,⁵ обломок молота с головой лося — в стоянке Рави на озере Сяккярви),⁶ то принадлежность их к кругу памятников неолита с ямочно-гребенчатой керамикой вряд ли можно оспаривать.

Перечисленные каменные скульптуры в большинстве выполнены с замечательной близостью к натуре и являются прекрасными образцами реалистического искусства с очень древней традицией.

¹ J. Ailio. Zwei Tierskulpturen. Zeitschr. d. Finn. Alt. Gesellschaft, XXVI.

² В. А. Городцов. Культуры бронзового века в Средней России. Отчет Моск. ист. музея за 1914 г.

³ Suomen Museo, 1907, стр. 67 сл.

⁴ Suomen Museo, 1922. См. также SMYA, 1927.

⁵ J. Ailio. Huittisten hirvenpääase. Suomen Museo, 1909, стр. 1 сл.

⁶ А. М. Tallgren. Kivikautinen taideteos Säkkijärveltä. Suomen Museo, 1907, стр. 67 сл.

Изображения животных в данную эпоху выполнялись и из кремня, свойства которого не позволяли, однако, изготовить такие близкие к природе реалистические фигуры, какие выделывались из мягких пород камня. Известны кремневые фигурки, изображающие тюленей, рыб, медведя и других животных и происходящие из неолитических стоянок зимнего и летнего берегов Белого моря,¹ территории Карелии,² из Волосова на р. Оке³, из Бологого и т. д.

Сюда же надо отнести и глиняные скульптуры того же круга неолита с ямочно-ребенчатой керамикой, напр., изображение животного, найденное Б. Ф. Земляковым на стоянке Вой-Наволок⁴ (рис. 11), глиняные изваяния голов птиц и животных из стоянки Кубенино (раскопки М. Фосс, материалы хранятся в ГИМе), то же из стоянки на острове Илекса (неопубликованные материалы А. Брюсова, хранящиеся в Карельском музее).

Подобные же фигуры выделывались из кости и дерева. Замечательны, напр., голова лося, вырезанная из кости и найденная в Волосове,⁵ головы

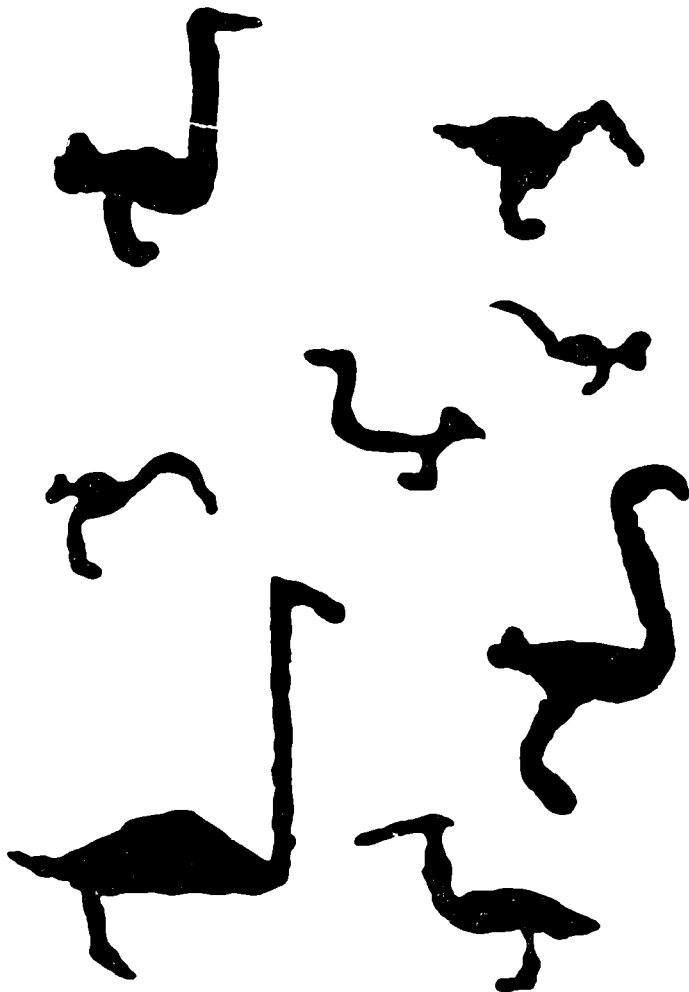

Рис. 8. Изображения птиц — лесные и болотные птицы (Онежское озеро).

¹ А. С. Уваров. Археология России, т. II, 1881 г., табл. 31, а также Материалы из находок Маркова и Ревы, хранящиеся в ГИМе.

² *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, т. X, стр. 160.

³ А. С. Уваров. Ук. соч., табл. 14; O. Almgren, *Nordiska stenalder skulpturen. Fornvannen*, 1911.

⁴ Археологические работы Академии на новостройках. Изв. ГАИМК, вып. 109, стр. 18.

⁵ В. М. Иверсен. Заметка о Волосовской стоянке доисторического человека. Вестн. археологии и истории, т. XIII.

птиц из кости того же происхождения¹ изображение змеи из неолитического могильника на Оленьем острове (Онежское озеро) и др.

Что касается деревянных фигур, то изделия из этого материала сохраняются от неолитической эпохи лишь в особо благоприятных физико-химических условиях, потому число таких находок пока незначительно. Из них имеют выдающееся значение несколько более поздние находки в Горбуновском торфянике (сосуды с головой птицы, изображения лося и др.),² а также две деревянные ложки со звериными головами на рукоятках, найденные в торфяниках Финляндии.³ Это лучшие образцы реалистического искусства в неолите с ямочно-гребенчатой керамикой.

Необходимо допустить, что у населения лесной полосы восточной Европы в эпоху неолита с ямочно-гребенчатой керамикой существовала и живопись или графика по дереву, по коже, по бересте и т. п. Фигуры, нарисованные краской на скалах, известны в Приуралье, хотя они еще не изучены и не датированы.⁴ Во всяком случае, невероятно, чтобы графика в эту эпоху существовала только в форме наскальных изображений. Наскальные изображения, мне кажется, представляют только часть, только сохранившийся до нас осколок широко распространенного искусства, основная масса памятников которого погибла вследствие разложения материалов, на которых они были выполнены (дерево, кость, кожа и т. д.).

Среди наскальных изображений Онежского озера и Белого моря, на ряду с реалистическими, имеются и даже преобладают полуреалистические и схематизированные фигуры тех же сюжетов, но они являются позднейшими и производными от древних реалистических образов. Иногда и в схематизированных фигурах можно уловить отзвуки палеолитической традиции, по крайней мере в содержании таких фигур. Так, в группе наскальных изображений Карецкого Носа на Онежском озере нам удалось впервые открыть любопытную фигуру (рис. 12), без сомнения изображающую женщину с руками, поднятыми кверху в позе адорации, с расставленными ногами и с выпуклостями по бокам, которые, мне кажется, нельзя рассматривать иначе как подчеркнутое, утрированное изображение женских грудей. Странное, казалось бы, обстоятельство, что груди у этой женской фигуры изображены по бокам туловища, объясняется плоскостным характером нашего наскального искусства; объем грудей и их форма переданы приемом косой проекции на плоскость.

Если мы учтем эту неизбежную условность двухмерного искусства, то уже при первом взгляде на данную фигуру невольно обна-

¹ A. W. Brögger. Den arktiska stenalder i Norge, 1909, стр. 231; Eurasia Septentrionalis Antiqua, т. X, стр. 160.

² Д. Эдинг. Горбуновский торфяник. Мат. по изуч. Тагильского округа, вып. 3, полугом I, Тагил, 1929.

³ J. Ailio. Zwei Tierskulpturen; Eurasia Septentrionalis Antiqua, т. X, стр. 223.

⁴ В. А. Весновский. Камни-писанцы в Приуралье и Зауралье. Мат. по изуч. Камского Приуралья, вып. II, Пермь, 1930, стр. 13 сл.

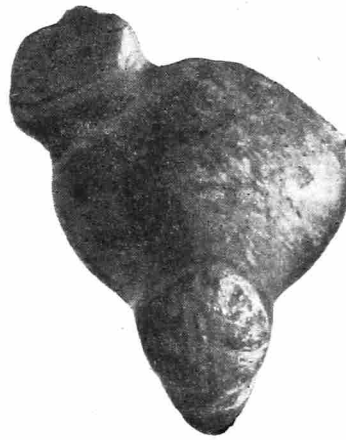
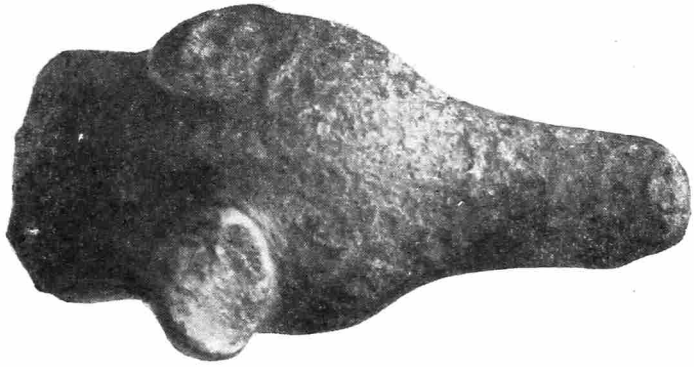

Рис. 9. Каменное скульптурное изображение головы животного из собрания Гос. Эрмитажа (н. в.).

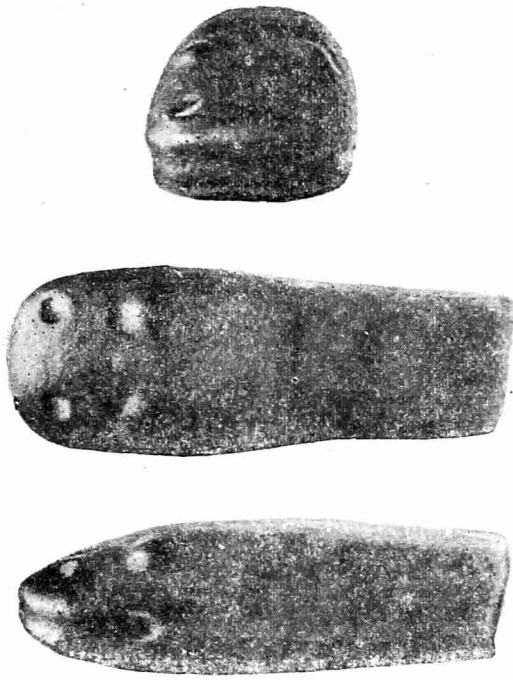

Рис. 10. Каменное скульптурное изображение головы рыбы из собрания Гос. Эрмитажа.

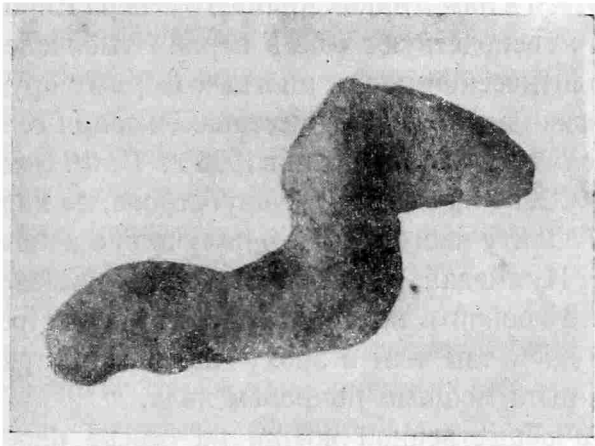

Рис. 11. Изображение животного (Вой-Наволоок).

Рис. 12. Изображение женщины (Карецкий Нос).

Рис. 13. Женская статуэтка из Костенок.

ружим в ней глубокое внутреннее сходство, по крайней мере по идее, со знаменитыми женскими статуэтками ориньяко-солютрейской эпохи с их реалистически переданными, подчеркнутыми признаками пола зрелой женщины-матери, пластическое изображение которых являлось главной задачей палеолитических художников-творцов этих широко распространенных скульптур. Даже поза адорации, т. е. поднятые кверху руки, известна на женских изображениях палеолита (Гагарино, Лоссель), и если мы возьмем одну из таких статуэток, напр., статуэтку из Костенок (рис. 13), и развернем ее в косо́й проекции на плоскость, то полу-

чим изображение, близкое к силуэтному изображению женщины, показанному на рис. 12. Что касается смысла женской фигуры из группы Карецкого Носа (не единственной среди онежских изображений), то при расшифровке этого образца полезно будет обратить внимание на некоторые женские изображения на шаманских бубнах у саамов, представляющие образы «матери рода» (Mader-akka) и «матери сотворения» (Sarakka).¹

Изображения, показанные на рис. 3—6 и 12, являются лишь некоторыми примерами, число которых можно умножить, с моей точки зрения, характеризующими стадиально древнейший по своему первоначальному происхождению слой наскальных изображений Онежского озера и Белого моря. Представляется очевидной связь таких изображений с палеолитическими образами, несмотря на то, что десятки тысяч лет разделяют эти памятники во времени. Однако такое сближение, такая голая констатация сходства только ставит перед нами вопросы, но отнюдь еще не дает даже намек на их разрешение. Можно было бы, конечно, для объяснения указанных мною фактов сослаться, как это обычно и делают, напр. в отношении материальной культуры и идеологии народов севера Евразии, на застойность и консервативность охотничье-рыболовецкого уклада жизни на севере, вследствие чего здесь очень долго сохраняются в прямой или пережиточной форме глубоко архаические черты и в быту и в мировоззрении. Такая архаичность, действительно, наблюдается в памятниках крайнего севера Европы, где каменные и костяные орудия господствуют еще в первом тысячелетии нашей эры и где памятники неолитической эпохи иногда содержат орудия еще палеолитических форм. Многие неолитические местонахождения севера Норвегии, Финляндии и, как показали исследования 1935 г. Б. Ф. Землякова и П. Н. Третьякова, у нас в СССР, на Рыбачьем полуострове, по характеру орудий приближаются к палеолиту настолько, что получили в западно-европейской литературе (Таннер, Нуммедаль) даже специальное наименование «арктический палеолит», хотя говорить по отношению к арктике о настоящем палеолите довольно трудно, так как в эпоху палеолита арктическая полоса Европы была закрыта мощным покровом льда.

Если архаические черты в общественной жизни на севере нередко переживают весьма продолжительное время, то опять-таки этот факт лишь ставит перед нами задачу, но вовсе не дает никакого ее решения, и простая ссылка на застойность и консервативность севера решительно ничего не объясняет и, конечно, не может нас удовлетворить.

Сходство древнейшего по своему происхождению слоя наскальных изображений Онежского озера и Белого моря с изображениями палеолитической эпохи мы можем объяснить, отправляясь от содержания тех и других образов, отправляясь от социальных корней их семантики, от тех форм первобытного мышления, о которых они нам сигнализируют. Можем ли мы

---

¹ J. A. Friis. *Lappisk Mythologie, eventyr og folkesagn*. Christiania, 1871, стр. 31.

раскрыть эту семантику, понять это содержание, восстановить эти формы мышления, представленного в образах изобразительного искусства? Мне кажется, что некоторые шаги в этом направлении мы можем сделать, несмотря на огромную сложность и трудность этой задачи, задачи проникновения в область первобытного мышления.

Со времени появления известной работы Соломона Рейнака «Искусство и магия» всеми авторитетами в области палеолита — и не только в ней одной — признана магическая функция палеолитических звериных фигур. Неолитические наскальные изображения северной Скандинавии, очень близкие к нашим изображениям, А. В. Брёггер, О. Альмгрен (O. Almgren) и др. точно так же считают неразрывно связанными с охотничьей магией, но уже неолитической эпохи.

Огромную по численности группу изображений оленей у Вингена в Норвегии (в ней насчитывается до 800 фигур) А. В. Брёггер ставит в связь с тем обстоятельством, что как раз в этом месте, представляющем крутые обрывы скал к морю, до самого XVIII в. практиковалась охота на оленей с помощью загона. А. В. Брёггер думает, что именно так охотились здесь еще в эпоху неолита, и что изображения оленей высекались на этих скалах с целью магическим способом умножить и привлечь сюда добычу охотников.¹

Эти мнения обосновываются и наблюдениями этнографов над социальной функцией изобразительного искусства у современных наиболее первобытных народов — австралийцев, бушменов и др. Очень много фактов говорит за правильность такого понимания ряда памятников первобытного, особенно реалистического, искусства, и, без сомнения, вполне правы были те исследователи, напр., А. М. Линевский, когда они подчеркивали магический характер наскальных изображений Онежского озера и Белого моря. Вероятно, и здесь фигуры животных высечены на скалах с магическими целями — для обеспечения удачливой охоты, для размножения полезных для человека видов. Многие изображения животных и птиц, особенно на Белом море, имеют на себе какие-то знаки, какие-то добавочные детали, которые, действительно, могут рассматриваться, на что указывал А. М. Линевский, как изображения орудий, наносящих раны животным или их убивающих (рис. 14). Имеются среди наших изображений и сцены борьбы человека с животными (рис. 15), допускающие аналогичное истолкование, хотя я лично склонен давать им истолкование совершенно иного рода. Вероятно, к магии плодородия, к магии размножения или воспроизводства охотничьей добычи имеют отношение многочисленные фаллические фигуры, из которых особенно замечательна главная фигура Бесовых Следков, окруженная многочисленными схематизированными изображениями животных и птиц.² С этой же точки зрения можно толковать изображения

¹ A. W. Brögger. Kulturgeschichte des norwegischen Altertums. Oslo, 1926, стр. 34.

² См. «Советская археология», 1936, № 1, стр. 47, рис. 18.

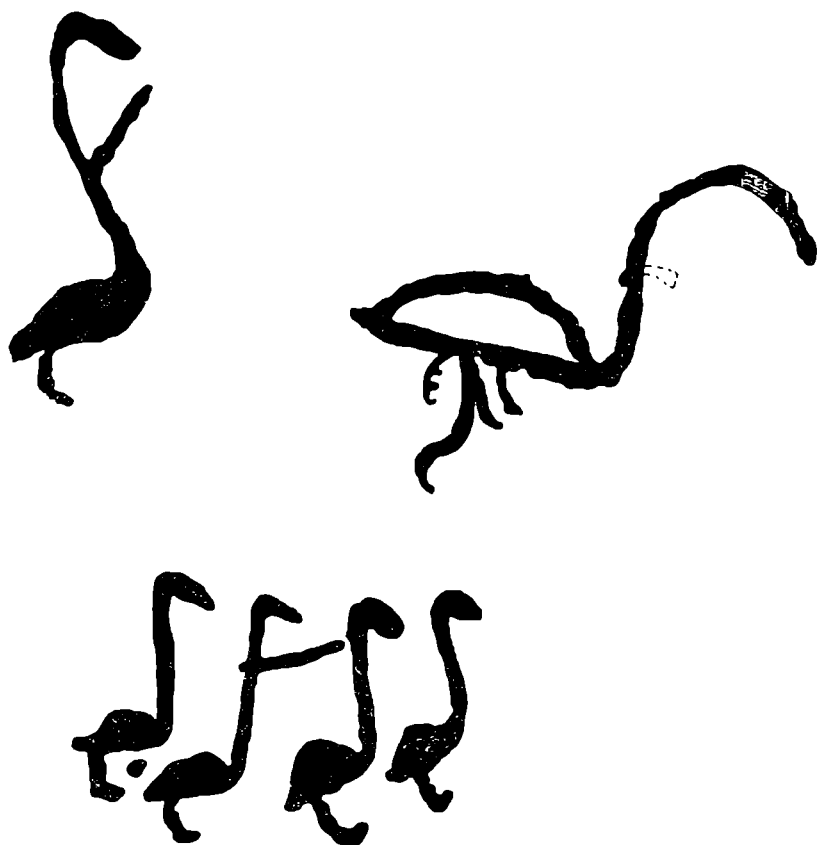

Рис. 14. Изображения с магическими знаками (Онежское озеро).

Рис. 15. Сцена борьбы человека со зверем (Бесов Нос, Западный мыс).

целых выводков птиц — гусей или уток — во главе с маткой, неоднократно повторяющихся на скалах Онежского озера (рис. 16).

Таким образом элементы охотничьей магии, элементы магического мышления бесспорно представлены в наскальных изображениях Онежского озера и Белого моря; но если бы мы успокоились на этом, в сущности, чрезвычайно общем и уже достаточно истертом положении, то вряд ли бы достигли серьезных успехов в конкретном решении стоящих перед нами проблем. Дело прежде всего в том, что элементы магии присущи в той или

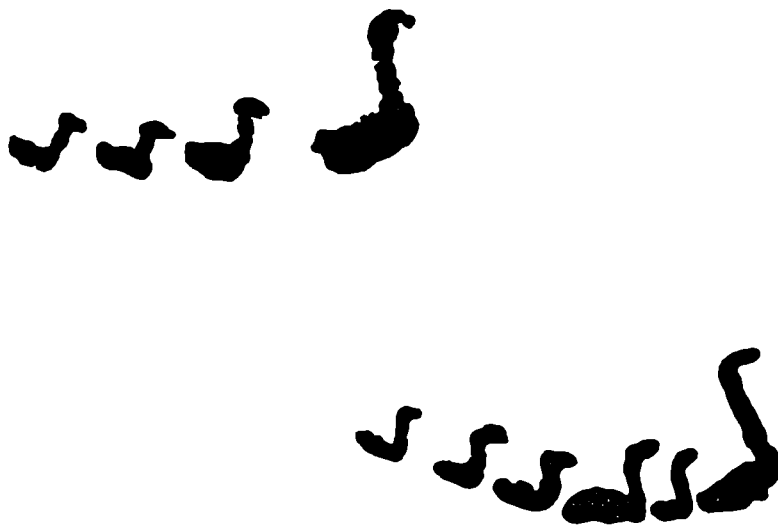

Рис. 16. Изображения выводков птиц (Пери-Нос).

иной мере всем первобытным верованиям, но степень и форма их проявления различны, в зависимости от характера этих верований, в зависимости от господствующих на данной стадии норм коллективного мышления, и суть нашей задачи заключается не в том, чтобы ограничиться при истолковании наскальных изображений голой ссылкой на магию «вообще», а попытаться раскрыть конкретные формы магического мышления интересующей нас эпохи.

Некоторые авторы утверждают, что некогда, в очень ранний период истории доклассового общества, существовало и чисто магическое мышление, когда не было культа, когда человек не поклонялся явлениям и силам окружающей его природы, а пытался господствовать или, вернее, воображал, что господствует над ними с помощью магических обрядов и заклинаний. Но если такая «чистая магия» и существовала когда либо, то вряд ли она в такой форме сохранилась до эпохи наших наскальных изображений, т. е. до неолитической эпохи. У современных, даже самых примитивных, народов мы, во всяком случае, нигде не наблюдаем магию в столь чистой форме; везде у них магические представления значительно осложнены представле-

ниями, напр., тотемического или даже космического порядка, сочетаются с мифологией и т. п. Ф. Гребнер (F. Gräbner) в своей книге «Мировоззрение примитивных народов» приводит множество фактов, характеризующих значительную сложность даже самого примитивного магического мышления (тасманийцы, австралийцы, бушмены).¹

И наши наскальные изображения, даже только изображения животных, имеют, мне кажется, значительно более сложное содержание, чем это кажется А. В. Брёггеру, объясняющему аналогичные звериные изображения Скандинавии простой охотничьей магией. Если бы мы имели здесь дело исключительно или даже преимущественно с охотничьей магией, то среди изображений животных доминировали бы как раз виды, имеющие наиболее важное значение в хозяйстве человека; а между тем этого мы не наблюдаем. Известно, напр., что в хозяйстве эпохи неолита с ямочно-гребенчатой керамикой важную роль играло рыболовство; а между тем изображения рыб очень редки, по крайней мере на Онежском озере; на 500 с лишком изображений здесь имеется всего четыре изображения рыб, из которых по крайней мере одно мне кажется очень поздним. Наоборот, животные или птицы, не имевшие особого значения в хозяйстве, изображались часто. Лучший пример — изображения лебедей, по численности превышающие изображения всех остальных видов птиц, в то время как вряд ли лебедь мог иметь сколько-нибудь важное или тем более доминирующее хозяйственное значение. То же самое следует сказать относительно изображений змей, ящериц или, может быть, лягушек, изображений хотя и малочисленных, но, без сомнения, к хозяйству неолитического человека никакого отношения не имеющих.

Таким образом даже одни только изображения животных, птиц и рыб среди наших памятников заставляют усомниться в их чисто-магическом назначении, заставляют признать за ними более сложную семантику. В чем же эта более сложная семантика заключалась? Имеются очень серьезные основания полагать, что здесь мы имеем дело с образами и представлениями тотемического порядка, порожденными общественным мышлением еще матриархально-родовой эпохи. Перед нами в довольно яркой и, мне кажется, убедительной форме здесь выступают следы тотемизма, следы некоторых, присущих тотемизму, характерных особенностей мышления. Для наглядного доказательства этого положения я прежде всего ссылаюсь на несколько крайне любопытных изображений — частично впервые открытых в 1935 г., частично известных ранее, но впервые теперь мною расшифрованных.

Еще в 1934 г., я обратил внимание на фигуру (рис. 17), входящую в состав одной из групп изображений Пери-Носа и относимую к разряду так называемых непонятных изображений. Фигура передана довольно схематично, но если мы внимательно ее проанализируем, то откроем весьма любопытные детали (рис. 18). Нижняя часть фигуры изображает челове-

¹ F. Gräbner. Das Weltbild der primitiven Völker. München, 1924, стр. 14.

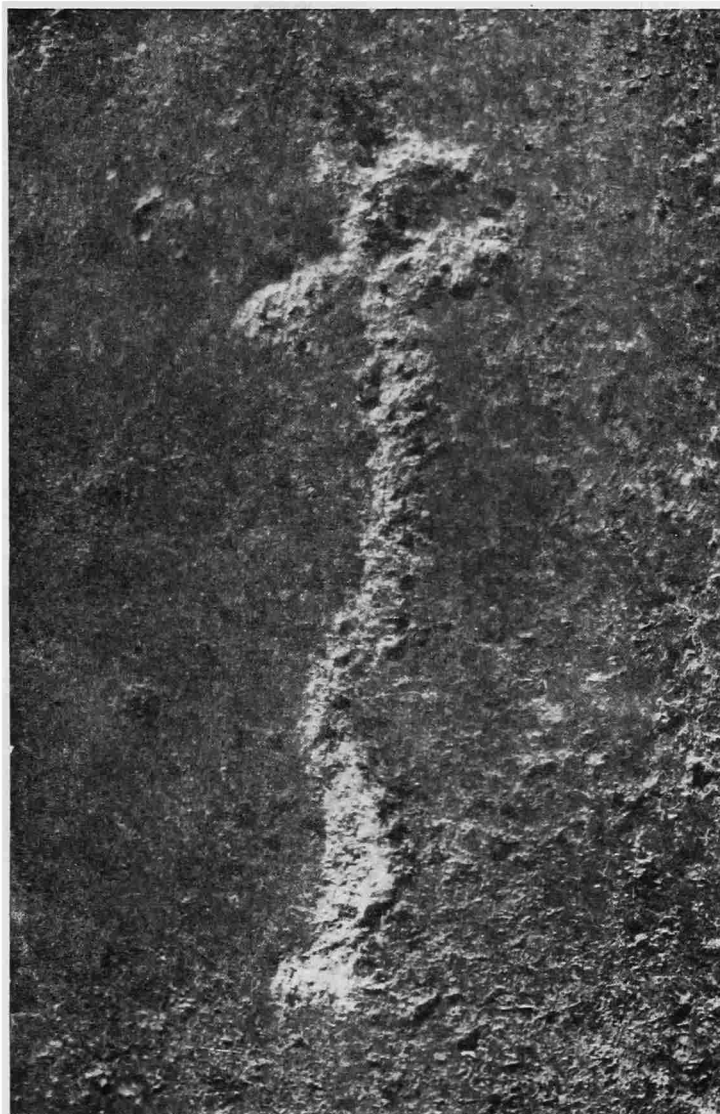

Рис. 17. Человеческая фигура с головой животного
(Пери-Нос).

ческую ногу. Чтобы в этом убедиться, достаточно сопоставить эту часть с соответствующими частями изображений человеческих фигур в профиль, напр., фигуры из той же группы Пери-Носа или любой другой фигуры. Итак, нижняя часть фигуры бесспорно изображает ногу человека, между тем верхняя часть представляет голову рогатого животного, оленя или лося, в чем можно убедиться с помощью подобных же сопоставлений этой части с головами рогатых животных, как они изображались на скалах Онежского озера. Таким образом в итоге нашего анализа мы убеждаемся, что перед нами комбинированный образ — голова животного, а ноги и, очевидно, туловище — человека.

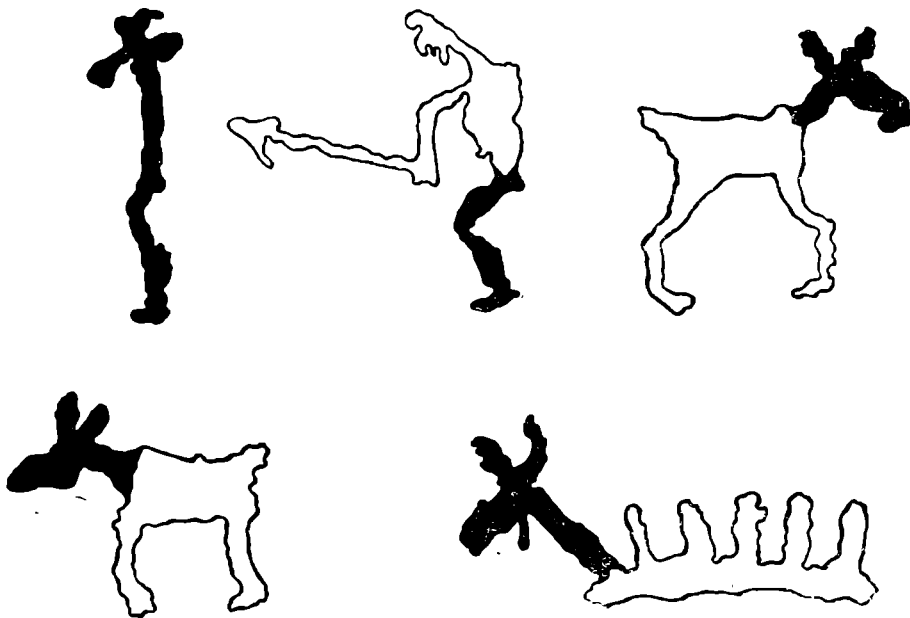

Рис. 18. Получеловеческое — полужверинное изображение в сопоставлении с изображениями животных и людей (Онежское озеро).

Это изображение не есть дело случая; оно не единично; оно многократно повторяется на скалах Онежского озера. Таковы два аналогичных изображения с Карецкого Носа, впервые нами открытые; таково же изображение с центрального мыса Пери-Носа, более сложное, очень динамическое изображение, повидимому, того же порядка с Бесова Носа, опубликованное, но не понятое Беркиттом (рис. 19). Одна фигура с Карецкого Носа по меньшей мере допускает такое же истолкование; в ней мы видим туловище животного и, повидимому, ногу человека (рис. 20). Любопытно изображение человека с длинным хвостом и, вероятно, мордой зверя (Пери-Нос, рис. 21). Соседнее с ним фаллическое изображение человека с разветвляющейся линией на голове поддается истолкованию в качестве комбинированного образа: человек-дерево (рис. 21).

Что означают эти странные фигуры, некоторое подобие которых по идее (т. е. по идее сочетания человеческих и звериных форм в одном образе) можно указать среди скульптурных фигур неолита (рис. 22), именно —

резную из кости фигуру человека с длинной ногой, заканчивающейся копытом лося (из раскопок М. Фосс в местности Кубенино), глиняные фигуры людей со звериными и птичьими головами из неолитической стоянки Иболе на одном из Аландских островов и др.¹ И опять нам невольно придется сделать дальний экскурс в область палеолитических образов. Ведь как раз в палеолитическом искусстве мы впервые встречаем в довольно значительном числе аналогичные, если не по форме, то по крайней мере по содержанию, фигуры, так называемые фигуры людей в звериных масках. Напомню о знаменитой фигуре колдуна и человека в шкуре бизона из «Пещеры трех братьев», широко известно о фигурах из Абри Меж, Комбарелль, Альтамира, Истурец и т. д. (рис. 23). Всего в настоящее время известно несколько десятков, не менее 40, таких палеолитических изображений, относящихся к эпохе мадлена. Общий обзор их недавно сделал Б. Л. Богаевский.² Осенью 1935 г. в восточной Испании (Кастилия, местонахождение Мола Ремигиа) были открыты еще два аналогичных рисунка,³ из которых один, изображающий человека с головой быка, воспроизведен на нашем рис. 23, а.

Несмотря на частные и стилистические различия, всем этим фигурам свойственна одна общая характерная особенность: в них ноги и туловище человека сочетаются со звериной головой совершенно так же, как мыг это наблюдали на аналогичных, хотя и значительно более схематизированных фигурах из Онежской группы наскальных изображений нашего Севера.

Палеолитические комбинированные образы многократно подвергались различному истолкованию. Оставляя в стороне явно несостоятельные взгляды (напр., Деонна считал фигуры этого рода плодом технического неумения первобытных художников, привыкших рисовать животных и будто невольно переносивших поэтому звериные черты на человеческие изображения; Люке точно так же полагал, что мы имеем в этих фигурах не комбинированные, а чисто человеческие образы с плохо изображенными головами, а Гами считал их карикатурами и т. д.), остановимся на одной, уже знакомой нам, господствующей точке зрения авторов, выводящих эти фигуры из чисто магических представлений (Брейль, Бегуэн, Картальяк, Капитан, Кюн и др.). Согласно этой точке зрения, полузвериные-получеловеческие фигуры изображают замаскированных под животных людей в момент магического танца, исполняемого, согласно нормам имитативной магии, с подражанием движениям животных с целью усилить размножение животных и обеспечить наибольшую удачу охотничьих предприятий. В СССР эту точку зрения защищает Б. Л. Богаевский, который в своей работе об изображении «колдуна» в «Пещере трех братьев» приходит к основному выводу, что уменьшение животных — запасов дичи, вследствие ее истре-

¹ В. Cederhvarf. Neolitiska Cerfiguren fran Aland. SMYA, XXVI, 1912. стр. 307 сл.

² Б. Л. Богаевский. О значении изображения «колдуна». Советская этнография, 1934 г., № 4.

³ Н. Obermaier. Neue diluviale Felsmalereien in der Provinz Castellon. Forschungen und Fortschritte, №№ 935, 33.

Рис. 19. Изображения полулюдей-полуживотных.

Рис. 22. Фигурка человека с ногой лося из Кубенино. Кость. Раскопки М. Фосс.

Рис. 20. Изображение зверя повидимому с человеческой ногой (Карецкий Нос).

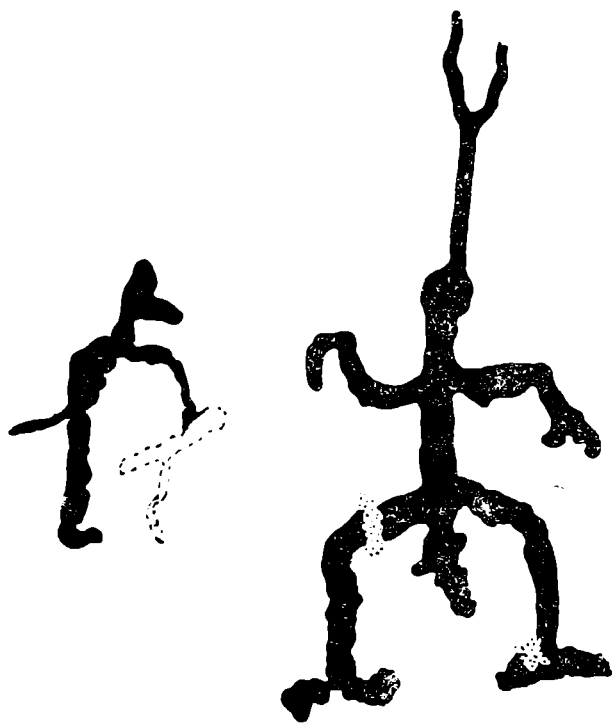

Рис. 21. Изображения человека с хвостом и человека с разветвляющейся линией на голове (Пери-Нос).

бления охотниками, привело к тяжелому положению или своего рода кризису в обществе эпохи мадлена. «Для воображаемого преодоления создавшегося положения, — пишет Б. Л. Богаевский, — были выработаны магические действия типа интичиумы, закрепленные в своеобразных образах мышления в виде соответствующих наскальных изображений (имеются в виду изображения людей в звериных масках. В. Р.), в том числе и образ «колдуна» из «Пещеры трех братьев». Таким образом я думаю, что изображение «колдуна» преследовало цель обеспечить воспроизводство промыслового зверя... Люди вырабатывали такие формы магии, с помощью которых они пытались восполнить перестающие хватать им запасы дичи».¹

В том же смысле высказывался О. Альмгрен. По его мнению, палеолитические фигуры людей в звериных масках ясно свидетельствуют о том, что «и западноевропейское население эпохи палеолита имело обыкновение исполнять мимические танцы, которые известны у многих примитивных народов (Naturvölkern) и которые имели целью посредством имитации животных влиять на их размножение и приобретать власть над ними».²

Слабое место этой точки зрения заключается в недостаточной конкретности, однобокости и чрезмерном универсализме, приводящих к тому, что в магии начинают усматривать универсальное средство и объяснение, в конце концов, едва ли не всех образов первобытного искусства. Очень содержательная теория магического мышления вследствие этого чрезвычайно упрощается и ей грозит опасность превратиться в ту самую «универсальную отмычку» какой-нибудь общей историко-философской теории (объясняющей все сразу, потому что она не объясняет ничего), наивысшая добродетель которой заключается в ее надисторичности».³

Вместо неполноценной «отмычки» мы должны найти полноценный ключ для расшифровки образов древнего искусства, а такой ключ заключается прежде всего в рассмотрении конкретных фактов первобытного мышления, в чем бы оно ни проявлялось — в искусстве, языке, фольклоре, мифологии и т. д.

Обычай маскировки людей под животных существует у многих народов в различном осмыслении и в своих пережиточных формах держится иногда очень долго. Так, обряд маскировки под оленя процветал еще в средние века в западной Европе (Испания, северная Италия, Франция, Англия), а в Дании (Зеландия) он существовал с любопытными особенностями до недавнего времени.⁴ Необходимо исследовать этот обычай в его различных формах и на разных ступенях общественного развития, чтобы избежать поспешных обобщений и чтобы чисто палеонтологическим путем выяснить

¹ Б. Л. Богаевский. О значении изображения «колдуна», стр. 71.

² O. Almgren. Nordische Felszeichnungen als religiöse Urkunden. Frankfurt am Main, 1934, стр. 250.

³ Маркс и Энгельс. Соч., т. XV, стр. 378.

⁴ I. Lindquist. Åringsriter i Bohuslän under Bronsåldern. Göteborgs och Bohusläns Forminnesförenings tidskrift, 1923.

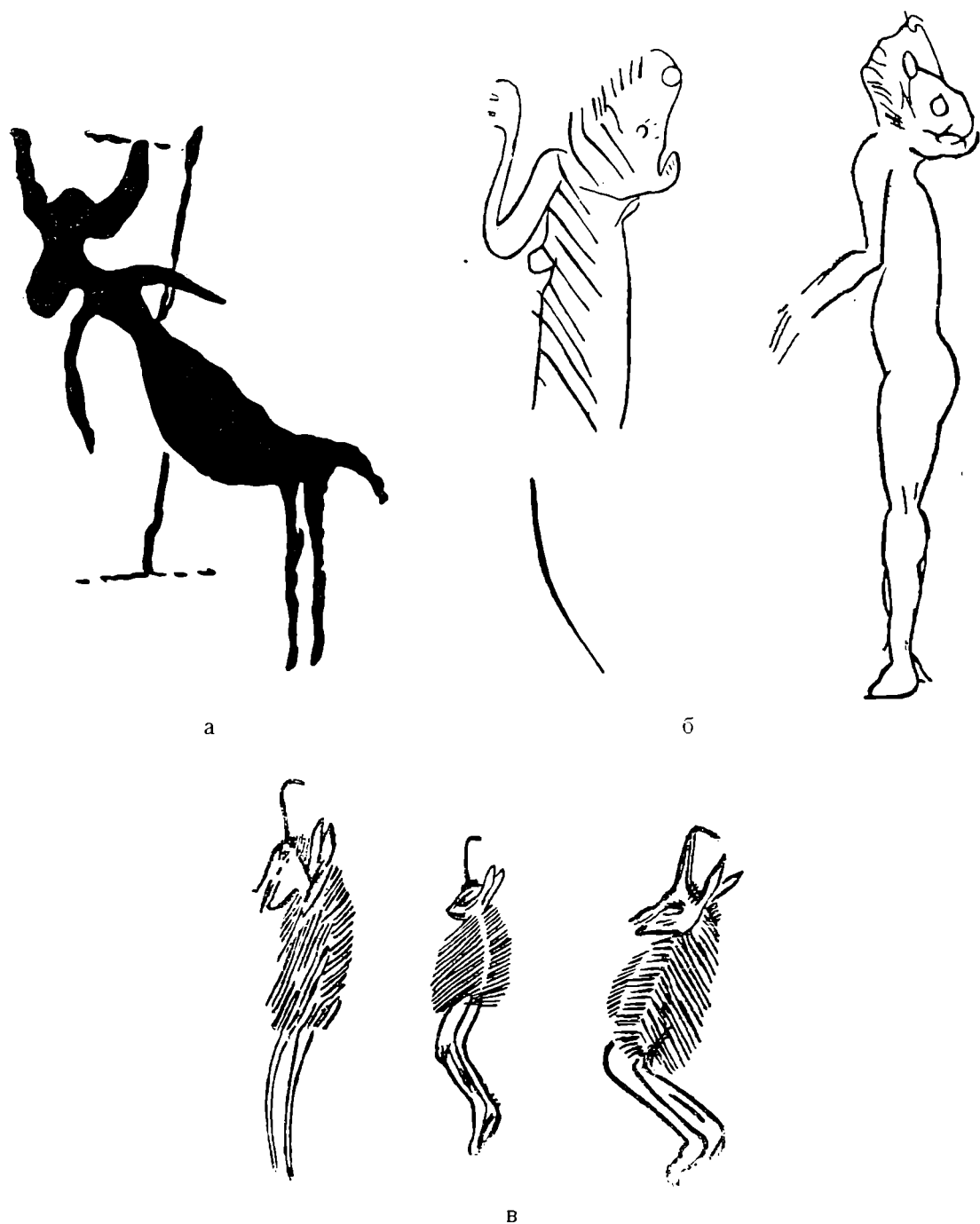

Рис. 23, а, б, в. Палеолитические изображения людей в звериных масках.

его настоящей генезис. При всей несомненной связи его с магией имеются очень серьезные основания, чтобы усомниться в его магическом происхождении и поставить вопрос, не является ли этот обряд даже в своей древней форме вторичным явлением, имеющим в своей основе представления, выходящие за пределы чисто охотничьей магии.

Далеко не все исследователи склонны видеть в получеловеческих-полузвериных изображениях эпохи палеолита изображения людей в звериных масках. Так, Обермайер истолковывает их как изображения «мифических существ» (Fabelwesen) или «демонов» (Dämonen) с получеловеческой-полузвериной природой.¹ Действительно, мало вероятно, чтобы человек изображал на стенах пещер самого себя в звериной маске, если такая маскировка имела единственной целью имитативную магию. С этой целью естественнее было бы изобразить само животное, а не имитирующую его фигуру человека, и уже над изображением животного производить магические обряды, что в полной мере исчерпывает требования имитативной магии. Если же полузвериные-получеловеческие фигуры эпохи палеолита первоначально являлись изображениями не замаскированных людей, а мифических существ, то, спрашивается, какой смысл могли иметь подобные существа в сознании палеолитического человека?

Многочисленные факты показывают, что образ мифического существа — получеловека-полуживотного — везде и всюду у первобытных народов своими истоками, своими корнями имеет не голую магию, а представления о тотемическом предке-родоначальнике. Тотем — животное или растение, согласно мышлению ранне родового общества, есть в то же время и человек, точно так же, как и каждый человек, член тотемического рода, есть одновременно животное или растение, наименование которого носит данная родовая группа. Тотем представляет как бы воплощение единства родовой группы, сливается с ней и замещает ее в сознании членов родового общества. Это чрезвычайно характерная черта мышления человека ранней родовой эпохи, и большой заслугой Леви-Брюля является то обстоятельство, что он выявил эту черту на множестве фактов и объяснил ее своим законом партиципации. Позволю себе привести выдержку из труда этого автора, содержание которой вплотную приведет нас к пониманию настоящего смысла изображения пляшущих людей в звериных масках.

«Прежде всего, самое существование социальных групп в его отношениях к существованию составляющих эти группы индивидов чаще всего представляется (и одновременно с этим ощущается) как общение, как сопричастие или, вернее, как комплекс общений и сопричастий. Эта черта более или менее четко обнаруживается во всех первобытных обществах, относительно которых мы имеем мало-мальски подробные и достойные доверия сведения. Это с достаточной полнотой выявлено в двух трудах Спенсера и Гиллена о племенах центральной Австралии. У арунта «каждый индивид является прямым перевоплощением предка из времен Алчеринга (мифического периода) или частицы духа какого-нибудь животного из времен Алчеринга... Тотем каждого человека рассматривается как нечто тождественное с этим человеком. С другой стороны, за каждой тотемической группой предполагается способность оказывать прямое влияние на большее или

---

¹ Prähistorische Zeitschrift, XIII—XIV.

меньшее изобилие растений или животных, имя которых носит данная тотемическая группа». Наконец, каждый тотем мистически связан с какой-нибудь местностью, с какой-нибудь частью пространства, границы которой точно очерчены и которая всегда заселена духами тотемических предков (local relationship).

Коллективное представление здесь совершенно сходно с тем, которое поразило фон-ден-Штейнана, когда бороро «холодно» сказали ему, что они — араара, или когда тумай заявили, что они — водяные животные. Каждый индивид есть в одно и то же время такой-то или такой-то мужчина, такая-то или такая-то женщина, живые в настоящий момент, такой-то или такой-то предок (человек или получеловек), живший в легендарные времена Алчеринга, но вместе с тем он также и своей собственной тотем, т. е. он мистически сопричастен сущности животного или растительного вида, имя которого он носит. Глагол «быть» (который, впрочем, отсутствует в большинстве языков низших обществ) не имеет здесь обычного смысла грамматической связи, как это мы видим в наших языках. Он, преимущественно, обозначает здесь нечто иное и большее. Он включает в себя коллективное представление и сознание переживаемой индивидами сопричастности, своего рода симбиоза, покоящегося на тождестве их сущности. Вот почему члены определенной тотемической группы считаются единственно способными выполнять церемонию «интихиума», которая имеет целью обеспечить правильное воспроизведение определенного вида животных и растений. Отсюда и происходят представления, церемонии, пляски (в масках и без них, с рисунком, в особых нарядах, с татуировкой), которые обнаруживаются среди стольких первобытных обществ и которые преследуют ту же самую цель — пляски бизона у североамериканских индейцев, пляски оленя у гуичолов Мексики, пляски змеи у зуни и у других индейцев-пуэбло и т. д.

У австралийских племен Спенсер и Гиллен уловили, так сказать, на месте не только значение церемоний интихиума, которое является одновременно мистическим и утилитарным, но и интимную связь между индивидом, его тотемической группой и тотемным (растительным или животным) видом, связь, которая не может быть выражена понятием как раз потому, что эта насквозь мистическая связь заключается в «партиципации», не укладывающейся в рамки логической мысли. «Можно было бы думать, что дело заключается в подражании телодвижениям некоторых животных. Однако эти церемонии имеют значительно более глубокий смысл, ибо каждое действующее в них лицо представляет индивидуального предка из периода Алчеринга... каждый рождающийся член племени появляется на свет в качестве перевоплощения неумирающей «частицы — духа» некоего получеловеческого предка: следовательно, родившись, каждый член племени необходимо должен носить имя животного или растения, превращением или потомком которого был предок из периода Алчеринга».

Таким образом церемонии и пляски имеют целью и следствием вновь оживлять и поддерживать путем нервного возбуждения и стимулирующего

опьянения (имеющих свои аналогии в более развитых обществах) общение, в котором сливаются живой индивид, предок, перевоплотившийся в нем, и растительный или животный вид, являющийся тотемом данной личности». ¹

Можно было бы умножить число приведенных Леви-Брюлем примеров, сославшись, напр., на работу Броуна об андаманцах, Риверса — об обществе меланезийцев, Вильямса — об орокаива и т. д., но в данной статье нет необходимости нагромождать аналогичные факты. Все такие факты с неоспоримой убедительностью показывают, что пляска людей в звериных масках вовсе не всегда есть чисто магический прием подражания движениям животных с целью вызвать колдовским способом желательные действия последних, но что замаскированные под животных люди обычно выступают как олицетворение тотема с его дуалистической — животной или растительной и в то же время человеческой — природой. Нельзя отрицать здесь магию, но магия выступает здесь конкретно в тотемической форме и сочетается с культом, с почитанием тотема. Субъектом этой магии является не человек, член общественной группы, а тотем или тотемический предок, наделенный чудесными свойствами, совершенно так же, как в пассивном строе речи не действующий человек является субъектом, а какая-то господствующая над ним сила, по мнению Н. Я. Марра тот же тотем, в руках которой действующий человек служит лишь орудием, что и подчеркивается косвенным падежом пассивного строя.

Было бы странно думать, что такой способ представлений, отраженный и в языке, и в образах, и в мифологии, не нашел своего отражения в искусстве родовой эпохи. И тот же Леви Брюль в своей книге «*L'âme primitive*» вполне последовательно, хотя и в терминах своего, неприемлемого для нас, учения о мистическом первобытном сознании, истолковывает получеловеческие-полузвериные образы искусства примитивных народов, исходя именно из тотемического мышления. «Животные имеют человеческие головы, — пишет Леви Брюль, — на человеческом туловище изображаются головы крокодила, льва, акулы, обезьяны, птицы; члены человеческого тела сочетаются с членами тела животных и т. д. Весьма привычное, как некогда и мы сами были привычны к представлениям сфинкса, химеры, кентавра, грифона, сирены и других фантастических существ, примитивное искусство, несмотря на его замечательные произведения, нам легко кажется противоестественным, но это иллюзия, которая тотчас же исчезнет, если мы поставим себя на место художника и тех, для кого он выполняет свои произведения. С их точки зрения эти смешанные (или разнородные — *mixtes*) существа несколько не являются чудовищными, но, напротив, совершенно обыкновенными, заурядными (*ordinaires et familiers*) объектами. Эти рисунки и эти скульптуры выражают в прямой форме сопричастие одного существа к двум природам или, более того, к двум формам... Антропоморфные скульптуры, которые кажутся нам плодом фантазии, порой совершенно безудержной,

¹ Леви-Брюль. Первобытное мышление. «Атеист», 1930, стр. 58—59.

являются большею частью верными изображениями традиционных представлений. Осмелюсь сказать без парадокса, что это искусство есть прежде всего искусство реалистическое. Оно стремится в точности воспроизвести свои оригиналы, которые существуют в общем сознании. С другой стороны, эти мифические получеловеческие и полуживотные существа, но в то же время сверхчеловеческие и сверхживотные предки и покровители социальных групп, являются наиболее богатыми источниками мистической силы, идея которой живет в первобытном сознании».

Я не вижу никаких оснований, которые могли бы воспрепятствовать объяснению палеолитических полуживотных-получеловеческих фигур на основе всех данных этнографии, лингвистики и фольклора. Эти фигуры, очевидно, первоначально изображали тотемических предков и лишь впоследствии — олицетворяющих их, замаскированных под тотемы, людей, на что мне уже приходилось указывать.¹ Целый ряд мадленских изображений (напр., изображение обряда поедания тотема на пластинке из Раймондена, изображение на пластинке из Пешпале и др.) свидетельствует о наличии тотемических представлений и обрядов в обществе верхнего палеолита.² И смысл получеловеческих-полуживотных фигур в связи с такими изображениями становится для нас вполне понятным. Социальный строй верхнепалеолитического общества был естественной основой для развития тотемических представлений и обрядов. Совершенно правильно указывал еще в 1926 г. Шетелиг на тотемическое значение палеолитических изображений животных и на связь их с родовой структурой общества, говоря, что «палеолитическое искусство, вероятно, изображало животных к качестве тотемов, как духов, покровительствующих племени или роду».³ В мнение Шетелига, однако, можно внести большую конкретизацию. Тотемизм есть идеологическое явление, зарождающееся и развивающееся в условиях материнского рода. В эпоху патриархата, когда культ предков по мужской линии и другие более сложные религиозные идеи вытесняют и переоформляют прежние представления, тотемизм может существовать лишь в пережиточной форме. Серьезные основания, на которые указывал П. П. Ефименко (оседлые жилища, наличие домашнего хозяйства, смысл женских статуэток и т. д.),⁴ заставляют полагать, что именно материнский род, возникший еще в ориньякскую эпоху, характеризует социальный строй общества охотников верхнего палеолита. Следовательно, объяснение ряда изображений этой эпохи, в том числе полуживотных-получеловеческих изображений, под углом зрения их тотемического значения, получает свое крепкое подтверждение и со стороны фактов, характеризующих материальный быт общества.

¹ В. И. Равдоникас. К вопросу о социологической периодизации палеолита. Изв. ГАИМК, т. IX, вып. 2, стр. 31.

² П. П. Ефименко. Дородовое общество. ОГИЗ, 1934, стр. 418 сл.

³ H. Schetelig. Préhistoire de la Norvège. Oslo, 1926, 56.

⁴ П. П. Ефименко. Значение женщины в ориньякскую эпоху. Изв. ГАИМК, т. XI, вып. 3—4.

Возвратимся теперь к получеловеческим-полузвериным фигурам, изображенным на скалах Онежского озера. Их сходство по содержанию с аналогичными палеолитическими фигурами заставляет поставить вопрос об их первоначальном тотемическом значении, а факты из области материальной культуры заставляют решить этот вопрос в положительном смысле. Охотничье-рыболовецкое общество лесной полосы восточной Европы в эпоху неолита с ямочно-гребенчатой керамикой, согласно новейшим исследованиям, долго еще сохраняло материнский родовой строй. По отношению к неолиту этого типа на территории Финляндии еще Айлио писал следующее: «Только предполагая семейную и племенную (tribal) организации, можно понять, например, группировку стоянок со сходным инвентарем находок, которые обнаруживаются в некоторых районах».¹ «Население Финляндии в эпоху каменного века имело общественную организацию определенной формы, — писал тот же исследователь в другом месте. — Уже весьма большое количество орудий труда, по сравнению с количеством собственно оружия, указывает на всеобщее мирное состояние и на организованную общественность. О разрозненных примитивных ордах не может быть и речи. Необходимо принять, что существовала развитая семейная организация, каковы бы ни были ее основы, и семьи были объединены в небольшие или более крупные племена или роды (Sippen)».²

Анализируя более новый материал, чем тот, над которым работал Айлио (раскопки С. Пэльси, в районах Рейсэле и Каукола, особенно в районе Риукъярви — Пиискунсальми, находки в Антреа, результаты исследования А. Европеуса по геологической хронологизации керамики и т. д.), и сопоставляя его с этнографическими данными, я имел возможность пойти дальше Айлио и сделать вывод, что родовое общество неолитической Финляндии имело матриархально-родовую структуру.³ Черты патриархального рода здесь отсутствуют. Мы не наблюдаем в соответствующих памятниках ни имущественного расслоения, ни характерного для патриархата культа предков по мужской линии, ни обострения отношений между племенами на почве борьбы за накопленное имущество, ни, наконец, признаков патриархального рабства. «Мирное существование», о котором говорит Айлио, типично как раз для эпохи матриархата. И разделение труда прослеживается здесь еще в самых начальных своих стадиях. Для общества неолитической Финляндии типичны не общественное разделение труда и меновая торговля, но замкнутое хозяйство на основе естественного разделения труда, характерного для материнской родовой организации.

¹ J. Ailio. Trouvailles de l'âge de la pierre. Journ. Soc. Finl. d'Archéologie, XXV: 2.

² J. Ailio. Die steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finland. Helsingfors, 1909, стр. 107—108.

³ В. И. Равдоникас. Неолитические памятники западного Приладожья в свете этнографии некоторых народов северо-восточной Азии. Печатается в сборн. ИААЭ «Памяти В. Г. Богораза» Акад. Наук СССР. Повторяю в настоящей статье текстуально некоторые выводы этой работы.

Некоторые из основных особенностей такого замкнутого, самодовлеющего первобытно-коммунистического хозяйства отчетливо выступают в комплексах остатков неолитических поселений, напр., района Риукъярви—Пиискунсальми. Общая схема топографии поселений соответствующих неолитических племен заключается в следующем. Зона заселения — обычно прибрежная полоса, так наз. зона рыболовного промысла. На этой полосе отдельные мелкие поселения расположены группами — по несколько поселений в непосредственном соседстве друг от друга. За пределами такой группы в обе стороны вдоль берега идет уже на более или менее значительном протяжении незаселенная полоса. Далее опять располагается новая группа поселений, за которой будут обязательно следовать, в свою очередь, незаселенные участки, и т. д.

О чем говорит эта схема? Она до чрезвычайности напоминает нам схему расселения охотничье-рыболовческих народов с родовой структурой социального строя. Род или семейная община всегда обладают принадлежащей им строго-фиксированной территорией, на которой никто, кроме членов данного рода или общины, не имеет права охотиться или ловить рыбу. Мы в праве считать поэтому каждую группу наших неолитических поселений поселениями одного рода или общины, а смежные с нею незаселенные участки — соответствующей, находящейся в коллективной собственности, родовой или общинной территорией. Перед нами, следовательно, конкретная форма родовой коллективной собственности неолитической эпохи на землю и рыболовческие угодья.

Ряд крупных хозяйственных предприятий ложился, конечно, на поселение всей родовой или общинной группы поселений в целом, как, напр., сезонная охота загоном, сооружение загородей и т. п. Но все же основной хозяйственной самодовлеющей единицей была та социальная ячейка, которая обитала в каждом отдельном поселении. Обратимся опять к схеме, которая передает нам социальную сущность таких поселений. В каждом из них имеется несколько небольших жилищ, 3—5 м в поперечнике, как летнего (шалаши), так и зимнего (землянки) типа. Кроме того, имеются остатки сооружений производственного назначения — мастерские для выработки орудий, гончарные мастерские, иногда и такие жилища, которые нельзя рассматривать иначе, как специальные общественные кухни для изготовления пищи.

Совершенно очевидно, что перед нами единый хозяйственный организм, и что сооружения производственного назначения обслуживали все население поселка. Мы имеем все основания сравнивать каждое такое поселение, несмотря на раздельность его мелких жилищ, с большим родовым или семейно-общинным домом, классическим образцом которого является длинный дом ирокезов. Если у ирокезов семейная община жила в одном большом доме, разделенном перегородками на ячейки для обитания парных семей, то у населения неолитической эпохи интересующей нас территории роль такого дома играло поселение в целом, а шалаши или землянки сооружались для парных семей. Теплый климат суббореального периода и недоста-

точно развитая строительная техника обусловили здесь именно такие конкретные формы жилья, социальная сущность которых от этого не меняется.

И точно так же, как и у ирокезов, здесь все свое домохозяйство вела не отдельная парная семья, обитавшая в шалаше или землянке, а вся совокупность таких семей, обитавших в целом поселении. В этом ключ к пониманию экономики всего вообще неолита с ямочно-гребенчатой керамикой. Это — экономика еще безусловно матриархального рода с общим домохозяйством семейных общин, с коллективным производством, с коллективной общеродовой собственностью на землю и воду.

Неолитическая Финляндия является лишь одной из областей распространения культуры ямочно-гребенчатой керамики. Огромное большинство памятников этой культуры находится на территории СССР от Балтийского моря до Урала и даже далее к востоку от Уральского хребта. Только теперь разворачивается изучение этих памятников, и добытые к настоящему времени результаты показывают, что экономика и социальный строй различных племен, населявших лесную полосу восточной Европы в эпоху неолита с ямочно-гребенчатой керамикой, очень близки к набросанной выше картине. Рыболовство и охота как ведущие формы производства, каменные орудия, варьирующие по своей форме в зависимости от характера местных пород камня, небольшие, хозяйственно-обособленные поселения, расположенные группами по берегам рек и озер в непосредственной близости от воды, жилища двух основных типов, — для зимы круглые или четырехугольные землянки и надземные легкие шалаша для лета, родовой строй, по всем данным матриархального типа, — вот основные черты социально-экономической жизни и культуры населения восточной Европы, оставившего нам неолит с ямочно-гребенчатой керамикой, поскольку можно восстановить эти черты по археологическим данным.¹

Но если материнский род, хотя бы и в своих поздних формах, существовал еще в эпоху неолита с ямочно-гребенчатой керамикой, то существование в эту эпоху тотемизма представляется явлением вполне естественным, так как тотемизм относится к идеологии именно материнского рода. Следовательно, наше истолкование получеловеческих-полузвериных фигур, изображенных на скалах Онежского озера, в качестве образов типично-тотемического (в исходном значении)² порядка, не есть произвольное истолкование, но об-

¹ См. П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. Изв. ГАИМК, вып. 106.

² Любопытно, что в мифологии и фольклоре саамов (лопарей) — народа, некогда, судя по некоторым историческим документам (напр., так наз. «Завещание Лазаря Муромского»), еще в XIV в. обитавшего, хотя бы и в порядке кочевания, и на побережье Онежского озера, — сохранились на ряду с почитанием животных, напр., медведей, довольно многочисленные предания о получеловеческих-полузвериных существах, напр., о полулюдях-полуоленях (Н. Харузин. Русские лопари. 1890, стр. 345), а также рассказы об оборотничестве, напр., о людях, превращающихся в оленей, медведей и т. д. Это, без сомнения, отголоски древних тотемических представлений, воплощенных и в наших наскальных изображениях.

основывается всей совокупностью данных о круге памятников, с которыми связано происхождение древнейших образов наскальных изображений Онежского озера и Белого моря. Эти фигуры особенно убедительны и особенно характерны. Но и изображения животных могли первоначально иметь отношение к тотемизму, что относится не только к наскальным изображениям, но также и к скульптурным фигурам из камня, кости и дерева, о которых говорилось выше и культовое или магическое назначение которых не отрицается почти ни одним исследователем.

Мы, следовательно, приходим к тому же выводу, идя с разных концов, изучая историю мышления с привлечением широкого круга вещественных памятников, и это не только укрепляет наше мнение, но и в высокой мере обогащает их содержанием, конкретизирует их. Теперь мы можем сказать, почему некоторые из неолитических наскальных изображений нашего севера по тематике, по стилю и, очевидно, в какой-то степени по смыслу так удивительно сходны с подобными изображениями палеолита. Зародившийся еще в ориньяке материнский род продолжал в развитой и, конечно, гораздо более сложной форме существовать и в неолите с ямочно-гребенчатой керамикой, притом на очень близкой к палеолиту охотничье-рыболовецкой производственной основе. Что же удивительного, если материнское родовое общество на всем протяжении своего существования сохраняет, хотя бы и в значительно осложненной форме, некоторые элементы свойственного ему общественного мышления, в данном случае — тотемических представлений, выраженных в образах изобразительного искусства?

С этой же точки зрения, мне кажется, следует подойти и к наскальным изображениям североскандинавского круга. Они относятся к так наз. арктическому неолиту Скандинавии, памятники которого, как я показал в другой работе, очень близкие, если не по форме, то по своему социальному смыслу, к памятникам неолита с ямочно-гребенчатой керамикой, принадлежали родовому обществу с экономикой, повидимому, также материнского рода. Тотемистические представления могли существовать в такой социально-экономической среде, и, без сомнения, сходство североскандинавских изображений с изображениями северо-запада СССР не может быть случайным явлением.

Такова древнейшая стадия или, лучше сказать, древнейшая традиция в искусстве наскальных изображений Онежского озера и Белого моря, генетически восходящая к палеолиту и по своей социальной сущности первоначально связанная с материнским родом. К ней относятся реалистические плоскостные изображения животных, птиц и рыб, получеловеческие-полузвериные фигуры или фигуры людей в звериных масках, женские фигуры с подчеркнутыми признаками пола и, может быть, некоторые другие изображения. В изображениях данной стадии запечатлелись тотемизм с вытекающими из него представлениями и с соответствующим культом, тотемическая охотничья магия, почитание материнского начала в обществе; очень вероятно, что творцы этих образов говорили на языке с пас-

сивным строем, хотя мы и не знаем этого языка. По терминологии Н. Я. Марра, здесь представлено тотемическое мышление на стадии еще звериного или растительного тотема.

Однако тотемизм и магия осложнились и вытеснились здесь новыми, позднейшими представлениями, отраженными в фигурах совершенно иного и по стилю и по содержанию рода. Но об этом будет идти речь в следующем очерке.

V. RAUDONIKAS

TRACES DE REPRÉSENTATIONS TOTÉMIQUES DANS LES GRAVURES RUPESTRES DU LAC ONÉGA ET DE LA MER BLANCHE

RÉSUMÉ

Les plus anciennes gravures rupestres du lac Onéga et de la mer Blanche (représentations réalistes de quadrupèdes, d'oiseaux et de poissons) sont génétiquement liées par leur style et leur sujet avec l'art paléolithique. Les traditions paléolithiques se font sentir dans les représentations d'êtres mi-humains mi-animaux, qui doivent être interprétés probablement comme des ancêtres totémiques du clan.

Ces gravures reflètent les conceptions magiques et totémiques de chasseurs. Les éléments de représentations totémiques n'ont rien de surprenant pour le milieu social où ont été créés les pétroglyphes d'Onéga et de la mer Blanche. La culture matérielle néolithique avec céramique «à peigne et fossettes» (Kammkeramik) caractérise la société de cette époque comme une société de clan matrilinéaire avec prédominance de la chasse et de la pêche. Il est indubitable que les représentations totémiques devaient exister dans ce milieu social et économique. Mais ici le totémisme et la magie étaient refoulés et compliqués par de nouvelles représentations qui se reflétaient dans des figures tout autres par leur style et leur sujet, ce qui fera l'objet de l'étude suivante de l'auteur.

А. В. ЗБРУЕВА

К ВОПРОСУ О ПОЯВЛЕНИИ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ В ПРИКАМЬЕ

Прикамье — большой район в северо-восточной части Европы, орошаемый р. Камой и ее притоками — Вяткой, Чусовой и Белой с массой вливающихся в них речек. Весь этот район представляет собою предгорья западного склона средней части Уральского хребта. С севера его границей служат высоты водораздела между бассейнами Камы и Северной Двины, с востока — основной массив Урала, с запада — бассейн р. Ветлуги и с юга Куйбышевский край и степи Башкирской ССР.

Северная часть Прикамья лежит в области хвойных лесов, южная — занимает промежуточное положение между нею и степными пространствами, находящимися на широте Средней Волги. В настоящее время к северу от Волги, примерно от параллели г. Казани, тянутся сплошные леса, растущие на подзолистой почве; в южной части они состоят из смешанного леса. Полоса между лесом и степью — не больше 180—200 км. Языки леса, заходящие в степь, и языки степи, проникающие в лесные массивы, еще более сближают эти две области. В настоящее время эта полоса занята чернолесьем, среди которого находятся довольно значительные пространства степной растительности. Обычно эту промежуточную зону называют «лесостепью». Основной почвой лесостепи и лиственных лесов является деградированный чернозем.

Согласно исследованиям Танфильева, по всей окраине чернозема, там, где в настоящее время лежит лесостепь, в суббореальный период тянулись степи. Доказательством этому служит то, что в зоне лесостепи под лесом находится чернозем, деградированный под влиянием почвообразовательных процессов, свойственных лесной зоне. Коржинский, определяя границы черноземностепной области восточной полосы Европейской России, отмечает оазисы степной растительности в северной части б. Казанской губ., среди лесных пространств. На основании работ Танфильева, Коржинского и др. можно сделать вывод, что в известную историческую эпоху степи заходили гораздо дальше на север, чем в настоящее время. Они доходили до Волги в северной Чувашии и проникали за Каму в низовьях реки, распространяясь по р. Вятке, примерно, до г. Малмыжа, так что северная

граница их примыкала к границе сплошного леса, где преобладают хвойные деревья. Следовательно, зона лесостепи лежала еще дальше на север. Эпоха максимального распространения степей в суббореальный период, когда климат был теплее и суше, сменилась, в связи с изменением климата и увеличением влажности, эпохой наступления леса на степь. По мнению А. В. Шмидта, этот процесс особенно интенсивно развертывался в первом тысячелетии до н. э., т. е., примерно, в ананьинскую эпоху.¹

Начало приручения диких животных обычно приурочивают к эпохе неолита, и первым домашним животным считают собаку. На территории Европейской части СССР кости домашней собаки были найдены в слое с культурными остатками следующих неолитических стоянок: 1) побережья Ладожского озера (*Canis fam. Inostranzevi* и *Canis fam. palustris* по определению Д. Н. Анучина) — 14—15 экз.; 2) Волосовской (родственная *Canis fam. palustris ladogensis* по определению Д. Н. Анучина) — 3 экз.; 3) стоянки Веретье на озере Лаче (*Canis fam. palustris* по определению В. Е. Кошелева) — около 3 экз. и 4) Языковской стоянки Калининской обл. (*Canis fam.* по определению В. И. Громовой) — 5 костей. Повидимому, к неолитическому слою Владычинской стоянки также относятся кости домашней собаки. Наконец, во втором слое Бологовской стоянки, относящемся по мнению А. А. Спицына к эпохе неолита, также найдены кости домашней собаки — *Canis fam. ladogensis Apucin*.

Наши сведения о костях животных, найденных в слое с культурными остатками мест поселения и могильников эпохи неолита, чрезвычайно скудны. Многие из дореволюционных исследователей не обращали должного внимания на этот вид находок. Исключение представляют Д. Н. Анучин и В. А. Городцов. Д. Н. Анучин специально занимался вопросами происхождения домашних животных и на VI археологическом съезде обращался ко всем лицам, производившим археологические раскопки, с просьбой присылать к нему для изучения кости животных, найденных в культурном слое. Ему принадлежат известные исследования о домашней собаке и лошади, а также реферат на том же съезде «К древнейшей истории домашних животных в России». Работы В. А. Городцова служат основным источником для изучения вопроса о скотоводстве в РСФСР в эпоху бронзы.

Начиная с эпохи неолита, мы имеем на территории Европейской части СССР лишь несколько древних стоянок, при раскопках которых были взяты и изучены кости животных. Стоянки эти следующие.

1. Ладожская стоянка или, вернее, группа стоянок на побережье Ладожского озера. Раскопки проф. Иностранцева.²

При прорытии Сясьского канала на берегу Ладожского озера в слое с культурными остатками были найдены кости следующих животных:

¹ А. В. Шмидт. Очерки по истории северо-востока Европы эпохи родового общества. Сборн. «Из истории родового общества на территории СССР». Изв. ГАИМК, 1934, вып. 106.

² Проф. Иностранцев. Доисторический человек побережья Ладожского озера. СПб., 1882.

домашней собаки (14—15 неделимых) и диких — тюленя (20 нед.), лося (10 нед.), кабана (8 нед.), бобра (6 нед.), сев. оленя (5 нед.), медведя (3 взрослых и 1 молодой), косули (1 нед.), водяной крысы (1 нед.), хорька (1 нед.), выдры (2 нед.), куницы (1 нед.), лисицы (1 нед.), волка (2 нед.), соболя (5 нед.) беляка (3 нед.), тура (*Bos primigenius* — 1 нед.) и плосколобого быка (*Bos latifrons* — 2 нед.). Повидимому, тур (*Bos primigenius* — 1 нед.) и плосколобый бык (*Bos latifrons* — не меньше 2 экз.) служили объектами охоты древних обитателей берега Ладожского озера.

2. Волосовская стоянка на Оке около Мурома (раскопки Кудрявцева и Полякова).

Из домашних животных существовала собака, которую проф. Анучин считает родственною *Canis fam. palustris ladogensis* (раскопки Кудрявцева 1884 г.), из диких, согласно определению И. С. Полякова, следующие: бобр, кабан, первобытный бык (*Bos latifrons*), лось, северный олень, медведь, барсук, волк, куница, заяц, водяная крыса. «Кости всех этих животных, — пишет И. С. Поляков, — были найдены нами или при раскопках в могилах, или в почве, вместе с каменными орудиями». Относя найденный материал к позднему неолитическому периоду каменного века, И. С. Поляков считал, что в то время «густые, не тронутые рукою человека леса были заселены дикими первобытными плосколобыми быками (*Bos latifrons*), близко напоминавшими тех быков-туров, которые были известны древним славянам».¹

3. Льяловская стоянка Московской обл. (раскопки Б. С. Жукова 1923 г.).

По определению М. В. Павловой при раскопках Льяловской стоянки были найдены кости исключительно диких животных: лося, благородного оленя (*Cervus elaphus*), кабана, бобра, барсука.²

4. Федоровская стоянка в районе г. Костромы (Ивановская Промышленная область) (раскопки Брюсова, Збруевой, Фосс 1925 г.).

Костные остатки, найденные при раскопках стоянки, настолько мелки, что не позволяют определить видов животных.³

Что касается находки В. И. Смирновым после раскопок 1925 г. остатков домашнего быка, то она представляется сомнительной. В. И. Громова в работе «Тур и древнейшая история быка в СССР»⁴ считает, что мнение некоторых археологов относительно того, что кости домашнего быка принадлежат к древнему слою Федоровской стоянки, основано на недоразумении.

5. Стоянка Веретье на озере Лаче (раскопки М. Е. Фосс 1930 г.).

¹ И. С. Поляков. Исследования по каменному веку в Олонецкой губ., в долине Оки и на верховьях Волги. Зап. имп. Геогр. об-ва, т. IX, СПб., 1882.

² Б. С. Жуков. Неолитическая стоянка близ с. Льялова Моск. уезда. Тр. АИ, вып. 1.

³ А. Я. Брюсов. Федоровская стоянка. ТСА, II, 1928.

⁴ «Природа», 1930, № 7—8, изд. АН СССР.

Согласно определению Кошелева, древнее население стоянки имело домашнюю собаку (*Canis fam. palustris*). Найдено 96 костей от 3 экземпляров. Из диких животных найдены кости лося (273 кости, принадлежащих не менее чем 77 экземплярам), бобра (226 костей — не менее 23 нед., из них небольшой процент молодых), северного оленя (20 костей от 2 нед.), куницы (8 нижних челюстей). В. Е. Кошелев считал разнообразие костей скелета лося и бобра признаком того, что туши зверей приносились целиком и свежались только на стоянке. Длинные трубчатые кости лося и фаланги расколоты, имеют характерное округлое отверстие в передней поверхности. Современные промышленники севера свежуют убитых бобров в лесу, унося с собою шкуру с черепом и костями конечностей.

6. Коломцовская стоянка на берегу озера Ильмень близ Новгорода дает костные остатки лося, зубра (*Bos latifrons*), кабана, лошади(?), медведя, лисицы, куницы, соболя, бобра и выдры. Список животных взят из работ В. А. Городцова «Каменный период» (Археология, I, М., 1923).

7. Владычинская стоянка (Спас-Клепиковского района, Московской обл., раскопки О. Н. Бадера 1926—1928 гг.).

Костный материал из раскопок Владычинской стоянки, к сожалению, не может быть использован для настоящей работы, так как определение костей животных было сделано Сладкевичем для всех горизонтов культурного слоя вместе, тогда как по словам О. Н. Бадера лишь нижний горизонт относится ко времени неолита, верхний же содержит остатки керамики с текстильными отпечатками, так наз. «сетчатую», которая может относиться ко времени позднего металла.

Здесь, среди костей диких животных — лося, медведя, лисицы, бобра, оленя, хорька, кабана, куницы, барсука, зайца, волка — встречаются кости домашней собаки, лошади, быка (*Bos tauros*), причем кости лошади и быка Сладкевич считает сомнительными в виду малого количества и плохой сохранности.

8. Бологовская стоянка (раскопки Путятин в 80-х годах прошлого века).¹

Во втором слое, который А. А. Спицын относил к неолитической эпохе, найдены кости следующих животных: 1) быка (*Bos primigenius gasse* и *Bos brachyceros Rütim.* — бык торфяниковый), кабана (*Sus scrofa europaeus palustris*), бобра, выдры, куницы, белки, зайца, медведя, водяной крысы, полевой мыши и полчка, наконец, домашней собаки (*Canis fam. ladogensis Anus'ın* и *Can. fam. Inostranzevi*).

9. Языковская стоянка. Во время раскопок Языковской стоянки Калининской области, произведенных экспедицией Антропологического института в 1928—1930 гг., были найдены кости следующих животных: бобра — 767 костей, лося — 377 костей, северного оленя — 26 костей, кабана —

¹ А. А. Спицын. Бологовская стоянка каменного века. Зап. Отд. русск. и слав. арх., т. V, вып. I.

25 костей, медведя 95 костей, куницы — 58 костей и домашней собаки — 5 костей (табл. 1). Определение костей животных сделано В. И. Громовой.

В слое с культурными остатками Балахнинских стоянок Горьковского края кости животных не сохранились.

Если мы рассмотрим результаты определения специалистами костей животных из раскопок вышеперечисленных стоянок, сразу бросится в глаза почти полное отсутствие костей дикой лошади и быка среди костных остатков животных, на которых охотился человек лесной полосы северо-восточной Европы в эпоху неолита. Трудно представить, что по каким-либо причинам именно на этих животных люди не охотились; вернее думать, что эти животные отсутствовали или почти отсутствовали в эту эпоху в лесной зоне Европейской части СССР. Повидимому, главным охотничьим животным этой эпохи был лось, затем медведь, олень, бобр и др. Следует отметить, что чрезвычайно трудно делать вывод о преимущественном значении того или иного охотничьего животного на основании тех данных, которыми мы располагаем: прежде всего не всегда имеются указания относительно числа экземпляров того или другого животного среди костных остатков каждого данного памятника. Получается трудно сравнимый и разноценный материал. Тем не менее, сводка приведенных выше данных, а также изучение большого числа костей животных из археологических раскопок, хранящихся в целом ряде музеев СССР, позволили В. И. Громовой отметить: 1) «более позднее появление домашних животных, в частности быка, у нас, чем на западе, откуда мы, повидимому, получили это ценное культурное приобретение (в то время как на западе у обитателей швейцарских свайных построек был в обиходе мелкий торфяной бык за 3000—2000 лет до н. э., в лесной полосе восточной Европы жители, повидимому, не знали еще никаких домашних животных); 2) домашний бык нашей лесной полосы был так же, как и там, мелким и короткорогим животным (очень вероятно типа *brachyceros*)».¹

В той же работе В. И. Громова указывает, что на юге восточной Европы домашний бык появился гораздо раньше (примерно на полтысячелетия), чем на севере и притом в виде другой, более крупной, породы. Карта, приложенная к этой работе, наглядно иллюстрирует распространение *Bos primigenius* — родоначальника современного домашнего быка.

Д. Н. Анучин в работе «К вопросу о диких лошадях и об их приручении в России» пишет следующее: «Археологические раскопки показывают, что лошадь, игравшая важную роль в качестве охотничьего животного в палеолитический период, утрачивает это значение в неолитическую эпоху, и главным объектами охоты являются с этого времени благородный олень, лось, кабан, медведь, дикий бык, но не лошадь».

Характеризуя лесную фауну Волго-Камья, А. В. Шмидт считает возможным, что в эпоху родового общества и степного ландшафта здесь

---

¹ В. И. Громова. Тур и древнейшая история быка в СССР. «Природа», 1930, № 7—8, изд. АН СССР.

Фауна из раскопок мест по

Наименование мест поселения	Домашние животные			Д и к и е					
	собака	Bos primigenius	Bos latifrons	северный олень	благородн. олень	лось	бобр	медведь	кабан
1. Ладожские стоянки .	14—15 экз. двух пород	1 экз.	2 экз.	5 экз.		10 экз.	6 экз.	4 экз.	8 экз.
2. Волосовская стоянка	1 экз.		+	+		+	+	+	+
3. Льяловская стоянка .					+	+	+		+
4. Стоянка Веретье . . .	3 экз. 96 кост.			2 экз. 20 кост.		77 экз. 273 кост.	23 экз. 226 кост.		
5. Владычинская стоянка	+			+ ?		+	+	+	+
6. Бологовская стоянка (неолит. слой)	+	+					+	+	+
7. Языковская стоянка .				26 кост.		377 кост.	767 кост.	95 кост.	25 кост.

водились и дикие быки и дикие лошади.¹ Основанием для такого предположения явилась, во-первых, та же работа В. И. Громовой, где указано одно местонахождение ископаемых костей тура в Волго-Камье и, во-вторых, то обстоятельство, что кости тура и лошади четвертичного возраста были известны в крае (напр. у Ундор).

Подводя итоги, можно сказать следующее: 1) в неолитическую эпоху человек, живший в лесной полосе восточной Европы, имел только одно домашнее животное — собаку — двух пород, более крупной и более мелкой. Остальные домашние животные — лошадь, крупный и мелкий рогатый скот, свинья — были приручены позднее; 2) приручение лошади, крупного и мелкого рогатого скота, повидимому, произошло вне лесной полосы Европейской части СССР, так как в эпоху неолита мы почти не имеем на этой территории костных остатков диких лошадей, быков и мелкого рогатого скота. При этом особенно важны данные из раскопок торфяных стоянок — Веретье и Языковской.

Необходимо отметить также следующее: 1) сравнительно небольшое количество экземпляров домашней собаки, что вместе с фактом находки

¹ А. В. Шмидт. Очерки по истории северо-востока Европы в эпоху родового общества. Сборн. «Из истории родового общества на территории СССР». Изв. ГАИМК, 1934, в. 106.

Я человека эпохи неолита

Таблица 1

Ж и в о т н ы е												
лисица	заяц	куница	соболь	барсук	выдра	хорек	белка	косуля	вод. крыса	мышь	полчок	толень
1 экз.	3 экз.	1 экз.	5 экз.		2 экз.	1 экз.		1 экз.	1 экз.			20 экз.
	+	+		+					+			
		8 нижн. чел.		+		+						
+	+	+		+					+	+	+	
	1 кость	58 кость	93 кости		34 кости	1 кость						

целого скелета исключает вопрос об употреблении ее в пищу. Этому выводу как будто бы противоречат данные Ладожской стоянки, но если принять во внимание, что под именем материала с Ладожской стоянки мы имеем смешанные коллекции с целого ряда стоянок, расположенных вдоль берега Ладожского озера, это противоречие не является столь серьезным; 2) главными охотничьими животными лесной полосы были лось, бобр, медведь, олень, кабан, особенно лось и бобр.

Перейдем к рассмотрению материала с территории Прикамья и ближайших к нему районов.

К сожалению, на территории Прикамья мы не знаем неолитических стоянок. Стоянка на поле Гладком у дер. Подгалкино в районе устья р. Чусовой, которую А. В. Шмидт считает наиболее ранней, почти окончательно разрушена и среди материала с этого памятника не имеется костных остатков. Древнейшие из известных мест поселений человека — стоянка у ст. Левшино Горнозаводской жел. дор. и стоянка у озера Грязного, расположенные на дюнах также в районе устья р. Чусовой, — относятся ко времени раннего металла. В культурном слое обоих памятников, к сожалению, также не сохранились кости животных. Однако среди материала из раскопок стоянки у озера Грязного, которую Н. А. Прокошев, производивший раскопки памятника в 1934—1935 гг., относит ко времени около 2000

лет до н. э., имеются косвенные указания на существование зачатков скотоводства: в культурном слое стоянки были найдены каменные орудия, связанные, повидимому, с примитивным земледелием и условно названные мотыжками. Обычно раннее земледелие бывает связано с зачатками скотоводства. Конечно, указанный факт — слишком слабое основание для каких-либо выводов, но все же его следует отметить. К древнейшим памятникам края относятся также стоянки в районе г. Казани, исследованные проф. Штукенбергом, Высоцким и Лихачевым, которые считали их местами поселений каменного века. На основании некоторых данных (напр., форма и орнаментация сосудов), повидимому, следует отнести их к эпохе развитой бронзы, но эта датировка нуждается в проверке путем дополнительных исследований. На стоянке у дер. Табаево, совместно с каменными орудиями, осколками кремня и обломками глиняных сосудов, были обнаружены в значительном количестве остатки домашней лошади, быка и свиньи. Со стоянки у дер. Малые Отары найденные кости животных принадлежат домашней лошади, корове, овце, свинье. Из диких животных имеются лишь кости лося. Со стоянки Большие Отары известны кости домашней лошади, коровы, свиньи.¹ Таким образом получается, что древнее население окрестностей Казани в эпоху развитой бронзы имело всех домашних животных.

Материал с расположенных на западном склоне Урала в пределах Башкирской ССР стоянок, относящихся к предананьинскому времени — к концу бронзовой эпохи (раскопки Уфимской экспедиции ГАИМК 1933 г. под руков. П. А. Дмитриева. Сведения взяты из отчета П. А. Дмитриева и Сальникова), дает следующее.

В коллекции со стоянки на р. Деме имеются кости домашних животных — коровы, лошади, свиньи и, может быть, верблюда. В коллекции с Баланбашского селища около Красного Яра на р. Белой найдены кости домашней коровы, лошади, свиньи, овцы и козы. Определение костей было сделано В. И. Громовой. На первом месте по количеству костей, найденных при раскопках Баланбашского селища, стоит корова (180 костей от 7 особей), затем — свинья (32 кости от 7 особей), меньше костей козы и овцы (46 костей от 2 особей каждого вида) и на последнем месте стоит лошадь (всего 6 костей от одной особи). Намечается несколько пород коровы, из которых резко различаются две породы — мелкая и крупная. Первая мельче всех существующих пород и может быть названа карликовою; вторая настолько крупна, что также не имеет себе равных среди современных пород и вызывает предположение о возможной принадлежности особо крупных костей туру. Кости свиней относятся к очень крупной породе, близкой к дикому кабану, что наводит на мысль о недавнем приручении здесь свиньи. Напротив, лошадь представлена очень мелким экземпляром; коза относится к крупной породе — grisca.

¹ А. Штукенберг и Н. Высоцкий. Материалы для изучения каменного века в Казанской губ. Тр. О-ва естествоисп. при Казанском унив., т. 14, 1885, вып. 5.

Таблица 2

Фауна из раскопок мест поселения в Прикамье эпохи бронзы

Название памятников	Домашние животные						Дикие животные
	лошадь	корова	овца	коза	свинья	верблюд	лось
1. Стоянка у дер. Табаево . .	+	+			•		
2. Стоянка у дер. Малые Отары	+	+	+		+		+
3. Стоянка у дер. Большие Отары	+	+			+		
4. Стоянка на р. Деме . . .	+	+			+	+ (?)	
5. Селище Баланбашское . . .	1 экз. 6 кост.	7 экз. 180 кост.	2 экз. 2 экз. 46 кост.		7 экз. 32 кости		
6. Поселение на Ананьинской дюне	+	+			+?		

Среди материала из раскопок Ананьинской дюны, произведенных экспедицией Московского антропологического института в 1930 г., имеются кости домашней лошади, коровы и, может быть, свиньи (определение костей сделано В. И. Громовой). На Ананьинской дюне, где в 50-х годах прошлого века был открыт известный Ананьинский могильник, существовало древнее поселение, относящееся к предананьинской эпохе, к концу II — началу I тысячелетия до н. э. (табл. 2).

Обратимся к работам в соседних районах. На территории Чувашской ССР в течение последнего десятилетия были открыты своеобразные памятники, относящиеся к эпохе бронзы, — памятники так наз. абашевской культуры. В погребениях Абашевского могильника (раскопки В. Ф. Смолина 1925 г.), как в насыпях курганов, так и в могилах, были найдены зубы и фрагменты костей животных, которые, согласно определениям А. В. Арсеньева, принадлежат крупному рогатому скоту, свинье и мелким жвачным (скорее овце, чем козе).

Среди коллекции из раскопок Д. Н. Эдинга на Горбуновском торфянике 1930 г. (восточный склон Урала) костей животных почти нет, кроме костей лося, но при раскопках найден осколок полоза нарт, и из факта этой находки можно сделать вывод, что какие-то упряжные животные (собаки, олени) уже были. Среди материала с Аннина острова (раскопки Д. Н. Эдинга 1930 г.) имеются кости диких животных — лося.

(511 костей — более 30 нед.), бобра (21 кость от 4 нед.), сев. оленя (36 костей от 9 нед.), медведя (7 костей от 1 нед.), куницы (7 костей от 4 нед.), косули (3 кости), волка (8 костей от 2 (?) нед.) и кости домашних животных — быка и лошади. Последние представлены 12 костями плохой сохранности. Из них 11 костей принадлежат быку и 1 лошади (определение костей сделано В. Е. Кошелевым). Оба эти местонахождения доживают до половины I тысячелетия до н. э. и таким образом принадлежат отчасти предананьинской, отчасти ананьинской эпохе.

В коллекции из раскопок Д. Н. Эдинга на Шигирском городище, относящемся ко времени около начала нашей эры, имеются, согласно определению В. Е. Кошелева, кости домашней лошади (1 кость и 2 обломка зубов) и домашнего быка (3 кости). Из диких животных имеются кости лося (102 экз.), северного оленя (12 экз.), бобра (1 резец), косули (1 экз.) и медведя (1 экз.).

В сводной работе «Охота и рыболовство в восточно-уральском родовом обществе» П. А. Дмитриев, систематизируя материал со стоянок шигирского типа, датируемых серединой II — началом I тысячелетия до н. э., предананьинской эпохой (стоянки Исетского озера, Калматский Брод на р. Исети, Горбуновского и Шигирского торфяников, Палкинской стоянки, стоянки I-го и 2-го озер Карасьих, Юринского селища, пещеры Гебауэра), не находит там костей домашних животных, что заставляет говорить о преобладании охоты на диких животных — лося, медведя, оленя, бобра, дикую косулю (?), белку.¹

В некотором противоречии с этим находятся данные названного автора о земледелии в том же районе и того же времени. Рассматривая некоторые земледельческие орудия, П. А. Дмитриев приходит к выводу, что земледельческий труд, в форме примитивного мотыжного земледелия, уже существовал в эту эпоху. Так как обычно примитивное земледелие бывает связано с примитивным скотоводством, можно предположить, что в данную эпоху на территории восточного Урала уже были начатки скотоводства. Эту мысль подтверждает и находка части полоза от нарт из раскопок Д. Н. Эдинга на Горбуновском торфянике.

В коллекции из раскопок Ванвидзинской дюнной стоянки, расположенной против гор Усть-Вымь, на стрелке между р. Вычегдой и р. Вымь (при впадении последней), почти отсутствуют кости животных. А. П. Смирнов упоминает, что из костей домашних животных было найдено лишь 4 альчика свиньи и из диких — астрагал лося.² Стоянка относится ко времени VII—VI вв. до н. э. и имеет элементы ананьинской культуры.

Самым древним памятником в бассейне Ветлуги является дюнная стоянка Паново городище, раскопанная Ветлужской экспедицией

¹ Виды диких животных даны как на основании находок костей, так и изображений животных из культурного слоя памятников.

² А. П. Смирнов. Ванвидзинская дюнная стоянка, Труды РАНИОН, IV, М., 1928.

Антропологического института в 1926 г. К сожалению, в коллекции из раскопок этой стоянки нет костных остатков. При раскопках той же экспедицией Ветлужских городищ, начиная с самых древних из них, были найдены в слое с культурными остатками кости домашних животных. Определение костей животных было сделано А. Н. Формозовым. К сожалению, результаты исследований Ветлужской экспедиции еще не опубликованы, и для настоящего очерка можно было воспользоваться лишь небольшой статьей Б. С. Жукова «Человек Ветлужского края», где автор дает чрезвычайно сжатую характеристику хозяйства древнего населения городищ Поветлужья. Относительно состава дикой и домашней фауны на территории Ветлужского края на основе изучения костных остатков животных, найденных в отдельных слоях городищ, упомянутый автор пишет следующее: «Мы узнали, например, что здесь бобр, лось, медведь, куница и ряд других животных, особенно бобр, были распространены еще за 2 тысячи лет до нас...» «В более молодых слоях городищ констатируется появление все более и более многочисленных остатков домашних животных».¹

Суммируя изложенное, можно сделать вывод, что в предананьинскую эпоху, эпоху конца употребления бронзовых орудий, в Прикамье уже были известны домашние животные — корова, лошадь, мелкий рогатый скот, свинья.

Для ананьинской эпохи (VII—III вв до н. э.) характерно земледельческо-скотоводческое хозяйство. Охота на диких животных продолжала играть большую роль, но не являлась основой хозяйственной жизни. Кроме того, следует отметить пушной характер охоты: развитой обмен поднял значение пушнины как главного предмета экспорта лесного края.

Посмотрим, что писали о наиболее древних памятниках ананьинской эпохи А. А. Спицын и Ф. Д. Нефедов, уделявшие большое внимание Прикамью. А. А. Спицын отмечает, что при погребениях Ананьинского могильника встречались кости лошади. «Из вещей конской сбруи он (Невоструев) указывает: железные и бронзовые удила, нащечные украшения»... «В могильнике найдены кости животных, в изобилии попадающиеся на костеносных городищах: лошади, быка, бобра, осетра, раковины Сургаеа».² Ф. Д. Нефедов, описывая раскопки могильника в 1891 г., отмечает в гробницах № 3 и 5 «в головах — кости животных», в гробнице № 6 — «половину лошадиной челюсти» в южной части могилы. В отчете о раскопках Хотловского могильника за 1893 г. Ф. Д. Нефедов упоминает в гробнице № 5 бедряную кость быка и в целом ряде гробниц — кости животных:

¹ В неизданной работе «Городища Поветлужья», базируясь на определении Ан. Формозова, тот же автор констатирует, что домашние животные становятся в более поздних комплексах явно преобладающими по количеству, что свидетельствует о более интенсивном развитии скотоводческого хозяйства в ущерб охоте. Анализируя состав фауны крупных и мелких млекопитающих, Б. С. Жуков приходит к заключению, что охота на мелкого пушного зверя являлась промыслом населения, в то время как запасы пищи обитателей черпались преимущественно из скотоводческого хозяйства.

² А. А. Спицын. Могильники и отдельные находки бронзового века. Мат. по археол. вост. губ. России, т. I, М. 1893.

в отчете за 1894 г. в могиле № 1 «в ногах — кости барана», в могиле № 3 «в головах — бычью бедряную кость», в гробнице № 2 и 6 — «кости животных».¹ Итак, в древнейших памятниках ананьинской эпохи — Ананьинском и Котловском могильниках — уже встречаются кости домашних животных: коровы, лошади и овцы.

Уже П. А. Пономарев, работавший в Прикамье в 80—90-х годах прошлого века, изучая «костеносные» городища, пришел к выводу о значительной роли в их хозяйстве скотоводства, вопреки мнению А. А. Спицына, который считал население этих городищ народом в основном звероловческим, лишь отчасти пастушеским. Вот общая характеристика костей животных, данная А. А. Спицыным в сводной работе о костеносных городищах, которые он относит, примерно, к ананьинской эпохе: «чаще всего встречаются кости оленя, лося, лошади, медведя и бобра, реже — свиньи, рогатого скота, зайца, выдры, лисицы, волка, хомяка (?), куницы, барана, птиц, рыбы и собаки. По находкам, более всего напоминающим узду, можно думать, что лошадь была домашним животным, вероятно домашними же были корова, свинья, баран и собака. Костей диких животных встречается сравнительно больше, чем костей домашних».²

Относительно костей животных, найденных при раскопках городищ Сорочьи Горы и Грямячий Ключ в районе устья Камы, проф. Штукенберг пишет следующее: «Исследование костей животных, добытых в осыпях, показывает, что обитатели их владели следующими домашними животными: лошадьми, рогатым скотом (между прочим и безрогою, комолою коровою), овцами, свиньями, собакой. Совместно с костями домашних животных оказались и кости диких: медведя, выдры, куницы, волка, лисицы, лося, бобра и хомяка». На площадках городищ были найдены кости свиньи, лошади, быка.

При раскопках Пьяноборского могильника, расположенного недалеко от устья р. Белой и датированного последними веками до начала нашей эры, Ф. Д. Нефедов отмечает в могильнике подле кладбища в ногах 2-го погребения — кости животных; в могильнике «Релка» в гробнице № 1 — на месте ножных костей глиняные черепки, бараньи кости и угли, в гробнице № 2 — то же, в гробнице № 6 — «в ногах кости барана, угли и глиняные черепки».³

Перейдем к рассмотрению тех данных, которые были получены при определении костей животных из раскопок памятников ананьинской эпохи специалистами-зоологами. При раскопках Ананьинского могильника экспедицией Антропологического института 1930 г. в головах погребения

¹ Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в южн. Приуралье и Прикамье. Мат. по археол. вост. губ. России, т. III, М., 1899.

² А. А. Спицын. Могильники и отдельные находки бронзового века. Мат. по археол. вост. губ. России, т. I, М., 1893.

³ Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893 и 1894 гг. Мат. по археол. вост. губ. России, т. III, М., 1899, стр. 60.

были найдены 2 бедра лошади от разных особей, под черепом — резец бобра (определение костей было произведено А. Н. Дружининым). Костный материал из раскопок Камской экспедицией ГАИМК 1934 г. Галкинского городища в районе устья р. Чусовой, согласно определению В. И. Громовой, дает следующее: всего было определено 733 кости, из них 696 костей принадлежат домашним и 37 диким животным. (Раскопками было вскрыто свыше 600 кв. м, так что нельзя говорить о скоплении костей домашних животных в одном каком-нибудь пункте.) Из них 398 костей от 16 особей принадлежат быку очень мелкой породы (около $\frac{1}{3}$ особей — молодые); 265 костей от 8 особей — лошади, из них около $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{2}$ относятся к молодым животным; 22 кости от 4 особей — к мелкому рогатому скоту и 18 костей от 2 особей — к свинье. Из диких животных найдены кости лося (18 экз. от 3 особей), северного оленя (7 экз. от 4 особей), бобра (8 экз. от 1 особи), куницы, медведя, хомяка и зайца (по одной кости).

При раскопках той же экспедицией в 1935 г. Конецгорского селища на правом берегу р. Чусовой в нескольких километрах от впадения ее в Каму было найдено довольно большое количество костей животных. Они еще не определены, но при предварительном просмотре их М. Н. Серебрянниковой были обнаружены кости лошади двух пород, коровы — двух пород, свиньи, козы или овцы. Из диких животных имеются кости лося, бобра, медведя и мелких хищников. Галкинское городище и Конецгорское селище относятся к памятникам ананьинской эпохи.

Костный материал из раскопок экспедиции Антропологического института 1929 г. Свиногорского городища, расположенного при впадении Вятки в Каму, определен у М. Н. Серебрянниковой. Данные следующие: на первом месте по количеству костей стоит свинья примитивной породы (403 кости от 36 особей), на втором — лошадь (135 костей от 15—17 особей), на третьем — крупный рогатый скот (38 костей от 9 особей) и, наконец, — мелкий рогатый скот (10 костей от 3 особей). Из диких животных были найдены кости лося (6 костей от 2 особей), косули (1 кость), сев. оленя (1 кость), медведя (3 кости от 2 особей), лисицы (29 костей от 10 особей), куницы (4 кости от 4 особей), выдры (5 костей от 2 особей), бобра (8 костей от 3 особей), зайца (2 кости от одной особи), хомяка (5 костей от 3 особей) и крысы (1 кость). Из приведенных цифр видно, что число костей домашних животных значительно преобладает над числом костей диких животных и, следовательно, скотоводство сильно превалировало над охотой в хозяйстве древних обитателей городища.

Свиногорское городище находится в расстоянии около 3 км от села Свиногорье. Возвышенный берег Вятки около села носит название Свиных гор. Между высокой береговой террасой и рекой лежит широкая полоса поймы, покрытая травой, небольшими пойменными озерами и болотцами. В этом месте во время работ экспедиции в 1929 г. сотрудникам пришлось наблюдать большое стадо свиней всех возрастов, пасущихся на траве,

купающихся в грязи или греющихся на солнце. По внешнему виду свиньи эти напоминали диких кабанов. У каждого жителя было по несколько свиней-маток с поросятами. Природные условия окрестностей этого села настолько благоприятны для развития свиноводства, что оно является преобладающим, повидимому, с глубокой древности. В этом убеждает подсчет количества костей животных из раскопок Свиногорского городища, произведенный М. Н. Серебрянниковой, — на первом месте по количеству, как было указано выше, стоит свинья (403 кости). Такие благоприятные природные условия следовало бы использовать в настоящее время для организации свиноводческого колхоза. Особенно важны и интересны данные анализа костного материала из нижнего горизонта слоя с культурными остатками, так как они характеризуют хозяйство наиболее древнего населения городища. Нижний горизонт культурного слоя можно датировать IV—III вв. до нашей эры — ананьинской эпохой, тогда как верхний горизонт относится к значительно более позднему времени. Из домашних животных в нижнем горизонте преобладают кости свиньи (1240 костей от 20 особей), на втором месте стоит лошадь (76 костей от 12 особей), на третьем — крупный рогатый скот (22 кости от 7 особей), и, наконец, мелкий рогатый скот (3 кости от одной особи). Из диких животных в нижнем горизонте слоя с культурными остатками найдены кости лося (1 кость), косули, сев. оленя, выдры, зайца (по 1 кости), медведя (2 кости от 2 особей), лисицы (22 кости от 7 особей), куницы (2 кости от 2 особей), бобра (6 костей от 2 особей).

Из приведенных данных можно сделать следующие выводы: 1) скотоводство преобладало над охотой с самого начала существования городища, больше всего было развито свиноводство, на втором месте стояло коневодство, на третьем — разведение крупного рогатого скота и на последнем — разведение мелкого рогатого скота; 2) данные о видах и количестве костей диких животных ясно обрисовывают характер охоты и роль ее в хозяйстве древнего населения городища: охота с самого начала существования памятника и до конца имела целью не добывание мяса как продукта питания, а добычу пушнины — основного продукта обмена.

Существование скотоводства у древнего населения городища Кара-Абыз, расположенного к северо-западу от дер. Городок Благовещенской волости Уфимского кантона Башкирской ССР, доказывается обилием костей домашних животных: лошади, коровы, овцы, свиньи, найденных при раскопках памятника Башкирской экспедицией Академии Наук 1928 г. под руков. А. В. Шмидта.¹ Городище относится к ананьинской эпохе.

У древнего населения Пижемского городища, расположенного на р. Вятке близ г. Советска (на основании изучения М. Н. Серебрянниковой костного материала из раскопок Вятско-Камской экспедиции

¹ А. В. Шмидт. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук. Уфа, 1929.

Антропологического института 1928 г.), скотоводство также достигало значительного развития. Мы имеем 57.75% костей домашних животных и 42.25% диких. В коллекции имеются кости следующих домашних животных: лошади — 327 костей от 22 особей (встречаются экземпляры крупные и мелкие), коровы (80 костей от 11 особей, часть костей принадлежит животным средней величины, часть — низкорослым, по типу близким к так наз. торфяному), свиньи в возрасте 7—10 месяцев (49 костей от 13 особей), мелкого рогатого скота (50 костей от 6 особей). Кости диких животных принадлежат: медведю (28 костей от 25 особей), лосю (84 кости от 6 особей), бобру (21 кость от 5 особей), оленю (5 костей от 2 особей), рыси (3 кости от 2 особей), хомяку (2 кости от 2 особей), кунице (3 кости от 3 особей), зайцу (1 кость) и мелким грызунам (6 костей от 2 особей). Следует отметить, что в нижнем, более древнем, слое с культурными остатками найдены только кости домашней лошади (36 костей от 6 особей) и свиньи (14 костей от 4 особей). Кости крупного и мелкого рогатого скота появляются лишь в верхнем слое, относящемся к более позднему времени¹ (табл. 3).

Часть костей животных из раскопок Ф. А. Теплоухова на Гаревском костыще — жертвенном месте на берегу р. Гаревой и Косьвы — была определена в 1785 г. Рютимейером.² Из домашних животных в коллекции были кости лошади мелкой породы, коровы, принадлежащей к небольшой расе, козы — от крупных до громадных размеров и свиньи всех возрастов породы, наиболее близкой к венгерской (примыкающей к группе торфяной свиньи *palustris*). Из диких животных определены кости лося, россомахи и медведя. Памятник относится ко времени около начала нашей эры.

Посмотрим, что дают некоторые более поздние памятники того же района.

При раскопках экспедицией Антропологического института 1930 г. остатков селища Отарка Челнинского кантона Татарской Республики, относящегося в болгарско-татарскому времени, были найдены кости домашних животных: лошади, коровы и овцы. Определение костей было сделано В. И. Громовой. В слое с культурными остатками Котловского городища, расположенного на Каме в нескольких километрах ниже впадения Вятки, во время раскопок памятника экспедицией Антропологического института 1929 г. были найдены кости следующих домашних животных: лошади, коровы, мелкого рогатого скота и свиньи. При этом В. И. Громова отмечает, что кости свиньи принадлежат молодым особям, и трудно решить, относятся ли они к дикой свинье или к домашней.

Наконец, городища района г. Глазова (Удмуртская автономная республика) Донды-Карское и Сабанчи-карское дают обладание костей домашних животных над костями диких. Кости домашних

¹ М. Н. Серебрянникова. Сельскохозяйственные животные Пижемского городища.

² L. Rütimeyer. Tierüberreste aus tschudischen Opferstätten am Uralgebirge. Archiv für Anthropologie, Bd. VIII, 1875.

Фауна из раскопок памятников

Наименование памятников	Домашние животные					
	собака	лошадь	корова	овца	коза	свинья
1. Ананьинский могильник		+	+			
2. Котловский могильник			+	+		
3. Городища Сорочьи Горы и Гремячий ключ	+	+	+	+		+
4. Галкинское городище		8 экз. 260 кост.	16 экз. 396 кост.		4 экз. 22 кост.	2 эк 18 кост
5. Конецгорское селище		+	+		+	+
6. Свиногорское городище	1 экз.	15—17 экз. 135 кост.	9 экз. 38 кост.		3 экз. 10 кост.	36 эк 403 кост
7. Городище Кара-Абыз		+	+	+		+
8. Пижемское городище (нижний слой)		6 экз. 36 кост.				4 эк 14 кост

животных из раскопок городища Сабанчи-Кар (раскопки С. Г. Матвеева 1927 г.) относятся к лошади — 46.6%, корове — 39.8%, овце — 8%, свинье — 59% и собаке — 0.9%. Из диких имеются кости лося, бобра, медведя, россомахи и выдры. Число костей домашних животных по отношению к костям диких составляет 58%.¹ Костный материал из раскопок городища Д о н д ы - К а р, произведенных А. П. Смирновым в 1927 г., содержит 62% костей домашних животных. Определение части костей животных из раскопок городища Сабанчи-Кар было сделано С. Н. Боголюбским.

В сводной работе о Чепецких городищах X—XIV вв., упоминая, что верхнее наслоение Кушманского городища дает по предварительным подсчетам 80—85% домашних животных, А. П. Смирнов приходит к выводу, что в эту эпоху скотоводство уже превалировало над охотой.²

Итак, у древнего населения Прикамья в конце бронзовой эпохи — в предананьинское время — уже были все главные домашние животные: лошадь, крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, свинья. В ананьин-

¹ С. Г. Матвеев. Городище Сабанчи-Кар.

² А. П. Смирнов. Финские феодальные города. Уч. зап. н.-и. инст. народов сов. Востока, М., 1931, вып. II.

Таблица 3

Трикамья ананьинской эпохи

Дикие животные

лось	бобр	северный олень	рысь	медведь	косуля	лисица	заяц	выдра	хомяк	куница
	+									
+	+			+						
3 экз. 18 кост.	1 экз. 8 кост.	4 экз. 7 кост.		1 экз. 1 кость						
+	+			+						
2 экз. 6 кост.	3 экз. 8 кост.	1 кость		2 экз. 3 кости	1 кость	10 экз. 29 кост.	1 экз. 2 кости	2 экз. 5 кост.	3 экз. 5 кост.	4 экз. 4 кости
1 экз. 8 кост.	1 экз. 1 кость	1 экз. 1 кость	1 экз. 1 кость	4 экз. 30 кост.						2 экз. 2 кости

скую эпоху мы можем констатировать в этом районе хозяйство, ведущими отраслями которого являлись мотыжное земледелие и скотоводство. К сожалению, в настоящее время у нас нет или, вернее, почти нет материала, на основании которого можно было бы представить себе, какие животные появляются раньше и являются преобладающими в ту или иную эпоху, в том или ином районе. Мы можем только на основании изучения костных остатков животных специалистами установить, что в Прикамье существовали лошади и крупный рогатый скот нескольких пород. Так, в работе о сельскохозяйственных животных Пижемского городища М. Н. Серебрянникова отмечает наличие лошадей крупных и более мелких, коров средней величины и низкорослых, близких к так наз. торфяному типу. В работе имеется целый ряд таблиц с измерениями костей. В. И. Громова при определении костных остатков с Баланбашского селища различает несколько пород коров, причем особенно бросается в глаза наличие двух пород — мелкой (карликовой) и очень крупной; лошадь с того же памятника принадлежит к очень мелкой породе; напротив, свинья относится к очень крупной породе, близкой к дикому кабану; коза — к крупной породе (*S. prisca*). Мелкая порода коровы отмечается В. И. Громовой и F. Rüttimeyer'ом также среди костных остатков с Галкинского городища и Гаревского селища,

причем Rüttimeyer указывает, что лошадь и свинья с Гаревского костыща принадлежат к мелкой расе, а коза является, напротив, крупным животным. Таким образом накапливается материал для сравнения пород домашних животных, бытовавших на различных местах древнего населения Прикамья. Особенно важны таблицы с цифровыми данными, которые имеются в большинстве работ последнего времени.

Перед нами стоит другой вопрос — откуда появились домашние животные в бассейне р. Камы. На этот вопрос можно попытаться дать более определенный и более обоснованный ответ. Повидимому, они не могли быть приручены на месте, так как среди костных остатков лесной полосы времени неолита мы почти не имеем костей диких быков, лошадей и пр., кроме свињи. Что касается последней, есть основания предполагать, что она могла быть приручена в Прикамье. С этой точки зрения чрезвычайно интересны кости домашней свињи из раскопок Свиногорского городища, которые, по словам М. Н. Серебрянниковой, имеют чрезвычайно примитивный характер. В Яранском районе Горьковского края до сих пор еще можно встретить домашних свиней, очень напоминающих по виду диких кабанов: длиннорылых, с длинной щетиной, которая на крестце образует торчащую вверх щетку, и т. д. Одна такая свиinja была мною сфотографирована во время экспедиции 1931 г. в г. Котельниче по поручению С. Н. Боголюбского, который специально занимался этим вопросом.

Что касается остальных домашних животных, они были получены, повидимому, с юга, от обитателей степных пространств, где приручение домашних животных произошло в начале эпохи бронзы. Время раннего палеометалла, повидимому, являлось временем возникновения скотоводства, так как в погребениях фатьяновской культуры, относящейся по определению В. А. Городцова за 2500 лет до н. э.; уже встречаются кости домашних животных.

Если мы припомним, что языки степи в ксеротермический период заходили гораздо дальше на север, чем в настоящее время, и, таким образом, лесная и степная культура соприкасались между собою на территории южной части Прикамья, нам станет ясно, каким образом домашние животные, в том числе и мелкий рогатый скот, являются преобладающими у населения Галкинского городища ананьинской эпохи, лежащего в районе устья Чусовой.

В степях Среднего и Нижнего Поволжья раскопками В. А. Городцова, П. С. Рыкова и В. В. Гольмстен установлена большая группа памятников, выделенная в особую «культуру». Вот общая характеристика ее из работы В. В. Гольмстен. «Более ранние памятники описываемой культуры являются почти тождественными с таковыми же срубной культуры, установленной проф. Городцовым для Украины, но в чистом виде они на площади Куйбышевской области редки. Чаще всего наблюдаются как на местах поселений, так и в погребениях, черты смешения культур срубной и хвалынской, т. е. совместное нахождение предметов, типичных то для той, то для

другой культуры... Эти более ранние памятники переходного характера мы склонны выделить в особую срубно-хвалынскую культуру в отличие от чисто хвалынской.¹ Что касается датировки памятников палеометаллической эпохи на территории Куйбышевской области, то В. В. Гольмстен присоединяется к мнению П. С. Рыкова, который определяет их в пределах от 3500 до 1100 гг. до н. э., считая, что, может быть, конец, хвалынской «культуры» зайдет и в пределы первого тысячелетия н. э.

Небольшой материал, полученный из раскопок Ананьинской дюны 1930 г., позволяет отнести это поселение к памятникам срубно-хвалынского типа. Другим таким же памятником является, повидимому, могильник Полянки. Характеризуя хвалынскую культуру в пределах Куйбышевской области, В. В. Гольмстен относит к ней около 300 пунктов, в число которых входят и курганные погребения и многочисленные селища. Последние располагались обычно по берегам рек степной и лесостепной полосы Заволжья. «Изучение содержимого культурных слоев этих селищ дает представление о культуре довольно развитой, вполне оседлой, земледельческой, с развитым скотоводством. Среди остеологического материала чаще всего встречаются остатки крупного рогатого скота, реже овец и коз и изредка лошади и свиньи. Количество костей диких животных составляет ничтожный процент по отношению к количеству костей домашнего скота».²

Таким образом ближайшими соседями древнего населения Прикамья в эпоху бронзы и позднее, примерно до начала нашей эры, с юга были обитатели степной полосы Среднего Поволжья, оставившие памятники срубно-хвалынской и хвалынской культуры. Во время раскопок курганов этих культур, начиная с древнейших из них, встречаются кости домашних животных: овцы, коровы, лошади, свиньи. При этом нельзя забывать, что в известную историческую эпоху — предананьинскую — границы степи, а вместе с тем и поселения степной культуры простирались дальше к северу, чем в настоящее время.

Подводя итоги, можно сказать, что домашние животные, известные в степях юга России с глубокой древности, вероятно с начала бронзовой эпохи, в течение этой эпохи проникают в Прикамье и к концу ее уже имеются в северных районах. В ананьинскую эпоху, эпоху раннего железа, скотоводство уже превалирует над охотой — число костей домашних животных значительно преобладает над костями диких в таком раннем памятнике ананьинской эпохи, как Галкинское городище в районе устья р. Чусовой.

Установление связи между породами домашних животных (лошадей, крупного и мелкого домашнего скота) — степных — (из могильников и поселений срубной и срубно-хвалынской культуры) и древних поселений

---

¹ В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губ. РАНИОН. IV, 1928.

² Та же работа Гольмстен.

Прикамья — вопрос дальнейшей работы. С этой точки зрения чрезвычайно важно и интересно сравнение костей домашних животных из раскопок наиболее древних памятников Прикамья с костным материалом из раскопок могильников и селищ срубно-хвалынского и хвалынского типа. К сожалению, для районов Среднего и Нижнего Поволжья не имеется опубликованных работ о раскопках древних мест поселений, где были бы даны точные сводки находок костей животных и, насколько мне известно, совершенно нет работ специалистов-зоологов, содержащих таблицы с измерениями костей. В изданных работах П. С. Рыкова, В. В. Гольмстен, П. Д. Рау и др. имеются лишь общие упоминания, позволяющие составить лишь примерное представление о составе стада. Исключение составляют кости из раскопок О. А. Кривцовой-Граковой поселений Зимница в районе г. Пензы (Мордовская автономная республика), которые были определены проф. С. Н. Боголюбским.¹

В поселении Зимница I по материалам раскопок 1926 г. первое место по количеству костных остатков принадлежит корове (57.9%), второе — лошади (33.2%), третье — овце (7.7%) и на последнем стоит свинья (1.2%). По материалам раскопок того же поселения в 1928 г. костные остатки свиньи находятся на третьем месте (19.4%), а овцы на последнем (6.3%). Соотношение костей лошади и коровы примерно то же, что и по данным 1926 г. В коллекциях из раскопок Зимница II и Зимница III первое место принадлежит костям коровы, второе — лошади, третье — свиньи и четвертое — овцы. Для всех трех поселений характерно преобладание крупного рогатого скота и большое развитие коневодства. Количество костей овцы — незначительно.

Для выяснения поставленного вопроса необходимо произвести сравнение костного материала, а следовательно и провести предварительное изучение костей животных из раскопок древних памятников, особенно мест поселений, относящихся к эпохе бронзы и раннего железа на территории Среднего и Нижнего Поволжья. Это — одна из очередных задач, стоящих в настоящее время перед зоологами, занимающимися вопросами происхождения скотоводства в СССР.

В связи с упомянутой выше находкой Д. Н. Эдинггом при раскопках Горбуновского торфяника полоза от нарт необходимо поставить вопрос о приручении северного оленя в Прикамье.

Н. Я. Марр,² отводя оленю первое место по времени в группе животных передвижения (олень, слон, верблюд, лошадь), считает его следующим прирученным животным после собаки, предшественником лошади. Согласно данным палеонтологического анализа речи, на последнюю было перенесено то же самое название, которое носили прежде олени.

¹ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей восточной Европы. Изв. ГАИМК им. Н. Я. Марра, М.—Л., 1935, вып. 119, стр. 99—101.

² Н. Я. Марр. Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории. Л., 1926.

Переходя к рассмотрению костных остатков оленя из раскопок древних мест поселения человека, прежде всего следует отметить, что зоологи не умеют отличать кости домашних и диких особей. Очевидно, domestикация не произвела особенно глубоких изменений в биологическом строении северного оленя, что можно объяснить лишь отсутствием крупных перемен в образе жизни оленя после перехода из дикого состояния в домашнее.

Рассматривая костные остатки из раскопок неолитических стоянок лесной полосы Европейской части СССР, мы видим, что олень, главным образом северный, был в числе основных охотничьих животных эпохи неолита. Так, в Ладожских стоянках имеются кости от пяти неделимых северного оленя, в стоянке Веретье — 20 костей от двух неделимых, в Языковской стоянке — 26 костей (табл. 1).

К сожалению, в настоящее время почти нет сведений о количестве и видах диких животных, на которых производилась охота в Прикамье в эпоху бронзы, но среди них несомненно должен быть олень. Доказательством этому служат находки костей оленя при раскопках некоторых памятников ананьинской эпохи (Галкинские и Свиногорские городища), а также и то обстоятельство, что кости оленя известны в коллекциях со стоянок шигирского типа на восточном уклоне Урала, относящихся к концу эпохи бронзы — в непосредственном соседстве с Прикамьем. Таким образом, не подлежит сомнению наличие в интересующем нас районе оленя как охотничьего животного и, следовательно, основной предпосылки для его приручения.

В настоящее время мы располагаем лишь отдельными разрозненными фактами, которые позволяют предполагать существование древнего оленеводства в Прикамье. Решение этого вопроса требует специального исследования, основною предпосылкою которого должно быть прежде всего издание новых материалов, относящихся к районам Прикамья и Приуралья.

A. ZBRUEVA

LES PREMIERS ANIMAUX DOMESTIQUES DANS LA RÉGION
DE LA KAMA

RESUMÉ

L'auteur, se basant sur une analyse détaillée des données relatives aux ossements d'animaux trouvés dans les fouilles des stations du Néolithique et de l'époque du bronze de la zone forestière de l'Europe orientale, établit qu'au Néolithique l'homme ne possédait ici qu'un seul animal domestique — le chien. Dans la région de la Kama apparaissent à la fin de l'époque du bronze le cheval, le gros et le petit bétail à cornes et le porc, ce dernier seul ayant pu être domestiqué sur place, tandis que les autres espèces ont été reçues du sud, de la zone des steppes, où elles étaient déjà connues tout au début de l'époque du bronze.

En terminant, l'auteur pose la question de l'appriivoisement possible du renne dans le Néolithique tardif, ce qui semble attesté en partie par les nombreux ossements recueillis (bien que le renne domestique ne puisse être distingué du renne sauvage par les os) ainsi que par la trouvaille dans la tourbière de Gorbounovo d'un arbre de traîneau en os, qui accuse l'existence d'animaux de trait.

МАТЕРИАЛЫ

С. Н. ЗАМЯТНИН

ПЕЩЕРНЫЕ НАВЕСЫ МГВИМЕВИ, БЛИЗ ЧИАТУРЫ (ГРУЗИЯ)

(Первые следы наскальной палеолитической графики в Закавказье)

Летом 1934 г., по поручению Института антропологии и этнографии Академии Наук СССР, мною производились исследования по палеолиту в западной Грузии. Краткое сообщение о результатах этих работ было опубликовано мною.¹ Среди основной массы полученных тогда сведений, носивших в основном рекогносцировочный характер, выделяются материалы пещерных навесов в Мгвимеви близ Чиатуры, представляющие особый интерес как первое для территории СССР определенное указание на наличие гравировок на скалах, относящихся к палеолитической эпохе.

Исключительно богатые и ценные находки памятников палеолитического искусства в южной Франции и на Пиренейском полуострове, доставившие неоценимый материал для изучения различных сторон жизни первобытного населения Европы десятки тысячелетий тому назад, заставляют с сугубым вниманием отнестись к находке в Мгвимеви, дающей достаточные основания для постановки специальных разведочно-поисковых работ. Публикации этих данных и посвящено настоящее сообщение.

Скалистые навесы Мгвимеви расположены на правом берегу р. Квирилы, в одном километре к северу от Чиатуры по дороге на Сачхери, в большой изолированной отвесной скале, наполовину замаскированной древними осыпями и делювием. Ряд навесов, гротов и пещер вытянут в линию, примерно, на одном уровне в нижней части скалы. В самой крупной из пещер, расположенных несколько выше остальных, находится древний (XVI в.) каменный храм существовавшего здесь ранее монастыря, другие постройки которого расположены на вершине скалы. Ко времени существования монастыря относится также ряд сохранившихся здесь искусственных скальных убежищ, квадратные входные отверстия которых, вырубленные на огромной высоте, в совершенно отвесной скале, вытянуты в ряд над естественными гротами. В некоторых местах скалу маскируют огромные свисающие ковры плюща.

---

¹ С. Н. Замятнин. Новые данные по палеолиту Закавказья. Советская этнография, 1935, № 2, стр. 116—123.

Местность эта, столетие тому назад, своей исключительной живописностью привлекла внимание французского путешественника Дюбуа де Монпере, оставившего нам описание¹ и зарисовку древних построек, пещер и гротов Мгвимеви (рис. 1). Рисунок, в общем достаточно точный, показывает, что со времени посещения этих мест Дюбуа скала не потеряла сколько-нибудь существенных изменений (рис. 2). Единственным отличием является проложенная ныне у подножия ее дорога. Любопытны отмеченные на рисунке Дюбуа постройки в навесах, возможно, явившиеся главной причиной разрушения культурного слоя. Разрушение это ныне завершается использованием навесов как загонов для скота.

Хотя навесы Мгвимеви легко доступны и расположены в непосредственной близости от Чиатуры, в окрестностях которой в течение трех лет (1916—1918 гг.) вел исследования палеолита С. А. Круковский, они не привлекли к себе тогда внимания, вероятно в силу того, что снизу, от дороги, степень разрушения навесов, в действительности очень большая, кажется исключающей возможность нахождения в них каких-либо отложений. Обнаружению палеолитических остатков в Мгвимеви благоприятствовало следующее обстоятельство. Во время моего посещения этой местности здесь велись работы по сооружению автомобильного шоссе Чиатура—Сачхери. В выемке у подножия скалы, произведенной в связи с постройкой шоссе и еще не облицованной камнем, мною были обнаружены беспорядочно рассеянные на разной высоте в желтой делювиальной глине, несомненно оббитые рукой человека, кремни и среди них несколько характерных палеолитических орудий.

Характер залегания этих остатков, исключавший предположение о наличии здесь культурного слоя и указывавший на постепенный снос их сверху, вызвал осмотры выше по склону; отдельные находки в рывинах расположенного выше кукурузного поля привели к осмотру одного из навесов, давшему сразу ряд находок, и к последующему осмотру остальных гротов.

Всего в мгвимевской скале (рис. 3) имеется 7 навесов и гротов. Кроме того, остатки двух совершенно разрушенных больших навесов (а, б) видны на той же высоте на краю скалы, к югу от более сохранившихся.

Навес № 1, расположенный, примерно, в средней части скалы, длиной около 40 м и шириной 6—7 м. Находки, довольно обильные, происходят преимущественно из самого навеса, сохранившего на отдельных участках остатки некогда заполнявших его культурных отложений. Мощность этих прослоек 10—20 см. В значительной мере они перетоптаны скотом, и находки палеолитических кремневых орудий и осколков костей животных частично перемешаны с лежащим наверху навозом. В значительной части навеса обнажено каменистое дно. Находок по склону, ниже навеса, мало, так как склон здесь задернован.

¹ F. Dubois de Montpereux. Voyage autour du Caucase, chez les tcherkesses et les abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée, t. III, p. 163, et atlas, II série, pl. 15, Paris, 1839.

Рис. 1. Вид пещерных навесов Мгвимеви с берега р. Квирилы. (По рисунку Дюбуа де Монпере, 1830 г.)

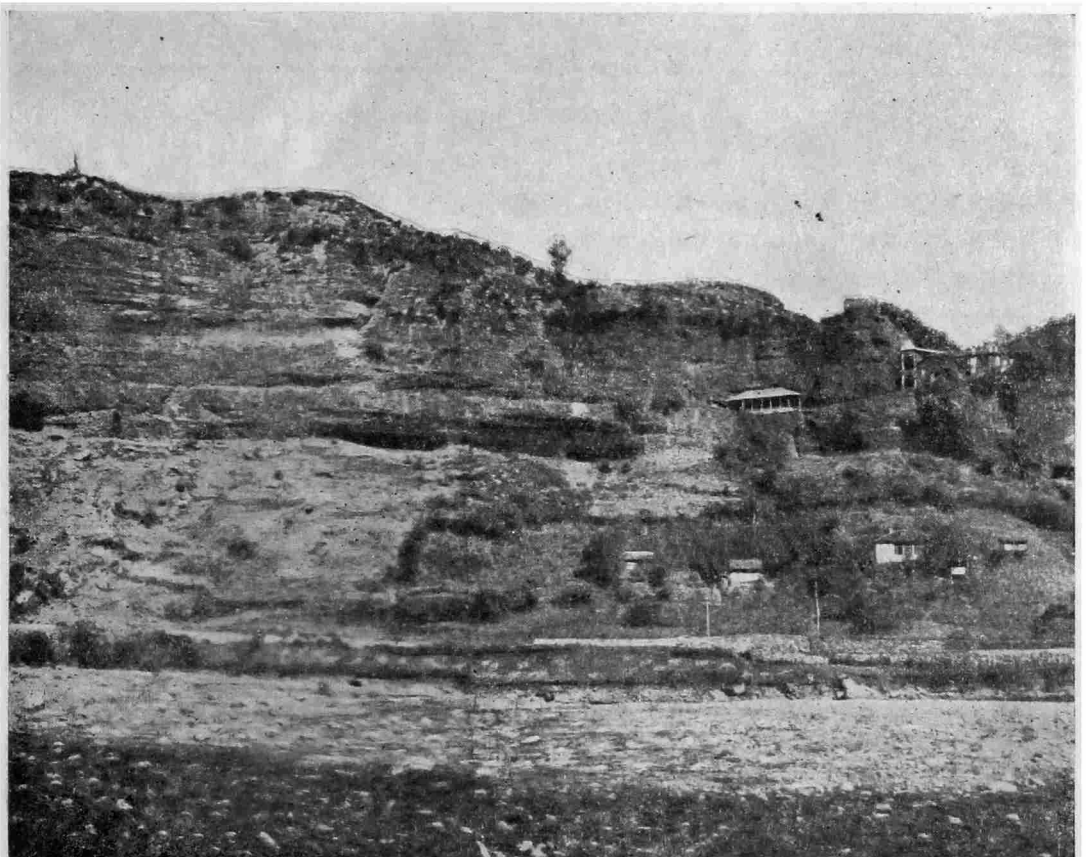

Рис. 2. То же, по фотографии автора, 1934 г.

Грот № 2, небольшой, узкий, щелевидный. Дно каменистое, находок нет.

Грот № 3, также небольшой, незначительной высоты, но несколько более широкий, дно каменистое. Используется как загон и огорожен. Перед гротом на узкой площадке собрано несколько намеренно-оббитых кремней.

Навес № 4, длиной около 50 м, шириной около 8 м. Дно каменистое, находок нет. Ниже по склону имеются отдельные находки кремня, возможно, однако, происходящие из навеса № 5.

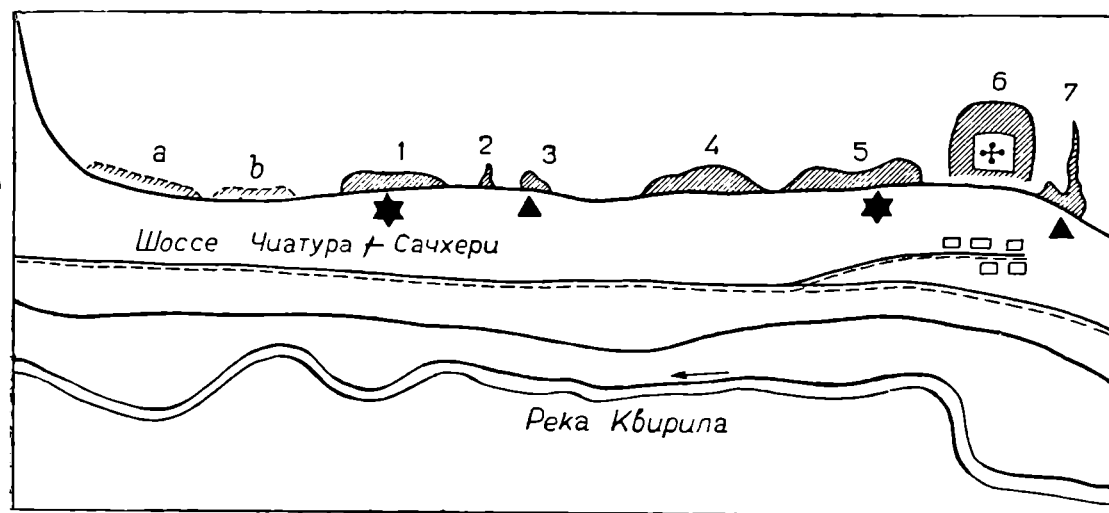

Рис. 3. Схематический план расположения навесов Мгвимеви.

Навес № 5, отделен от предыдущего небольшим выступом скалы. Длина 40 м, ширина в южной части 8.5 м, в центральной 8 и в северной 9 м. Доставил наиболее обильные находки. Много оббитых кремней и ниже по склону. Повидимому, из этого же навеса происходят и кремни, собранные в обнажении у шоссе. Культурные отложения палеолитической эпохи, так же как и в навесе № 1, сохранились только частично и занимают южную и центральную часть навеса. Северная треть навеса, наиболее широкая, лишена культурных остатков и имеет каменистое дно. Мощность сохранившегося слоя в центральной и южной части навеса сантиметров 20—30. Так же, как и в навесе № 1, слой частично перетоптан и перемешан с навозом. В центральной части навеса, по его внешнему краю, обнаружены следы палеолитических гравировок на поверхности скалы, о которых речь будет ниже. Отдельная плитка известняка, с нарезками на ней, найдена в южной части навеса, у внутренней стены. На каменистом склоне против центральной части навеса, сантиметров на 50 ниже его дна, имеются небольшие отложения брекчии из расколотых костей, кремневых осколков и орудий, сцементированных известковым сталагмитовым натеком. Натек этот, выше по склону уменьшающийся в мощности и превращающийся

в тонкую корочку, частично маскирует упомянутые выше начертания на скале.

Пещера № 6, огромных размеров; в передней ее части построен каменный храм древнего Мгвимевского монастыря. Отложения в пещере имеют, повидимому, значительную мощность. Сверху это поздние отложения, но в глубине могут быть обнаружены остатки палеолитической эпохи. Желательны в будущем раскопки.

Пещера № 7. Открывается широким гротом с каменистым, сильно разрушенным дном. Далее продолжается в виде узкого коридора, довольно круто поднимающегося кверху, в направлении к пещере № 6, расположенной выше. По дну коридора просачивается вода. Коридор полутемный, проходим шагов на 15—20 и далее превращается в узкую, недоступную для человека щель. Находки в виде трех законченных орудий и массивного куска кремня со следами употребления обнаружены в самой удаленной от входа проходимой части коридора.

Публикуемые материалы из Мгвимеви собраны мною лишь путем внешнего осмотра, без применения раскопок.¹

Однако в результате наших работ был собран материал, дающий довольно полную и интересную картину. Кремневый материал, собранный в навесах Мгвимеви,² довольно значителен и выражается в количестве около двух тысяч оббитых кремней, включая осколки и пластинки без вторичной обработки. По своему характеру, по формам орудий, степени их сохранности материалы навеса № 1 и навеса № 5 ничем не отличаются. Точно так же этих различий нельзя отметить между находками, сделанными в навесах и собранными ниже их по склону в рывтинах расположенного на нем кукурузного поля и в обнажении нижней части осыпи, у шоссе. Это обстоятельство лишний раз подтверждает, что находки на склоне и в обнажении у шоссе одновременны и происходят из разрушенного культурного слоя в навесах.

Материалом для изготовления орудий в Мгвимеви служил обычный для палеолитических пещер Грузии местный туронский кремень, в изобилии имеющийся в окрестностях как в коренном залегании, так и во вторичном. Кремень хорошего качества, однородный по строению, без включений, по краям слегка просвечивает. Окраска его обычно темно-розовая, переходящая иногда в коричневую, реже темносерая. Иногда на участках, близких к поверхности желвака, сохраняющих корку, имеются пятна более светлой окраски, выделяющиеся также и матовой поверхностью, отличающейся от обычной блестящей поверхности кремня. Патина на кремнях Мгвимеви большей частью отсутствует, и если имеется, то

¹ Безусловно желательно в дальнейшем раскопать сохранившиеся участки культурного слоя навесов № 1 и 5, провести работы на склоне и в пещере № 6, а также сделать пробные расчистки сталагмитовых натеков в коридоре пещеры № 7.

² Собрание Музея антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР. Коллекция № 5253.

только частичная, легкая, в виде беловатого налета или пятен неправильных очертаний. Ряд кремней носит явные следы воздействия огня. Изредка как материал для орудий в Мгвимеви использовался черный прозрачный обсидиан, реже дымчатый или с красновато-коричневыми прожилками (позднее в неолите и энеолите Грузии обсидиан делается основным материалом для изготовления орудий).

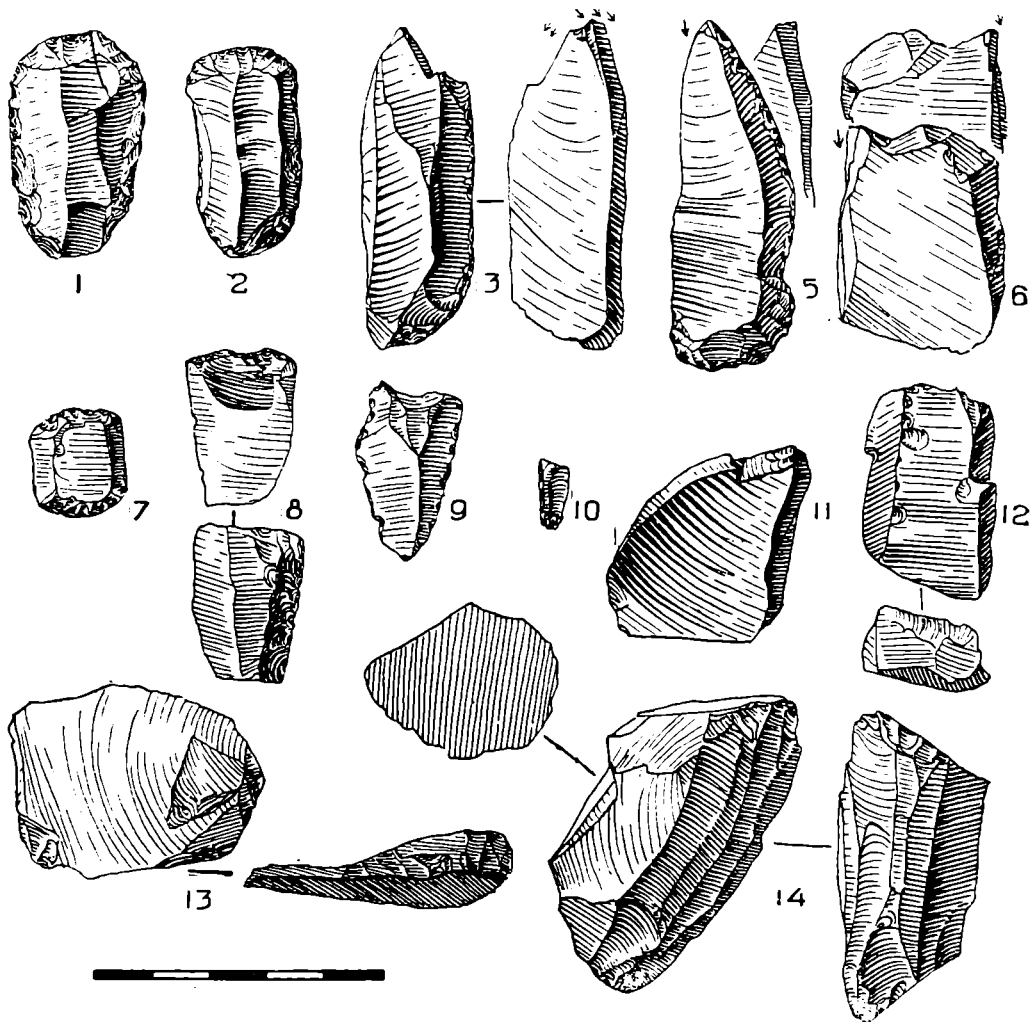

Рис. 4. Каменные орудия из навеса №1.

Кремневый инвентарь Мгвимеви имеет характерный верхнепалеолитический облик и те несколько своеобразные черты, которые свойственны и другим местонахождениям этого возраста в Имеретии. На этих чертах мы еще остановимся несколько ниже, сейчас же рассмотрим находки каждого навеса в отдельности.

Навес № 1 доставил около 500 оббитых кремней, в том числе 56 орудий, 89 ножевидных пластинок без вторичной подправки, 3 нуклеуса и около 350 осколков — отбросов при изготовлении орудий. Наиболее характерное орудие — резец, представленный 14 экземплярами. Большею

частью это массивные полиэдрические резцы, приготовленные рядом последовательных сколов (рис. 4, №№ 3, 5, 6, 11 и 12), срединные и боковые, иногда с концевой ретушью, среди них имеются три двойных резца и 1 скребок-резец (рис. 4, № 5). Скребки (7 экземпляров) на конце удлиненной, довольно широкой пластинки иногда с ретушью по краям (рис. 4, № 1 и 2) и 1 экземпляр двойного скребочка, почти круглой формы, приготовленного из фрагмента ножевидной пластинки (рис. 4, № 7). Также семью экземплярами представлены массивные скобели и нуклеовидные скребки (большую часть двойные), приготовленные путем вторичной подправки нуклеусов (рис. 4, № 14). В коллекции имеются также и характерные осколки, получавшиеся в результате подправки сработанных нуклеовидных орудий (рис. 4, № 13). Эти характерные кремни, с первого взгляда иногда напоминающие обычный скребок, имеют ту отличительную черту, что нижняя плоскость кремня с обычно хорошо выраженным ударным бугорком срезает фасетки лямеллярной ретуши, которой оформлен рабочий край орудия. После скалывания затупленного края нуклеовидные орудия подвергались повторной ретуши. Следы подобной подправки отмечаются на большинстве нуклеовидных орудий, собранных в Мгвимеви. В пяти экземплярах в навесе № 1 найдены тонкие режущие инструменты, изготовленные путем последовательного скалывания очень тонких, широких чешуек с нижней плоской поверхности кремня (реже с двух сторон) (рис. 4, № 8). Это орудьице (*pièce écaillée* французских исследователей, описанное впервые братьями Буиссони) на западе известно как одна из характерных форм среднеориньякского времени. Однако в палеолитических стоянках Грузии оно встречается на протяжении всего верхнего палеолита и особенно характерными сериями представлено в кремневом инвентаре пещеры Гварджилас-кльде,¹ относящейся к самому концу палеолита.²

Кроме описанных форм в материале из навеса № 1 следует упомянуть около двух десятков пластинок с ретушью и следами употребления, в том числе два экземпляра маленьких пластиночек с притупленной спинкой.

Навес № 5, как уже указывалось, дает совершенно сходные формы орудий, в тех же количественных соотношениях, и лишь несколько более богатые серии (до 1500 оббитых кремней) дают возможность отметить допол-

¹ Пещера эта расположена в 8 км к западу от Мгвимеви. Исследована С. А. Круковским в 1916—1917 гг.

² Любопытно отметить, что в палеолитических стоянках бассейна Дона мы имеем сходную картину: характерные экземпляры *pièce écaillée* сериями имеются в местонахождениях мадленского возраста — Костенки II, Костенки III и, в особенности, Костенки IV (Александровка), тогда как в инвентаре более ранних стоянок, как, напр., Костенки I, Гагарино и др., их заменяет близкая по технике изготовления и сходная по назначению удлиненная пластинка с плоскими сколами, образующими вогнутое лезвие наподобие стамески. Брейль, отметивший последнюю форму в стоянках центральной Европы, указывает на отсутствие ее во французских находках.

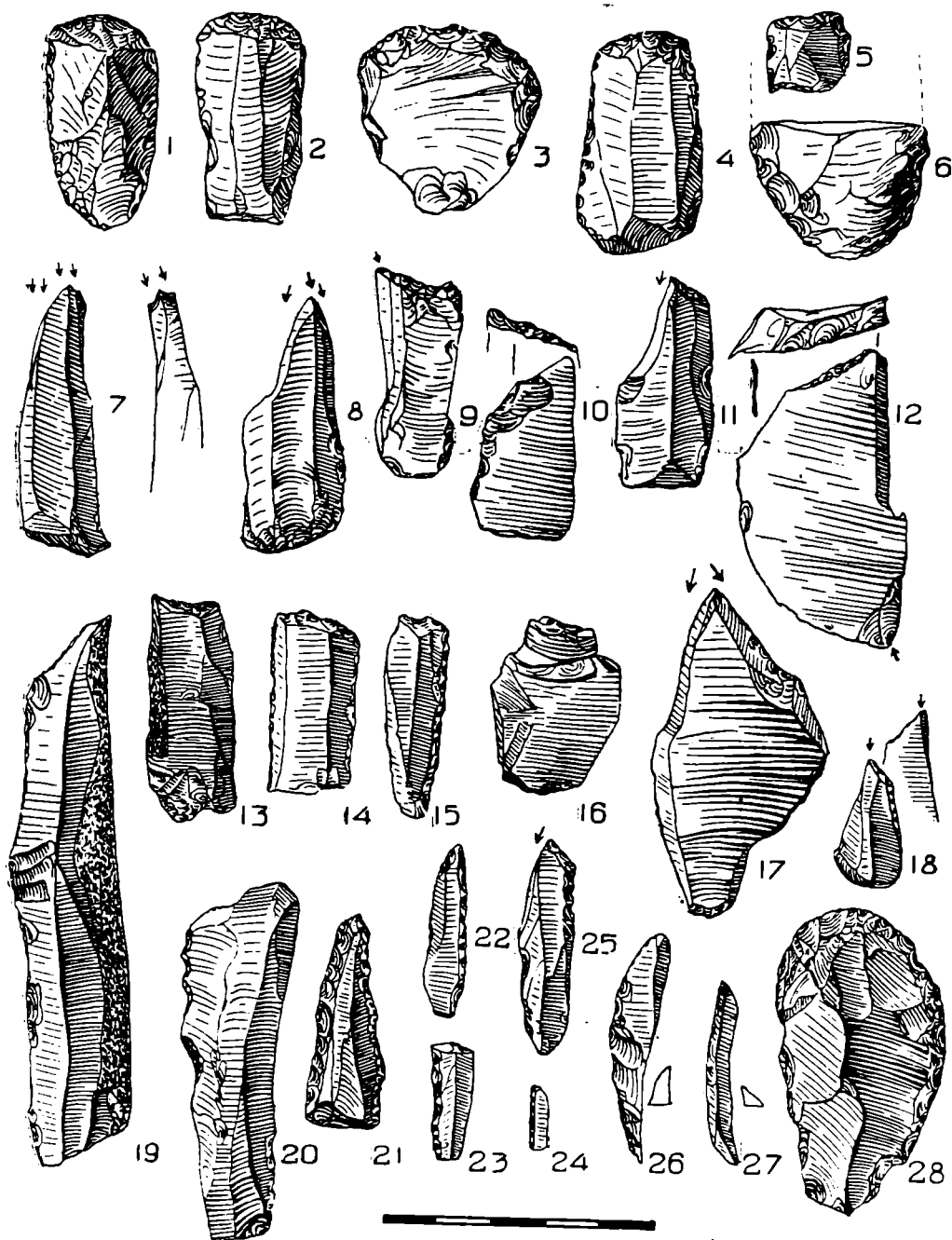

Рис. 5. Каменные орудия из навеса № 5. №№ 1, 5, 6, 10, 12, 16, 18, 20, 25 и 28— из навеса; №№ 4, 7—9, 11, 13 и 15 из обнажения у шоссе № 2 — со склона.

нительно несколько видов орудий. Те же скребки на конце довольно коротких отщепов (рис. №№ 1 и 2) иногда ложкообразные, с ретушью по краям (рис. 5, № 28), и округлые на коротких, широких отщепах (рис. 5, №№ 3 и 5), всего 27 экземпляров. Кроме этого имеется ряд нуклеовидных скребков и скобелей, среди которых два экземпляра характерных ладьевидных скребков (рис. 6, № 2), между прочим сильно сработанных. Среди массивных нуклеовидных форм навеса № 5 (рис. 6), имеется ряд режущих

орудий, в том числе полиэдрических резцов, иногда приближающихся к *burin busqué* французских стоянок. Следует отметить то же, что и в навесе № 1 — количественное отношение между массивными нуклеовидными орудиями и нуклеусами, не подвергнутыми вторичной обработке для превращения в орудие. Первые значительно преобладают (31 нуклеовидное орудие и 14 нуклеусов). Резцы имеются в количестве 42 экземпляров, из них 14 двойных резцов и два скребка-резца. По формам это или срединные, обычно массивные, с многократными сколами орудия (рис. 5, №№ 7, 8 и 17), или боковые, с поперечной притупливающей ретушью на конце, прямой, вогнутой или, иногда, несколько выпуклой (рис. 5, №№ 9—12, 18 и 25; последние два — миниатюрные экземпляры, имеющиеся в небольшом числе). Соответственно многочисленности резцов, довольно значительно количество характерных удлиненных осколков, получавшихся в процессе их изготовления; нередко эти кремни несут на себе ретушь, предшествующую нанесению резцевого скола; сечение их треугольное (рис. 5, №№ 26, 27) и реже приближающееся к квадрату; последнее получалось не при изготовлении, а при повторной подправке затупленного резца.

В 16 экземплярах имеется в навесе № 5 *pièce écaillée* (рис. 5, № 16), отмечающаяся и для навеса № 1. Довольно многочисленные пластинки с ретушью и со следами употребления (54 экземпляра); обычно это наиболее крупные и правильные по форме кремни данной серии (рис. 5, №№ 19 и 20). Наоборот, пластиночки с притупленным краем большей частью очень невелики (рис. 5, №№ 22—24). Приближающееся к этой серии по характерной притупливающей ретуши орудие, воспроизведенное на рис. 5, № 21, выделяется обработкой по обоим краям и скорее должно быть характеризовано как своеобразное острие, несомненно имевшее иное функциональное значение (между прочим это орудие изготовлено из обсидиана, имеющегося в Мгвимеви, как и в других верхнепалеолитических пещерах Грузии, в очень небольшом числе).

Особенно должна быть отмечена одна группа кремней навеса № 5, а именно пластинки с концевой ретушью, прямой или косой (рис. 5, №№ 13 и 15). Здесь они имеются в 28 экземплярах, тогда как в навесе № 1 они представлены лишь двумя экземплярами. Обычно небольшие по размерам кремни эти напоминают незаконченный боковой резец с концевой ретушью, у которого отсутствует последний, оформляющий окончательно орудие, резцовый скол. Однако подобное истолкование этой группы кремней невозможно как из-за количественного отношения их к другим формам орудия, так и из-за некоторых деталей их обработки. Нередко на них имеется притупливающая ретушь по одному краю, обычно никогда не сочетающаяся с резцовым сколом на одном кремне. Другая существенная деталь — это наличие на ряде кремней этой серии нескольких, обычно очень мелких, фасеток, тонкой и плоской приостряющей ретуши, располагающихся в одном углу, у рабочего конца орудия, с нижней

плоской стороны. Это показывает, что кремни данной серии и без резового скола являлись вполне законченными орудиями и употреблялись, скорее всего, как тонкое режущее острие. Описанная форма не является особенностью навесов в Мгвимеви и известна также в других верхнепалеолитических местонахождениях Имеретии, напр., в пещере Вирхова близ

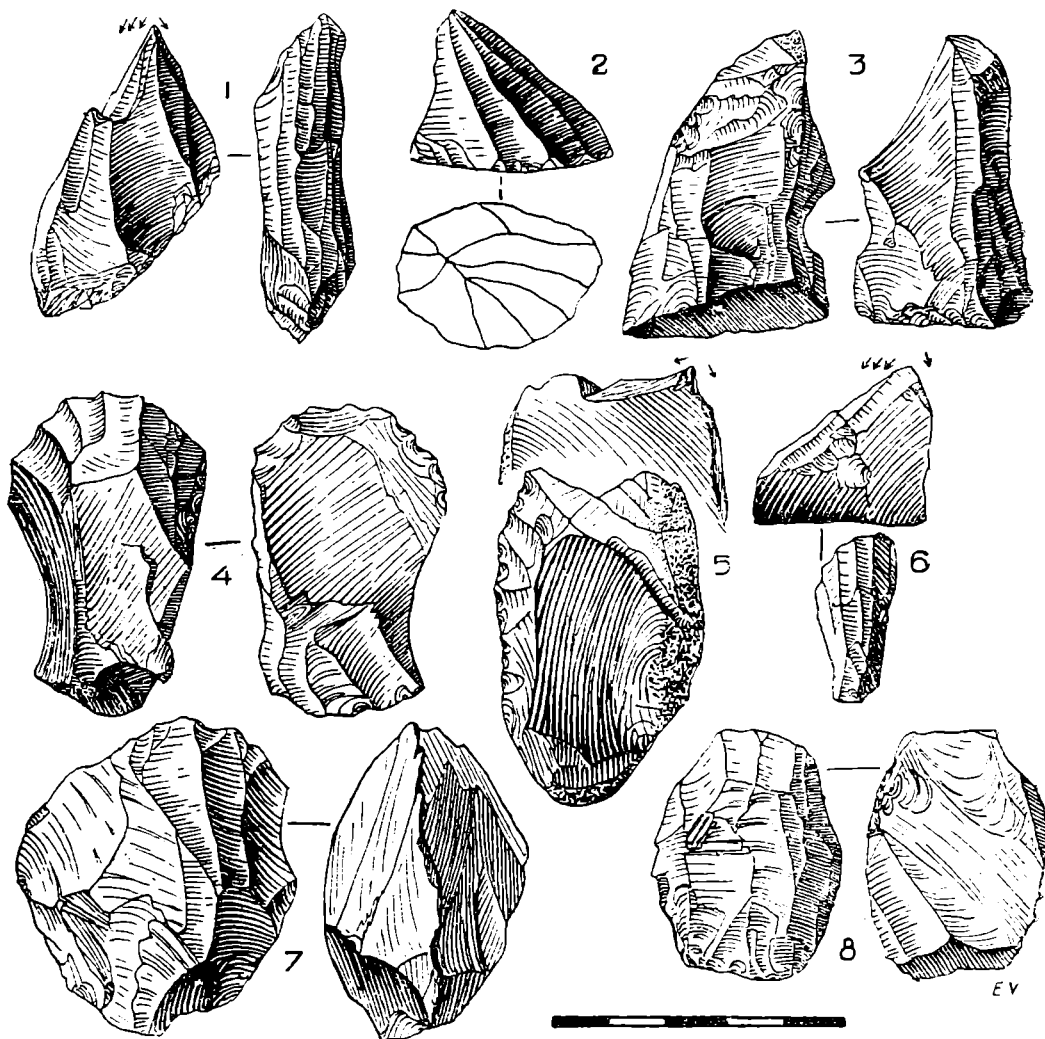

Рис. 6. Каменные орудия из навеса № 5. №№ 2—5 — из навеса. №№ 1, 6 и 7 — из обнажения у шоссе.

Кутаиси, где она представлена внушительными по количеству типичными и устойчивыми сериями, в Девис-Хврели, и некоторых других, также относящихся ко второй, средней из трех хронологических групп, выделяемых мною в верхнем палеолите Грузии. Любопытно, что в более молодой пещере Гварджилас-кде, находящейся в 8 км от Мгвимеви, описанная выше серия кремней заменяется гораздо более выработанными по форме, удлиненными узкими острями со скошенным краем. Весьма многочисленные в Гварджилас-кде узкие остря со скошенным краем в крайних экземплярах этой серии представляют уже настоящие геометрические микролиты,

как массовое явление появляющиеся лишь позднее, в последующую тарденуазскую эпоху.

Пещера № 7 доставила всего только 4 кремня (рис. 7), а именно массивный полиэдрический срединный резец, скребок, на конце удлиненный к пластинке, с тонкой ретушью по левому краю, другой скребок несколько менее правильной формы, повидимому сломанный в нижней части, и, наконец, массивный неправильной формы осколок без вторичной обработки, но вероятно употреблявшийся как грубое режущее орудие, так как края его несут следы выщербин и отколовшихся в результате работы тонких чешуек. Эти четыре кремня, ничем не выделяющиеся из остальной массы собранных в Мгвимеви орудий, однако представляют и значительный

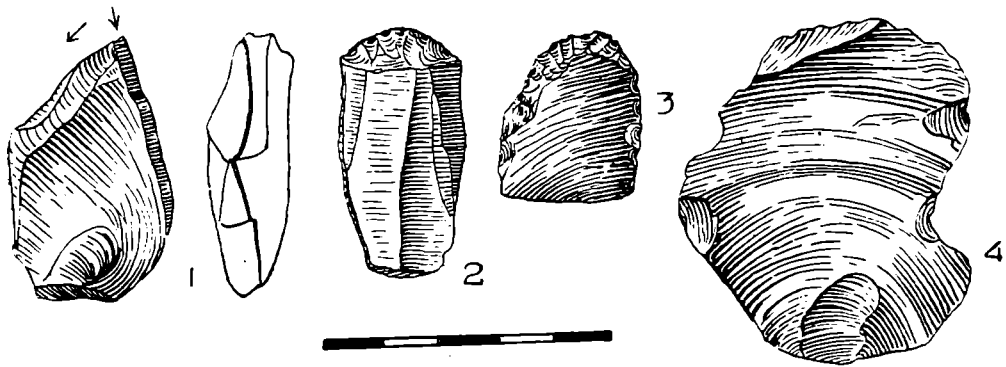

Рис. 7. Каменные орудия, найденные в глубине узкого коридора пещеры № 7.

интерес по условиям своего нахождения. Дело в том, что пещера № 7, представляющая при входе довольно широкий грот, в этой части имеет каменистое, сильно разрушенное дно, совершенно лишенное каких-либо находок. Нет находок и ниже пещеры по склону. В узком коридоре, идущем вглубь и довольно круто поднимающемся кверху, отложений на дне также не имеется, за исключением нескольких небольших участков, занесенных глиной на несколько сантиметров. На расстоянии около 20 шагов от входа, где коридор далее превращается в узкую непроходимую щель и где пробираться приходилось со свечей, были найдены почти рядом на площади около полуметра еле прикрытые частично тонкой прослойкой глины все четыре кремня. То, что три из них представляют собою законченные, тщательно изготовленные орудия, а четвертый массивный осколок также носит явные следы употребления, исключает возможность случайного позднейшего заноса сюда этих кремней, и с полной достоверностью можно утверждать, что они оставлены здесь человеком палеолитической эпохи. Подобные находки единичных законченных орудий в глубине пещер, в их темной части, никогда не обитаемой и не имеющей на дне культурных отложений, но содержащих памятники палеолитического искусства, неоднократно делались в Западной Европе. Например, можно напомнить единичную находку тщательно изготовленного углового резца

с поперечной концевой ретушью в глубине известной пещеры Пеш-Мерль близ Кабрере (департамент Лот),¹ содержащей в себе большое число палеолитических наскальных росписей. Точно так же изолированные находки кремневых орудий были сделаны в глубине пещеры «Трех Братьев», в пещерах Тюк д'Одубер и Монтеспан и др.² Во всех подобных случаях эти отдельные находки, повидимому, являлись инструментами, при помощи которых наносились гравировки на стенах пещер. Сразу припомнившиеся факты подобного рода заставили с особенным вниманием осмотреть место находки. К сожалению, стены пещеры покрыты сталагмитовым натечком значительной мощности (иногда сантиметров 10 и более), совершенно маскирующим стены пещеры. Осторожное удаление и расчистка известковых натечков являются сложным делом и в условиях моих рекогносцировочных работ 1934 г. не могли быть осуществлены.

Зато более благоприятные результаты были получены при повторном внимательном осмотре других гротов. В навесе № 5 удалось обнаружить ряд вырезанных на неровной поверхности скалы начертаний, несомненно относящихся к палеолитическому периоду. Убедительным доказательством этой датировки является то обстоятельство, что часть начертаний маскируется тонкой сталагмитовой коркой, ниже по склону имеющей большую мощность и содержащей в себе включения в виде палеолитических кремневых орудий и расколотых костей. Среди этих включений мною отмечены массивное нуклеовидное орудие, полиэдрический резец, ножевидные пластинки, зубы первобытного быка, фрагменты трубчатых костей и пр.

Эти вырезанные на поверхности известняка знаки расположены вдоль внешнего края навеса, в центральной и северной его части, в числе около десяти. В центральной части, где на дне навеса еще сохранились культурные отложения, повидимому до сравнительно недавнего времени маскировавшие интересующие нас начертания, последние сохранились относительно удовлетворительно; в северной же части навеса они сохранились значительно хуже, не поддаются точной фиксации и иногда еле заметны.

С четырех знаков центральной части навеса удалось сделать гипсовые слепки. Фрагмент одного начертания на небольшой, отслоившейся плитке известняка был мною поднят на дне навеса вместе с другими культурными остатками. Эти пять начертаний я воспроизвожу здесь в фотографиях с гипсовых слепков (рис. 8) и прорисях (рис. 9).³

Все знаки сильно повреждены временем и, таким образом, воспроизведения их являются также фрагментарными, не передающими полно-

¹ A. Lemosi. La grotte-temple du Pech-Merle. Un nouveau sanctuaire préhistorique. Paris, 1929, p. 156 et fig. 57.

² H. Begouen. La technique des gravures pariétales de quelques grottes pyrénéennes. C. I. A., XV-e sess. Paris, 1931, pp. 375—383.

³ В прорисях на рис. 9 взаимное положение попарно расположенных знаков А—В и С—D не сохранено из-за экономии места. Отношение это можно видеть на слепках (рис. 8); размеры знаков смотреть по масштабу (на рис. 9).

стью их первоначального вида. Но и в своем первоначальном виде начертания эти не представляли реалистических изображений, а имели вид схематических знаков линейно-геометрического характера. Первый из знаков (рис. 8, фиг. а, рис. 9, фиг. А) состоит из одной глубоко вырезанной горизонтальной черты, пересекающейся рядом перпендикулярных к ней более тонких линий. Кроме того, неровная поверхность скалы предварительно, перед нанесением на нее нарезок, подверглась выравниванию путем скобления, следы которого остались в виде очень тонких штрихов, располагающихся по диагонали. Часть знака замаскирована сталагмитовой корочкой, почти не поддающейся отделению.

Второй знак (те же рисунки, фиг. b и В), расположенный поблизости от первого и, быть может, составлявший с ним первоначально одно начертание, не сохранившееся в центральной части, состоит из двух глубоких вертикальных нарезок, пересеченных по диагонали. Слева от знака сохранилась выравненная скоблением поверхность, покрытая тонкой штриховкой в разных направлениях.

Третий и четвертый знаки, расположенные один близ другого к северу от первой группы, сохранились несколько лучше. Третий (фиг. С, с, на тех же рисунках) состоит из глубокой и широкой диагонально-расположенной нарезки, пересекаемой более тонкой чертой; параллельно этой последней, в левой части знака идет другая черта, доходящая до первой глубокой нарезки, но не пересекающаяся с нею. Кроме того, на площади этого знака имеется еще целый ряд штрихов в разных направлениях, гораздо более тонких, чем три основные, иной раз еле различимых и частью относящихся к предварительному выглаживанию скалы перед нарезкой знака. В более глубоких нарезках этого знака, на дне, частично сохранились кусочки сталагмитовой корочки, покрывавшей знак и позднее отслоившейся.

Четвертый знак (фиг. D) состоит всего из одной глубоко нарезанной черты, расположенной по диагонали, причем ясно видно, что она была нанесена не сразу, а как бы недостаточно твердой и уверенной рукой, несколько раз по одному месту. Это ясно видно и по неровному дну нарезки и по не совпадающим на концах параллельным штрихам от повторной нарезки. Справа и слева от этой основной линии идет ряд тонких штрихов, расположенных под углом и образующих елочный рисунок.

Как уже упомянуто, кроме четырех описанных знаков имеется в северной части навеса еще несколько знаков, гораздо худшей сохранности, с которых не удалось снять гипсовых слепков, а зарисовка их на месте из-за неровной поверхности скалы и неудовлетворительного освещения оказалась невозможной.

Пятый из публикуемых мною знаков (Е), найденный на отдельной плитке известняка, представляет собою лишь фрагмент начертания, сходного по характеру с предыдущими. Первоначальное его положение определить не удалось. Возможно, что он происходит с потолка или стены навеса, медленное, но непрерывное отслаивание и разрушение которых

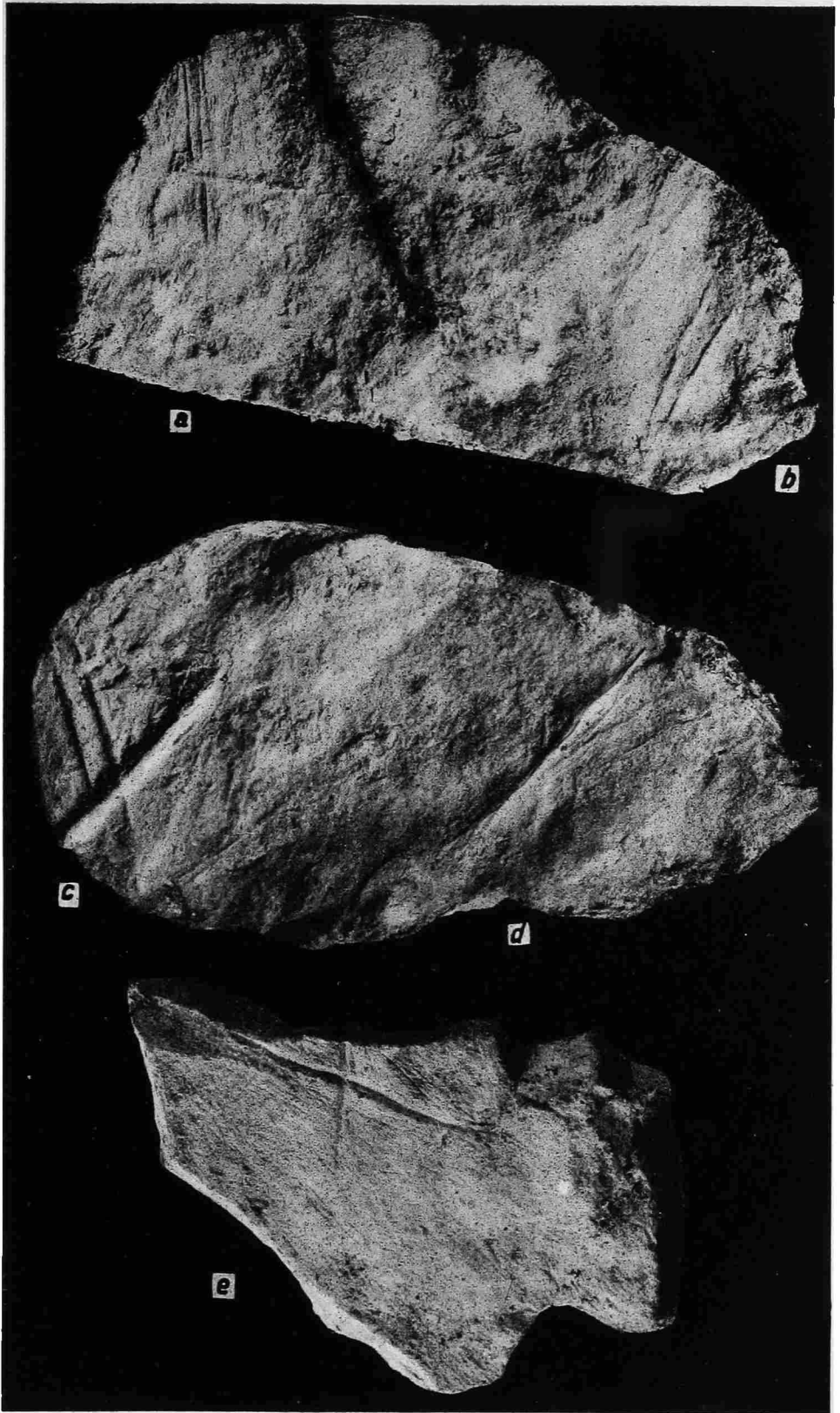

Рис. 8. Палеолитические гравировки на скале у навеса № 5 (фотография с гипсовых слепков).

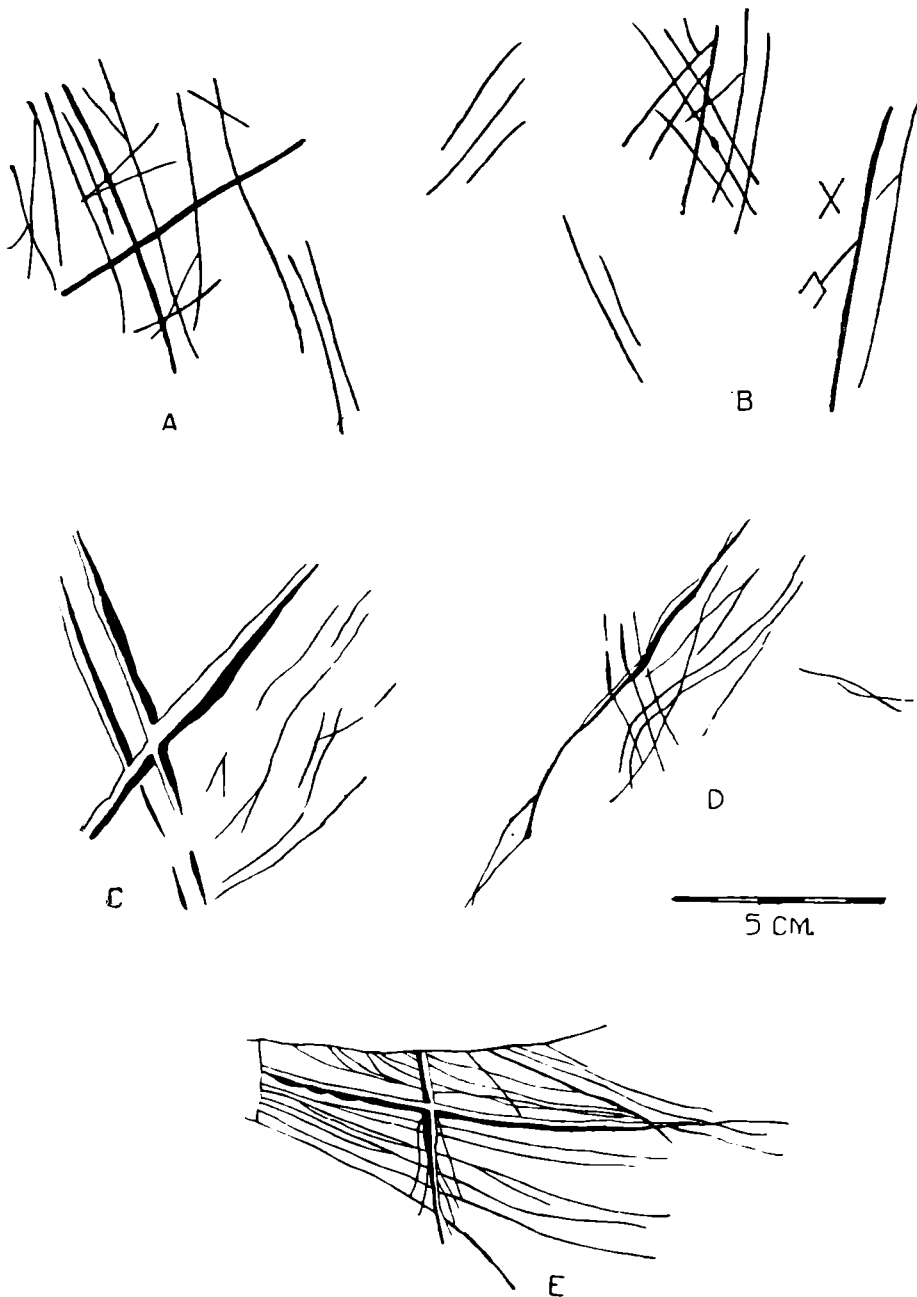

Рис. 9. Прорись гравировок из навеса № 5.

происходит и в наши дни. На этой плитке начертание состоит также из двух пересекающихся, четко и глубоко нарезанных линий, расположенных на фоне тонкой, перекрещивающейся в разных направлениях штриховки.

Если обратиться к сравнительному изучению начертаний, найденных в Мгвимеви, на первый взгляд так не похожих на богатейшие памятники палеолитического искусства Франции и Испании, то мы увидим, что и в этих странах изобразительная деятельность первобытного человека вовсе не исчерпывается реалистическими фигурами животных. Вспомним

хотя бы сложные геометрического характера рисунки из пещер Фон де Гом и Бернифаль, не истолкованные окончательно и объяснявшиеся то как изображение жилищ, то как изображение ловушек для животных, «клавишеобразные» знаки из пещеры Пиндаль и т. д. Но помимо этих достаточно сложных изображений имеются в тех же пещерах и более близкие к обнаруженным в Мгвимеви схематические начертания, не привлекающие к себе обычно большого внимания. Ограничусь здесь напоминанием хотя бы схематических человеческих фигур из пещеры Кастильо.¹

Но если в пещерных росписях Франции и северной Испании геометрические начертания все же встречаются в значительном меньшинстве, то по мере продвижения на юг Пиренейского полуострова количество их возрастает. Ближайшие же аналогии знакам Мгвимеви мы находим, как мне уже приходилось указывать, в некоторых местонахождениях средиземноморских стран, в первую очередь в находящемся на юге Апеннинского полуострова гроте Романелли, исследованном Регалья и Стази в 1904—1905 гг.²

Здесь, правда, на ряду с условными начертаниями геометрического характера, имеются также и изображения животных, однако несравненно более схематизированные, нежели во французских находках. По возрасту изображения этой пещеры относятся к верхнему палеолиту.

Два местонахождения с очень близкими по характеру начертаниями были открыты недавно во французской северной Африке, а именно: в пещерном навесе Фум-Бир-Сеид, описанном Р. Вофреем, и в убежище у холма Кифэн, изученном Ле-Дю (оба близ г. Тебесса в провинции Константине). В обоих местонахождениях нарезки на скалах расположены довольно беспорядочно и состоят из рядов параллельных линий, пересекающихся крестообразно штрихов, решеток, углов и реже треугольников, заполненных иногда штриховкой внутри или рядами точек и, наконец, длинных, неправильно изогнутых, кривых. Помимо сходства этих начертаний со знаками Мгвимеви, интересно отметить одинаковое их расположение в навесе Фум-Бир-Сеид, где, как видно из фотографии Вофрея,³ они располагаются как на стене навеса, так и на полу, и на склоне за пределами навеса, ниже его. Минимальный возраст гравировок обоих африканских местонахождений определяется условиями находки в навесе

¹ Peintures et gravures murales des cavernes paléolithiques. Les cavernes de la région Cantabrique (Espagne), par H. Alcade del Rio, H. Breuil et L. Sierra, in 4°, Monaco, 1911, p. 192, fig. 196.

² Regalia e Stasi: Grotta Romanelli (Castro, Terra d'Otranto). Archivio per l'Antropologia e l'Etnologia, vol. XXXV, fasc. 2. Firenze, 1905.

К сожалению мне до сих пор остается недоступной последняя публикация итальянского исследователя Грациози, заново изучившего и издавшего изображения грота Романелли.

³ Vaufrey et Le Dû. Gravures rupestres capsienes. L'Anthropologie, t. XLIV (1934), p. 328, fig. 1.

Кифен, где они были наполовину засыпаны отложениями, содержащими культурные остатки верхнекапсийского типа, хотя вероятно их принадлежность к несколько более раннему времени.

Таким образом мы видим, что открытые в Мгвимеви начертания приближаются к палеолитическим гравировкам западной части Средиземноморья и являются наиболее восточной находкой памятников этого рода.

Остановившись теперь на более точной датировке навесов Мгвимеви, приходится еще раз возвратиться к кремневому инвентарю этого местонахождения. Я уже отмечал, говоря об одной из форм орудий, что кремневый инвентарь Мгвимеви имеет довольно архаичный облик. Кроме разобранной выше *pièce écaillée*, характеризующей среднеориньякские местонахождения Франции, также архаизирующей чертой является наличие большего количества нуклеовидных форм, как скобель, нуклеовидный и даже ладьевидный скребки во французских находках, опять-таки свойственных, главным образом, среднеориньякскому времени. На то же, в известной мере, указывает массивность резцов, приготовление их рядом последовательных сколов. Если опираться в датировке на кремневый инвентарь только одного местонахождения, трудно определить возраст Мгвимеви иначе как среднеориньякский. Именно таким образом и датировали свои материалы, весьма сходные с мгвимевскими, Р. Р. Шмидт (пещеры близ Моцаметского монастыря у Кутаиси) и Г. К. Ниорадзе (пещера Девис-Хврели, близ Харагоули). Однако совершенно иная картина получается при сравнительном изучении кремневого инвентаря всех известных на сегодня пещер Имеретии. Распадаясь на последовательные хронологические группы, охватывающие все протяжение верхнего палеолита, они в значительной мере сохраняют на всех ступенях те черты, которые кажутся архаичными при изучении отдельного местонахождения. В первую очередь это следует отнести, помимо *pièce écaillée*, к нуклеовидным формам орудий. Появляясь очень рано в местонахождениях Грузии, эти формы существуют на всем протяжении верхнего палеолита, до Гварджилас-кльде включительно, где они являются единственной формой массивного режущего орудия, заменяющего полиэдрические формы резца, почти полностью исчезающие в инвентаре этой пещеры.¹

Мне уже приходилось говорить² о близости верхнего палеолита Грузии с местонахождениями средиземноморских стран по характеру развития кремневой техники. Характерной особенностью верхнепалео-

---

¹ Обилие нуклеовидных форм свойственно и верхнепалеолитическим местонахождениям Крыма, в отличие от более северных равнинных стоянок. Так же, как и в Грузии, эта черта служит, напр., одним из главных оснований преувеличенной датировки Сюрени I. Верхний палеолит Крыма изучен еще недостаточно, но чрезвычайное обилие орудий, изготовленных из нуклеусов (хотя и иных по форме) в тарденуазских стоянках Крыма, дает полное основание видеть в этом явлении техническую традицию предыдущей эпохи.

² См. мою работу, цитировавшуюся выше. Сов. этногр., 1935, № 2, стр. 118.

литических местонахождений Сирии, Палестины, Египта, Алжира, Константины и Апеннинского полуострова также является чрезвычайно длительное сохранение «ориньякоподобного» облика кремневого инвентаря, сменяющегося позднее непосредственно микролитической техникой. Кроме кремневого инвентаря, на те же связи, те же общие черты с Средиземноморьем указывает характер наскальной графики Мгвимеви. Это обстоятельство заставляет отказаться от датировки перечисленных выше верхнепалеолитических местонахождений Грузии и Крыма ранними стадиями верхнего палеолита. Подробная аргументация этого положения, выходящая за рамки настоящей публикации, будет дана мною в другом месте. Сейчас же отмечу лишь, что кремневый инвентарь Мгвимеви, входя во вторую из выделяемых мною в палеолите Грузии трех последовательных групп, в переводе на западноевропейскую хронологическую схему не превосходит, повидимому, древнемадленского возраста.

Изложенным исчерпываются, в основном, результаты исследования навесов Мгвимеви. находка эта увеличивает наши сведения о еще очень мало изученных и еще менее того опубликованных палеолитических местонахождениях Грузии. Но безусловно, основное значение этого местонахождения — в наличии несомненных следов палеолитических гравировок на скалах. находка эта, сама по себе уже позволившая сделать некоторые сопоставления и выводы, все же еще слишком фрагментарна. Главная ценность ее заключается, конечно, в тех богатейших перспективах, которые она дает для постановки дальнейших исследований. Условия для постановки систематических поисков на памятники палеолитического искусства в западном Закавказье исключительно благоприятны. Известняковая полоса Кавказского хребта (к слову сказать, находящегося на одной географической широте с основной областью находок палеолитического искусства — южной Францией и Пиренеями) изобилует карстовыми явлениями. Бесчисленное количество скалистых навесов и гротов, нередко используемых как загон для скота, пещер, имеющих иногда огромные размеры, разбросано почти по каждому ущелью. Подавляющее большинство их не только не исследовано, но и вообще не посещалось с научными целями. В научной литературе они совершенно не учтены.

Эта же полоса известняков содержит многочисленные местонахождения кремня превосходного качества, которые на ряду с пещерами безусловно должны были привлекать палеолитического человека. И, действительно, мы видим, что первые же робкие шаги, которые пока что были сделаны в исследовании палеолита Грузии, дали сразу же богатейшие результаты, не исчерпывающие, однако, и ничтожнейшей доли того, что сулит организация систематических работ. Насколько богатые материалы ждут еще своего исследователя, показывает хотя бы открытие десятков местонахождений палеолита на Черноморском побережье Кавказа экспедицией ИАЭ в 1934—1935 гг. Эти находки сделаны в продолжение всего двух полевых сезонов, в области, где до этого не было известно ни одной

находки палеолита, хотя археологические работы по более поздним памятникам велись здесь уже в течение ряда десятилетий. Одной из основных причин успеха исследований на Черноморском побережье, безусловно, является узкая специализация тематики поисковых работ. Систематические разведки пещер с целью отыскания памятников палеолитического искусства необходимо поставить в порядке дня.

Поучительным примером может служить история открытия палеолитических росписей в пещерах Испании и Франции. Первые находки, сделанные еще в 80-х годах прошлого столетия, не привлекли к себе внимания и оставались полузабытыми в течение долгого времени. Но первые же систематические исследования и обстоятельные публикации вызвали в начале нынешнего столетия целый ряд новых поисковых работ, в короткий срок выдвинувших местонахождения Пиренеев и юга Франции на единственное, исключительное место в мировой науке. У многих западных исследователей эти открытия вызвали представление о какой-то особой роли, которую играла франко-кантабрийская область в истории первобытного человечества. Ложность этих представлений ярко выражается хотя бы в свете блестящих открытий ориньяко-солютрейской скульптуры в ряде местонахождений как европейской, так и азиатской части Советского Союза, находок палеолитического искусства в Палестине и т. д.

Все наши сведения о первобытном человечестве говорят против скептического отношения к возможности открытия палеолитических пещерных росписей на Кавказе. Задача их обнаружения заслуживает приложения больших усилий. Индивидуальные спорадические поиски одного исследователя, конечно, не могут заменить планомерных исследований, требующих специальной методики, специального оборудования и подготовки. Работы по разведке памятников палеолитического искусства должны быть поставлены в план научных институтов, ведущих работы на Кавказе.

S. ZAMĪATNĪN

LES ABRIS SOUS ROCHE DE MGVIMÉVI (PREMIÈRES TRACES
DE GRAVURES PARIÉTALES PALÉOLITHIQUES EN
TRANSCAUCASIE)

RÉSUMÉ

En 1934, l'auteur a été chargé par le Musée d'anthropologie, d'archéologie et d'ethnographie de l'Académie des Sciences de l'URSS d'exécuter des recherches dans les gisements paléolithiques de la Géorgie occidentale. Dans les environs de Tchiatoura, où l'on connaissait déjà quelques grottes

renfermant des restes paléolithiques, il a découvert plusieurs nouveaux gisements, dont les plus intéressants sont au village de Mgvimévi, où dans un rocher situé sur la rive droite de la Kvirila, au-dessous d'un ancien monastère, se trouve une série d'abris et de grottes, qui il y a cent ans déjà avaient attiré par leur aspect pittoresque l'attention du voyageur français Dubois de Montpéroux (le dessin qu'il en a laissé est reproduit sur la fig. 1). Ces grottes ont été habitées au Quaternaire. Dans quatre d'entre elles (№№ 1, 3, 5 et 7), on a trouvé des silex taillés par l'homme paléolithique (fig. 2 et 3). Les dépôts dans les abris sont fortement érodés, par places le fond rocheux est mis à nu, et une partie des trouvailles a été faite plus bas sur le versant. L'outillage en silex de toutes les grottes est uniforme et comprend des formes caractéristiques du Paléolithique supérieur — burins ordinaires, polyédriques et latéraux, avec retouche terminale (concave, droite ou oblique), grattoirs sur bout de lame, grattoirs carénés, grattoirs nucléiformes, rabots, petites lames à bord rabattu, etc. Cet outillage, qui se rapproche de celui de certaines autres grottes de la Géorgie occidentale (par. ex. Dévis-Khvréli, grotte Virchow, etc.), a un cachet assez archaïque rappelant l'Aurignacien moyen, âge probable de ces grottes d'après les savants qui les ont étudiés. L'auteur estime qu'à Mgvimévi, comme dans ces dernières, les traits aurignaciens sont des survivances, à l'exemple de ce qui existe dans les pays méditerranéens (par ex. Capsien, Grimaldien, etc.) et que tous les gisements susmentionnés datent de la fin, plutôt que du début du Paléolithique supérieur.

Un intérêt particulier s'attache à une série d'entailles et de signes découverts dans l'abri № 5 et faits incontestablement de la main de l'homme paléolithique. Leur âge ancien est prouvé par la mince écorce stalagmitique qui les recouvre par endroits et qui renferme en plusieurs points, là où elle a une épaisseur plus considérable, des outils en silex paléolithiques et des ossements d'animaux fossiles. L'auteur rapproche les signes de Mgvimévi de ceux de la grotte Romanelli en Italie et des abris Kifène et Fom-Bir-Seïd dans l'Afrique du Nord française.

Il est intéressant de signaler, en relation avec la découverte des gravures pariétales paléolithiques de Mgvimévi, la trouvaille de plusieurs outils achevés au fond de la grotte № 7, qui ne renfermait pas de restes archéologiques à l'entrée. Il est certain qu'ils ont été apportés dans la profondeur obscure de la grotte par l'homme paléolithique.

Les traces de gravures paléolithiques énumérées ci-dessus, encore insignifiantes par elles-mêmes, ouvrent de larges perspectives aux recherches ultérieures de l'art paléolithique en Transcaucasie.

М. В. ВОЕВОДСКИЙ И П. И. БОРИСКОВСКИЙ

СТОЯНКА ЕЛИН БОР

Большой интерес представляет изучение того периода человеческой истории, который совпадает с переходом от плейстоцена к голоцену, окончанием ледникового периода и установлением современных климатических условий, современного животного и растительного мира. В жизни человечества в это время происходят существенные перемены.

Вопрос о памятниках этого переходного времени, времени исчезновения старого и становления нового образа жизни, еще не в достаточной мере разработан в советской литературе. Главное — мало сделано в области исторического осмысления памятников, относящихся по археологической классификации ко времени переходному между палеолитом и неолитом. Нужны большие и коллективные усилия в этой области.

В нашем распоряжении имеется очень мало хорошо документированного и научно-обоснованного материала, относящегося к этой эпохе, с чем безусловно связана очень слабая изученность последней. Поэтому, наряду с изданием обобщающих работ, существует острая необходимость в полноценном издании отдельных памятников, могущих послужить материалом для построения конкретной истории ранних этапов родового общества на нашей территории.

Описываемые ниже материалы стоянки Елин Бор, несмотря на неполноту ее полевого изучения, представляют все же значительный интерес, так как до настоящего времени на большой территории центральных областей Европейской части РСФСР известно всего лишь две стоянки этого типа¹, к тому же очень бедных материалом.

Стоянка была впервые открыта П. П. Кудрявцевым в 1878 г. и посещалась им в течение нескольких последующих лет. Раскопок им не производилось и почти весь материал был собран на поверхности холма, в котловинах между песчаными буграми. Описание стоянки и условий сбора исследователь дает в письме Д. Н. Анучину, приложенном к при-

---

¹ Boulitschow. Les rives de l'Oka. Москва, 1900; М. В. Воеводский. К вопросу о ранней (свидерской) стадии эпилепеолита на территории восточной Европы. Тр. II международн. конференции Ассоциации по изуч. четверт. периода Европы, вып. V, 1934.

сланным коллекциям. В виду того что это письмо является единственным документом того времени, в котором имеется первичное описание памятника, мы его приводим полностью, опуская лишь те места, которые не имеют отношения к стоянке.

«Президенту Общества Любителей естествознания, антропологии и этнографии проф. Дмитрию Николаевичу Анучину.

Имею честь препроводить на распоряжение Общества два картона кремневых орудий и др. предметов каменного века р. Оки с так наз. «Елина Бора», который представляет собой довольно большой песчаный бугор с обнаженною на большей части поверхностью и находится у левого берега р. Оки, верстах на 20 выше Мурома, в Меленковском уезде, близ деревни Елиной и против села Дощатого.

Бугор окружен болотом, в полую воду делается, кажется, островом, и в нижних частях заливадается водой. В первый раз я на нем был в 1878 году, и с тех пор в несколько поездок собрал все то, что теперь представляю в Общество.

Почти все найдено мною самим, только 7—10 шт. куплено у крестьян дер. Елиной, которые говорили, что подобрали их там же. На бугре в разрезах заметен темный слой, но не такой как в Волосове, довольно тонкий, не очень темный, и происшедший от перегноя и сгорания покрывавшей бугор растительности; находок здесь мало и $\frac{9}{10}$ из них составляют ножевидные осколки. Черепков горшечных почти нет, костей животных и костяных орудий не найдено вовсе. Картон № 86 заключает в себе орудия: один большой топор частью выветрившийся и один маленький. Оба из кремня с отполированными (отточенными) остриями; два обломка от больших полированных топоров из твердых горных пород, один кремневый камень, из которого рядом грубых отколов предполагалось сделать, как видно, тоже топор, десять кремневых стрелок (наконечников), разной формы, в том числе одна большая (копье), одно большое кремневое ядрище, одно такое же маленькое, как буравчик, три небольшие обломка от ядрищ, около 70 ножевидных осколков, из них около 20 целых, один камень с выбоинами (кистень), 22 скребка — все маленькие, за исключением нескольких, один рабочий камень (простая колотушка для обивки орудий), 6 шил и разные осколки и материал.

Картон 87 содержит черепки от горшков, найденных на Елином Бору, из которых толстые все от одного горшка, найденного мною, к сожалению, уже растоптанным, обращают на себя внимание по грубости и странности работы.

Надписи сделаны или на ярлыках розового цвета «Ел. Б», «Е. Б» и означают Елин Бор. Звездочка под надписью значит, что предмет найден лично мною на поверхности, на предметах же, приобретенных покупкою, звездочек не имеется.

Член Общества П. Кудрявцев. 1894 года. 12 Августа».

Вещи, присланные Кудрявцевым, поступили первоначально в Антропологический музей, а затем, при переезде последнего из здания Исторического музея в помещение Московского университета, были разделены; часть их в настоящее время хранится в Гос. музее антропологии, а часть в Гос. историческом музее. Материал с Елина Бора был частично опубликован в 1879 г. в описании предметов Антропологической выставки, составленном Анучиным. Среди краткого перечня коллекций, доставленных Кудрявцевым, имеется указание, что часть их с Елина Бора. Рисунков вещей нет.¹

Краткое описание стоянки и орудий с Елина Бора дает А. С. Уваров в своей работе по археологии России.²

Характеристика дается очень краткая, снабженная несколькими рисунками. Уваров относит стоянку к переходному периоду от палеолита к неолиту и отмечает сходство елинских орудий с орудиями Крымских стоянок из раскопок Мережковского. Правда, к тому же переходному периоду автор относит и ряд поздненеолитических стоянок вроде Воловской, Лягалинской и др.

В 1928 г. часть предметов из коллекции Кудрявцева была издана польским археологом Л. Савицким в его сводной работе.³ Автор дает краткое описание части инвентаря, снабженное несколькими рисунками орудий.

Описание Елина Бора и еще нескольких эпилеолитических и неолитических стоянок с территории СССР, основанное на их очень беглом просмотре, без детального ознакомления с имеющимся огромным материалом по этим периодам, на ряду с неверными методологическими предпосылками, привело автора к ряду совершенно ложных выводов, а иногда прямых ляпсусов. Отдельные орудия разных стоянок, вырванные из комплекса, сравниваются с отдельными типами орудий Португалии; сев. Африки, Индии, Сибири и других территорий, и на основании их поверхностного, чисто формального сходства строятся гипотезы о культурных влияниях, заимствованиях и миграциях.

В частности, отмечая сходство кремня некоторых орудий с Елина Бора с верхнеастартским кремнем северной части гор Святого Креста, Савицкий считает их импортом с территории Польши на Оку. Необходимо отметить, что эта совершенно фантастическая гипотеза, не имеющая под собой никакой реальной почвы, подхватывается в последнее время некоторыми другими польскими археологами, которые, оперируя ею уже

---

¹ Антропологическая выставка 1879 г. Описание предметов выставки, вып. 2. Отдел доисторический, стр. 21 и 25. Москва, 1879. Изд. о-ва люб. ест., антр. и этн.

² А. С. Уваров. Археология России. Каменный период, т. I, стр. 293—294 и т. II, табл. 25, рис. 4109—4118. Москва, 1881.

³ Ludwik Sawicki, Materiały do zñajomości prehistorji Rosji. Przegląd Archeologiczny, т. III, вып. 2, 3. Познань, 1928.

в качестве доказанного факта, строят гипотезы о древних миграциях с территории Польши далеко на восток на территорию СССР.¹

И, наконец, в 1934 г. в сводной работе по эпипалеолиту восточной Европы М. Воеводским был частично затронут материал с той же стоянки.²

Таким образом, хотя в течение более полувека, а особенно за последние годы, этот сравнительно небольшой подъемный материал неизменно привлекал внимание археологов и вошел в международную литературу, полного описания и анализа всего комплекса орудий не было сделано никем.

Летом 1934 г. стоянка была обследована П. И. Борисковским, производившим археологические разведки в бассейне р. Оки. Во время обследования был заложен небольшой раскоп, давший ценные данные, позволяющие по-новому осветить собранный до сих пор материал.

Обследование Борисковского выявило следующую картину.

Стоянка расположена на довольно высоком (13.5 м над уровнем Оки, 5.5 м над уровнем окружающей местности), узком (ширина около 120 м), вытянутом (длина около 430 м) песчаном бугре («Бору»), выходящем одним своим узким концом к Оке (рис. 1).

Бугор находится в 1 км к югу от дер. Елиной и отделен рекой от села Дошатого. Он окружен низменной болотистой местностью, заливаемой в половодье. Поверхность бугра покрыта группами кустов, на месте которых образовались неразвевающиеся холмики рядом с соседними, не покрытыми растительностью и потому развевающимися впадинами. В этих впадинах и находят, как результат развеивания культурного слоя, остатки деятельности человека — обработанный кремь и керамику. Подъемный материал не обнаружен на половине бугра, примыкающей к Оке; он сосредоточен на удаленной от Оки восточной половине бугра (граница его распространения проходит примерно по середине бугра).

Подъемный материал очень разнороден. Керамика — трех типов:

1. Больших размеров грубая толстостенная, с большей примесью дресвы — остатки бывшей здесь дегтярни недавнего происхождения.

2. С сильно отогнутым венчиком, сделанная на гончарном круге, светлосерая, русская, не раньше XVI в.

3. Со слегка отогнутым венчиком, тонкостенная, хорошего обжига. II—VII вв. н. э. (так наз. «финская»).

Кремь тоже разнороден. Есть ряд форм развитого неолита — топорovidные, двусторонне-отесанные орудия (рис. 2—1 и 2). На ряду с ними основная масса находимого на поверхности кремня имеет типично эпипалеолитический облик. Это — узкие ножевидные пластинки, скребки на округлых отщепах, свидерские наконечники с черенком и т. д. Только

¹ В. Антонец. Древнейшие остатки человека в северо-западной Польше и Литве. Тр. II междунар. конф. Ассоц. по изуч. четвертичн. периода Европы, вып. V, Л., 1934.

² М. В. Воеводский. К вопросу о ранней (свидерской) стадии эпипалеолита на территории восточной Европы. Тр. II конф. АИЧПЕ, вып. V, Л., 1934.

раскопки дали бы основу для точного расчленения подъемного материала и выделения эpipалеолитического комплекса. Подчистка краев неразвешенных всхолмлений обнаружила наличие в стоянке неразвешенного слоя, содержащего обработанные кремни. Это дало отправную точку для постановки рекогносцировочных раскопок.

Один из холмиков в северо-восточной части бугра был расчищен от покрывающих его кустов и на нем был заложен раскоп 3×5 м, давший интересные результаты (рис. 1, точка Б). Светложелтый песок, покрыва-

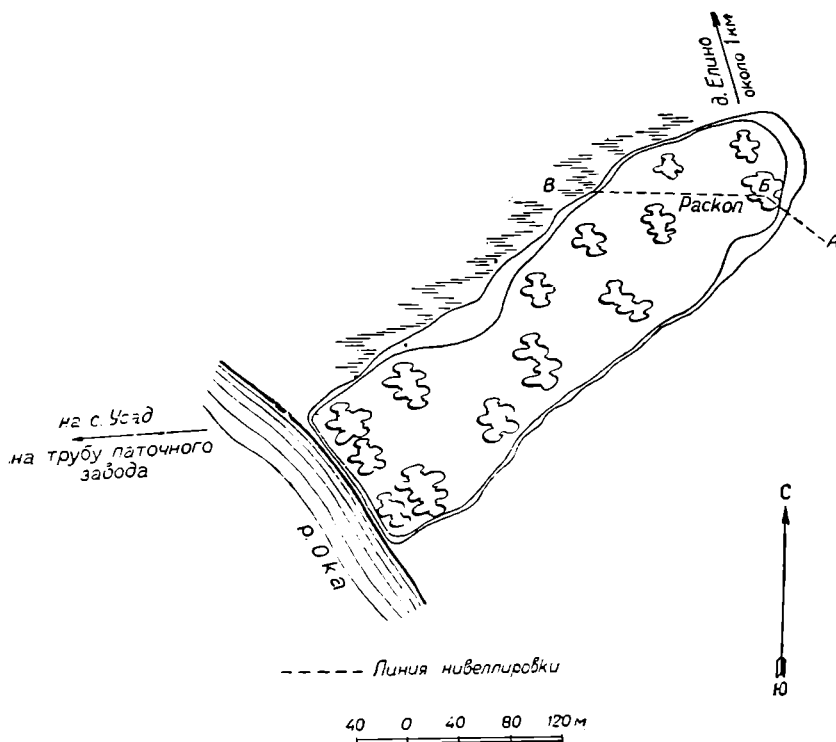

Рис. 1. План Елина Бора.

вавший поверхность холма, на глубине 160 см (все измерения велись от верхней точки юго-восточного угла раскопа) сменяется черным зольным песчаным слоем, толщиной около 15 см (рис. 3).

Это ископаемый гумус, обычно перекрывающий эpipалеолитические находки.

Сразу же под ископаемым гумусом залегает, на всем протяжении раскопа, за исключением примерно 1 кв. м в северо-западном углу раскопа (здесь гумус сменяется стерильным желтым песком), песчаный слой розового цвета, содержащий культурные остатки. Мощность розового слоя — 20—30 см. На глубине 200 см он сменяется во всей южной и западной части раскопа стерильным коричневым песком. В центре же раскопа и в северо-восточной его части этот слой сменяется черно-коричневым песчаным слоем, содержащим, правда в меньшем числе, культурные остатки.

Черный слой, содержащий культурные остатки, идет до глубины 240—250 см, а в одном квадрате, примыкающем к восточной стенке раскопа, наполняет небольшую конусообразную западину до 300 см глубиной.

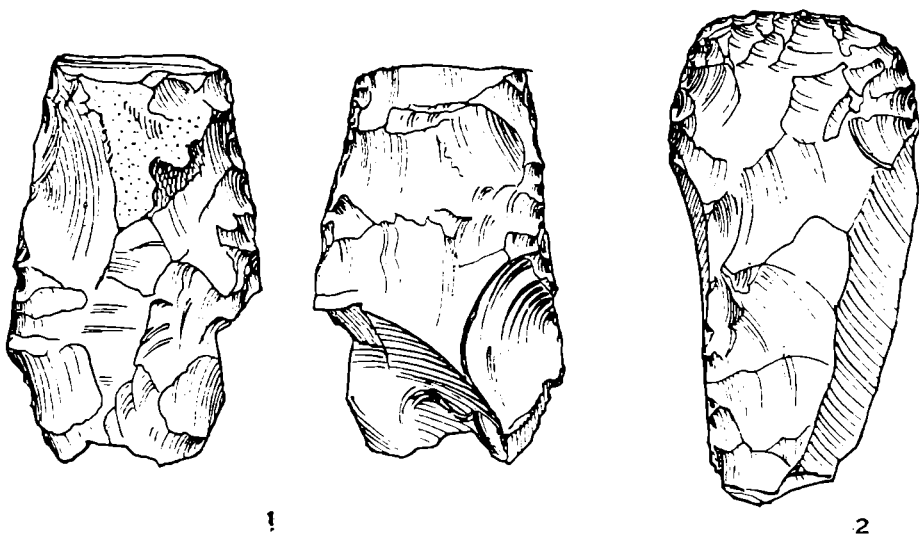

Рис. 2. Елин Бор. Сборы П. И. Борисковского. Подъемный материал. $\frac{2}{3}$ н. в.

Таким образом мы имеем дело с резко очерченной округлой ямой, заполненной культурным слоем и уходящей в восточную стенку раскопа (рис. 4). Во вскрытой части яма эта достигает 3 м в поперечнике, но точные ее размеры установить нельзя, так как она уходит в стену раскопа.

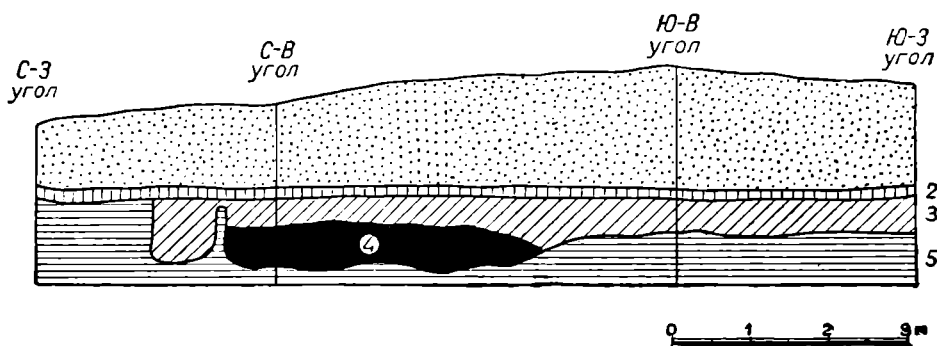

Рис. 3. Разрез раскопа. Елин Бор.

Вскрытая рекогносцировочным раскопом картина свидетельствует о существовании здесь по всей вероятности остатков жилого сооружения — округлого, несколько углубленного в землю жилища. Это является интереснейшим фактом, ранее нигде не зафиксированным для данной эпохи ¹

¹ Ср. остатки легких жилищ несколько более ранней эпохи, обнаруженные П. П. Ефименко в стоянке Боршево II (П. П. Ефименко. Палеолитические стоянки Восточно-Европейской равнины. Тр. II конф. АИЧПЕ, т. V, стр. 111).

и говорящим о необходимости постановки широких раскопок стоянки Елин-Бор. Культурные остатки происходят из розового и подстилающего его черного слоя. Больше всего их в розовом слое в средней и северной части раскопа (над ямой). В южной части раскопа их несколько меньше. В черном слое, подстилающем розовый культурный слой, их тоже несколько меньше: орудий здесь почти не найдено.

Культурные остатки образуют единый одновременный комплекс. Исключение — 4 маленьких фрагмента русской керамики и один кремь неолитического облика (рис. 5—26), проникшие в верхнюю часть культурного слоя извне.

Культурные остатки состояли только из кремня, кости не найдено. Кремь — разноцветный, валунный. Отбросов и отщепов в культурном слое — 480 шт., в том числе несколько сколов с основания нуклеусов — ребристых пластин и массивных отщепов. Немногие отщепы достигают 4—5 см длины, большинство же мелкие чешуйки 1—2 см длины. Некоторые имеют следы корки.

Нуклеус найден только один — типичный, призматический со следами отделявшихся от него правильных пластин (рис. 5—17). Кроме того, несколько сколов с основания нуклеусов, а также ряд нуклевидных кусков кремня, о которых речь будет ниже.

Эти черты (обилие отбросов и наличие нуклеусов) позволяют говорить о том, что обработка кремня производилась на территории стоянки.

Пластинки удлинённые, правильной формы с параллельным ограничением, без следов корки на спинке (рис. 5—1, 24): 5 крупных (4—6.5 × 1.5 см), 15 коротких сечений пластин (1.5—3 × 1—1.5 см), обычно сохраняющих ударный бугорок.

43 тонкие миниатюрные ножевидные пластиночки и сечения таких пластиночек (0.7—3.5 × 0.5—0.8 см). Они могли употребляться в качестве вкладышей, подобно орудиям со вторичной обработкой, как это наблюдается на нилке, описанной Н. В. Сибилевым.¹ При увеличении

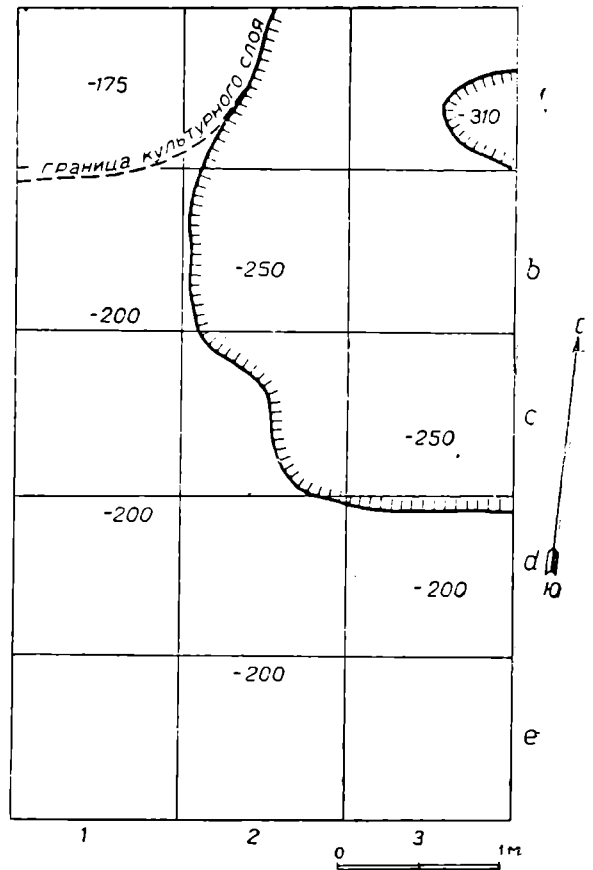

Рис. 4. План раскопа.

¹ М. В. Сибільов. Старовинності Изюмщини, в. IV, 1930, табл. IV, рис. 12.

(около 30 раз) по краям большинства этих пластинок заметны выщербинки и заполированность. Такая заполированность могла получиться только в результате длительного употребления данной пластинки в качестве орудия.

Заполированность отсутствует на бесформенных отщепах из этого местонахождения и имеется налицо на краях пластин с ретушью и скребков.

Это подтверждает предположение об употреблении необработанных пластинок в качестве вкладышей в костяные и деревянные рукоятки. Ряд отщепов неправильных очертаний (30 шт.) имеет по вогнутому или выпуклому краю ретушь. Ретушь эта приурочена лишь к одному месту и не формирует целого рабочего края. Отщепы эти могли быть случайными орудиями для резания или скобления.

Узкие правильные пластины тоже имеют легкую приостряющую ретушь по одному или по обоим краям (6 шт., рис. 5—5). На трех ретушь образует с обоих краев мелкие зазубринки, подобно пилкам (*lames denticulées*) мадленских стоянок (рис. 5—3, 6). Зазубрины столь мелки, что эти орудия не могли употребляться для обработки костяных и деревянных стержней, но только для резанья и пиления. Их небольшие размеры (до 4 см длины и до 1.2 см ширины) позволяют предполагать их употребление только в качестве вкладышей.

Типичные резцы отсутствуют, но семь отщепов неправильных очертаний имеют резцовые сколы, образующие на конце отщепа, в сочетании с его естественной поверхностью или с плоскостью отлома, более или менее ясно выраженный двугранный угол (рис. 5—15). На то, что этими орудиями пользовались как резцами, указывают следы сработанности у двугранного угла. На существование в стоянке резцов указывает и наличие 10—15 трехгранных отщепов, имеющих более или менее ясно выраженный характер краевых отщепов от резцов.

Скребков всего 23 шт. Лишь один — концевой, на конце узкой длинной пластинки с параллельным ограничением 5×1.4 см (рис. 5—8). 7 шт. — на небольших массивных отщепах (рис. 5—12, 13, 14). Лезвие неправильных очертаний, очень крутое, массивное, приближающееся к лезвию нуклевидных скребков (толщина скребков у лезвия — около 1 см; поперечник отщепов, из которых приготовлены скребки — около 3 см). 9 скребков — на таких же округлых отщепах, но не с таким массивным, крутым лезвием (рис. 5—10, 11); обычно лезвие занимает около половины окружности отщепа. 6 скребков — на коротких сечениях пластин и на миниатюрных округлых отщепах (рис. 5—7, 9). Длина их не превышает 2 см.

Один превосходный, чрезвычайно тонко и тщательно обработанный наконечник стрелы с черенком свидерского типа. Острие и черенок сплошь обработаны с брюшка плоской отжимной ретушью (рис. 5—16).

Большая группа (70 шт.) нуклевидных кусков кремня (от 1.5 до 4 см в поперечнике), на которых рядом узких параллельно идущих

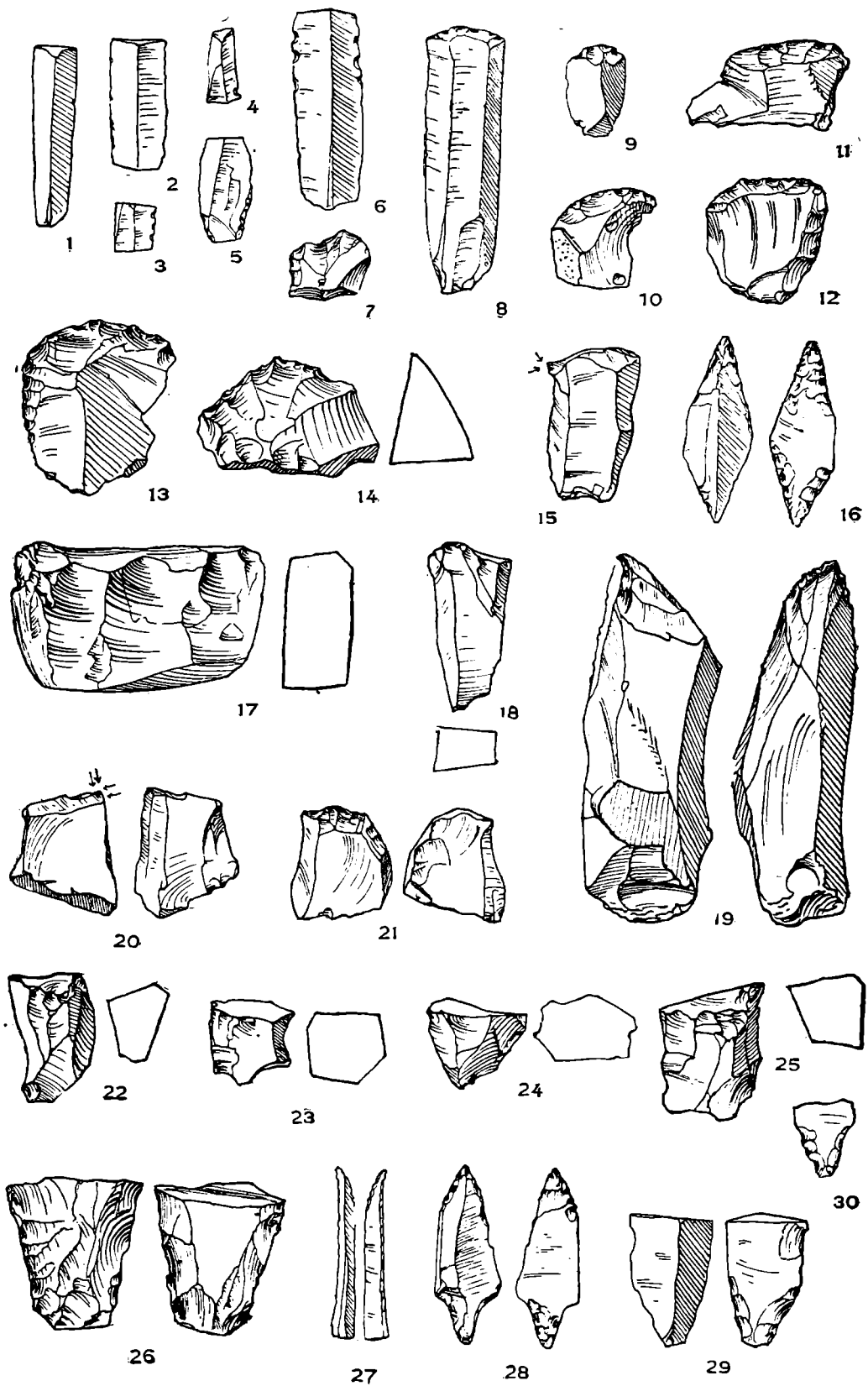

Рис. 5. Елин Бор. Сборы П. И. Борисковского. №№ 1—26 — из культурного слоя; №№ 27—30 — подъемный материал. $\frac{2}{3}$ н. в.

резцовых сколов образовано массивное полукруглое (в виде исключения прямое) скобящее или режущее рабочее лезвие (рис. 5, — 18—25). На то, что это лезвие было намеренно получено и употреблялось при работе, указывает направление резцовых сколов, мелкие выщербинки, следы сработанности или подретушевки, имеющиеся по краю лезвия, и заполированность лезвия, которая обнаруживается при увеличении. Куски кремня не имеют сколько-нибудь выработанной формы. То же самое и их рабочее лезвие. В некоторых случаях оно узкое и приближается к лезвию нуклевидных резцов. В большинстве случаев оно полукруглое, опоясывающее около половины основания куска кремня — такого же типа, как у верхнепалеолитических скобелей (*rabots*).

По всей вероятности эти нуклевидные орудия заменяли у обитателей стоянки по своему функциональному назначению резцы, столь обильные в других эпилеолитических и палеолитических стоянках. Часть из них, более массивная, могла служить в качестве тесел и рубящих орудий. Многие из них, вероятно, являются сработанными нуклеусами, превращенными затем с помощью вторичной подправки в орудия. Обычно нет указаний на большое число этих форм в эпилеолитических стоянках. Это следует объяснить не специфическими чертами кремневой техники Елина Бора, но аморфностью этих орудий, тем, что они приближаются просто к кускам кремня. Из стоянок, где они описаны, следует упомянуть Смячку¹ и местонахождения района Изюма;² сходные формы известны в стоянках польской Померании.³

Из других находок в культурном слое заслуживает еще внимания половина овальной гальки со следами сработанности на конце; она служила отбойником для обработки кремня.

В розовом культурном слое на глубине 185—195 см были найдены 4 массивных камня 8—12 см в поперечнике. Они находились в средней и восточной части раскопа, над южным краем заполненной черным ямы. То, что они были специально принесены в стоянку, — факт, безусловно заслуживающий внимания.

Подъемный материал со стоянки Елин Бор, за вычетом керамики и немногих явно неолитических форм каменных орудий, целиком соответствует материалу из культурного слоя, дополняя его.

Здесь собраны те же типы орудий и примерно в тех же пропорциях (нуклевидных форм относительно несколько меньше). Заслуживает внимания типичный наконечник стрелы с черешком свидерского типа (рис. 5, — 28). Он отличается от экземпляра, происходящего из культурного слоя, тем, что черешок здесь резче выделен. Кроме того два обломка

¹ Антропология. 1927 г., Київ, стр. 86, табл. V, рис. 2—4.

² М. В. Сибільов. Старовинні Изюмщини, вып. IV, 1930, табл. IV, V и VIII.

³ Kostrzewski. Nouvelles fouilles et découvertes en Pomeranie Polonaise. *Revue anthropologique*, № 10—12, 1929.

черенков таких же наконечников (рис. 5—29); они также обработаны отжимной ретушью с брюшка.

К этому же комплексу следует отнести очень тонкую, ножевидную, слегка изогнутую пластинку с затупленным краем (рис. 5—27). Такие орудия известны и в других эппалеолитических стоянках.

Теперь от описания результатов обследования, проведенного Борисковским, мы переходим к описанию коллекции Кудрявцева.

Материал, собранный Кудрявцевым, относится к различному времени. Шлифованные топоры, большой наконечник копья и несколько наконечников стрел принадлежат к позднему неолиту. Кремневый топорик и «два обломка лезвий топоров из камня твердых пород», являющихся обломками сверленных диоритовых топоров, имеют большое сходство с орудиями фатьяновской культуры, а обломки глиняного сосуда принадлежат несомненно к остаткам старого дегтярного производства, датируемого временем не ранее XVII—XVIII в.

Основное же количество кремневых орудий, пластинок и осколков принадлежит стоянке времени раннего эппалеолита.

Коллекция, относящаяся к этой эпохе, состоит из кремневых орудий и ножевидных пластинок. Почти полное отсутствие отщепов, из которых изготовлена часть орудий, отбросов производства в виде осколков и обломков кремня, не говорит за то, что орудия не изготовлялись на месте стоянки, а объясняется, повидимому, тем, что собиратель брал лишь готовые орудия и хорошие ножевидные пластинки. Этот вывод вполне подтверждается результатами обследования Борисковского.

Изготовление орудий на стоянке подтверждается и наличием в коллекции Кудрявцева 3 нуклеусов. Один из нуклеусов (рис. 6) является классическим образцом, позволяющим иллюстрировать все детали техники скалывания пластинок.

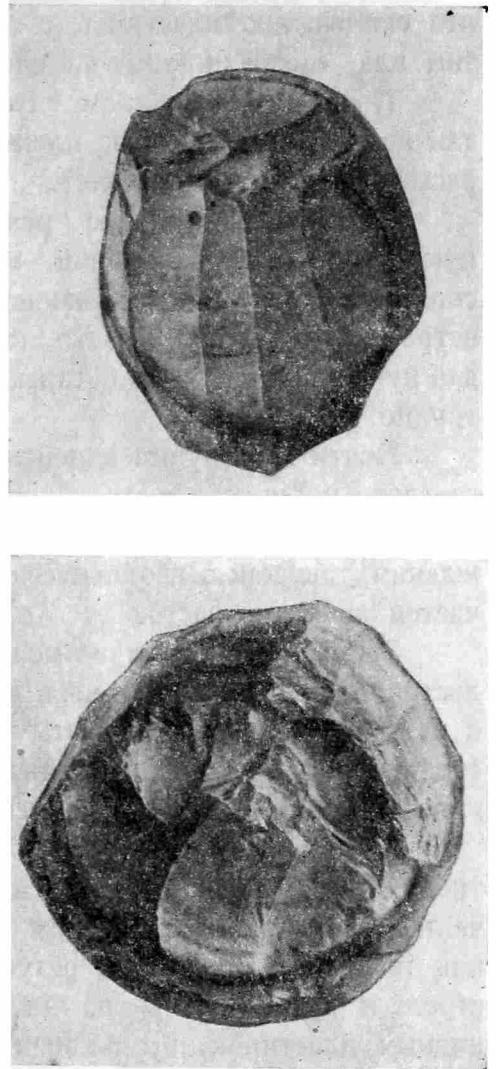

Рис. 6. Елин Бор. Нуклеус из коллекции П. П. Кудрявцева. Н. в.

Он сделан из крупного желвака яйцевидной формы, сохранившего меловую корку. Один конец его сбит несколькими поперечными сколами (рис. 6). Полученная таким образом площадка является вершиной, от которой происходило скалывание пластинок.

Края площадки совершенно не сбиты и слегка приподняты, что подтверждает, повидимому, гипотезу польского археолога Савицкого¹ о том, что скалывание пластинок с нуклеусов производилось через посредство так наз. «посредников», опираемых на край площадки нуклеуса.

Посредник в данном случае, повидимому, употреблялся костяной, так как от кремневого на площадке нуклеуса остались бы выбоины, которых нет на нашем объекте.

Указанный нуклеус резко отличается от верхнепалеолитических нуклеусов своей величиной, массивностью и правильностью граней от сколотых пластинок. В свидерских стоянках нуклеусы сходного типа встречаются довольно часто, но обычно они менее массивны. Остальные два нуклеуса сильно сработаны и разбиты и поэтому об их характере судить трудно.

Почти все орудия и ножевидные пластинки сделаны из прекрасного светлого коричневатого-серого мелового кремня. На многих из них сохранились следы меловой корки. Кремень этот несомненно местного происхождения, так как в неолитических стоянках Муромского района он встречается довольно часто.

Эти факты — наличие меловой корки, говорящей о том, что кремень доставлялся на стоянку не в виде готовых изделий или полуфабриката, а целыми желваками, добытыми в коренных месторождениях, и распространенность этого вида кремня — говорят еще раз о полной абсурдности гипотез Савицкого и его коллег.²

Выбор заготовок для орудий сильно дифференцирован. Орудия, требующие большей прочности, как, напр., скребки, сделаны из укороченных массивных пластинок или правильных сколов. Прочие орудия, как пластинки с краевой ретушью, игравшие роль ножей, наконечники стрел и др., сделаны из длинных, более правильных и тонких ножевидных пластинок, и, наконец, часть орудий, служивших вкладышами, сделаны часто из сечений пластинок.

В коллекции имеется около 60 ножевидных пластинок, большая часть которых не несет следов обработки или употребления. На нескольких имеются следы частичной краевой ретуши и щербинки от употребления, а на двух один край покрыт прекрасной приостряющей ретушью, превращающей их в законченные ножи. Ножевидные пластинки длинные, сравнительно узкие и отличаются чрезвычайной правильностью очертаний. Длина

¹ L. Sawicki. Przyczynek do zñajomoñci techniki obróbki krzemienia. Wiadom. Archeol., t. III, Warszawa, 1922.

² Ук. соч., стр. 79, 80.

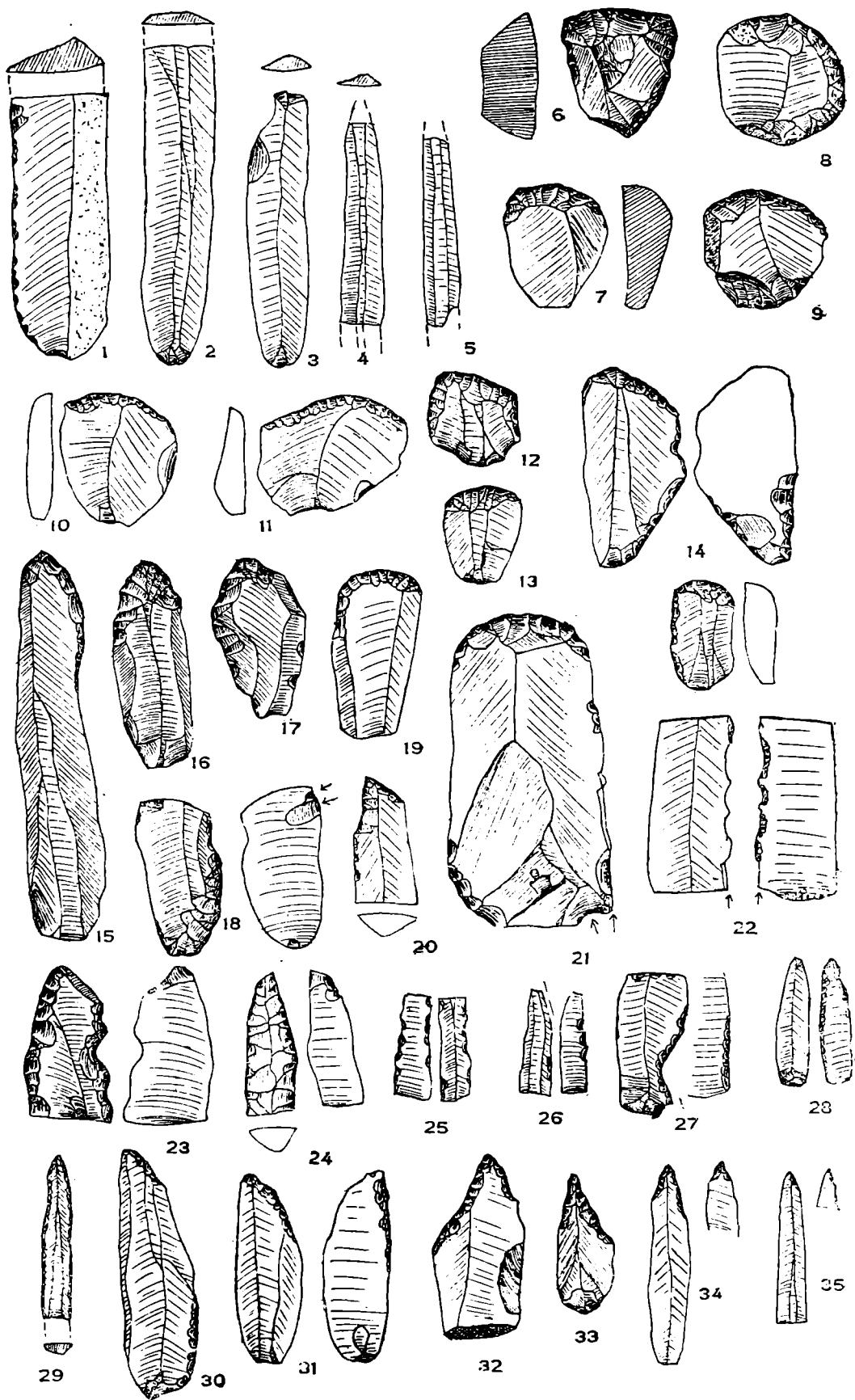

Рис. 7. Елин Бор. Коллекция П. П. Кудрявцева. $\frac{2}{3}$ н. в.

целых пластинок достигает 7—8 см при ширине 1—2 см (рис. 7—1, 2, 3, 4, 5). Толщина их не более 0.4—0.5 см.

Пластинки такого типа характерны для стоянок свидерской стадии и почти не встречаются в верхнепалеолитических стоянках, особенно мадленских, где они более короткие, массивные и не имеют правильных очертаний. Среди орудий богато представлены категории, служившие для выделки орудий из кости и дерева и для обработки кожи. Среди них особенно многочисленны скребки (22 шт.). Большинство скребков сделано из правильных небольших отщепов и сколов с основания нуклеусов. Скребки из сколов с основания нуклеусов (4 шт.) массивны, с крутой, довольно грубой краевой ретушью, с широкими короткими фасетками (рис. 7—6, 7). На трех скребках ретушь имеется лишь на дугообразном рабочем крае, на одном — на двух сторонах.

Скребки на отщепах (8 шт.) по большей части имеют правильную округлую форму (рис. 7—8, 9, 10, 11) и у одного скребка подпрямоугольную (рис. 7—12).

Большинство скребков очень небольшой величины, с диаметром 2—3 см. Рабочий край обычно имеет дугообразную форму, с ретушью чаще всего по одной стороне, но на некоторых вокруг, по всему краю. Ретушь крутая, с правильными, довольно длинными фасетками.

Скребки на укороченных пластинках (5 шт.) имеют тот же характер рабочего края (рис. 7—13). Скребки этого типа так же миниатюрны и сделаны на очень коротких массивных пластинках. Из более длинных пластинок сделано всего 3 скребка, из них два из довольно тонких пластинок, с ретушью на дугообразном рабочем конце (рис. 7—19) и один на массивной широкой пластине. Последнее орудие двойное — на одном конце обычный скребок с дугообразным лезвием, а на другом конце резец бокового типа (рис. 7—21). Тыльный конец одного из скребков использовался в качестве отжимника для нанесения ретуши, что видно по совершенно смятым и слегка сглаженным граням (рис. 7—14).

Настоящих резцов в коллекции Кудрявцева всего два. Один из них представляет собой прекрасный образец бокового резца. Основание широкой и довольно массивной пластинки стесано со спинки несколькими широкими фасетками, а самое основание с ударным бугорком сбито (рис. 7—21). Резцовый скол трехфасеточный, длинный, со следами многочисленных подправок. Второй угол основания срезан крутой ретушью, повидимому, для упора пальца. Вершина пластинки, как указывалось выше, превращена в скребок. Описанное орудие нетипично для свидерской стадии и даже для конца верхнего палеолита и скорее напоминает как по самому характеру пластинки, так и по типу резца солютрейские формы. Второй резец типа «на углу сломанной пластинки» с очень коротким и тонким резцовым сколом (рис. 7—22) относится к типу, обычному для инвентаря гарденуазской стадии эпипалеолита. Кроме описанных резцов имеется еще один боковой отщепок от резца.

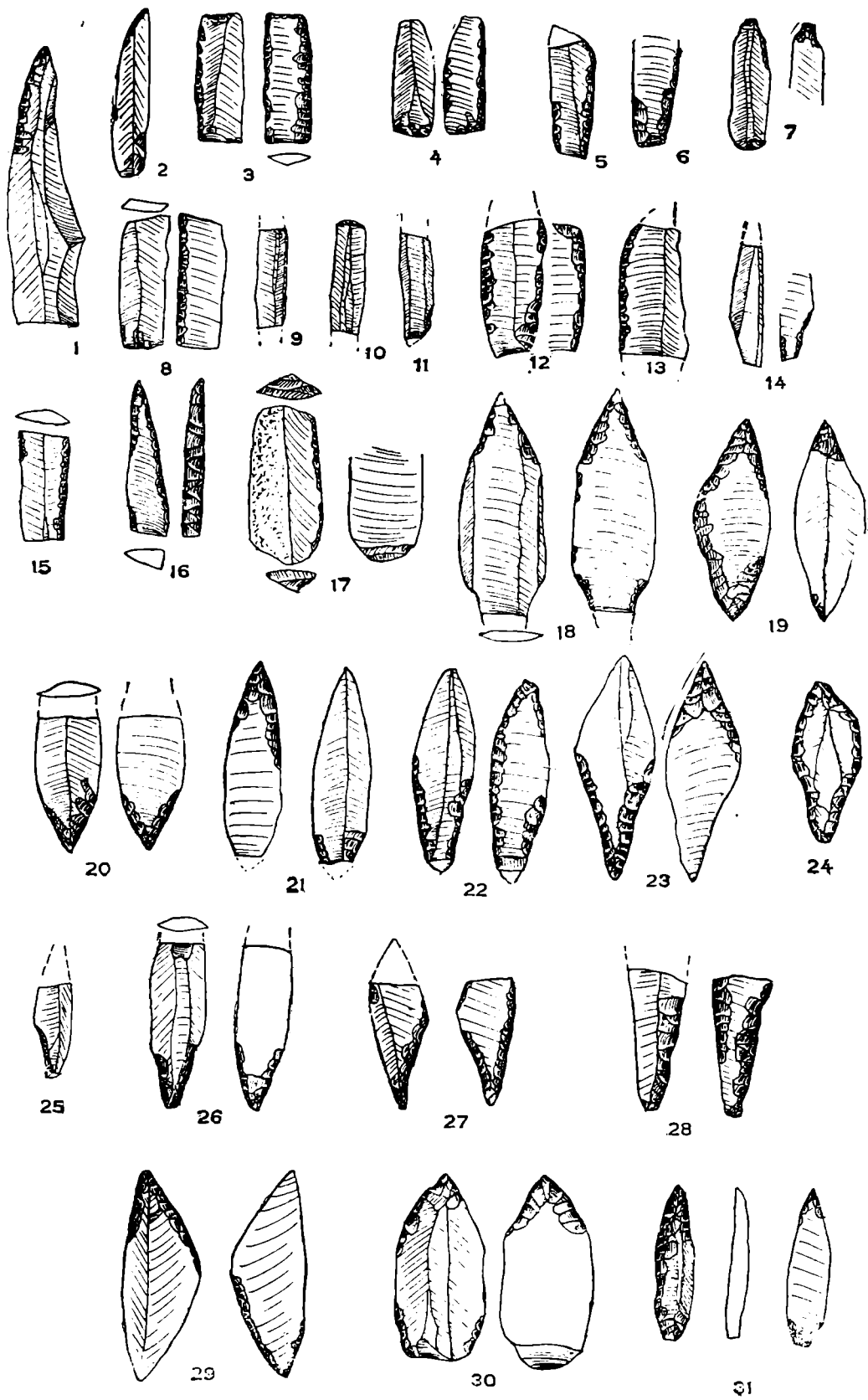

Рис. 8. Елин Бор. Коллекция П. П. Кудрявцева. $\frac{2}{3}$ н. в.

Малочисленность резцов подтверждается также и материалом Борисковского, среди сборов которого нет ни одного резца и всего лишь около десятка боковых отщепков. Уменьшение количества в свидерской стадии обычных верхнепалеолитических типов резцов ни в коей мере не свидетельствует об уменьшении роли режущих инструментов, необходимых при выделке мелких орудий из рога и кости, так как здесь появляется ряд новых типов, имеющих такое же функциональное назначение. Среди описанного выше материала Борисковского имеется несколько массивных отщепов с резцевидными сколами, в которых часто трудно видеть законченные орудия. Но когда мы обратимся к более поздним, уже неолитическим стоянкам того же волго-окского междуречья, то увидим, что там орудия этого типа распространены очень широко.

Кроме того функции резцов могли исполнять различного рода режущие острия, довольно богато представленные на стоянке. Среди них очень любопытны три орудия нигде не отмечавшегося ранее типа — это острия, изготовленные из коротких довольно массивных пластинок, покрытых по краю спинки слегка притупляющей ретушью (рис. 17—18 по 23, 24).

У одного орудия ретушь покрывает и всю поверхность спинки (рис. 17—24). Брюшко у всех острий гладкое, без ретуши. Вершина более или менее заострена и у самого конца подправлена с брюшка плоскими боковыми сколами, превращающими эти орудия в прекрасные режущие острия.

Четвертое орудие имеет тот же характер, но без скола с брюшка (рис. 7—20).

Вторая группа острий состоит из трех орудий (рис. 7—15, 16, 17), из которых одно изготовлено из очень длинной узкой пластинки (рис. 7—15), а два из более коротких и массивных (рис. 7—16, 17). Брюшко и боковые грани спинки у них без обработки, а края заостренной вершины покрыты со спинки довольно крутой ретушью, создающей острый режущий конец. Вершина у всех трех орудий слегка сработана.

И наконец, третья группа (2 экз.) морфологически близка к заготовкам для боковых резцов,¹ встречающихся в позднемадленских стоянках типа Гонцовской и Тимоновской, где они частично могли употребляться также в качестве режущих орудий.

У одного из этих острий брюшко гладкое, без ретуши (рис. 7—30), вершина дугообразно срезана крутой притупляющей ретушью со спинки. Такой же краевой ретушью подправлена и боковая грань у основания. У второго орудия (рис. 7—3) вершина также срезана притупляющей ретушью со спинки, и, кроме того, прямая грань от вершины, на месте, где у боковых резцов бывает обычно скол, покрыта с брюшка более отлогой краевой ретушью. У обоих орудий на конце заметны следы сработанности в виде

¹ М. В. Воеводский. Тимоновская палеолитическая стоянка. Русск. антр. журн., т. XVIII, 1929, вып. 1—2.

мелких заломов и сглаженности граней. Третье острие (рис. 8—2) в силу своей миниатюрности и тонкости могло употребляться для нанесения тонкой гравировки либо для татуировки.

Для выделки небольших костяных орудий в виде шильев и иголок могли служить скобели, сделанные из небольших пластинок с ретушированными выемками по краям (рис. 7—22, 25, 26, 27). Две из них, изготовленные из миниатюрных пластинок, совершенно сходны с «зазубренными пластинками» (*lames denticulées*) верхнего палеолита.

Такого типа орудия характерны как для свидерской стадии, так и для стоянок конца верхнего палеолита.

В известной позднемадленской стоянке Швейцербильд, где была раскопана мастерская по выделке иголок и других мелких костяных орудий, аналогичные орудия встречены в очень большом количестве.

Сверла и проколки (10 экз.) очень разнообразны по величине и технике изготовления. Из них два изготовлены из коротких, довольно широких пластинок (рис. 7—32, 33), остальные из длинных и частью очень тонких пластинок (рис. 7—28, 29 и 8—1, 7). Некоторые по своей миниатюрности могли служить лишь для просверливания ушков у иголок (рис. 7—34, 35).

Одна из проколок (рис. 8—16) переделана из типичной пластинки с притупленной спинкой.

Довольно многочисленную (13 шт.) и разнообразную группу представляют кремневые вкладыши для костяных и, возможно, деревянных наконечников. Все они изготовлены из небольших пластинок, более или менее правильной, частью геометризованной формы, обработанных тщательной ретушью.

Кроме того, несомненно вкладышами является часть многочисленных правильных миниатюрных пластинок, не имеющих никакой специальной, вторичной обработки, но несущих следы специфической сработанности, аналогичной той, которая отмечена выше в описании сборов Борисковского.

В виду того, что орудия-вкладыши на территории волго-окского междуречья никем до сих пор не отмечались и не описывались, мы считаем необходимым произвести детальное описание всех образцов на нашей стоянке. От вкладышей - микролитов более южных районов их отличает прежде всего малое количество геометризованных форм, изготовленных из сечений пластинок, столь многочисленных в типичных микролитических, тарденуазских стоянках.¹

В нашей коллекции имеется лишь одна пластинка вытянутой прямоугольной формы (рис. 8—3) размером 21×10 мм, изготовленная из сечения узкой и тонкой пластинки. Оба конца орудия притуплены тонкой краевой ретушью со спинки и один конец частично с брюшка. Одна из длинных

---

¹ П. П. Ефименко. Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках раннеолитического возраста. Русск. антр. журн., т. XIII, 1925, вып. 3—4.

сторон также притуплена ретушью с брюшка, вторая сторона, наоборот, покрыта со спинки и брюшка тонкой плоской приостряющей ретушью. У второго орудия (рис. 8—4) размером 23×9 мм слегка стесан под прямым углом тонкой ретушью со спинки и брюшка лишь один конец, а второй оставлен без обработки. Одна из длинных сторон слегка притуплена по всей длине с брюшка, а вторая лишь слегка подправлена.

У третьей пластинки (рис. 8—5) размером 27×10 мм один конец притуплен ретушью, второй, к сожалению, обломан. Обе длинные стороны выравнены довольно крутой ретушью — одна со спинки, другая с брюшка. Кроме того, у одного конца обе стороны подтесаны плоской ретушью с брюшка, повидимому, с целью снять ударный бугорок.

У четвертой основание слегка скошено притупляющей ретушью с брюшка (рис. 8—14). Второй конец ее обломан.

У пятой (рис. 8—8) один конец срезан под прямым углом притупляющей ретушью со спинки (второй конец обломан), а одна длинная сторона вся притуплена ретушью с брюшка. Вторая сторона оставлена без обработки.

У шестой и седьмой (рис. 8—10, 11) конец срезан притупляющей ретушью со спинки (второй обломан).

У восьмой (рис. 8—9) одна длинная сторона покрыта со спинки тонкой притупляющей ретушью. Оба конца ее обломаны.

Последние три сделаны из очень тонких, правильных и узких пластинок.

У девятой (рис. 8—17) оба конца срезаны поперечными стесами, а длинная сторона подправлена приостряющей ретушью.

У остальных (рис. 8—12, 13, 15), сохранившихся в виде обломков, подправлены частью со спинки, частью с брюшка длинные стороны. У всех пластинок, несмотря на разнообразие их величины и способа обработки, можно отметить ряд общих черт.

Почти у всех из них бывают притуплены и срезаны под прямым углом один или оба конца. Длинные грани обычно подправляются ретушью, снимающей неровности краев. При этом одна сторона у большинства притупляется, а другая заостряется. Делается это, повидимому, для того, чтобы одной, вероятнее всего притупленной, более ровной, стороной вкладыши можно было прочнее вставить в желобок костяного или деревянного наконечника.

Необходимо отметить, что пластинки сходного типа встречаются во многих микролитических стоянках Украины, Крыма и Польши на ряду с орудиями геометрических очертаний.

Из описанных выше типов наиболее широко распространены пластинки со стесанными концами и притупленной длинной стороной. Кроме описанных пластинок, несущих правильную обработку, в коллекции имеется большое количество очень тонких и правильных ножевидных пластинок и их сечений, не имеющих следов нарочитой обработки, но с частичной

сработанными, в виде щербинок и легкой заполировки, краями. В коллекции, собранной Кудрявцевым, их имеется всего несколько штук, что объясняется, повидимому, любительскими методами сборов, но в сборах Борисковского их имеется несколько десятков. Последний, произведя их тщательное изучение, приписывает им роль вкладышей, что вполне подтверждается фактами находок костяных наконечников со вставленными аналогичными пластинками без всякой ретуши на ряде стоянок Восточной Сибири, Прибалтики и Украины.

Из других орудий охоты довольно многочисленны наконечники стрел. Всего их в старых сборах Кудрявцева и Уваровой, хранящихся в Государственном историческом музее, имеется 13 экз., и П. И. Борисковским при его обследовании собрано 4 экз.

Все наконечники представляют собой тип, чрезвычайно характерный для стоянок свидерской стадии на всей территории ее распространения.¹ Все наконечники сравнительно небольшой величины (длиной 3—5 см), из довольно тонких ножевидных пластинок (рис. 8—18 по 29, 31). Лишь один наконечник изготовлен из более широкой, короткой пластинки (рис. 13—30). Характерной особенностью всех наконечников является то, что обработка у них имеется лишь на концах — у острия и короткого черешка. Острие обычно бывает подправлено со спинки или брюшка плоской приостряющей краевой ретушью, иногда заходящей на поверхность орудия. Черешок обычно очень короткий, выделяется крутой, обычно притупляющей, ретушью с одной или двух сторон. Ретушь на обоих концах бывает иногда противоположащей, т. е. одна сторона ретушируется со спинки, а другая со стороны брюшка (рис. 8—27, 28). Конец черешка иногда, повидимому, для снятия ударного бугорка подтесывается плоской ретушью с брюшка (рис. 8—31). Один из наконечников (рис. 8—29) по своей форме, сходной с трапецевидными микролитами, мог бы быть отнесен к вкладышам, но его величина, а главное, техника обработки с ясным выделением черешка указывает несомненно на то, что он должен был употребляться в качестве наконечника.

Многие авторы, главным образом западноевропейские, но частью и советские, при описании свидерских наконечников сравнивают их с ориньякскими наконечниками типа Font Robert, пытаясь установить между теми и другими преемственную генетическую связь.

Обычно это соединяется с миграционными теориями и попытками приписать некоторым группам населения извечно им присущие формы орудий и особые приемы техники обработки. Кроме возражений общетеоретического порядка, в данном случае для каждого непредубежденного исследователя совершенно ясно, что сходство обоих типов наконечников имеется очень отдаленное и заключающееся лишь в наличии у тех и других

---

¹ М. В. Воеводский. К вопросу о ранней (свидерской) стадии эпипалеолита на территории восточной Европы. Тр. II конф. АИЧПЕ, вып. V.

короткого черешка и частичной обработки. По остальным признакам они не имеют ничего сходного. Наконечники типа Font Robert делаются обычно из коротких, довольно массивных пластинок, ретушь их имеет ярко выраженный ориньякский характер с широкими и довольно глубокими фасетками и т. д., в то время как свидерские наконечники сделаны из более длинных и узких пластинок, обработанных типичной микролитической ретушью. И кроме того на всем протяжении от времени культуры Font Robert и до позднего мадлена мы не встречаем на всей территории Европы культур, где бы наконечники этого характера были типичными.

После детального исследования обеих коллекций, происходящих из старых сборов Кудрявцева и разведок Борисковского, становится совершенно ясным, что обе они происходят с одной и той же стоянки. Это следует прежде всего из полной идентичности кремня, из которого сделаны орудия обоих собраний, и полной же однородности комплекса самых орудий.

Те отличия, которые имеются, а именно наличие в коллекции Борисковского нуклеобразных орудий, большого количества мелких пластинок и отщепов, объясняются несомненно тем, что Кудрявцев, являясь собирателем-любителем, собирал лишь наиболее красивые и крупные вещи в виде крупных пластинок, наконечников стрел, скребков и пр. и почти совершенно не брал отбросов производства.

Переходя к описанию стоянки в целом и сравнивая ее с другими стадially близкими памятниками, можно отметить следующие моменты.¹

Наша стоянка, так же как и некоторые другие аналогичные памятники, располагается на дюне на пойменной террасе реки.

Сравнивать более детально условия планировки самого поселения, к сожалению, не представляется в настоящий момент возможным, так как ни одна стоянка свидерского времени до сих пор не изучена с этой стороны. Можно только отметить, что если открытая Борисковским яма оказалась бы действительно остатками жилища-землянки, то это дало бы чрезвычайно ценный новый материал для суждения о бытовой стороне, так как почти все известные до сих пор стоянки не дают оснований говорить о наличии на них постоянных жилищ.

Все же, несмотря на этот факт, стоянка Елин Бор, судя по всем другим данным — небольшой площади поселения, малой интенсивности культурного слоя, небольшому количеству орудий и, в особенности, полуфабриката и отбросов производства, — является стоянкой временного типа, населенной, повидимому, немногочисленным коллективом людей. Наличие землянки, если это подтвердится дальнейшими исследованиями, может указывать на то, что это поселение, возможно, являлось зимним.

---

¹ В настоящей работе мы будем касаться общих вопросов эпипалеолита лишь постольку, поскольку это будет необходимо для освещения материала данного памятника или вытекает непосредственно из него.

Что касается комплекса орудий, то здесь имеется ряд интересных моментов, на которых следует остановиться.

Среди имеющегося материала с большей или меньшей полнотой представлены все категории кремневых орудий, характерные для свидерской стадии. Малочисленность резцов объясняется, возможно, случайностями сборов с ограниченных, разветвленных участков и малой площадью раскопок.

Найденные резцы представляют собой не случайные вещи, а примеры стойко выработавшихся типов, а находки боковых отщепков дают основание утверждать, что резцы выделялись здесь в большем количестве, чем их найдено в готовом виде. Небольшие размеры и многочисленность наконечников подтверждает высказанную ранее М. В. Воеводским гипотезу о большом значении лука как основного охотничьего орудия в эту эпоху. Особый интерес представляет весьма значительная и разнообразная группа пластинок-вкладышей, которая указывает на то, что на территории центральных областей восточной Европы происходил процесс, сходный с процессом развития эпилепалеолита в более южных степных областях, но несколько отличный от него по форме.

На самом деле, поражающее всех исследователей обилие в тарденуазской культуре геометризованных пластинок становится понятным, если их связать с появлением новых способов охоты и развитием вкладышевой техники. К сожалению, условия залегания огромного большинства стоянок не позволили сохраниться самим костяным или деревянным стержням этих орудий, но все же имеющиеся в различных пунктах Европы отдельные находки позволяют в общих чертах представить их облик и то поражающее большое количество специально отделанных геометризованных орудий и еще большее количество правильных миниатюрных пластиночек, часто не несущих следов вторичной обработки, станет понятным, если представить себе, что в каждый большой наконечник или орудие вроде ножа должно было вставляться по меньшей мере несколько пластинок-вкладышей. В палеолите, где, повидимому, преобладали методы охоты загонном и отсутствовал лук, заменявшийся в то время дротиком с копье-металкой, естественно не было предпосылок для появления в большом количестве наконечников с вкладышами, так же как и наконечников стрел. В свидерской стадии и в особенности в тарденуазе в связи с развитием лучной охоты они появляются в большом количестве, и можно проследить с достаточной убедительностью, как, начиная с конца верхнего палеолита, через весь эпилепалеолит происходит процесс увеличения вкладышей и увеличение разнообразия их типов вплоть до поздних стадий тарденуаза. Это можно проследить на ряде стоянок и в частности на недавно изданном материале стоянок в окрестностях Свидры Виельке.¹

---

¹ Sawicki Ludwik. Przemysł Swiderski i stanowiska wydmowego Swidry Wielkie I. *Przegląd Archeol.*, t. V, z. 1, 1935.

Здесь, а также в местности Хвалибоговице, где имеется несколько стоянок, представляющих ряд этапов развития эpipалеолита, можно проследить пути этого развития. На примере этих стоянок видно, как инвентарь древнейшей стоянки, еще очень близкий к верхнепалеолитическому, постепенно изменяется и на более поздних стоянках имеет уже совершенно тарденуазский характер.

Совершенно аналогичный процесс можно проследить в ряде других пунктов восточной Европы, в частности на территории Крыма, Украины и Белоруссии. В несколько затушеванном виде он прослеживается и на территории центральных областей РСФСР. Следует иметь в виду, что здесь памятники этого времени еще почти не подвергались изучению. Процесс этот четко прослеживается вопреки взглядам исследователя Свидры Виельке — Л. Савицкого, объясняющего происходящие изменения новыми миграционными волнами и влияниями других культур, так же как и появление свидерской культуры им объясняется гримальдийской миграцией из Средиземноморья.¹ Сходным образом, как сложное переслаивание многочисленных «культурных очагов», интерпретируют эpipалеолитические памятники Менгин² и Зотц.³

Мы не будем здесь приводить развернутой критики этих антиисторических построений, рассчитывая это сделать в специальной статье. Отметим лишь, что Зотц, конструируя свои эpipалеолитические культурные круги, миграции тарденуазцев в Европу через Гибралтар, с одной стороны, и через Кавказ — с другой, опирается на работы, вышедшие в советском издании, — на работы Рудинского. В работах Рудинского⁴ налицо та же развернутая антиисторичная теория культурных кругов, «конкретизированная» на материале эpipалеолита Украины и тесно примыкающая к построениям Зотца, Менгина и др.

Домыслы буржуазных ученых о миграциях и о взаимных влияниях культурных кругов ни на шаг не продвигают вперед разрешение вопроса, подменяя разрешение его совершенно абстрактными схемами. На самом деле, как мы уже указывали, по памятникам прослеживается единый процесс совершенствования техники, развития охотничьего хозяйства.

¹ L. Sawicki, ук. соч., стр. 97.

² O. Menghin. Die mesolithische Kulturentwicklung in Europa. Deutsches Archäologisches Institut. Römisch-Germanische Kommission, XVII Bericht, 1927.

³ Zotz. Kulturgruppen des Tardenoisien in Mitteleuropa. Praehist. Zeitschr., Bd XXIII, N. 1/2, 1932.

⁴ В первую очередь — М. Рудинский. Деякі підсумки та ближчі завдання палеонтологічних вивчень у межах УССР. Антропологія, IV, 1930.

M. VOEVODSKIJ ET P. BORISKOVSKIJ

LA STATION DE IÉLIN-BOR

RÉSUMÉ

La station de Iélin-Bor, située sur la rivière Oka près de la ville de Mourom, a été découverte en 1878 par P. Kudriavcev, qui a recueilli ici un abondant matériel à la surface d'une dune. En 1934 un des auteurs, P. Boriskovskij, y a exécuté de petites fouilles, qui ont confirmé l'existence d'une station avec restes d'habitation sous forme d'une fosse de dimensions restreintes.

Ce monument se rapporte au stade Swidérien,¹ intermédiaire entre le Paléolithique et le Néolithique, et présente un intérêt considérable, vu la grande rareté des stations de ce genre.

Les pièces trouvées par Kudriavcev comme par Boriskovskij consistent exclusivement en instruments de silex, lames-couteaux et éclats et esquilles variés. Les instruments en os et les ossements d'animaux ne se sont pas du tout conservés, en raison des conditions de gisement sur la dune de sable exposée à l'action du vent. Tous les instruments sont faits d'un silex crayeux de bonne qualité de provenance locale (contrairement à l'opinion de l'archéologue polonais prof. L. Sawicki, qui pense qu'une partie de ces instruments a été confectionnée avec du silex importé de Pologne).²

La plupart des instruments (pointes de flèches, une partie des grattoirs, burins, etc.) sont fabriqués avec de longues lames en couteau régulières, caractéristiques du stade Swidérien. L'abondance de lames de formes originales — analogues des microlithes plus méridionaux — et certaines formes de burins et d'autres outils, permettent de rapporter la station à la fin du stade Swidérien. Le peu de richesse de la couche archéologique et le nombre restreint d'instruments confirment pleinement l'hypothèse selon laquelle les stations de ce stade représentent des habitats temporaires des chasseurs d'un clan.

À part les instruments du stade Swidérien, on a trouvé à la surface de la dune un certain nombre d'instruments du Néolithique tardif et des tessons de poterie d'époques plus récentes.

---

¹ M. Voevodskij. Sur le stade précoce Swidérien de l'Épipaléolithique dans l'Europe orientale. Trav. de la II Conf. Intern. de l'INQUA, t. V, Leningrad, 1934.

² L. Sawicki. Materiały do znajomości prehistorji Rosji. Przegląd Archeol., t. III, livr. 2, 3. Poznań, 1928.

В. В. ФЕДОРОВ

НЕКОТОРЫЕ ОРУДИЯ РЫБОЛОВСТВА НЕОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

При изучении археологических памятников часто приходится встречаться с объектами, не всегда понятными в смысле их назначения. Многие орудия первобытного производства являлись предметами сложными, из двух или более частей; таким образом, дошедшие до нас предметы из камня и кости нередко представляют лишь часть такого составного орудия. В качестве примера можно указать орудия рыболовства: остроги, удочки и т. д. Найденные в отдельности, каждая из частей не всегда понималась правильно и выдавалась за самостоятельный, неверно объясненный, предмет. Примером может служить объяснение составной части рыболовного крючка Б. Э. Петри. Для правильного определения подобных предметов, их конструкции, техники их изготовления особенное значение имеет ясное представление о них в действии. Об этом можно судить на основании этнографических параллелей, которые позволяют не только установить назначение этих предметов, но и их конструкцию и технику изготовления. В данном случае мы пытаемся установить характер одного из таких сложных предметов — составных крючков для рыболовства, сделанных из камня. Некоторый материал, находящийся в Отделе археологии Музея антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР, дает возможность до некоторой степени осветить этот вопрос.

Во время археологической разведки в 1931 г. в окрестности г. Вышне-го Волочка, в районе с. Алексеевского, на юго-западном берегу озера Пудоро, была найдена интересная поделка из камня. находка была сделана в размыве северной стороны находящейся здесь неолитической стоянки (табл. I, фиг. 11). находка интересна не только тем, что подтверждает наличие в данном месте неолитической стоянки, но и тем, что относится к оригинальному по конструкции рыболовному снаряду — крючку из камня для ловли рыб. Подобные рыболовные крючки из камня на территории нашего Союза единичны и встречаются крайне редко. Рыболовный крючок, сделанный из глинистого сланца с озера Пудоро, сохранился неполным: от него мы имеем его основную часть — ствол.

Рыболовные крючки являются типичными орудиями, определяющими, до некоторой степени, характер хозяйства соответствующего общества. На территории нашего Союза найдено большое количество подобных предметов из кости или металла и сравнительно очень немного из камня.

Наиболее ранними из них являются крючки из кости. К числу таковых можно отнести крючки из неолитической стоянки у с. Волосова, близ г. Мурома.¹ Как видно из рисунков (табл. I, рис. 1 — а, б, в), найденные здесь крючки — разной формы и величины, причем крючок на табл. I, рис. 1 — в очень похож на современные крючки из металла.² Верхний конец у него отломан. Вероятно, он имел такие же зарубки, какие имеет большинство крючков из кости, для привязывания лесы. Из всех изображенных наиболее интересен крючок на табл. I, рис. 1 — а. У него, к сожалению, отломан нижний конец. По своей форме он резко отличается от крючка, изображенного на табл. I, рис. 1 — в. Он изогнут; в верхней части его нанесены две зарубки для привязывания лесы. Спинка крючка изогнута и округлая, передняя сторона вогнута и плоская. По аналогии с другими крючками подобных форм можно считать, что он состоял из двух частей, связанных под углом и составлявших вместе один крючок. Крючки, сделанные из камня, также составлялись из двух частей; здесь отчетливо видно, как и под каким углом они скреплялись.

На этой же стоянке В. М. Иверсен обнаружил среди подъемных находок еще один рыболовный крючок из кости (табл. I, рис. 10). Это большой крючок для ловли рыбы, с просверленным отверстием и шестью зазубринами на верхнем конце. Отверстие служило для привязывания крючка к шнуру или веревочке. Длина крючка — 9 см.³

Находки рыболовных крючков из кости известны на территории нашего Союза и на далеком севере. Они были сделаны А. В. Шмидтом в 1928 г., в древнем могильнике на Большом Оленьем острове в Кольском фиорде⁴ (табл. I, рис. 2—3). Первый из них (табл. I, рис. 2) — обычный крючок, встречающийся довольно часто в северных странах.⁵ Относительно другого крючка (табл. I, рис. 3). А. В. Шмидт пишет: «...другой крючок, костяной (сколько могу судить), состоит из двух частей: из маленького грузила (длина 6.8 см) и острия крючка, укреплявшегося в выемке нижней части грузила. Нарезка возле выемки несомненно служила для лучшего привязывания крючка к грузилу. Полную аналогию этой снасти представляют современные и древние крючки, изданные S. Pälvi в *Muinaismuis-*

¹ А. С. Уваров. Археология России, т. I, стр. 316.

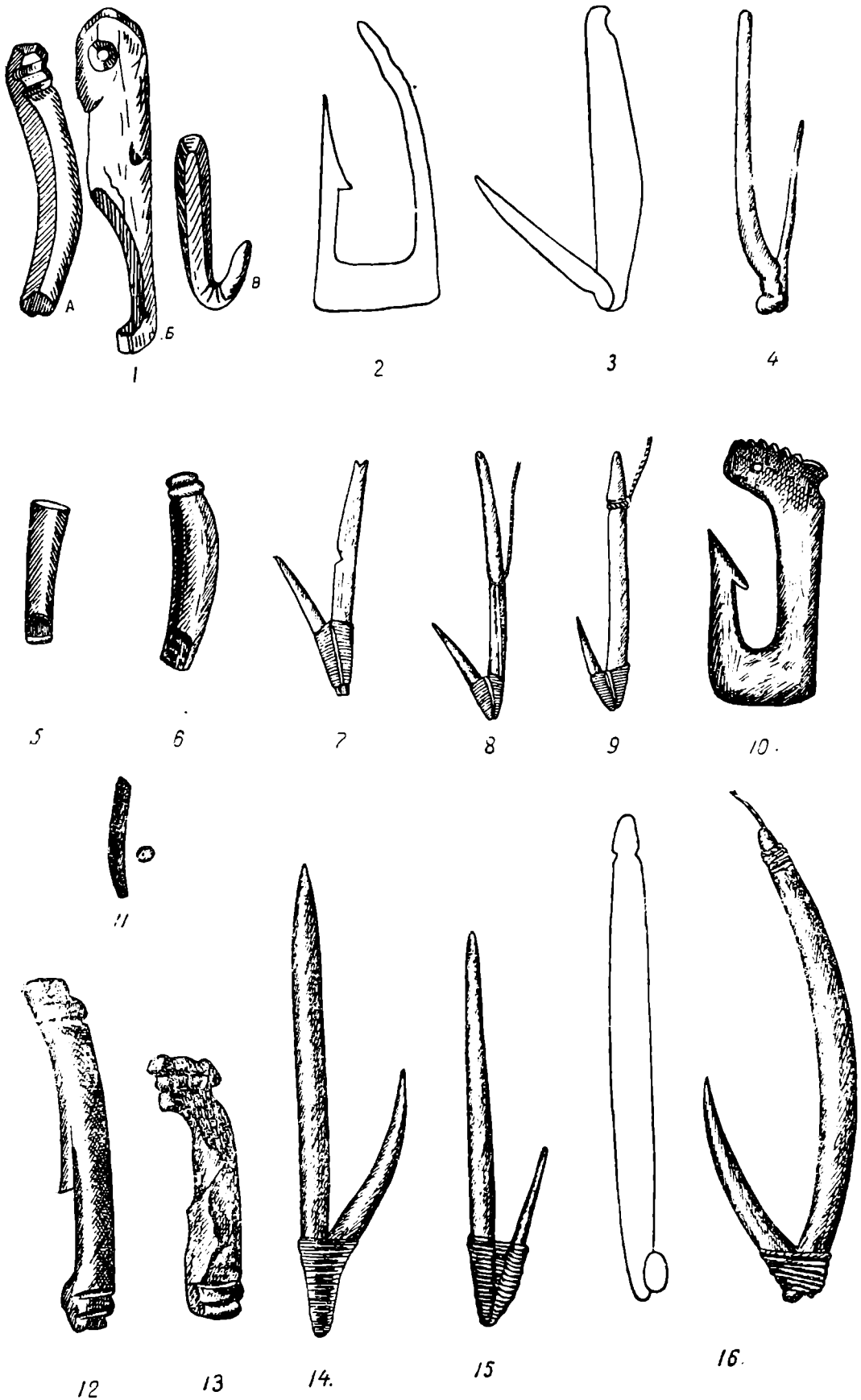
² И. С. Поляков. Исследование по каменному веку в Олонецкой губ., в долине Оки и на верховьях Волги. Зап. имп. Русск. геогр. о-ва, т. IX, 1882, стр. 98.

³ В. М. Иверсен. Новые вещи Волосовской стоянки доисторического человека. Зап. ОРСА Русск. арх. о-ва, т. V, 1903, стр. 235.

⁴ А. В. Шмидт. Древний могильник на Кольском заливе. Кольский сборн., стр. 141.

⁵ O. Solberg. Eisenzeitfunde funde aus Ostfinmarken. Skrifter unġivne of Videnskabs-selskabet i Christiania, 1909, стр. 29, рис. 11.

А. В. Шмидт, ук. соч., стр. 141.

Рыболовные крючки: 1 — со стоянки у с. Волосова, близ г. Муром; 2—3 — из древнего могильника на Большом Оленьем острове в Кольском фиорде; 4 — из Ruskensset в Норвегии; 5—6 — из стоянки на Тудозере Северо-зап. края; 7 — из Jämsa (Финляндия); 8 — из Kivi-järvi (Финляндия); 9 — из Viitasaari (Финляндия); 10 — из стоянки Волосова, близ г. Муром; 11 — из стоянки на оз. Пудоро в окрестностях г. Вышнего-Волочка; 12—13 — со стоянки Болгое; 14 — из древнего могильника у Кольдеры, северного Чили, Ю. Америки; 15 — с острова Матуки (Меланезия); 16 — с Гавайских островов (Полинезия). $\frac{1}{2}$ н. в.

toyhdistykseñ Aikakauskirja XXVI, 1912 г., стр. 199—200. Грузила последних сделаны из камня, кости и дерева». Таким образом этот крючок (табл. I, рис. 3) несколько отличается от описанных ранее и принадлежит к группе составных крючков.

Подобный крючок из кости, составленный из двух частей (табл. I, рис. 4), известен из Норвегии в Ruskenesset; он описан Н. Schetelig'ом.¹

На Бологовской стоянке, во втором слое, Путятин нашел рыболовные крючки из кости.² Эти крючки также составные (табл. I, рис. 12—13). От них сохранились только их основные части — стволы. У обоих крючков имеются два поперечных желобка в нижней части для прикрепления острия. В верхней части эти крючки имеют также два желобка для привязывания леси. Длина первого крючка (табл. I, рис. 12) — 5.9 см, второго (табл. I, рис. 13) — 4.4 см.

Не будем перечислять всех находок крючков из кости; важно лишь отметить, что среди таких крючков, безусловно появившихся ранее шлифованных каменных, встречаются формы, составлявшиеся из двух частей.

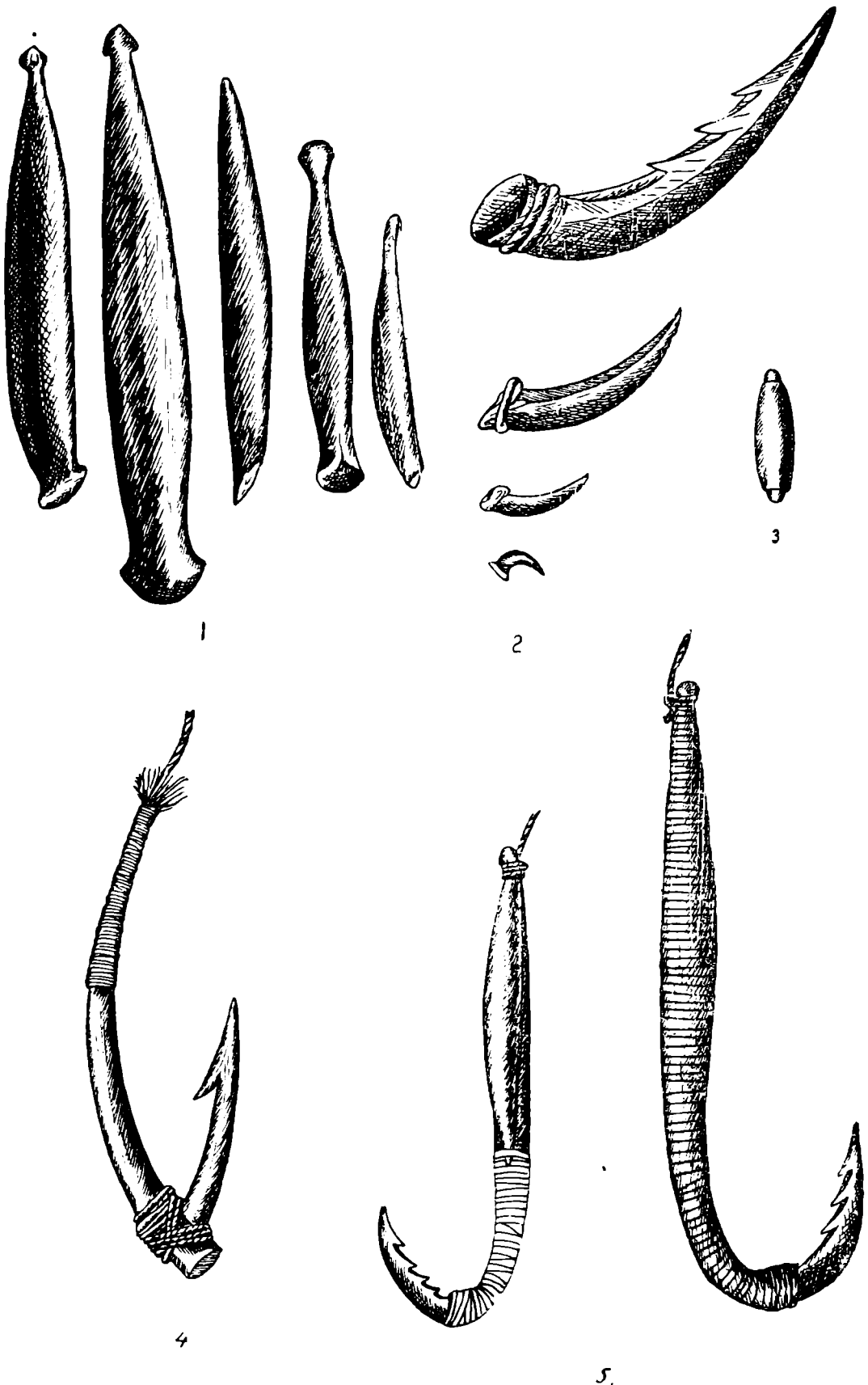
Интересную группу составляют находки Н. И. Витковского в окрестности г. Иркутска.³ Н. И. Витковский не сумел их понять и объяснить (табл. II, рис. 1—2), и только Ф. Афанасьев позднее расшифровал и объяснил названные находки как рыболовные крючки.⁴ По мнению Ф. Афанасьева, эти крючки составлены из трех частей: первой — ствола из камня (грузила), второй, связующей части — изогнутого куска твердого дерева и, наконец, третьей части — острого наконечника из когтя птицы. Реконструкцию такого рыболовного крючка Ф. Афанасьев представляет в форме, изображенной на табл. II, рис. 5. Н. И. Витковский так описывает эти находки: «Наибольшая из них (первая часть крючка. В. Ф.) представляет следующие размеры: длина по плоской стороне — 151 мм, по выпуклой — 161 мм, окружность в наиболее толстом месте, ближе к большой головке — 62 мм, непосредственно при ушках этой головки — 52 мм, при ушках малой головки — 26 мм; длина большой головки — 11 мм, ширина ее при основании — 23 мм, длина меньшей — 8 мм, ширина ее — 13 мм. Затем размеры этих загадочных вещей постоянно уменьшаются, и наименьшая из них имеет в длину только 15 мм. Все они отшлифованы с замечательной тщательностью и, варьируя в размерах до того, что между ними трудно найти две совершенно равные, с удивительным постоянством сохраняют одну и ту же форму. На поверхности некоторых из них, особенно сделанных из жировика, хорошо видны еще спиральные царапины, полученные при

¹ Н. Schetelig. Primitive Tider i Norge. 1922, стр., 196.

² А. А. Спицын. Бологовская стоянка каменного века. Зап. ОРСА Русск. арх. о-ва, т. V, 1903, вып. I, стр. 239.

³ Н. И. Витковский. Отчет о раскопке могил каменного века в Иркутской губ. на левом берегу Ангары, произведенной летом 1881 г. Тр. V Арх. съезда, т. XXXVII.

⁴ Ф. Афанасьев. К доисторической археологии Сибири. Арх. изв. и заметки. Изд. и. М. арх. о-ва, 1898, № 1, стр. 56.

1—2. Фрагменты рыболовных крючков из окрестностей г. Иркутска.
 3. Грузило для удочки из стоянки на Тудозере Северо-зап. края.
 4. Рыболовный крючок алеутов.
 5. Реконструкция рыболовных крючков из окрестностей г. Иркутска. 1/2 н. в.

шлифовке; поверхность же нескольких, выделанных из глинистого сланца, сильно разрушена и выглядит бугристо-неровною, что произошло, повидимому, уже в могиле; встречаются между ними также и экземпляры, не получившие еще окончательной отделки». Таким образом рыболовные крючки, найденные Н. И. Витковским и реконструированные Ф. Афанасьевым, являются сложными снарядами. Они составлялись из трех частей. Кроме камня (жировика, сланца) и дерева, использованы и когти птиц. Ф. Афанасьев отмечает, что «подобное устройство удочек являлось не особенно хлопотливым делом, и хотя они не могли отличаться большою прочностью, но доисторический насельник берегов Ангары, вероятно, предпочитал их костяным удочкам, изготовление которых требовало много времени и труда».¹ Форма первой части такого крючка, сделанная из камня, говорит далее Ф. Афанасьев, «доказывает, что верхняя головка служила для привязывания шнура, нижний клинообразный конец с плечиками — для вставления наподобие клина и привязки, а плоская сторона — для наложения на другую плоскость». Грузилом же таких крючков являлась сама же первая часть этого снаряда, так как она делалась из более тяжелого материала — камня. Обращает на себя внимание сцепление частей этого крючка. Здесь оно происходит через связующее звено — кусок изогнутого дерева.

Находки подобных крючков в Сибири не единичны, но в других районах нашего Союза они не встречаются.

Иной тип рыболовных крючков из камня описывает И. С. Поляков.² Крючки были найдены им, вместе с другими предметами, в 1873 г. на Тудозере, Северо-западного района (Ленинградская область), в размываемом торфяном валу. Эти крючки, сделанные из глинистого сланца, имеют вид «цилиндриков, прямых, к одному краю приостренных и окаймленных несколькими кольцеобразными нарезками (табл. III, рис. 1), или же изогнутых с такими же нарезками и поперечными желобками на концах» (табл. I, рис. 5—6). И. С. Поляков не определяет эти находки как рыболовные крючки; все же, однако, относит их к принадлежности рыболовства.

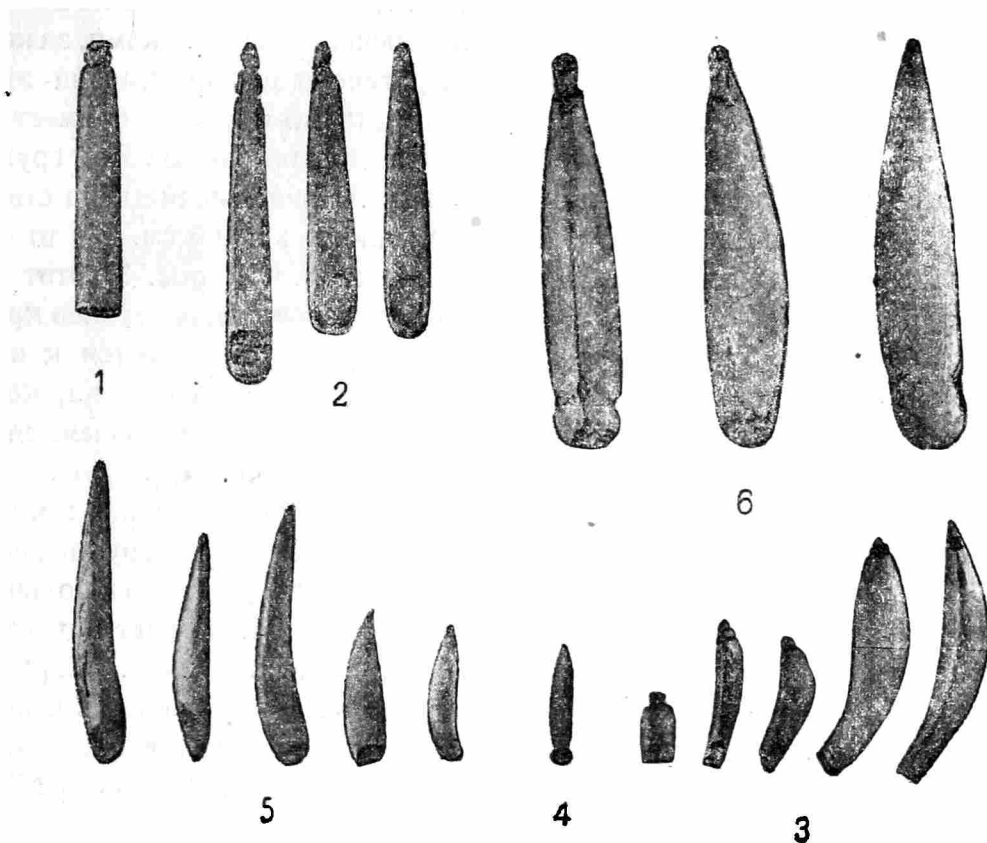
Рыболовные крючки И. С. Полякова по некоторым деталям приближаются к крючку, найденному на оз. Пудоро, но все же имеют и некоторые отличия. В верхней части крючки И. С. Полякова имеют кольцеобразные нарезки, которые делались для привязывания лесы. И. С. Поляков отмечает следующую деталь: характерные поперечные желобки в нижних частях. Размеров И. С. Поляков не приводит, но, судя по рисункам (табл. I, рис. 5—6), сделанным им с них в натуральную величину, наиболее сохранившийся экземпляр (табл. I, рис. 6) имел в длину 3.3 см, при максимальной толщине в 0.7 см. На том же рисунке хорошо заметно наличие в нижней части крючка желобка, направленного не в поперечном направлении

¹ Ф. Афанасьев, ук. соч., стр. 60.

² И. С. Поляков, ук. соч., стр. 6.

к стволу крючка, а несколько косо. Поднимающаяся часть желобка направлена в противоположную от спинки крючка сторону (если мы примем за спинку крючка изогнутую сторону ствола). Это наблюдение очень важно для реконструкции крючка. Желобок делался на стволе крючка только с одной стороны — боковой, с левой или правой, и, очевидно, служил

ТАБЛИЦА III

1. Часть рыболовного крючка со стоянки на Тудозере. Северо-зап. край.
2. Рыболовные крючки со стоянки «Улан-Хада» на Байкале. I тип.
3. То же. II тип.
4. То же. III тип.
5. Острия рыболовных крючков (там же).
6. Грузила для удочек (там же). $\frac{3}{4}$ н. в.

для прикрепления заостренного цилиндрика-острия, более тонкого, составлявшего вторую часть крючка. Заостренные части — острия крючков — хорошо представлены среди находок с озера Байкала; отсюда имеется целый их набор.

Из находок И. С. Полякова на Тудозере известен другой предмет (табл. II, рис. 3), о котором сам И. С. Поляков, однако, ничего не говорит. К этому предмету мы вернемся, когда будет речь о грузилах.

Интересную и полную группу крючков из камня имеем среди находок Б. Э. Петри с неолитической стоянки Улан-Хада, обнаруженной на юго-

западном берегу озера Байкала.¹ Крючки из кремня в коллекции Б. Э. Петри составляют большую группу. Здесь они представлены в трех видах и в разных стадиях изготовления (табл. III, IV). На этих образцах мы можем представить себе конструкцию соответствующих орудий рыболовства и технику их изготовления. К первой группе крючков (табл. III, рис. 2) относятся объекты, которые Б. Э. Петри описывает следующим образом: «крючки состоят из двух частей—острия и стерженька. Стерженек имеет вид круглой, уплощенной с двух сторон и суживающейся к одному концу палочки. На широком своем конце он имеет выемки с поперечными зарубочками, за которые очень удобно закреплять обмотку. Противоположная сторона этого широкого конца слегка скошена. Узкий конец почти круглый и имеет две зарубки для привязывания леси».² Не все стерженьки крючков этой группы имеют на себе зарубки для привязывания леси. Наибольшая длина ствола крючков этой группы достигает 5.1 см, при ширине в 0.6 см. Ко второй группе относятся крючки, представленные на табл. III, рис. 3. Этот тип Б. Э. Петри не признал за крючки, отнеся их к особому виду остриев крючков. Они имеют изогнутую, слегка уплощенную форму, суживаются к нижнему концу; последний — почти круглый. Верхний конец крючка, круто заостряющийся, имеет на самой вершине зарубки. У одних экземпляров крючков зарубки располагаются по одной с каждой стороны, у других — по две, причем они незначительны по глубине. Поперечные желобки для прикрепления остриев у этого типа крючков, в отличие от первой группы, переносятся с лицевой стороны стерженька на боковую. Длина наибольшего крючка этой группы достигает 4.1 см, ширина — 2.3 см. Третий тип крючков, обнаруженный на стоянке Улан-Хада, представлен на табл. III, рис. 4. Этот тип крючков знаком нам по находкам Н. И. Витковского в Сибири (табл. II, рис. 1). На стоянке Улан-Хада встреченный здесь единственный крючок этого типа имеет крайне незначительные размеры. Длина его 1.7 см, ширина — 0.3 см; в отличие от крючков Н. И. Витковского, крючок Б. Э. Петри не имеет верхней головки для привязывания леси. Острия крючков разнообразны по форме: одни из них — прямые (табл. IV, рис. 7), другие имеют изогнутую форму (табл. III, рис. 5).

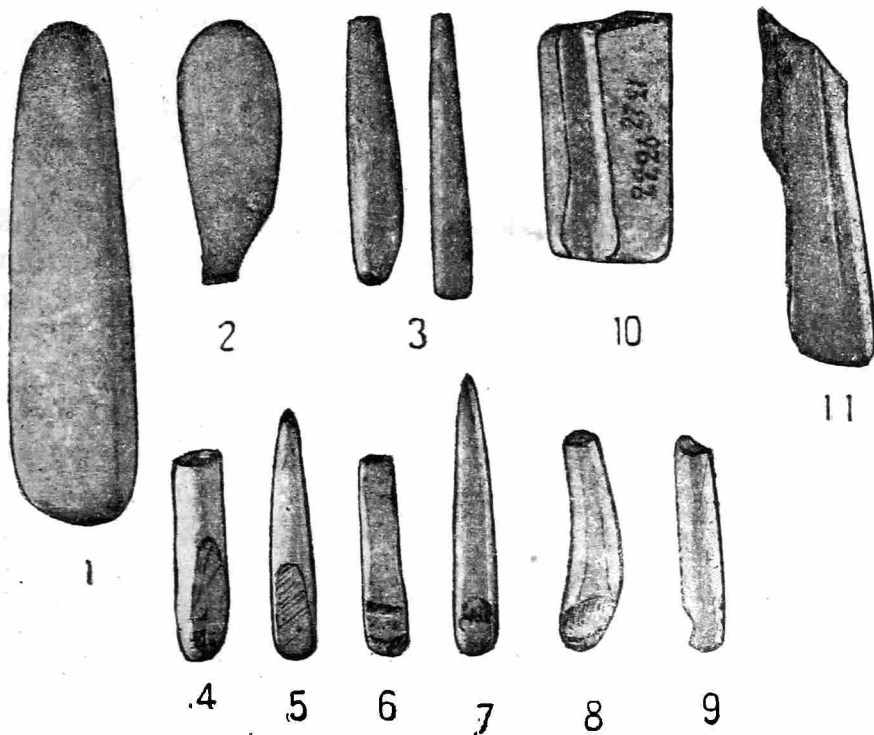
Как указано было выше, среди находок Б. Э. Петри имеется много незаконченных крючков, находившихся на разных стадиях изготовления. В большинстве случаев крючки изготовлялись из слюдястого сланца; только некоторые экземпляры крючков второй группы были сделаны из яшмовидной красной породы. На табл. IV представлены некоторые объекты, которые дают возможность проследить технику их изготовления. Предмет, изображенный на табл. IV, рис. 11, дает возможность видеть, как путем распиловки от куска слюдястого сланца отделялись продолго-

¹ Б. Э. Петри. Неолитические находки на берегу оз. Байкала. Сборн. Музея антроп. и этногр. Акад. Наук, 1916, стр. 120; его же. Сибирский неолит. Иркутск, 1926, стр. 21.

² Б. Э. Петри. Неолитические находки на берегу оз. Байкала, стр. 120.

ватые куски породы. В дальнейшем такие куски обтачивались (шлифованием) в продолговатые стерженьки (табл. IV, рис. 3, правый). Иногда эти стерженьки формировались и из удлиненных (табл. IV, рис. 3, левый) или из плоских галек (для крючков второго типа, см. табл. IV, рис. 2). Зашлифовка стерженьков производилась оселками (табл. IV, рис. 1) или с помощью обычных плоских шлифовальных камней. Округлая форма придавалась стерженькам, вероятно, на особых оселках с желобками (табл. IV, рис. 10).

ТАБЛИЦА IV

1. Оселок для шлифовки рыболовных крючков из стоянки «Улан-Хада» на Байкале.
2. Заготовка рыболовного крючка II рода (там же).
3. То же. I рода.
- 4—9. Техника нанесения желобков на рыболовных крючках (там же).
10. Оселок с желобком для шлифовки рыболовных крючков (там же).
11. Техника отделения заготовок рыболовных крючков (там же). $\frac{3}{4}$ н. в.

Скрепление остриев со стерженьками производилось путем вложения оснований остриев в желобки стерженьков. Затем вокруг этого места делалась обмотка. На противоположной стороне желобка у некоторых стерженьков делались одна-две зарубки для того, чтобы нить не соскакивала при сильном рывке рыбы. Желобки у стерженьков не всегда имели косое направление, что хорошо заметно на рисунке (табл. IV, рис. 8). Такие зарубки часто делались в перпендикулярном к оси стерженька направлению (табл. III, рис. 2; табл. IV, рис. 9). Однако скрепление остриев не всегда производилось путем вложения острия в желобок стерженька. Иногда концы острия и стерженька просто стачивались с одной стороны в виде плоских поверхностей, которые при скреплении прикладывались одна к другой

и связывались (табл. IV, рис. 5). Предметы, изображенные на табл. IV, рис. 6, 8, 9, и табл. III, рис. 2, дают возможность представить себе технику нанесения желобков на стерженьки крючков.

Способ скрепления частей крючка путем вложения острия в желобок стерженька существует и в настоящее время у племен и народов, стоящих на низких ступенях развития культуры. На примерах крючков из кости у алеутов (табл. II, рис. 4) и крючков из раковин у полинезийцев с Гавайских островов можно отлично заметить и изучить этот способ скрепления (табл. I, рис. 16).

Среди находок со стоянки Улан-Хада имеется группа предметов, которые Б. Э. Петри отнес к типу грузил (табл. III, рис. 6). Некоторые имеют форму трехгранной пирамиды, с зарубкой на вершине, для привязывания их к лесе. В нижней своей части они имеют боковые зарубки. Видимо, эти грузила привязывались к лесе в двух местах, чтобы не болтались при ловле рыбы. Длина наибольшего грузила достигает 5.9 см при ширине в 1.1 см. Подобная находка грузила была сделана И. С. Поляковым на Тудозере (табл. II, рис. 3). Грузило И. С. Полякова несколько отличается от грузила Б. Э. Петри. Оно имеет челнокообразную форму. По концам имеются две кольцевые зарубки для привязывания к лесе. Длина грузила И. С. Полякова достигает 2.2 см при ширине в 0.7 см.

В Карелии, в Сорокском районе, у с. Выгострова, около петроглифов Бесовы Следки, был найден фрагмент (ствол) составного крючка из шифера, находящийся в настоящее время в коллекции А. Я. Брюсова.¹

Рыболовные крючки из камня встречаются и вне территории нашего Союза. В качестве примера можно указать находки S. Pälsi в Финляндии, в древнейшем поселении Каукола.² Крючки из Каукола (табл. V, рис. а, б, в) хотя и различны по форме, все же, однако, по своей конструкции близки к крючкам с озера Байкал. S. Pälsi делит свои крючки на три группы. За исключением крючков первой группы (?), крючки второй и третьей из Каукола — составные из двух частей. На это указывают поперечные желобки на нижних концах стволов крючков, к которым под углом привязывались острия. В верхней части крючки из Каукола, за исключением некоторых экземпляров, имеют поперечные желобки для привязывания леси. К первой группе S. Pälsi относит крючки, верхняя часть которых плоская, широкая и остроконечная (табл. V, рис. а). Длину крючков этой группы трудно представить, так как экземпляры, изображенные на рисунке, были найдены сломанными. Ширина крючка с отверстием, в наиболее расширенной части, достигает 1.3 см. Некоторые из крючков этой группы в верхней части имеют сквозное отверстие для привязывания леси. Другие имеют поперечные желобки, сделанные для той же цели. Желобки обычно располагаются в самой широкой части ствола крючка.

¹ Эти сведения мне сообщил А. Я. Брюсов.

² S. Pälsi. Riukjärven ja Piiskunsalmen kivikautiset asuinpaikat Kaukolassa-Finska Fornminnesföreningens Tidskrift, 1920, XXVIII.

Ко второй группе относятся крючки округлые и более короткие, чем первой группы (табл. V, рис. б). Длина наибольшего из них достигает 4.7 см при ширине в 0.6 см. Поперечные желобки этих крючков перенесены с широкой части ствола к самому концу верхней части последнего, причем у некоторых экземпляров верхний конец остался заостренным. Утолщение в верхней части ствола крючка сохранено. Тем самым данный тип крючков приближается к типу крючков первой группы или, вернее, занимает промежуточное место между первой и третьей группами.

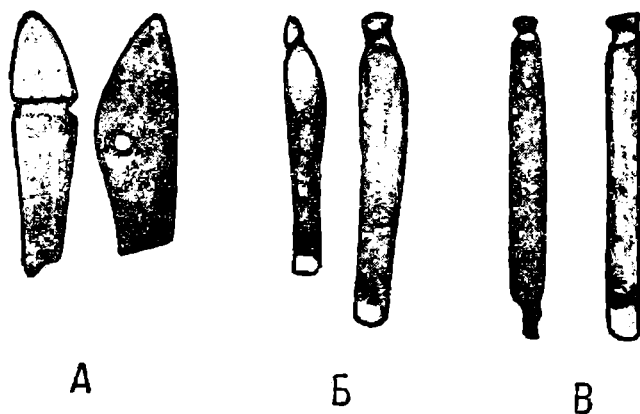
В третьей группе утолщение ствола крючка или совсем отсутствует или переходит к середине ствола и едва заметно. К третьей группе, самой многочисленной среди находок *S. Pääsi*, относятся крючки не столь изогнутой и плоской формы, как крючки первой группы. Ствол их более выпрямлен и округлен (табл. V, рис. в). Средняя длина их достигает 4.7 см при ширине в 0.5 см. Заостренность верхнего конца ствола или

отсутствует или чувствуется слегка. Поперечные желобки в нижней части расположены под углом, как это имеет место у всех подобных крючков. Это было необходимо для придания угла при привязывании острия к стволу крючка. Поперечные желобки, в которые вкладывались острия, придавали последним устойчивость, т. е. этим достигалась большая прочность крепления острия. Материал, из которого были сделаны крючки из Каукола, как указывает *S. Pääsi*, в большинстве случаев — шифер. Крючки с Тудозера сделаны из глинистого сланца, с озера Байкала — из слюдяного сланца.

Итак, крючки изготовлялись из такого материала, который мог легко подвергаться обработке — пилению, сверлению и шлифовке.

Возвращаясь к крючку с оз. Пудоро, Вышневолоцкого района, замечаем, что он хотя и принадлежит к группе сложных крючков, все же, однако, резко отличается от всех других, описанных выше. В нижней части этот крючок имеет острый, косо направленный конец. В верхней части с одной стороны стерженька имеются две зарубки для привязывания лесы. Длина стерженька достигает 3 см, ширина — 0.4 см. Вторая часть крючка — острие — не была найдена. Все же, на основании аналогий, можем восстановить этот тип крючка. В данном случае нам помогают

ТАБЛИЦА V

Рыболовные крючки из древнего поселения Каукола. Финляндия. 9/10 н. в.

этнографические параллели. На табл. I, рис. 8, имеем современный крючок из дерева из Kivijärvi (Финляндия); на табл. I, рис. 9, — подобный же крючок из дерева из Viitasaari; на табл. I, рис. 7, — крючок из кости из Jämsä.¹ Эти крючки по своему устройству похожи на крючок с оз. Пудоро. Крючки, аналогичные по устройству, встречаем и у современных примитивных народов. На табл. I, рис. 15, изображен крючок из кости и шипа рыбы из Меланезии с острова Матуки. Все эти крючки, хотя и сделаны из другого материала — кости и дерева, — в основном похожи на крючок с оз. Пудоро. Крепление острия со стерженьком у подобных крючков производилось несколько иначе, не с помощью желобка или бокового приложения, как у крючков со стоянки Улан-Хада, а путем простого вертикального приложения острия к стерженьку под углом. Для того чтобы угол крючка был достаточным для ловли рыбы, у стерженька и острия делался в месте скрепления некоторый скос. На стерженьке крючка с оз. Пудоро нижний конец скошен (табл. I, рис. 11). На табл. I, рис. 14, изображен крючок из кости из древнего погребения у Кольдеры, северного Чили, из Ю. Америки.

Итак, описанные крючки составляют группу орудий рыболовства, оригинальных по форме и конструкции, встречающихся на территории нашего Союза. По времени в большинстве случаев они, за исключением находок типа Н. И. Витковского, относятся к концу развитого неолита. Крючки, описанные Н. И. Витковским, были найдены в погребениях более позднего времени, и их нужно отнести к началу металла. Крючкам же из камня предшествовали формы из кости и дерева, не дошедшие до нас из-за плохой сохранности.

V. FEDOROV

QUELQUES PARTICULARITÉS DES ENGINS DE PECHE EN PIERRE NÉOLITHIQUES

RÉSUMÉ

Dans la littérature archéologique, on a tenté de reconstituer, par analogie avec les objets ethnographiques, certains objets archéologiques. L'auteur essaie une de ces reconstitutions — celle d'un hameçon complexe. Sur le territoire de l'URSS on a découvert dans ces dernières années un nombre considérable de fragments de pareils hameçons. Il convient de remarquer que leur apparition n'a pas été fortuite, car parmi leurs prédécesseurs en os on constate déjà certaines analogies de construction avec eux. Au cours de l'étude de quelques groupes de hameçons en pierre, l'auteur a réussi non seulement à reconnaître entièrement la construction de ce genre d'objets, mais aussi à élucider la technique de leur fabrication. Les hameçons en pierre de ce type ont été rencontrés également en dehors de l'URSS. Ils datent pour la plupart de la fin du Néolithique évolué.

¹ U. Sirelius. Jagd und Fischerei in Finnland. Berlin und Leipzig, 1934, Taf. 43, Abb. 180, 181.

Л. А. ЕВТЮХОВА

БАРВИХИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Барвихинское городище находится в Московской области в расстоянии 1 км к СЗ от ст. Барвиха (Немчиново-Усовской ветки Бело-русско-Балтийской ж. д.). Оно расположено на правом высоком берегу речки Самынки, в 1.5 км от ее впадения в Москва-реку, и занимает удлинённой формы мыс, сложенный из желтого моренного песка. С северо-восточной стороны, вдоль этого мыса, течет речка Самынка; с противоположной стороны, по оврагу, протекает небольшой ручеек Скабылена, впадающий в Самынку у стрелки городища (см. план).

У местного населения это место известно под названием «Усадьба князя Серебряного», или «Боярское».

От материка площадь городища отделена тремя рвами, для устройства которых тыльная часть мыса, занятого городищем, была в трех местах перекопана насквозь. Два интервала между рвами, насыпанные выброшенной из рвов землей, образуют валы. Третий, небольшой, вал насыпан на территории самого городища из земли, вероятно взятой из третьего, внутреннего, рва.

Следы небольшого вала имеются и на стрелке. С середины юго-западного склона мыса, от его подошвы к стрелке, поднимается пологий въезд на городище, шириной до 2 м.

Длина площади городища, без валов, 111 м и ширина — 24 м. Высота его над уровнем р. Самынки около 10 м.

Впервые это городище было открыто весной 1925 г. А. В. Арциховским вместе с покойным Б. В. Прохоровым, во время археологической разведки.

В июне того же года мною на городище были произведены раскопки.¹

Для выяснения профиля культурного слоя были заложены две траншеи, раскопка в которых велась послойно. Длина первой — продольной — траншеи равна 55.5 м и второй — поперечной — 21.5 м. Ширина каждой 1.5 м. Траншеи были разделены на участки длиной в 2 м. Глубина траншей равнялась толщине культурного слоя.

---

¹ В раскопках принимали участие: А. В. Арциховский, А. Ф. Дубынин, С. В. Киселев, Ф. Л. Лукашова, Б. В. Милорадович, М. Н. Орлова и Е. П. Протопопова.

Длина траншеи № 1 была доведена от стрелки только до половины городища, так как дальнейшей ее закладке вплоть до валов мешали деревья, которые во время работ не удалялись.

Для выяснения деталей и сооружений, открытых при раскопках, к траншеям делались прирезки.

Наибольшей толщины культурный слой достигает в середине городища — 78 см, к стрелке он значительно утончается.

Цвет культурного слоя темный, золистый или углистый, ровный, без прослоек.

В процессе раскопок выяснилось, что городище было укреплено и по краям ската. От этих укреплений краев сохранилась невысокая (30 см) гряда из крупных камней, пересыпанных мелкими, вскрытая в конце первой траншеи на стрелке, в обоих концах второй — поперечной — траншеи и в четырех шурфах по северо-восточному и юго-западному краям городища. В одном случае в юго-западном конце второй траншеи, вдоль каменной гряды, с ее внутренней стороны были прослежены бесформенные остатки сгнившего дерева, залегавшего слоем в 40 см шириной и 27 см высотой. Возможно, что здесь мы имеем дело с остатками тына, окружавшего городище и имевшего оборонительное значение. Тын этот, по видимому, был дополнительно укреплен камнями, так как в рыхлой песчаной почве его столбы держались бы недостаточно крепко.

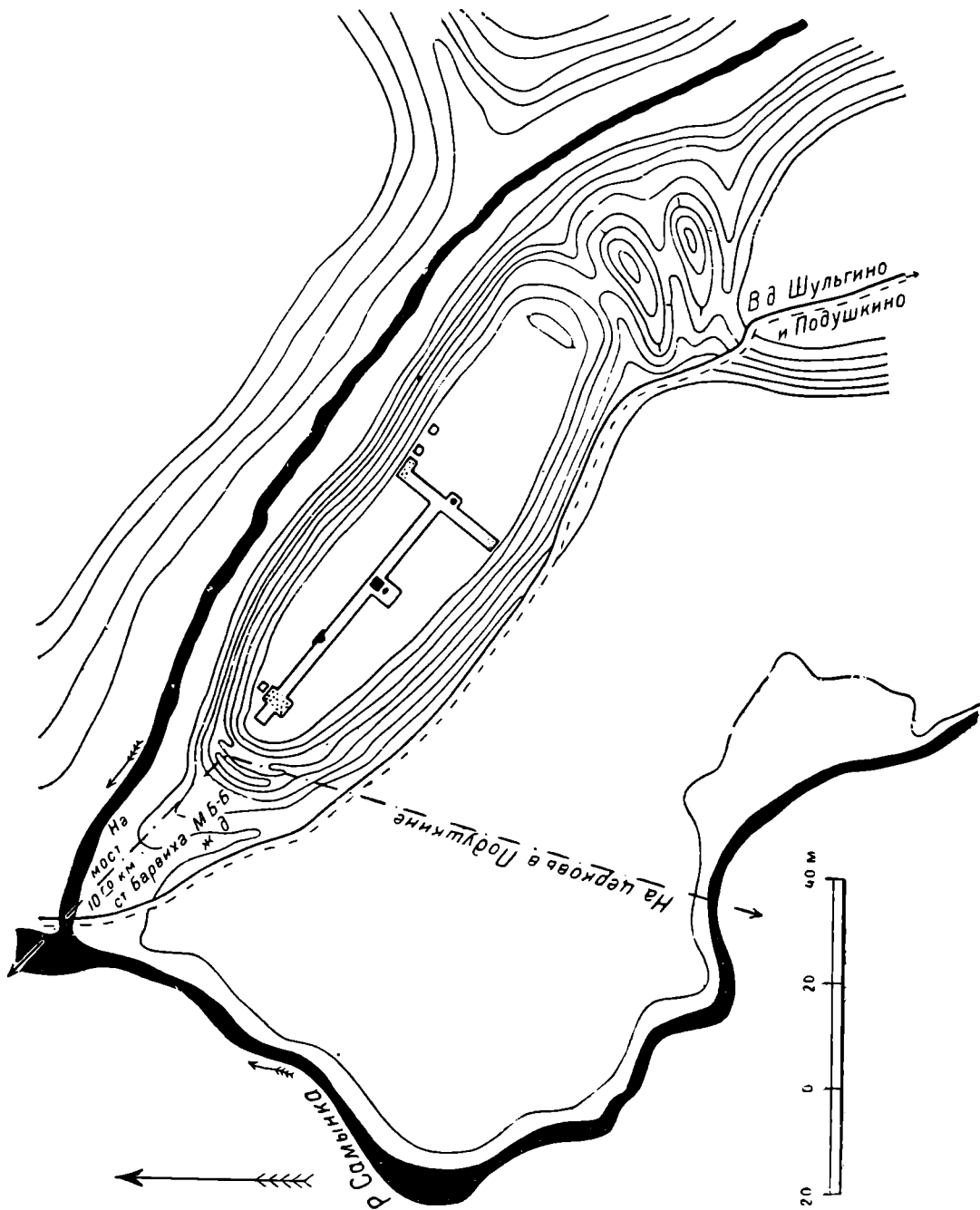
Каменная кладка по краю городища, подобная барвихинской, была прослежена на городище Топорок.¹ Исследовательница Ю. Г. Гендуне сочла эту кладку за часть конструкции, укрепляющей «берег» площади городища. Не имея данных критиковать выводы, полученные на Топорке, замечу, что на Барвихинском городище каменная гряда вряд ли могла способствовать укреплению краев ската. Представляя собой лишнюю тяжесть, ее камни могли способствовать оседанию песка. Камни здесь скорее укрепляли тын, чем край плато городища.

Что же касается укрепления тыном, то оно характерно для городищ восточной Европы.

На площади городища траншеями были вскрыты два места раскладки костров (траншея I, уч. 18, и траншея II, уч. 6—7). Они представляли собой углубленные в желтый материковый песок ямы (диам. 1—120 м, глубиной до 30 см), наполненные углями, золой, пережженными костями животных и обломками глиняной посуды.

На участках 11—12 в первой траншее, т. е. почти в середине городища, были встречены остатки двух связанных друг с другом сооружений. От первого прослежена четырехугольная яма с отвесными стенками, углубленная в материк на 23 см. В длину с ЮВ на СЗ яма имела 2.15 м и в ширину — 1.80 м. Дно гладкое, выровненное. Яма была наполнена культурным слоем, содержащим в себе целые и расколотые кости животных,

¹ Ю. Г. Гендуне, Городище Топорок, Тверь, 1904.

План Барвихинского городища.

обломки посуды и следы сгнившего дерева. В северном углу лежали обломки крупного горшка.

В расстоянии 20 см от северо-западной стенки ямы, в желтом материковом песке сохранились следы сгнившего деревянного столба диаметром около 12 см, некогда поставленного вертикально.

Рядом с этим сооружением у восточного угла ямы (на 10-м участке) был вскрыт небольшой очаг из довольно крупных камней, лежавших кучей на материке. Диаметр очага 60 см. Камни имеют следы действия огня. Среди них найдены осколки обожженных костей и обломки керамики.

С юго-восточной стороны очага прослежена невысокая грядка желтого песка, выброшенного из неглубокой ямы, в которой был сложен очаг.

Описанная четырехугольная яма, вероятно, является остатком жилища. Куски сгнившего дерева внутри ямы и следы столба, повидимому, указывают на наличие у жилища вертикальной деревянной стенки и деревянной крыши. Жилище это не было приспособлено для зимы. На это указывает отсутствие внутри него очага, который был сложен рядом.

Остатки второго сооружения находились всего в 23 см от середины юго-западной стенки четырехугольной выемки. На основании приведенных ниже сравнений я его считаю жертвенником.

Жертвенник был помещен в яму с почти отвесными стенками, вырытую по его размерам в желтом материковом песке на глубине 71 см. На дне ямы лежал эллиптической формы пласт плотно умятой глины (со следами действия огня) толщиной в 6 см. Длина продольной оси, ориентированной с ЮВ на СЗ, — 94 см и поперечной — 80 см. На эллипсисе залегал слой (толщиной в 7 см) из мелких обуглившихся полешек, обмазанных поверху глиняной прослойкой (толщиной в 1 см); еще выше на нем лежал слой из частично обожженной сосновой коры (толщиной в 7 см), также обмазанной поверху тонким слоем (до 1 см) обожженной впоследствии глины. К этой верхней обмазке были прилеплены борта из валиков плотно умятой, обожженной глины высотой в 7 см и толщиной до 10 см (рис. 1).

Таким образом жертвенник имел вид сковороды эллиптической формы с бортами. Дно его состояло из нескольких слоев.

Яма, в которой помещался жертвенник, была заполнена землей, содержащей много осколков обуглившихся костей и несколько обломков керамики. На всей площади вокруг жертвенника в культурном слое попало много углей и обожженных костей животных.

В расстоянии 1.20 м к З от жертвенника был найден череп лошади.

При раскопках Старшего Каширского городища¹ В. А. Городцовым также в середине площади городища был открыт памятник, определенный им как жертвенник. Конструкция каширского жертвенника похожа на барвихинскую. Форма его также эллиптическая, он имел такие же борта из глины. Следует, однако, отметить, что каширский жертвенник отличается от барвихинского тем, что не был помещен в яму, а стоял на глиняной площадке и имел сплошное глиняное дно. Рядом с жертвенником В. А. Городцовым были найдены ожерелья и кости отрубленных ножек косули, положенные сюда в виде приношения. Череп лошади возле барвихинского жертвенника, вероятно, был положен с той же целью.

Два жертвенника почти такого же вида (но круглой формы), с конструктивной особенностью в виде отверстия в середине, были вскрыты при раскопках Ю. Г. Гендуна на городище Топорок в Калининской обл.²

¹ В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. Изв. ГАИМК, вып. 85, М.—Л., 1934.

² Ю. Г. Гендуна. Городище Топорок. Тверь, 1904.

На одном из этих жертвенников лежали глиняные фигурки животных, птицы, изображения клыков и ожерелье из глиняных бус и колокольчиков (аналогичное каширскому). Ю. Г. Гендуне отнесла эти предметы к принадлежностям шаманского наряда.

На основании сходства барвихинского сооружения с топорковским и каширским вполне возможно считать его также жертвенником.

Если такое определение справедливо, то в открытом рядом четырехугольном помещении, может быть, можно видеть жилище слугителя жертвенника.

В заключение описания барвихинских сооружений считаю важным отметить, что наибольшее количество находок падает на вырезку, сделанную для их расчистки, и на прилегающую к этому месту часть первой траншеи. Здесь же была найдена большая фаланга лошади с отколотой верхней частью.

В конце траншеи № 1 на стрелке (уч. 27—28), на глубине 0.40 м, в культурном слое было вскрыто по-

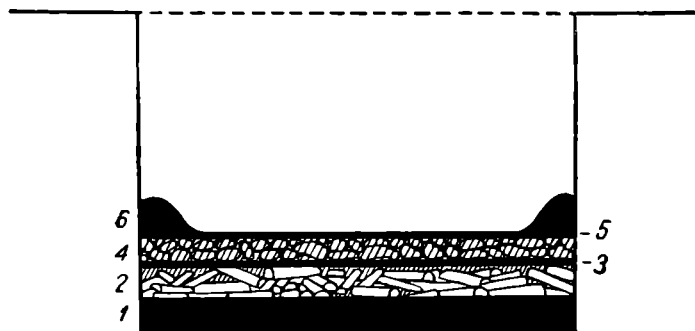

Рис. 1. Разрез жертвенника.

гребение ребенка лет 10—12, кости которого были очень плохой сохранности. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на запад, руки были протянуты вдоль тела. Никаких вещей при погребении не найдено. Вероятно, это погребение позднее, на что указывают западная его ориентировка и положение в культурном слое.

Вещи, найденные при раскопках Барвихинского городища, принадлежат культуре городищ дьякова типа, стоявшей почти до конца своего существования на ступени мотыжного земледелия.

Найденные в культурном слое вещи при описании я делю по их значению.

О металлургии свидетельствуют найденные здесь куски медных и железных шлаков и часть шлакированного тигля.

К орудиям охоты относятся: два листовидных железных наконечника стрел (рис. 2), подобные найденному в Федяшевском городище (б. Тульская губ., Белевский у.)¹ один плоский костяной наконечник стрелы (с обломанным концом), в сечении дающий овал, и один костяной наконечник трехперой стрелы с тупым концом, для охоты на мелких пушных зверей

¹ Наконечник хранится в Гос. историческом музее в Москве. Описание раскопок: В. А. Городцов. Отчет об исследованиях в долине реки Оки, 1897 г. Древности, т. XVII, 1900.

(в частности, на белок) (рис. 3). Подобные тупые наконечники несколько иной формы известны из раскопок В. А. Городцова на Огубском городище.¹

О рыболовстве свидетельствуют найденные здесь кремневое грузило для сетей и челюсть крупного судака.

Отмечу, что культурный слой Барвихинского городища плохо сохраняет кость. Часто были находимы остатки каких-то костей или, может быть, костяных поделок в совершенно истлевшем виде, рассыпающихся в порошок.

На прядение указывает находка глиняного пряслица овальной формы (рис. 4); о ткачестве говорят отпечатки ткани на стенках сосудов с так наз. сетчатым орнаментом.

Были также найдены и три глиняные грибовидные грузики дьякова типа, иногда принимавшиеся за грузила примитивного ткацкого станка² (рис. 5 и 6). Однако подобное их назначение пока ничем не подтверждено. В. А. Городцов считает эти грузики пуговицами,³ однако вряд ли все они могли быть всегда пригодными и для этого, если принять во внимание, что некоторые из них достигают 10 см высоты. Мне кажется, что окончательное решение вопроса о назначении грузиков дьякова типа, вероятно весьма определенного, за что говорит строгая выдержанность их форм, следует связать с анализом этнографического материала.

Четыре каменных утюжка-гладилки относятся к швейному делу.⁴ Один из них из кристаллической породы, с хорошо сглаженной овальной нижней рабочей стороной (рис. 7), представляет новую форму. Остальные — обычные плоские плитки с гладко зашлифованной узкой рабочей стороной. Подобные гладилки часто встречаются на городищах дьякова типа.⁵ Одна гладилка найдена в Кошибеевском могильнике в могиле № 43, при мужском погребении, не поддающемся точной датировке.⁶

К орудиям обработки кости, вероятно, относится шлифовальная плитка из красного песчаника.

Из предметов домашнего обихода найдены точильные камни и так наз. «оселки» (3 обломка) (рис. 8), которые, вероятно, имели какое-то определенное назначение, так как форма их очень устойчивая (может быть они употреблялись как ложила). Они встречаются на городищах дьякова типа, а также один экземпляр имеется в погребении № 62 Кошибеевского могильника. Кроме того, найден один кремневый ножичек (рис. 9). Крем-

¹ В. А. Городцов. Болотное Огубское городище. Тр. Гос. историч. музея, вып. I, М., 1926.

² В. И. Сизов. Дьяково городище близ Москвы. Тр. IX археол. съезда, т. II, М., 1897.

³ В. А. Городцов, ук. соч.

⁴ Назначение этих утюжков впервые установлено В. А. Городцовым в работе «Болотное огубское городище».

⁵ Каширское, Бородинское, Огубское, Прислонское и пр.

⁶ Коллекция Гос. историч. музея — Кошибеевский могильник Московской обл. (б. Елатомского у.).

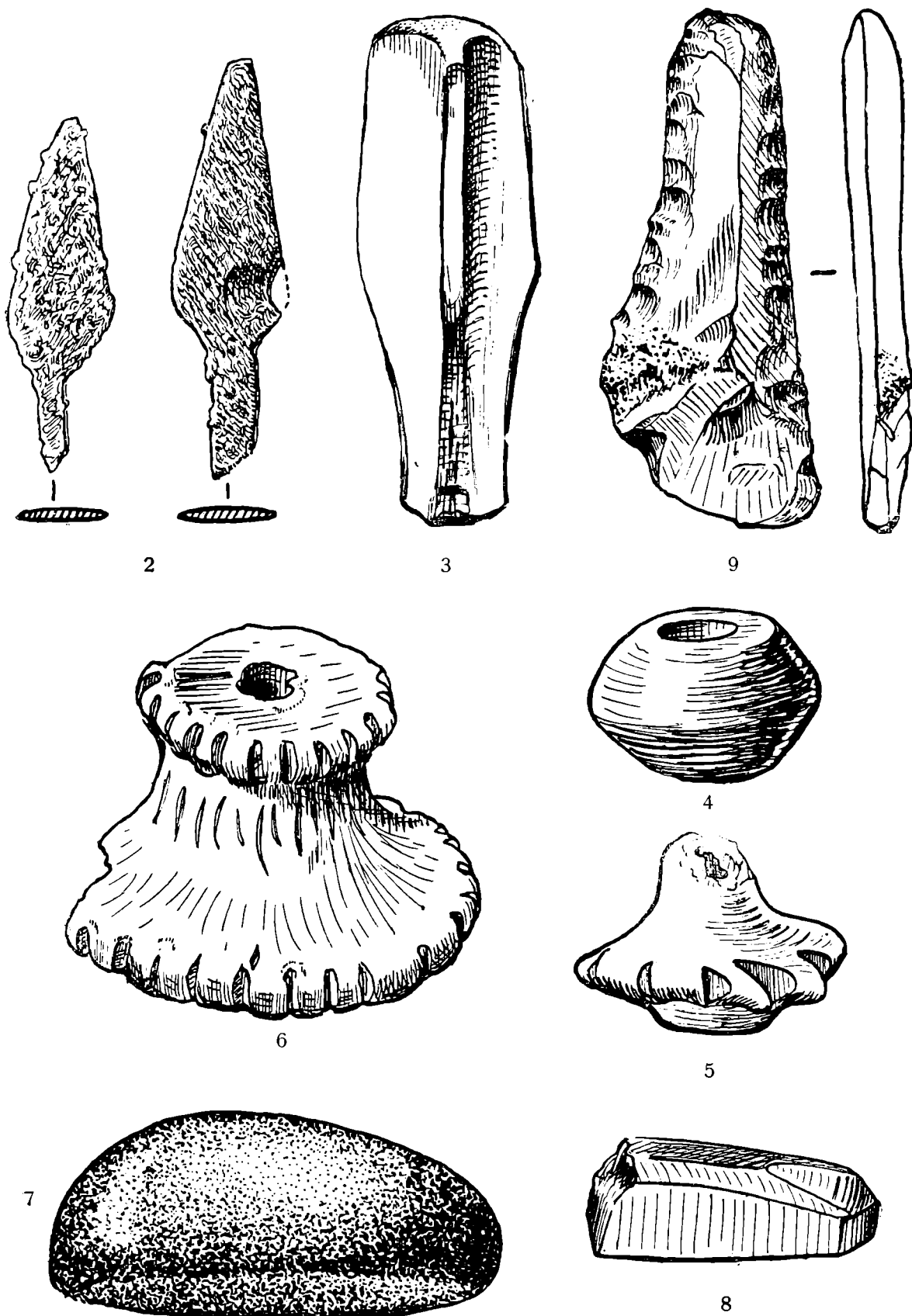

Рис. 2—9. 2. Два железных наконечника стрел (н. в.); 3. Костяной наконечник стрелы (н. в.); 4. Пряслице глиняное (н. в.); 5—6. «Грузики Дьякова типа» (н. в.); 7. Каменный утюжок-гладилка ($1/2$ н. в.); 8. Обломок каменного ложила (н. в.); 9. Кремневый нож (н. в.).

невые орудия в очень небольшом количестве встречаются на городищах дьякова типа поздней стадии. Обычно это или скребки или ножички. В более ранней стадии кремневые орудия попадают чаще.¹

Глиняная посуда Барвихинского городища может быть разбита на 4 группы.

I. Грубая посуда. Глина смешана с большим количеством дресвы. Формовка производилась без помощи гончарного круга. Обжиг слабый, не прохвативший стенку сосуда насквозь, отчего середина стенки осталась почти не обожженной.

Форма горшков баночная, со слабо выраженными плечиками, со слегка отвернутыми наружу краями горла. Дно плоское, на шейке иногда встречаются сквозные отверстия. Высота сосудов, повидимому, не превышала 25—30 см. Верхний край горла сосудов с надрезами; орнамент расположен исключительно на плечиках. Орнамент слагается из следующих элементов: печатные — перевитая веревочка; чеканные — круглый точеный и ямочный; кружковый — наносимый полым чеканом; граненый — нанесенный треугольным и ромбическим чеканом. Такая же орнаментация на аналогичной посуде имеется на обломках керамики из Федяшевского городища.²

II. Обломки так наз. «сетчатой» посуды с отпечатками грубой ткани на наружной стороне. Состав глины почти тот же, что в предыдущей группе. Цвет черепка в изломе темносерый. Формовка произведена без применения гончарного круга. На шейке встречаются защитный орнамент и сквозные круглые отверстия. Обжиг средний. Наибольшее количество обломков сетчатой посуды найдено в нижней части культурного слоя, не выше 40 см от материка.

Считаю необходимым еще раз подчеркнуть закономерность соотношения стратиграфии сетчатой и черной лощеной керамики. В дьяковских городищах сосуществование этих двух типов керамики в одном горизонте не встречается. Сетчатая керамика присуща более ранней стадии этих городищ, в то время как черная лощеная обычно встречается в городищах средней стадии, в небольшом сравнительно количестве, что подтверждается лишним раз находками и в нашем, Барвихинском, городище.

III. Обломки гладкой посуды, без орнамента, с гладким обрезом горла. Примесей в глине меньше. Вместе дресвы примешивается не крупный песок. Сосуды леплены от руки. Обжиг средний. Форма несколько иная,

¹ Задачей будущих исследований является выяснение отношения к дьяковской «культуре» тех культурных слоев с кремневыми орудиями, которые иногда подстилают на городищах слой дьяковский. Например, в городищах Топорок, Старшем Кропотовском и Прислонском. В. А. Городцов. Отчет об археологических исследованиях в Каширском и Коломенском уездах. Труды Этнографо-археологического музея I МГУ, М., 1928; Л. А. Евтюхова, Городище у деревни Прислон. Труды секции археологии РАНИОН, вып. IX М., 1928, стр. 213 и др.

² Коллекция хранится в Гос. историч. музее в Москве.

чем у предыдущих. Найденные два обломка днищ показывают, что сосуды этой группы были не баночные, а приближались к бомбовидным.

IV. Черная лощеная посуда без орнамента. Формовка на гончарном кругу. Хорошо обожжена. Черепок в изломе серого цвета. Найдено всего 11 обломков, исключительно в верхней части культурного слоя.

Такая керамика всегда в небольшом количестве встречается на городищах дьякова типа поздней стадии (например, Федяшевское и верхние слои Огубского). Время существования ее определяется находкой в открытых Н. И. Булычевым, пока единственных, дьяковских погребениях, в курганах, у дер. Шаньково, Почепок и Дубровка.¹ Там при покойниках были найдены бронзовые фибулы, совершенно аналогичные фибулам Мощинского клада (вопрос о его датировке см. ниже).

Кроме обломков крупных сосудов найдено несколько маленьких горшочков. Одни из них имеют форму рюмочек, другие — баночные, с довольно хорошо выраженными плечиками и слегка отогнутыми наружу краями горла (рис. 10 и 11).

Найден также обломок ножки вазочки. Обломки таких же вазочек найдены В. А. Городцовым в Федяшевском и Огубском² городищах (рис. 12).

Из украшений в культурном слое встречены привески, бусы и пряжки.

Привесок найдено три. Все они из бронзы. Первая, в виде четырехгранного пирамидального колокольчика, с шариками на углах основания (рис. 13), имеет значение для датировки городища. По одной такой привеске найдено в Огубском и Кайтинском³ городищах. Четыре таких же привески найдены в 1892 г. недалеко от Киева в Межигорском клада среди вещей «Готского стиля», украшенных выемчатой эмалью.⁴ Другой клад с рядом вещей, совершенно аналогичных Межигорскому, имеет один пирамидальный колокольчик на нагрудной цепи, составленной из фибул. Он найден Булычевым в 1888 г. на Мощинском городище.⁵ Датировка вещей, входивших в состав этого клада, определена Толстым и Кондаковым V в. н. э.⁶ Аспелин датирует клад V в. Оба эти клада анализирует также Н. Е. Макаренко, описывая находку около с. Березина в Черниговщине.⁷ Он считает, что богато украшенные вещи обоих кладов, относясь к V и VII вв. н. э., являются несколько более поздней реминисценцией художественного производства Среднего Приднепровья в IV в. н. э.

¹ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. Москва, 1899.

² В. А. Городцов, ук. соч.

³ Статья А. А. Спицына о городищах дьякова типа в Зап. отделения славянской и русской археологии, т. V, вып. I.

⁴ И. А. Хойновский. Археологические сведения о предках славян и Руси. Киев, 1896, табл. XIX, рис. 858.

⁵ Н. И. Булычев, ук. соч.

⁶ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. III, Древности времен переселения народов, СПб., 1890.

⁷ М. Макаренко. Борзенські емалі і старі емалі України взгали. Киев, 1927.

Кроме того, в Кошибеевском могильнике, в погребении № 88, найдено два экземпляра таких пирамидальных привесок, а в погребении № XXIV — один экземпляр.¹

Две другие привески в виде колокольчиков с треугольными прорезями (рис. 14, 15) довольно часто находятся в восточно-финских могильниках и что-либо новое к вопросу о датировке прибавить не могут.

Бусы, найденные на городище, — стеклянные, золоченые (3 экз.), обычно считаются привозными из греческих причерноморских колоний; одна крупная — из стекла (рис. 16).

Пряжки железные. Одна — в виде кольца с несомкнутыми завернутыми концами. Язычок утрачен (рис. 17). В. В. Гольмстен² в своей хронологической таблице восточнофинских могильников относит такого рода пряжки к первой группе III—VII вв. н. э.

Другая пряжка — в виде сплошного кольца подтреугольной формы (рис. 18).

Кости животных, добытые раскопками, принадлежат следующим домашним видам: лошади, корове, свинье, овце и собаке. На первом месте по количеству найденных костей стоит лошадь, на втором — корова.

На кого охотились жители городища нам позволяют определить найденные здесь кости диких животных: медведя и лося.

Наиболее вероятным временем существования Барвихинского городища представляются IV—V вв. н. э. К этому времени, как было показано выше, нас приводят бронзовый четырехгранный пирамидальный колокольчик, железная пряжка с завернутыми концами и черная лощеная керамика (встречается на городищах дьякова типа не ранее III—IV вв. н. э.).

Материалы, добытые раскопками Барвихинского городища, невелики. Однако, если их рассматривать в связи со всем, что известно в настоящее время о городищах дьякова типа и близких к ним, то можно, пожалуй, наметить и некоторые общие выводы.

Рассматривая дьяковские городища и близкие к ним городишки, нетрудно заметить, что в раннее время их истории они являются укрепленными поселками с большим количеством жилищ. Население на этих городищах живет подолгу и, повидимому, постоянно, о чем свидетельствует мощность культурных слоев, насыщенных остатками хозяйственных предметов. Если сопоставить с этим добытые нами материалы, то бросится в глаза значительное отличие. Культурный слой на Барвихе сравнительно тонок. Остатков жилищ, если не считать небольшой землянки у жертвенника, не найдено. Вещей попадаетеся гораздо меньше, и они не говорят о длительном хозяйствовании здесь населения.

¹ В своей статье «Рязанские могильники» П. П. Ефименко погребение № XXIV по своей классификации относит к стадии А—В Кошибеевского могильника, датируя эту стадию III—V вв. н. э.

² В. В. Гольмстен. Хронологическое значение эволюции древних форм. Самара, 1923.

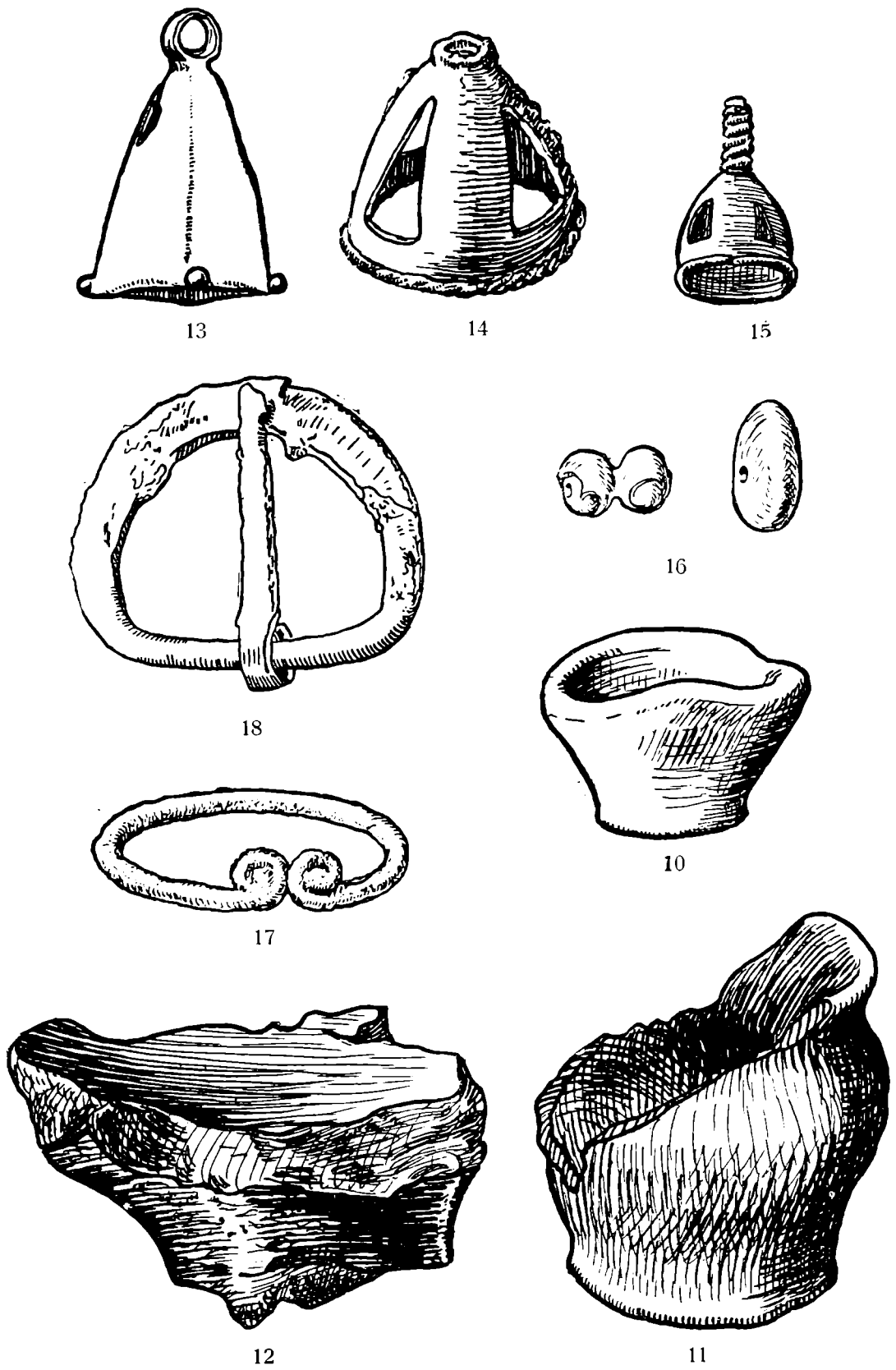

Рис. 10—18. 10—11. Глиняные сосудики (н. в.); 12. Ножка глиняной вазы (н. в.); 13—15. Медные привески (н. в.); 16. Стекланные бусы; 17. Железная застежка (н. в.); 18. Железная пряжка (н. в.).

Выше было показано, что Барвихинское городище можно относить к IV—V вв. н. э. От предшествующего времени и может быть даже частично синхроничные Барвихе нам известны городища еще прежнего облика. Это могло бы заставить видеть в Барвихинском городище случайное исключение, если бы не наблюдения, сделанные над наиболее поздними городищами, сохраняющими дьяковские черты. Раскопанные мною городища Юрьеveckое¹ и Старо-Ямское,² несомненно, более поздние, чем Барвихинское. В них, на ряду с архаическими типами дьяковской керамики, уже встречаются вещи, типичные для восточнофинских могильников VII—X вв., которые отражают как бы дальнейшее развитие тех черт, какие мы только что отметили на Барвихе. Жилищ на них почти нет, культурный слой еще более тонок и почти не содержит вещей. Все указывает на то, что за укреплениями этих городищ не жила постоянно даже часть того населения, которое мы встречаем на ранних городищах.

Возникает вопрос о возможных причинах указанных явлений. Если обратиться к истории городищ в областях более изученных, то можно видеть, что появление слабо заселенных, хотя часто и очень сильных укреплений связано с изменением в системе хозяйства. Развитие подсечного земледелия отразилось всюду на характере расселения людей. Погоня за участками, удобными для обработки, особенно за разбросанными в лесах полянами, заставила и германцев, и восточных финнов, и славян расселиться по отдельным заимкам. Укрепленные же городища оставались на этой стадии для окрестного населения лишь убежищами на случай войны и иногда культовыми центрами.³

Не считая пока возможным окончательное утверждение, я все же решаюсь поставить вопрос о возможном отражении подобного процесса в поздних дьяковских городищах, тем более, что сменяющие их городища типа Сарского свидетельствуют о дальнейшем изменении, о превращении, в связи с выделением ремесла, города-убежища в город ремесленный центр — начальный этап феодального города.

¹ Л. А. Евтюхова. Описание раскопок Юрьеveckого городища в г. Юрьевце на Волге Иваново-Вознесенской губ., 1928. Пятый год деятельности Иван.-Возн. губ. научн. о-ва краеведения, 1928.

² Городище на «Старых Ямах» находится на Волге в Талдомском р. Московской обл. Раскопки производились в 1927 г. Материал раскопок не опубликован. Коллекция хранится в Ленинском музее местного края.

³ С. В. Киселев. Поселение. Тр. Секции теории методологии РАНИОН, вып. II. А. П. Смирнов. Социально-экономический строй восточных финнов IX—XIII вв. н. э., там же. Его же. Система земледелия у восточных финнов IX—XIII вв. н. э. Доклад, читанный 23 III 1931 г. в секторе археологии ГАИС.

L. EVTIUCHOVA

LE GORODISTCHÉ DE BARVIKHA

RÉSUMÉ

Les fouilles exécutées par l'auteur près la station Barvikha, à 25 km à l'ouest de Moscou, ont mis au jour un gorodistché entouré de 3 remparts avec fossés. Sur son pourtour, on a dégagé des restes d'un mur en bois fait de poutres verticales. Au centre du gorodistché, on a trouvé un vase en argile pour les sacrifices. On a découvert également deux foyers.

Certains des objets recueillis offrent un caractère «gothique» — par exemple une clochette pyramidale en bronze percée à jour. Pareilles trouvailles, ainsi que la présence, à côté de céramique à impressions de tissus, de tessons de poterie lisse de couleur foncée font rapporter ce gorodistché à la fin du stade moyen de la «culture de Diakovo», c'est-à-dire aux IV—V-e siècles de notre ère.

Н. А. ПРОКОШЕВ

ПОГРЕБЕНИЕ НА Р. ЧУСОВОЙ

В Пермском Гос. областном музее Прикамья имеются два планшета вещами. Вещи эти доставлены в музей в два приема жителем дер. Верхняя Заимка Больше-Лысьвенского сельсовета (близ з. Лысьва) Завьяловым, Антоном Андреевичем. Вещи, по его словам, были найдены при скелете в пещере на правом берегу р. М. Вашкур, притоке р. Чусовой, между Чусовским заводом и д. Усть-Койва. Большая часть вещей была им найдена в сентябре 1915 г. и доставлена в музей. В 1926 г. от него же в музей поступили, из этой же пещеры, вещи, дополнительно найденные им в 1923 г. Очевидно, он не сумел собрать вещи полностью в первое свое посещение пещеры.

Комплекс вещей интересен тем, что дает очень хорошее представление о наборе женских украшений своего времени и позволяет выяснить сосуществование отдельных типов. Планшеты содержат следующие предметы.

1. Гривна плетеная из шести бронзовых проволок толщиной в 2 мм. Диаметр гривны 17 см. Концы гривны приставные в виде бронзовых пластинок, оканчивающихся загибом в виде крючков, образующих замок. Внешняя сторона пластинок покрыта узким чеканным орнаментом (рис. 2, 3).

2. Головное украшение из бронзовой уплощенной проволоки толщиной в 1 мм, навитой на тонкий ремешок, обрывки которого ясно заметны внутри спирали. Диаметр 17 см (рис. 2).

3. Две серьги серебряные с крупной зернью, близкие по типу изданным в «Древностях Камской Чуди» (т. VII, рис. 3). К серьгам прикреплены цепочкой длиной 35—40 см. Длина серег 7 см. Часть цепочек серебряная: сломавшаяся дужка одной из серег починена бронзовой проволокой (рис. 4).

4. Бусы круглые сердоликовые, диам. 7 мм, 16 шт.

5. Бусы вытянуто-восьмигранные, сердоликовые, диам. 7 мм, длина 12 мм., 3 шт.

6. Буса вытянуто-восьмигранная из белого (обожженного) сердолика, диам. 9 мм, длина 18 мм.

7. Буса сердоликовая восьмигранная, неправильно-бипирамидальная, длина 15 мм.

8. Бусы круглые из горного хрусталя, диам. 7 мм, 5 шт.

9. Бусы пастовые зеленые, глазчатые, длина 8 мм, 2 шт.

10. Такая же, красного цвета.
11. Буса бронзовая, диам. 7 мм, длина 10 мм.
12. Бусы пастовые двойные, серые, полосатые, диам. 6 мм, длина 15 мм, 4 шт.
13. Бусы бронзовые с рельефным глазчатым кружковым орнаментом, диам. 18 мм, 4 шт. (рис. 3).
14. Такие же по размеру, без глазчатого, но с рубчатым орнаментом по окружности, 4 шт.
15. Такие же, без орнамента, 4 шт. (рис. 3). Бусы отлиты из двух половинок, затем спаянных. Эта техника хорошо заметна по нескольким распаявшимся экземплярам.
16. Бубенчики бронзовые, снизу имеют крестовидную прорезь, внутри бронзовые шарики. Длина 18 мм, 5 шт. (рис. 3).
17. Полубубенчики бронзовые, длина от 15 до 20 мм, 51 шт. (рис. 3).
18. Бляшки от ременного набора, бронзовые, в форме сердечек, с петелькой на внутренней стороне, длина 9 мм. У некоторых в петельках сохранились кусочки кожи, 9 шт.
19. Наконечник пояса, бронзовый. Аналогичен изданному в «Древностиях Камской Чуди» (т. IX, рис. 13).
20. Подвеска бронзовая в виде якорька, с дырочкой для подвешивания (рис. 3). Возможно, деталь шумящей подвески.
21. Поясная бляшка бронзовая, продолговатая, длина 35 мм, шир. 13 мм. На внутренней стороне 2 штифтिका для прикрепления к коже.
22. Подвеска бронзовая в виде звериного когтя (рис. 3).
23. Подвески бронзовые коньковые с шестью цепочками, оканчивающимися утиными лапками, 2 шт. (рис. 5).
24. Подвески бронзовые с двумя цепочками, оканчивающимися бубенчиками, 3 шт. (рис. 5).
25. Подвеска бронзовая с тремя цепочками, оканчивающимися утиными лапками, 1 шт. (рис. 5).

Среди вещей, доставленных в музей в 1926 г. (находка 1923 г.), имеется лишь 3 новых, не повторяющих доставленных в 1915 г. типа: подвеска в виде звериного когтя, красная пастовая буса и продолговатая поясная бляшка. Тогда же тем же лицом доставлены в музей 3 человеческих зуба хорошей сохранности и мало стертые.

Нашедшим погребение были доставлены в Пермь и части скелета. Они попали для определения одному пермскому краеведу и, повидимому, утрачены. Время погребения по составу вещей, исходя из существующих датировок, определяется XI в. Но надо сказать, что вещи после X в. имеют весьма слабо разработанную датировку. А. А. Спицын в своем предисловии к атласу рисунков коллекции Теплоуховых указывает, что основой для датировки вещей XI—XII вв. служат: 1) метод исключения вещей, определяемых X и XIII—XIV вв., 2) грубость техники и отделка деталей. А. А. Спицын пишет: «Состав вещей определяется с большим трудом, так как для

этого времени не открыто ни кладов с предметами, ни цельных могильников; в то же время аналогии с обще-русскими древностями определяют лишь небольшое количество типов».¹ Данные приемы датировки уже подвергались многократной критике на страницах археологических работ. На примере с шумящими подвесками была показана ошибка в датировках по грубости техники предметов X—XI вв.² Так называемые якорьковые двойные подвески, основываясь исключительно на грубости их работы, А. А. Спицын относил к XIV в., между тем как более обстоятельный анализ говорит за то, что грубость работы объясняется не снижением техники, а тем, что это предметы местного производства и относятся также к XI в., как большинство обычных подвесок этого времени.

Так как описанное выше Вашкурское погребение представляет одновременный комплекс предметов, то более детальный его разбор может быть ценен для проверки дат некоторых входящих в него вещей.

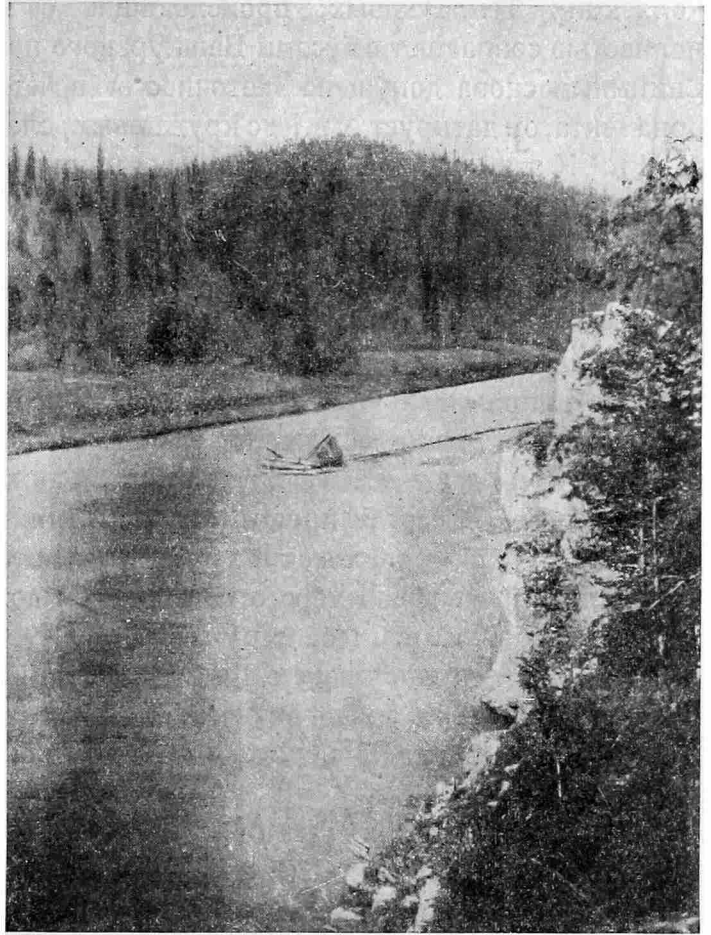

Рис. 1. Р. Чусовая в районе Вашкуров.

1. Коньковые подвески такого типа широко распространены в X в. В XI в. происходит следующее, замеченное А. А. Спицыным, изменение. Подвески конические сменяются подвесками плоскими лапчатыми, а цепочки делаются массивнее.³ Бубенчик является третьим типом подвески в это время. В Вашкурском погребении все эти три типа подвесок сосуществуют. Коньковые же подвески почти вполне аналогичны изданным в «Древностях

¹ Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых, гл. IV, стр. 35.

² См. А. П. Смирнов, К вопросу о пермских шумящих привесках.

³ А. В. Шмидт, ссылаясь на Поломский могильник, указывает, что появление подвесок с утиными лапками произошло уже в IX—X вв. См. К вопросу о происхождении Пермского звериного стиля, Сборн. МАЭ, т. VI, стр. 161.

Камской Чуди», т. XI, рис. 1, 5. Некоторое отличие можно заметить в отсутствии черт человеческого лица, изображения над конями и более сложной технике цепочки-подвески, изображенной там же.¹

Такие же лапчатые подвески А. А. Спицыным прослеживаются в привозных образцах X в. Они нашли свой расцвет в XI в.

2. Бусы бронзовые крупные, изданные А. А. Спицыным в альбоме коллекции Теплоуховых, происходящие с Рождественского городища, полностью совпадают с бусами Вашкурского погребения. В датировке А. А. Спицыным снова допущена «неточность» в четыре столетия. Гладкую, без орнамента, он датирует X в., а с кружковым, слегка выпуклым орнаментом — XIV в.² К этой ошибке А. А. Спицына привело опять же определение даты «по грубости техники и отделки деталей». У сравниваемых нами бус полностью совпадают и приемы изготовления. Техника спайки также хорошо прослеживается на распаявшихся экземплярах.

3. Бусы сердоликовые вытянуто-восьмигранные датируются А. А. Спицыным XIII—XIV вв. и так же, повидимому, необоснованно.³ Неправильно-бипирамидальная сердоликовая буса Вашкурского погребения интересна, но аналогий близких ей нет. Вятические правильно бипирамидальные бусы дают все же другой тип. Также и круглые сердоликовые, хотя и известны среди прикамских памятников, но еще не изучены. Как указывает А. В. Арциховский, бусы эти имели большую область распространения, по меньшей мере от Закавказья до Камы.⁴

4. Бусы круглые, хрустальные употреблялись для ожерелий не часто, как это указывает тот же автор, и имеют, по его мнению, главное распространение у племени вятичей. А. В. Арциховский склонен приписывать им южное, хозарское происхождение.⁵ Может быть и на Чусовую они попали по Волго-Камью.

5. Серьги Вашкурского погребения близки к изданным А. А. Спицыным в «Древностях Камской Чуди» серьгам с Рождественского городища из коллекции Теплоуховых.⁶ Отличие и довольно крупное, в пирамидке из зерни на низах серег, чего нет на серьгах коллекции Теплоуховых. Также отсутствуют там и цепочки, прикрепленные к вашкурским серьгам. Цепочки, кажется, говорят за то, что серьги эти не носились в ушах, а были своего рода привесками; А. А. Спицыным этот тип предположительно датируется X в. Повидимому, это почти соответствует истине.

6. Флаконовидные подвески относятся А. А. Спицыным к разряду амулетов, но, повидимому, без оснований. Скорей всего это наконечники поясов, быть может та часть, за которой следовала кисть. Остатки материи,

¹ Мат. по арх. вост. губ., вып. 26, т. XI, рис. 5.

² Там же, т. XXXIV, рис. 27, 28.

³ Там же, т. XXIV, рис. 74, 75 с Кыласовского городища.

⁴ См. А. В. Арциховский. Вятические курганы, стр. 38, РАНИОН, 1930.

⁵ Там же, стр. 39.

⁶ Мат. по арх. вост. губ., вып. 26, т. VII, рис. 3.

вернее волокон, часто находимые внутри этих предметов, говорят за данное предположение. Экземпляр из пещеры на Вашкуре близок к экземпляру из дер. Вакиной, и последний датируется А. А. Спицыным XI в.¹

7. Бубенчики полностью совпадают с таковыми из дер. Михалевой, и А. А. Спицын, ссылаясь на русские курганы, датирует их XI в.²

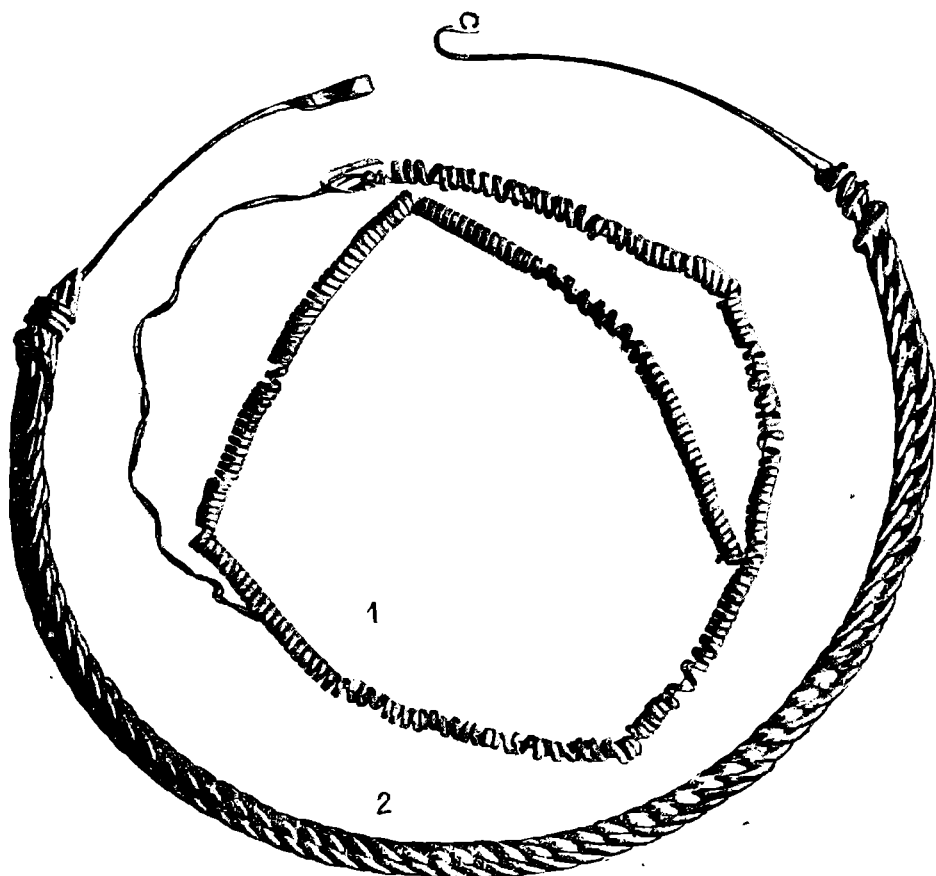

Рис. 2. 1. Проволочное бронзовое украшение; 2. Гривна бронзовая, витая

Кроме перечисленных выше предметов, находят себе аналогии и следующие: якоревидный костылек для подвешивания привесок к одежде,³ когтевидная привеска, как из Загарья — X в.,⁴ цепочки у серег, аналогичные таковым у подвески из дер. Михалевой,⁵ полубубенчики, как из Гаинской волости, дата — XI в.⁶

¹ Мат. по арх. вост. губ., вып. 26, т. IX, рис. 13. Орнамент несколько сложнее.

² Там же, т. XIII, рис. 5.

³ Там же, т. XIII, рис. 14.

⁴ Там же, т. X, рис. 8.

⁵ Там же, т. XIV, рис. 4, XI—XII вв.

⁶ Там же, т. XVIII, рис. 10.

Разбор комплекса вещей погребения показал нам, что дата — XI в. — является вполне обоснованной. Отдельные указанные несоответствия объясняются, как уже говорилось, ошибками А. А. Спицына.

Каков характер Вашкурского пещерного погребения? Проведенное в 1932 г. обследование памятников в Вашкурском районе на р. Чусовой говорит скорее за то, что это единичный памятник.¹

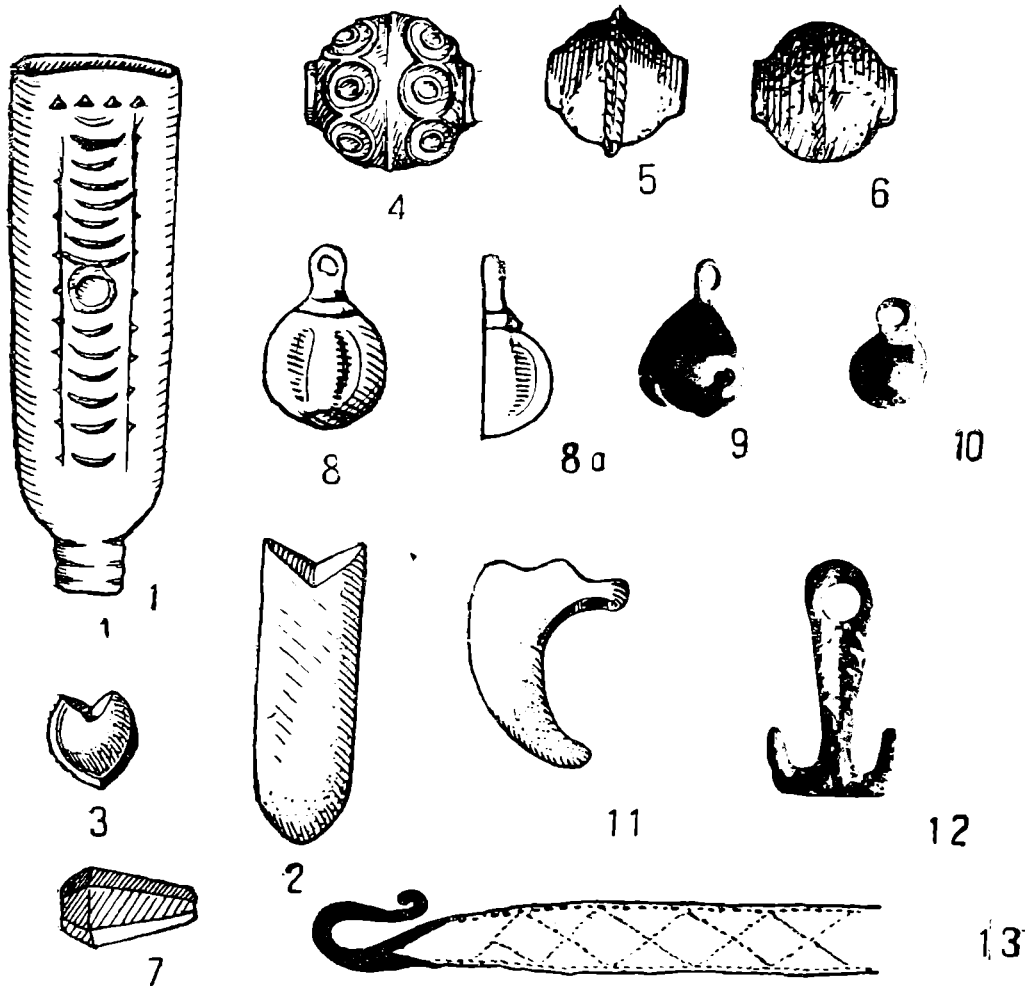

Рис. 3. 1. Наконечник пояса; 2—3. Поясные бляшки; 4—6. Бронзовые бусы; 7. Сердоликовая буса; 8, 8а, 10. Полубубенчики; 9. Бубенчик; 11—12. Привески; 13. Деталь замка гривны.

Вполне определенным указанием на находку вещей при костяке, а не при многих костяках, служат имеющиеся в Пермском музее сведения в книге поступлений о доставке с вещами костей одного скелета (один череп и т. д.), равно как и подбор комплекса вещей (пара серег, пара коньковых привесок, 1 гривна и т. д.); все это говорит с достаточной убедительностью, что здесь мы имеем дело с отдельным погребением, а отнюдь не с могильни-

¹ См. Н. А. Прокошев. Работы на Чусовой. Изв. ГАИМК, вып. 109.

ком. В какой именно пещере было обнаружено погребение, выяснить не удалось, так как находчик его живет в настоящее время в другом районе. В пещерах этого района никаких следов погребений обнаружено не было. На устье р. М. Вашкура в пещере были обнаружены лишь следы древних кострищ и керамика с веревочным орнаментом. На 30 км к востоку, вверх по р. Чусовой, на левом ее берегу, немного выше устья р. Койвы, близ камня Филина, лет пятнадцать тому назад при земляных работах крестьянами

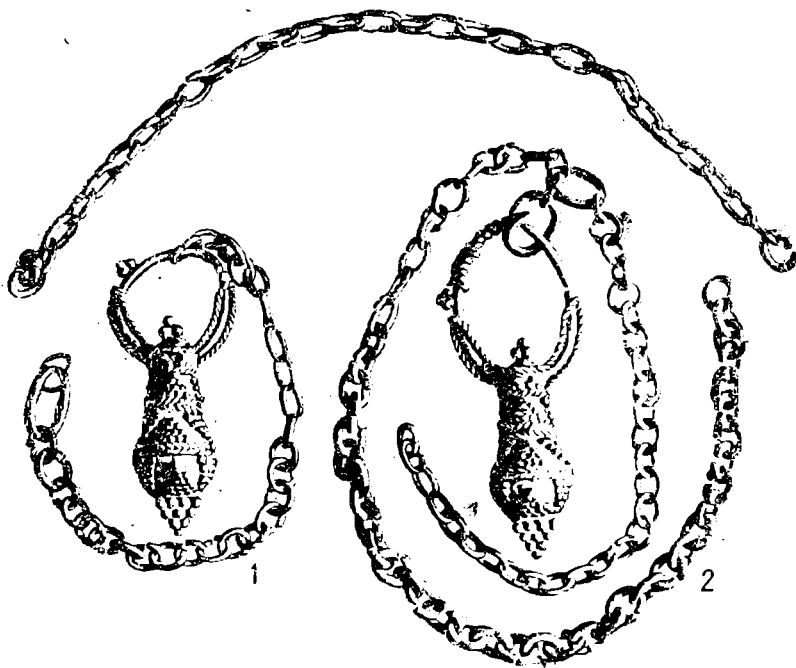

Рис. 4. 1—2. Серьги, привески серебряные.

и лесными рабочими с заводского кордона при сломке старого барака был найден клад, в состав которого входили серебряная гривна и серебряный сосуд (чаша, по описаниям рассказчиков). По рассказам крестьян дер. Усть-Койва вещи якобы были доставлены в музей, но куда именно, выяснить не удалось. Часть клада, а быть может и весь, крестьяне поделили между собой «на память». Один из кусков разломанной серебряной гривны нам удалось видеть у крестьянина дер. Усть-Койва П. М. Далматова. Гривна была ложно-витой, с концами, покрытыми глазковым орнаментом, т. е., повидимому, была близка «глазовскому» типу гривен. Клады с серебряной посудой известны на Чусовой, но ближе к нижнему ее течению. Так, напр., известен клад восточного серебра, найденный на склоне городища у с. Ве-реино. Но в районе Усть-койвинского клада и Вашкурского погребения

неизвестны постоянные поселения, или городища, близкого к этим находкам времени.

Если обратиться к смутным и отрывочным источникам близкого к XI в. времени, то можно убедиться, что уже в это время, а вероятно и значительно

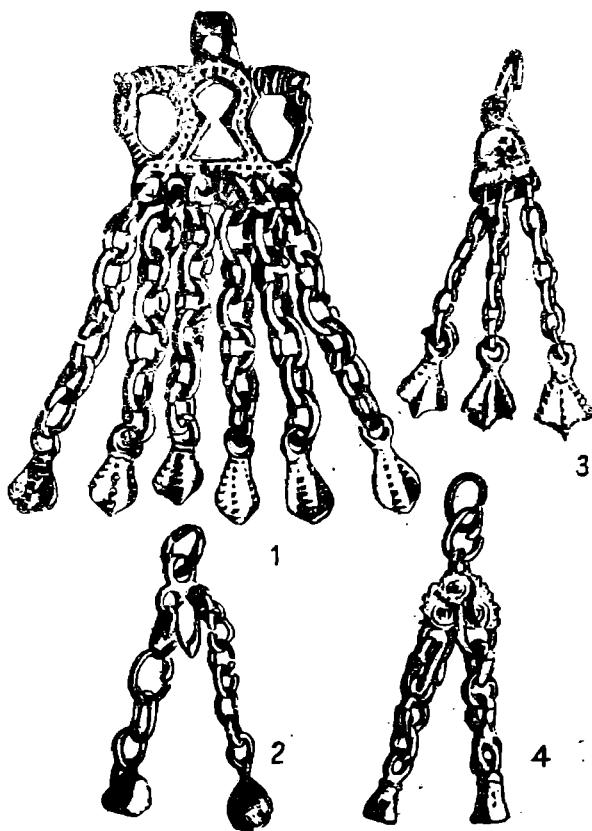

Рис. 5. 1—4. Привески шумящие.

ранее, существовало через Уральские горы несколько речных путей. Более известен «прежний Новгородский путь с Вычегды и Печоры на Сосьву и Обь...», начало существования которого некоторыми исследователями относится к XI—XII вв.¹ На древность чусовского пути через Урал мы не имеем почти никаких письменных указаний... Однако путь строгановской колонизации края в восточном направлении шел по р. Чусовой. Особенно яркое доказательство этого — выбор Ермаком именно этого пути. Это служит указанием, что путь этот был известен и ранее и использовался для сношения Зауралья с Прикамьем. Вполне вероятно, что такие памятни-

ки, как клады на Чусовой и погребение на М. Вашкуре, и объясняются существованием этой речной дороги. Случайной смертью в пути и можно объяснить описанное выше погребение, по форме захоронения необычное для Прикамья.

¹ А. А. Дмитриев. Пермская Старина, вып. 1, стр. 41, Пермь, 1889.

N. PROKOŠEV

UNE SÉPULTURE SUR LA RIVIÈRE TCHOUSOVAÏA

RÉSUMÉ

Le musée de Perm conserve différents objets trouvés par un paysan sur la rivière Tchousovaïa dans une grotte auprès d'un squelette et qui lui furent remis les uns en 1915, les autres en 1923. L'auteur y décrit un assortiment complet de parures de femme comprenant les pièces suivantes: collier, parure de tête en bronze, boucles d'oreilles, perles, grelots, pendants, etc. Il rapporte la sépulture au XI-e siècle. Comparant ces objets à leurs analogues et faisant remarquer qu'une voie navigable passait alors en cet endroit, il arrive à la conclusion que ce sont des objets communs à cette époque dans la région de la Kama et que leur présence ici s'explique par une inhumation occasionnelle en cours de route.

С. В. КИСЕЛЕВ

КАРАСУКСКИЕ МОГИЛЫ ПО РАСКОПКАМ 1929, 1931 и 1932 гг.

За последние годы, отличавшиеся большим развитием полевой археологической работы в СССР, многие проблемы, первоначально казавшиеся узко локальными, в свете новых открытий приобрели значение больших культурно-исторических вопросов.

Карасукскую проблему можно отнести именно к этому ряду.

Еще сравнительно недавно карасукские памятники представлялись местным, минусинским явлением. Дореволюционные исследователи в погоне за богатыми «тагарскими» курганами в большинстве случаев избегали рыться в плоских «творильных» могилах классификации Гмелина.¹

Лишь после революции удалось собрать некоторый материал и определить, что «творильные» могилы или могилы III типа по номенклатуре Д. Клеменца² отражают целый этап истории Минусинского края, совпадающий со временем распространения так наз. сейминских типов вещей.³ С тех пор собран богатейший материал по карасукским могильникам, к сожалению, в главной массе остающийся до сих пор не изданным. Особенно ценны результаты ряда раскопочных кампаний, проведенных Г. П. Сосновским в окрестностях улуса Орак, где наряду с первоклассным андроновским материалом удалось открыть интереснейшие карасукские могильники, позволяющие различать некоторые их особенности, может быть, основанные на хронологических различиях. Раскопки В. П. Левашевой в окрестностях Минусинска (около с. Быстрой) и в Хакасии (около улусов Подкунинского и Мохова) также дали несколько новых серий карасукских находок.

Наконец, и мне удалось еще в 1928 г. опубликовать свои исследования карасукских могильников около с. Кривинского, Усь-Теси и Теси на р. Тубе.⁴

---

¹ Исключение составили раскопки А. Адрианова около Тагарского озера и в логу Джесос и раскопки Кузнецова-Красноярского около Аскыза, но и они носили случайный характер.

² Д. Клеменц. Древности Минусинского музея, стр. 12, Томск, 1886.

³ Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, стр. 68.

⁴ С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. Минусинск, 1929.

В 1929 г. я продолжил на средства Минусинского музея свои маршрутные обследования и тогда же на ряду с другими раскопал и карасукские могилы около с. Быстрой под Минусинском и около Усть-Сыды и Сыды на р. Сыде.

В 1931 г. я раскапывал обширный карасукский могильник около с. Усть-Ерба в Хакасии, а в 1932 г., работая снова в окрестностях с. Теси, исследовал любопытные карасукские погребения под горой Ильинской.

Результаты этих трехлетних работ я и привожу ниже. Однако, прежде чем перейти к их изложению, не могу не обратить внимания на исключительной важности открытия, сделанные за последние годы по карасукому вопросу вне Минусинского края.

Когда к 1927 г. были выяснены в основных чертах типично карасукские памятники долины Енисея, можно было указывать лишь на отдельные сходные с карасукскими предметы, найденные к востоку и западу от этого района, и среди них прежде всего коленчатые ножи Забайкалья и Прибайкалья и «лапчатые» привески из Тувы. Комплексных находок карасукского облика почти не было известно. Лишь черепки сосудов и некоторые медные предметы, собранные на дюнах и в раздутых погребениях около Бийска, да инвентарь некоторых могил известного Томского могильника сигнализировали о возможности более широкого распространения карасукских форм.¹

Почти те же материалы оказались и к 1930 г. в распоряжении М. П. Грязнова при составлении им первого систематического хронологического обзора древностей Алтая.²

Однако в том же 1930 и последующих годах С. М. Сергеев и А. П. Марков открыли и исследовали в предгорной степной зоне Алтая ряд карасукских могильников около с. Суртайского и Камышенки. Их материалы при наличии известного локального своеобразия (напр., господство плоскодонности у сосудов) демонстрируют близость северо-алтайских памятников к енисейским.

В 1933 г. мы получили данные о дальнейшем распространении на запад карасукских памятников. Экспедиция ГАИМК, работавшая под руководством проф. П. С. Рыкова в Карагандинском районе, исследовала ряд могил, давших новые, наиболее западные варианты карасукского инвентаря.³

Наконец, продолженные в 1935 и 1936 гг. О. А. Граковой раскопки Алексеевской стоянки на р. Тобол в Кустанайском районе, как кажется, показали предел возможного распространения карасукских комплексов. Среди позднеандроновского инвентаря этой стоянки, имеющего уже много признаков к смыканию с раннескифскими или, может быть, точнее,

¹ Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, стр. 106 и 107.

² М. П. Грязнов. Древние культуры Алтая, стр. 5—6, Новосибирск, 1930.

³ П. С. Рыков Работа в совхозе «Гигант» (Караганда). Изв. ГАИМК, вып. 110, Л., 1935, стр. 43, сл.

кимерийско-гальштаттскими формами, были найдены обломки двух коленчатых ножей, доказывающие, повидимому, сосуществование этой позднеандроновской стоянки запада с карасукскими более восточных областей Сибири.

Если к этому прибавить публикацию А. Сальмони известной коллекции монгольских и севернокитайских бронз, принадлежащей Лу и показывающей широкое распространение в Северном Китае орудий карасукских форм,¹ то вполне оправдывается сделанное нами вначале заявление о превращении карасукского вопроса в большую историческую проблему соотношения и возможного взаимодействия отдельных областей на огромном протяжении от Ордоса до центрального Казахстана. Вместе с тем, повторяю, особенно досадным становится отсутствие публикаций большинства материалов по «Карасуку».

В 1929 г. мне удалось на средства Гос. минусинского музея им. Н. М. Мартыанова провести обширные обследования по Тубе, Енисею и Сыде и произвести раскопки в окрестностях сс. Сыда, Усть-Сыда и Быстрая (последнее около Минусинска). Во всех трех пунктах среди других памятников были раскопаны и карасукские могилы.

МОГИЛЬНИК ОКОЛО С. УСТЬ-СЫДА

Окрестности] с. Усть-Сыда, расположенного в 3 км от Енисея, на правом берегу р. Сыды, изобилуют археологическими памятниками. На возвышенностях обоих берегов реки при ее впадении в Енисей на горе Унюк и на утесе Подсинем сохранились остатки древних валов и рвов, к сожалению, без культурного слоя. В четырех группах по обоим берегам реки мы насчитали 195 тагарских курганов, на угловых камнях которых оказались высеченные изображения человеческих фигур. У села, под горой Гладкой встретились позднейшие погребения — каменные кольца, а на скале «Горушке» погребения, отмеченные на поверхности округлыми площадками, выложенными плитками сланца.

Карасукские могилы также нашлись в этой местности всего в 1 км к СЗ от с. Усть-Сыды, рядом с тагарскими курганами, но особым кладбищем, расположенным ближе к горе Гладкой. Могилы на поверхности отмечены округлыми земляными курганчиками высотой до 0.5 м. На всех насыпях имеются квадратные или четырехугольные, еле выступающие на поверхность оградки из врытых на ребро плит. Размеры их продиктованы размером насыпи, окружность которой всегда «описана» вокруг оградки. На некоторых курганах к основным оградкам примыкали боковые, меньших размеров. Какого-либо порядка в расположении курганчиков проследить нельзя. Ясно лишь, что они группируются вокруг центрального большого земляного кургана высотой до 1.5 м, диаметром до 12 м. На его насыпи

---

¹ A. Salmony. Sino-Siberian Art in the Collection of C. J. Loo. Paris, 1933.

квадратная оградка из плит, повидимому, разделенная на несколько отделений внутренними стенками. Однако без раскопок невозможно было выяснить точное их расположение, так как их плиты почти все заросли дерном. Мы ограничились лишь разведочным вскрытием четырехугольного каменного ящика, выступавшего в центральной части насыпи на поверхность верхним краем своих плиточных стенок. Ящик этот оказался для карасукских необычайно глубоким. Он занимал всю толщу насыпи, имея в глубину 1.43 м. Из-за такой глубины стенки его были выложены плитами в два яруса, причем поражала точность подгонки смыкавшихся торцов. В длину с СЗ на ЮВ ящик имел 2.38 м, а в ширину 0.97 м. Заполнен он был чистой землей, аналогичной образующей всю насыпь. Дном ящика служил горизонт древнего чернозема. Никаких остатков покрытия, а равно следов захоронения в этом ящике мы не обнаружили и, будучи вынуждены отказаться от раскопок всего кургана, засыпали ящик вынутой из него землей.

Из расположенных вокруг этого кургана мелких насыпей мы могли раскопать семь. Из них только три (№ 1, 5 и 7) имели определенныеразмеры,¹ остальные представляли собой еле заметные повышения почвы вокруг плит оградки. Оградки не имели устойчивой ориентировки и размеров.²

Под насыпями во всех семи случаях с горизонта открылись погребальные ямы в виде четырехугольных ящичков (прямоугольных или трапецевидных в плане) из аккуратно обтесанных тонких плит девонского песчаника. У большинства ящичков сохранились и плиты покрытия, но только у двух погребений (мог. 4, погр. II и мог. 6, погр. I) они были не повреждены. Чаще же они сохранились в обломках, будучи разбиты при ограблении. Ящички могил № 1—3 сохранили плиты покрытия с пробитыми в средней части отверстиями — лазами грабителей. Расположение погребальных ящичков всегда, примерно одинаковое. Все они длинной осью или параллельны или перпендикулярны длинной оси оградки. Если ящик в оградке один, он занимает центральную часть (мог. № 1 и 3). Если два, то каждый занимает среднюю часть соответственной половины площади (мог. № 2 и 6). Особенностью данного могильника являются двойные ящички, имеющие одну общую среднюю стенку (мог. № 4 и 7). Расположены они в центральной части огороженной площадки. В могиле № 5, на ряду с двумя ящичками, расположенными каждый в своей половине площадки, у западной стенки встретились два маленьких ящичка, содержавшие сильно истлевшие кости младенцев.

¹ Могила № 1 — высота 0.3 м, диаметр до 9 м; могила № 5 — высота 0.5 м, диаметр до 10 м; могила № 7 — высота 0.3 м, диаметр до 6 м.

² Могила № 1 длина оградки с ЮЗ на СВ 7.5 м, ширина 5.3 м
 » № 2 » » » ССЗ » ЮЮВ 4.85 » » 4.7 »
 » № 3 » » » ЗЮЗ » ВСВ 3.14 » » 2.65 »
 » № 4 » » » С » Ю 6.5 » » 4.8 »
 » № 5 » » » З » В 8.6 » » 6.8 »
 » № 6 » » » ЮЗ » СВ 5 » » 4.45 »
 » № 7 » » » ЗЮЗ » ВСВ 4.75 » » 4.5 »

Размеры ящиков, равно как и ориентировка, различны.¹ Все они были заполнены землей, с осколками плит покрытия. Дно у всех составлял лессовый материк. Большинство ящиков оказалось разграбленными, некоторые дочиستا. Такими пустыми были I ящик могилы № 2 и III ящик могилы № 5. Во II ящике могилы № 2 остались лишь кости передней ноги коровы, лежавшие посредине. Отдельные человеческие кости, часто переломанные, сваленные грабителями в беспорядочную груды или разбросанные по всему дну, оказались в ящике могилы № 1, № 2, в I ящике могилы № 4, в IV ящике могилы № 5, во II ящике могилы № 6 и в обоих ящиках могилы № 7.

Благодаря фрагментарности остатков скелетов затруднительно определение их возраста и пола. Уцелевшие от грабителя два ящика содержали весьма интересные погребения.

Погребение II могилы № 4 было открыто в северной камере двойного ящика. Здесь на грунтовом дне оказался костяк взрослого мужчины, лежавшего в необычайной позе — головой на В, лицом на С, спиной вверх, скорченно, коленями к С, с руками, согнутыми в локте, кистями под животом. Никаких вещей при этом костяке не оказалось. Зато в ограбленной соседней южной камере в северо-западном углу оказались два круглодонных сферических сосуда из серой глины обычной карасукской техники (вероятно, формованные с помощью сбивания ударами колотушки).² Один украшен вдоль бортика двумя, а другой тремя горизонтальными резными линиями. Оба сосуда принадлежат к особенно распространенным в карасукских инвентарях.³

Другое неразграбленное погребение оказалось в I (северо-вост.) ящике могилы № 6. На грунтовом дне этого ящика был открыт костяк молодого

¹ Могила № 1 — длина ящика с ЮЗ на СВ 2.02, ширина 0.9 и глубина 0.6 м.
Могила № 2 — длина I (сев.) ящика с ЮЗ на СВ 1.32 м, ширина по юго-зап. стенке 0.51, по сев.-вост. — 0.64 м и глубина 0.71 м; длина II (южн.) ящика с З на В 1.5 м, ширина у зап. стенки 0.55, у вост. 0.67 и глубина 0.65 м.

Могила № 3 — длина ящика с ВСВ на ЗЮЗ 1.7, ширина 0.78 и глубина 0.6 м.

Могила № 4 — длина двойного ящика с В на З 1.85, ширина 1.6 (разгорожен пополам) и глубина 0.41 м.

Могила № 5 — длина I ящика (детского) с З на В 0.5 м, ширина 0.35 м и глубина 0.6 м; длина II ящика (детского) с З на В 0.58 м, ширина 0.37 м и глубина 0.35 м; длина III (зап.) ящика с С на Ю 1.9 м, ширина 0.8 м и глубина 0.63 м; длина IV (вост.) ящика с С на Ю 1.84 м, ширина 0.73 м и глубина 0.55 м.

Могила № 6 — длина I ящика с ЮВ на СЗ 1.66, ширина 0.95 и глубина 0.5 м; длина II (юго-зап.) ящика с ЮВ на СЗ 1.73, ширина 0.8 и глубина 0.61 м.

Могила № 7 — длина детского ящика с ССЗ на ЮЮВ 1.68 м, ширина 1.56 (разгорожен пополам) и глубина 0.45 м.

² L. Pfeiffer. Die Werkzeuge des Steinzeit-Menschen. Jena, 1920.

³ Ср. С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г., стр. 54 и табл. II, рис. 16. Минусинск, 1929.

человека, лежавшего вдоль юго-западной стенки ящика головой на СЗ, лицом к СВ, несколько на правом боку (в три четверти) с вытянутой правой ногой и левой немного согнутой в колене. Правая рука вытянута вдоль тела (локтевая была потревожена землеройкой и нашлась на 15 см выше костяка в засыпи ящика). Левая рука согнута в локте, кистью на животе. Против лица в северном углу ящика стояли два типично карасукских круглодонных сферических сосуда из темной глины. У одного вдоль бортика три, а у другого две резных горизонтальных линии.

Против груди и таза у середины северо-восточной стенки ящика лежали кости передней ноги коровы (с лопаткой). Это погребение интересно прежде всего потому, что прибавляет новую единицу к ряду карасукских костяков, положенных вытянуто, в нарушение старой традиции афанасьевских и андроновских захоронений, для которых скорченность была единственной известной формой.

В соседнем с описанным II погребении могилы № 6 среди остатков разграбленного скелета мы отыскивали обломки сферического круглодонного сосуда из серой глины, украшенного, как и найденные рядом, тремя горизонтальными резными линиями вдоль бортика. Кроме того, была найдена бронзовая бляшка в виде четырех плоских примыкающих друг к другу выпуклостей (табл. IV — 1). Подобные бляшки широко распространены в карасукском инвентаре, а также встречены в старшем Томском могильнике.¹

В других ограбленных могилах среди разбросанных остатков скелетов были отысканы следующие вещи.

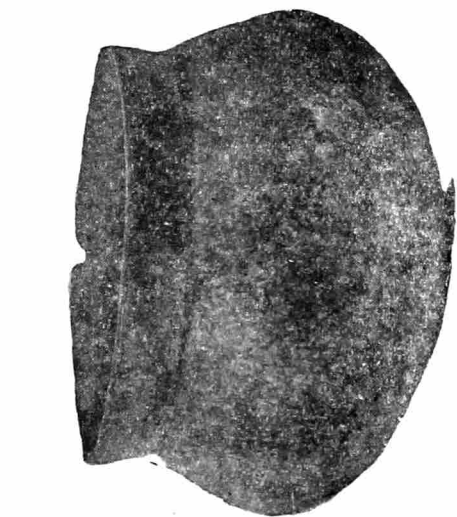
В первом погребении могилы № 1 у середины юго-западной стенки оказалась половинка сферического круглодонного сосуда из серой глины, украшенного вдоль бортика четырьмя горизонтальными резными линиями и спускающимися по плечам заштрихованными треугольниками. В западном углу стоял сферический круглодонный сосуд из серой глины, украшенный вдоль бортика тремя горизонтальными резными линиями. В центральной части ящика отыскивались обломки бортика сферического сосуда, украшенного рядом наклонных вдавлений плоской палочкой и ниже двумя горизонтальными резными линиями и валиком, две бронзовые бляшки, каждая из двух выпуклостей (табл. IV — 2), и свернутая из рубчатой бронзовой пластинки трубчатая пронизка (табл. IV — 15). Все эти вещи находят ряд аналогий в раскопанных ранее карасукских погребениях.² Бляшки найдены также и в карасукских погребениях Алтая.³

¹ С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г., стр. 51 (в дальнейшем я везде даю ссылки на эту работу, где мною собран весь параллельный материал, к сожалению, до сих пор в печати не появившийся).

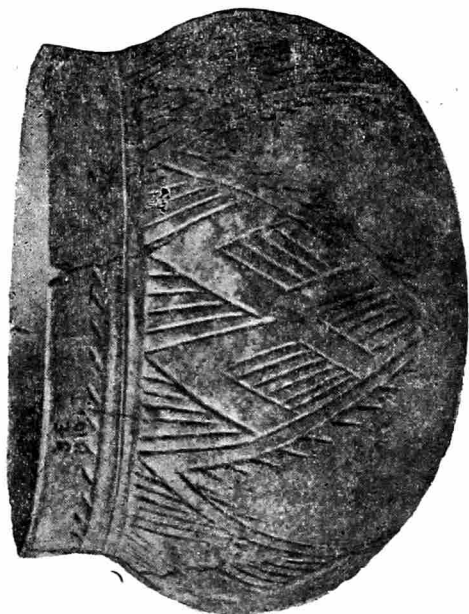
² С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции..., стр. 51, 52 и 54.

³ Село Камышенка, мог. № 10, 12 раск. С. М. Сергеева. Хранится в Гос. Эрмитаже, колл. 252.

ТАБЛИЦА I

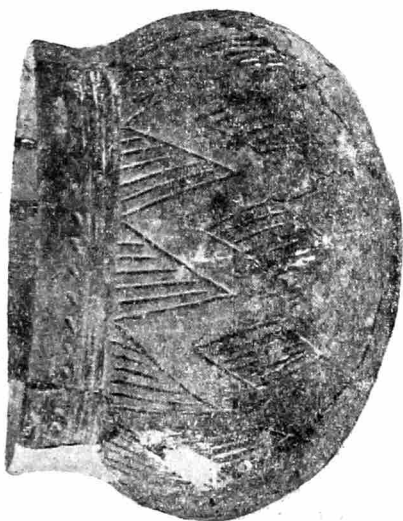
1

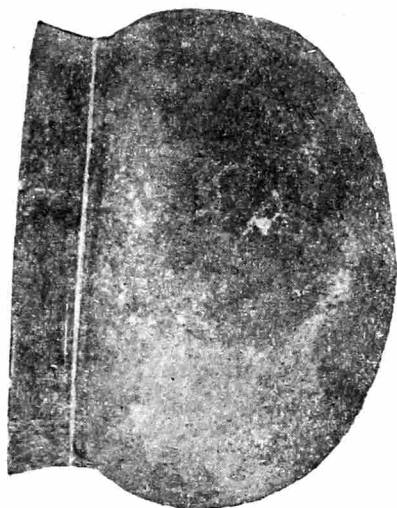
2

3

4

5

6

В центральной части ящика могилы № 3 в груди оказались обломки трех круглодонных сферических глиняных сосудов. Два были украшены вдоль бортика тремя горизонтальными резными линиями и один имел по бортику ряд наклонных подтреугольных вдавлений, ниже три горизонтальные резные линии и по плечам заштрихованные треугольники. Здесь же были найдены обрывки шерстяной ткани «диагональ», близкой по своей выделке к найденной в 1928 г. в шестой могиле около с. Теси.¹ У середины ЗЮЗ стенки стоял сферический круглодонный сосуд, украшенный по бортику группами в 4 или 6 точек, расположенных горизонтально. Все сосуды имеют много аналогий в ранее исследованных карасукских могилах.

В IV погребении могилы № 5 грабители оставили лишь стоявший в юго-западном углу ящика сферический круглодонный сосуд из темной глины, с двумя горизонтальными линиями вдоль бортика, да разбросанные обломки другого такого же сосуда, украшенного по бортику рядом наклонных вдавлений плоской палочки, ниже тремя горизонтальными резными линиями и по плечам заштрихованными треугольниками.

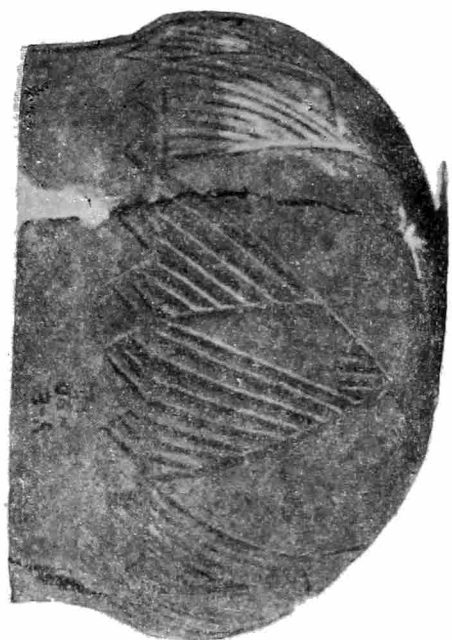
В первом погребении могилы № 7 у середины ЮЮВ стенки оказался обломок сферического круглодонного сосуда с тремя горизонтальными резными линиями вдоль бортика. В центральной части среди остатков костей нашлась бронзовая «лапчатая» привеска от украшения косы — типичнейшая принадлежность карасукского туалета (табл. IV—4). Во втором погребении могилы № 7 в юго-западном углу ящика оказались три округлых круглодонных сосуда. Из них один не орнаментирован (рис. 59), а два другие украшены двумя и тремя резными горизонтальными линиями вдоль основания бортика.

МОГИЛЬНИК ОКОЛО С. СЫДА

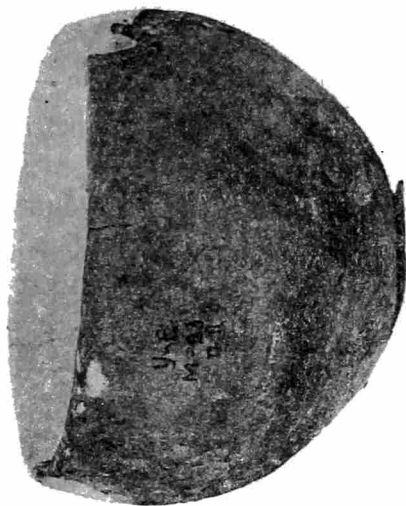
С только-что описанным могильником весьма близок карасукский же, расположенный на поросшей пикульками нижней террасе правого берега р. Сыды в 1.5 км к З от с. Сыда, в покотине, немного севернее Афанасьевских курганов, описанных мною в предыдущем выпуске «Советской Археологии». В этом могильнике мы насчитали 47 маленьких округлых курганчиков (выс. до 0.5 м). На их земляных насыпях имеются четырехугольные оградки из плит, врытых на ребро. На некоторых курганах к главной оградке примыкают меньшие.

Здесь вдоль дороги в с. Усть-Сыда, отделяющей этот могильник от Афанасьевских курганов, мы смогли раскопать семь могил, почти лишенных насыпи, превратившихся в еле различимое повышение почвы вокруг оградки.

¹ С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции..., стр. 79.

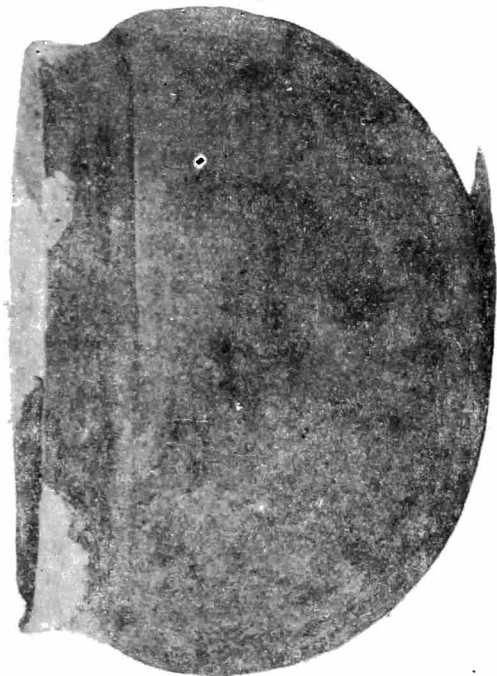
1

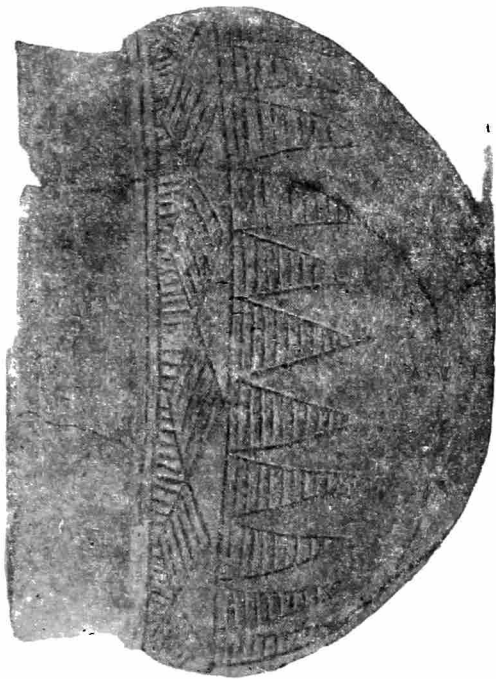
3

2

4

5

6

Оградки здесь имели ориентировку сторонами по странам света и различные размеры, приближаясь к квадратным.¹

В центральной части каждой огороженной площадки с глубины 10—15 см открывались по одному погребальные ящики из плит. Только в могиле № 1 оказались два ящика. Большой и здесь был в центре, а маленький в северо-восточном углу оградки.

Ящики здесь имели более устойчивую ориентировку, чем в Усть-Сыде, совпадавшую с ориентировкой оградок.²

Первоначально все ящики были покрыты плитами, но впоследствии они были разбиты грабителями, и их осколки вместе с землей заполнили внутренность ящиков. Лишь у детского ящика в могиле № 1 уцелела плитка покрытия.

Дно у всех ящиков было грунтовое — песчаное.

Ящики в могилах № 3 и 5 оказались ограбленными начисто. Во втором ящике могилы № 1 был открыт сильно истлевший костяк ребенка, лежавшего вытянуто на спине, головой на В, с вытянутыми вдоль тела руками. Повидимому, в таком же положении находился и ребенок из ящика могилы № 7, от которого остался один тлен. В юго-восточном углу здесь стоял круглодонный реповидный сосуд из серой глины, украшенный по бортику рядом округлых вдавлений тупой палочки. Это обычная карасукская форма.³

В остальных ящиках от грабителей уцелели лишь сильно истлевшие, иногда переломанные отдельные кости людей. К сожалению, по ним нельзя

1	Могила № 1	длина оградки с	З	на	В 2.7	м,	ширина	2.5	м
	»	№ 2	»	»	З	»	»	2.9	»
	»	№ 3	»	»	ЗЮЗ	»	ВСВ 5.2	»	» 5
	»	№ 4	»	»	ЗЮЗ	»	ВСВ 3.1	»	» 2.9
	»	№ 5	»	»	ЗЮЗ	»	ВСВ 3.1	»	» 3
	»	№ 6	»	»	З	»	В 2.88	»	» 2.55
	»	№ 7	»	»	З	»	В 2.7	»	» 2.6

² Могила № 1 — ящик I длиной с З на В 1.2 м, шириной 0.2 м и глубиной 0.43 м

Могила № 1 — ящик II длиной с З на В 0.75 м, шириной 0.4 м и глубиной

Могила № 2 — ящик длиной с З на В 0.77 м, шириной 0.45 м и глубиной 0.25 м

Могила № 3 — ящик длиной с ЗЮЗ на ВСВ 2.02 м, шириной 0.72 м и глубиной 0.55 м

Могила № 4 — ящик длиной с ЗЮЗ на ВСВ 0.75 м, шириной 0.51 м, и глубиной 0.37 м

Могила № 5 — ящик длиной с ЗЮЗ на ВСВ 1.1 м, шириной 0.46 м и глубиной 0.37 м

Могила № 6 — ящик длиной с З на В 1.45 м, шириной 0.46 м и глубиной 0.43 м

Могила № 7 — ящик длиной с З на В 0.88 м, шириной 0.6 м и глубиной 0.5 м

³ С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции..., стр. 53.

было определить ни пола ни возраста покойников. Осталось лишь несомненным, что в каждом ящике был похоронен один человек. Ограбление и здесь было радикальным, так что лишь в первом ящике могилы № 1 среди костей у середины северной стенки нашлось бронзовое проволочное колечко с несомкнутыми, заостренными концами. В центральной части лежал опрокинутый сферический круглодонный сосуд из серой глины без орнамента и около него бронзовая пластинка и две бронзовые бляшки в виде парных выпуклостей (табл. IV — 3) — все типично карасукские вещи.

МОГИЛЬНИК ОКОЛО С. БЫСТРАЯ

Уже закончив основные раскопочные работы 1929 г., по просьбе Минусинского отдела народного образования я произвел небольшие раскопки близ города около с. Быстрой, специально для Окружной учительской конференции, участники которой и посетили мои работы в полном составе. Исходя из образовательных целей, я выбрал для раскопок обширное могильное поле, расположенное в 2.5 км к СЗ от села в логу между Майдашинскими высотами по обе стороны дороги, ведущей на пашни в дер. Колмакову. Здесь же проходит и линия телефона.

На третьей террасе здесь расположены в западной половине и отдельно в северо-восточной до 60 тагарских курганов, три из которых были мною раскопаны. Среднюю часть у дороги занимает сложный по составу могильник, состоящий из расположенных бок-о-бок карасукских и таштыкских могил и нескольких каменных колец. Все эти памятники также были затронуты раскопками, так что, сохранив во всех из них до прихода членов конференции расчищенные погребения, я смог продемонстрировать наглядно не только методику полевой археологической работы, но и всю историю Минусинского края от карасукского времени до III—IV вв. н. э. Я раскопал три карасукских могилы (№ 1—3); каждая оказалась с одним ящиком. Кроме того, при раскопке погребений позднейшего каменного кольца выяснилось, что оно сооружено над древней карасукской могилой с оградкой, в которой находились три ящика. Две карасукские могилы имели округлые невысокие насыпи.¹ На них, как и у плоской могилы № 2, были ясно видны квадратные оградки из врытых на ребро плит.²

Погребальные ящики находились в центральной части оградок, были четырехугольными в плане. Два из них (могилы № 1 и 3) сохранили плиты покрытия, в средней части пробитые грабителями. Покрытие ящика

¹ Могила № 1 — диаметр насыпи 4.5 м, высота 0.45 м.

« № 3 — диаметр насыпи 5 м, высота 0.35 м.

² Оградка могилы № 1 ориентирована сторонами на ЗСЗ, ВЮВ и т. д., разм. 3×3.

Оградка могилы № 2 ориентирована сторонами по странам света, разм. 3.5×3.5 м

» » № 3 » » по странам света разм. 3×3 м.

могилы № 2 оказалось разбитым на куски, которые и попадались в земле, его заполнявшей. Дно у всех ящиков было грунтовое.¹

На дне первого ящика был открыт костяк взрослого мужчины, лежавшего на левом боку, с перекрещенными к ВЮВ ногами, с руками, согнутыми в локте, левой кистью у северной стенки ящика и правой кистью на левой части таза. Костяк был потревожен грабителями — отсутствовала нижняя челюсть, а череп лежал на тазу. На груди, повидимому, лежал нагрудник, от которого сохранились в восьми горизонтальных рядах 76 бронзовых скобкообразных обоймочек из желобчатой пластинки (табл. IV — 6, 7). Повидимому, они были укреплены на ременной основе нагрудника. Подобные обоймочки не редкость в карасукских инвентарях,² но здесь они найдены впервые в сочетании, позволяющем определить их назначение, вероятно, однако, далеко не единственное.

У ступней погребенного лежали 9 гвоздевидных бронзовых «заклепок» (табл. IV — 10) и 9 трубчатых пронизок, свернутых из рубчатых и гладких бронзовых пластинок (табл. IV — 17). Эти предметы также не раз встречались при раскопках карасукских погребений,³ однако, здесь впервые можно ставить вопрос об их принадлежности к отделке обуви. На середине спины, под позвоночником, оказалась бронзовая лапчатая привеска (табл. IV — 5) с идущими от нее вертикальным рядом вверх семью бронзовыми, овальными в сечении обоймочками, согнутыми из желобчатой пластинки так, что края их заходят друг за друга. Исходя из положения этой находки, я вижу в ней новое подтверждение своему предположению о том, что лапчатые привески служили украшением косы.⁴ В северо-западном углу ящика лежали обломки двух сферических круглодонных сосудов, украшенных вдоль бортика один — четырьмя горизонтальными резными линиями, а другой — трехугольными вдавлениями палочки, собранными по четыре в группы, расположенные на одной горизонтальной линии. Здесь же лежал футляр из трубчатой кости, в котором было вложено бронзовое четырехугольное шило (табл. IV — 11, 12).

Эта находка заставляет пересмотреть наше прежнее определение найденной в 1928 г. в могиле № 6 около Усть-Теси костяной трубочки как пронизки — ее размеры почти точно совпадают с описываемой здесь, несомненно служившей футляром для шила.⁵

Наконец, вдоль восточной части северо-северо-восточной стенки ящика были найдены кости передней ноги и три ребра коровы, уже встречавшейся

¹ Ящик могилы № 1 длиной с ЗСЗ на ВЮВ 2 м, шириной 1 м и глубиной 0.6 м.
 » № 2 » с З на В 1.75 м, шириной 0.9 м и глубиной 0.7 м.
 » № 3 » с ЗСЗ на ВЮВ 1.8 м, шириной 0.85 м и глубиной 0.6 м.

² С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции..., стр. 52.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 50—51.

⁵ Там же, стр. 52.

в погребениях карасукских могил.¹ В ящике могилы № 2, по устройству ничем не отличающейся от двух других и вообще от всех могил Быстрянского могильника, сделаны весьма важные находки. На дне ящика лежали в беспорядочной груде кости взрослой женщины. Отсутствовал череп. Среди костей в центральной части ящика были найдены две бронзовые обоймочки, совершенно совпадающие с только-что описанными от нагрудника в могиле № 1 (табл. IV — 8, 9). И вместе с этими типично карасукскими обоймочками² лежали обломки двух плоскодонных сосудов из темной глины. Один из них имел горшковидную форму, а другой баночную и был украшен вдоль края горизонтальным рядом выдавленных изнутри выпуклостей.³ Ни форма, ни орнаментация, ни техника изготовления этих сосудов не оставляют сомнения в принадлежности их к другому, уже тагарскому типу керамики.⁴

Таким образом мы сталкиваемся здесь впервые с фактом сосуществования в типично карасукской по устройству могиле вещей карасукских с вещами позднейшего тагарского времени (с VIII в. до н. э.). Как мы увидим ниже, этот факт не является теперь уже единичным и может служить основанием для утверждения прямой связи и преемственности тагарских памятников от карасукских. В ящике могилы № 3 кости взрослого человека были разбросаны по всему дну, причем отсутствовали кости черепа, ребра, позвоночник и тазовые. Однако сохранившие первоначальное положение кости ног позволили установить, что покойник был положен вдоль юго-юго-западной стенки ящика, головой на ЗСЗ, вытянуто на левом боку, т. е. аналогично вышеописанному погребению I могилы № 6 в Усть-Сыде. Среди костей оказались черепки сферического круглодонного сосуда из серой глины, украшенного вдоль бортика тремя горизонтальными резными линиями, ниже — рядом заштрихованных ромбов, еще ниже — двумя горизонтальными линиями и под ними ломаной лентой в три резные линии.

Как упоминалось выше, другие три карасукских ящика были найдены при раскопках позднейшего каменного кольца, которое, как выяснилось, было построено над оградкой, содержащей эти ящики. В интересах точности привожу выписку дневника раскопок:⁵

¹ С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции..., стр. 57; С. А. Теплоухов. Древние погребения Минусинского края (Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, стр. 95).

² По крайней мере пока в позднейшую эпоху мы не знаем в Минусинском крае подобных обоймочек.

³ Высота первого сосуда 11 см, диаметры: стен — 11 см, дна — 7 см. Высота второго сосуда 20 см, диаметр дна 8 см. Записаны в охранную опись Минусинского музея под № 80 и 81.

⁴ Ср. С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции..., табл. IV, рис. 14 и 18.

⁵ Необходимые пояснения даны в скобках.

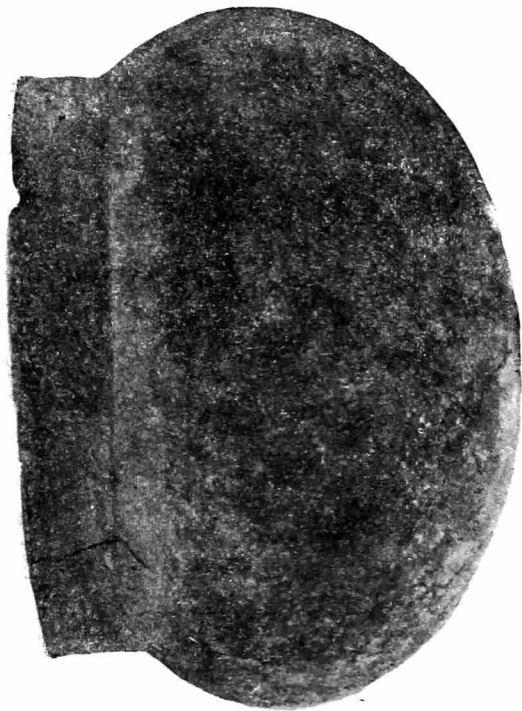
«Кольцо № 1 [расположено в 3 м к ЮЗ от могилы № 1]. Диаметр кольца 10.5 м, ширина кольца 2.75 м, высота 0.65 м. Сложено оно из обломков плитняка прямо на поверхности почвы [т. е. без фундамента, заложенного ниже уровня земли]. Внутренняя часть, заключенная в кольцо, не достигает современного горизонта, но приподнята над ним на 0.45 м засыпью из земли и мелких обломков плит. Раскопка кольца велась на снос.

Погребение I. На глубине 0.2 м в центральной части кольца в засыпи на 0.25 м выше горизонта открылась четырехугольная яма длиной с З на В 1.9 м, шириной 1.5 м и глубиной 0.3 м [следовательно, углубляется ниже современного горизонта на 0.05 м. Возможно, что такого углубления первоначально не было, так как вполне вероятно, что горизонт в эпоху сооружения кольца был несколько ниже. К сожалению, здесь не удалось проследить старую границу горизонта, так как чернозем из насыпи и основной совершенно слились]. Стенки ямы были укреплены срубом в один венец лиственничных бревен, рубленых в лапу. Сруб был заполнен землей и кусками угля. На дне сруба найдены в беспорядочной груде остатки костей взрослого человека и среди них обломки баночного сосуда, украшенного вдоль бортика треугольными вдавлениями, а также часть другого сосуда, повидимому, кубковидного на коническом поддоне. [Все черты этого погребения в срубе, а также его инвентарь не оставляют сомнения в том, что здесь мы имеем дело с памятником, близким к погребениям в кольцах с масками.]

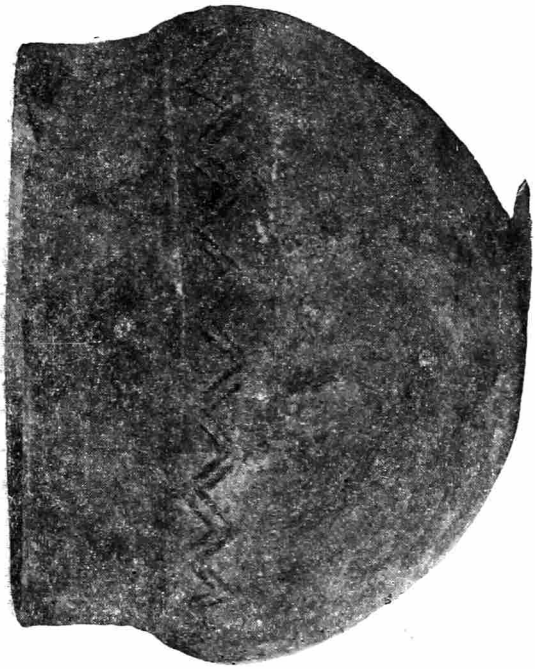
По расчистке всей площади кольца обнаружено, что под ним скрыта четырехугольная оградка из врытых на ребро плит. Длина оградки с З на В 2.6 м, ширина 4.5 м. По середине с С на Ю огороженная площадь разделена поперечной стенкой на две равные части.

Погребение II. На глубине 0.3 м от горизонта в центре западной части оградки открылась четырехугольная яма длиной с З на В 1.7 м, шириной 0.9 м и глубиной 0.6 м, обставленная по стенкам плитами в виде ящика. Ящик был заполнен землей и обломками плит. На грунтовом (лессовом) дне его в беспорядочной груде лежали кости человека (отсутствовали кости ног, ребра, позвонки и череп). По всему дну ящика были разбросаны отдельные обломки двух сферических круглодонных сосудов из серой глины. Один из них украшен вдоль бортика наlepным валом с косыми нарезками, другой — также двумя горизонтальными резными линиями. В северо-восточном углу ящика лежало ребро барана.

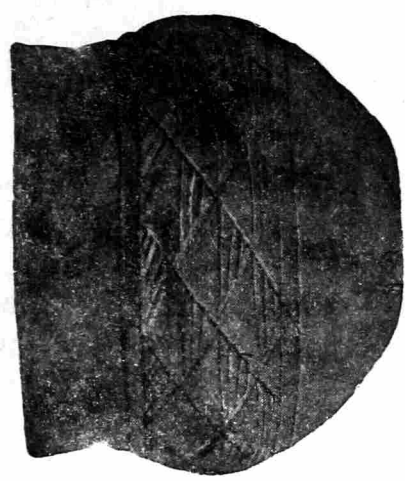
Погребение III. На глубине 0.3 м в восточной половине оградки, ближе к северной стенке ее открылась четырехугольная яма длиной с З на В 1.6 м, шириной 0.75 м и глубиной 0.64 м, обставленная по стенкам плитами в виде ящика. Ящик был заполнен землей, обломками плит. На лессовом дне ящика в беспорядке были разбросаны кости ног и отдельные ребра человека. В юго-западном углу ящика лежали обломки сферического, круглодонного сосуда, украшенного вдоль бортика резными линиями, промежутки между которыми были заштрихованы в шахматном порядке.

1

2

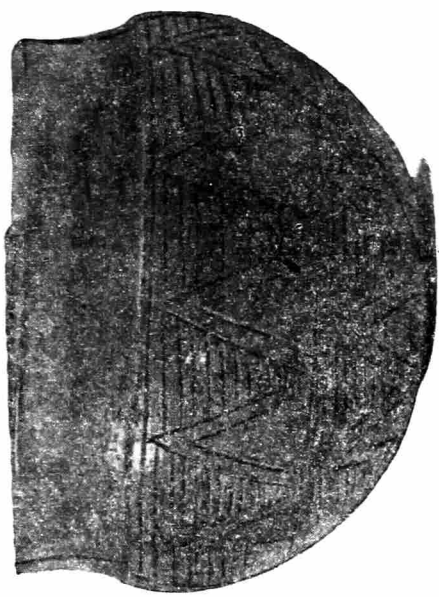
3

4

5

6

[Подобная орнаментация уже встречалась на карасукских сосудах как в виде элемента, так и самостоятельно].¹ Здесь же лежала трапециевидная маленькая бронзовая пластинка.

Погребение IV. На глубине 0.3 м ниже горизонта в восточной части площадки, ближе к южной стенке оградки открылась четырехугольная яма длиной с З на В 1.83 м, шириной 0.95 м и глубиной 0.7 м, обставленная по стенкам плитами в виде ящика. Последний был заполнен землей и обломками плитняка — возможно, остатками разбитого грабителями покрытия. На лессовом дне ящика в полном беспорядке были разбросаны кости женского и мужского скелетов. У восточной стенки ящика, в ее северной части, стоял сферический горшковидный сосуд с уплощенным дном и лежали обломки сферического круглодонного сосуда, украшенного вдоль бортика тремя резными линиями.

МОГИЛЬНИК ОКОЛО С. УСТЬ-ЕРБА ²

В 5 км к югу от с. Усть-Ерба на правом берегу р. Ербы под хребтом «Коровы», по обе стороны почтового тракта, расположено обширное могильное поле.

От тракта к склону горы раскинулось свыше сотни тагарских курганов. По другую сторону дороги вся надпойменная терраса покрыта небольшими холмиками карасукских могил с квадратными оградками, осложненными иногда боковыми. Мы насчитали их около 150, но вполне возможно, что значительно еще количество задернованных и разровненных временем. Мы не могли заметить какого-либо порядка в их расположении. Одно лишь было закономерно — ни одной могилы мы не обнаружили на площади многочисленных впадин, выемок значительных размеров, покрывающих в большом числе территорию могильника к С от тракта.

Как уже нам приходилось писать, на северо-западном краю этого могильника, ближе к курганам, у самой дороги были открыты три могилы иного вида, отмеченные на плоскости овальными оградками из плитняка, врытого торчмя. Под этими оградками оказались андроновские погребения.³

Свои раскопки карасукских могил мы начали с двух ближайших к андроновским. В дальнейшем мы раскапывали, придерживаясь линии, проложенной через весь могильник в восточном направлении, и, таким образом, исследовав 23 могилы,⁴ почти пересекли вдоль всю площадь карасукского некрополя. Все раскопанные могилы на поверхности были отмечены небольшими, высотой в 0.3—0.2 м, земляными округлыми насы-

¹ С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции..., т. II, рис. 9. См. также Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, табл. XII, рис. 4.

² Раскопки этого могильника производились мною и Л. А. Евтюховой по заданию и на средства Гос. Исторического музея в Москве в июне 1931 г.

³ С. В. Киселев. Андроновские памятники близ с. Усть-Ерба в Хакасии. Сов. этногр., 1935, № 4—5, стр. 206—210.

⁴ Могилы № 4—26 (могилы № 1—3 — андроновские).

пями, на которых видны были четырехугольные оградки из плит, ориентированные сторонами по странам света или на ЗЮЗ, ВСВ и т. д. Лишь одна оградка (№ 23) была ориентирована сторонами на СВ, СЗ, ЮЗ и ЮВ. Размеры оградок то вытянутых, то квадратных были очень различны. Это зависело в значительной мере от количества расположенных на их площади погребений и свидетельствует об относительной одновременности захоронений в карасукских могилах в Усть-Ербе. Мы ни разу не встретились с фактом постепенного «разрастания» оградки, когда к первоначальной в какую-нибудь сторону пристраивается вторая, аналогичных размеров, и т. д. Единственным дополнением к основным оградкам в этом могильнике являются боковые оградки небольших размеров, пристроенные с какой-нибудь из стенок, обычно у угла. В наших раскопках такие небольшие дополнительные оградки имели могила № 5 — у западно-юго-западной стенки у северо-западного угла — размером в 2×2 ; могила № 11 — там же, в 2×2 м; могила № 14 у восточно-северо-восточной стенки у северо-восточного угла в 1.6×1.6 м и могила № 17 — у западно-юго-западной стенки у северо-западного угла в 1.3×1.3 м.¹

Внутри оградок под насыпями с горизонта открывались четырехугольные ямы, обставленные по стенкам в виде ящика тонкими, очень ровно оббитыми по краям плитами девонского песчаника. Не у всех ящиков уцелели все плиты стен, будучи разрушены грабителями. Последние разбили также и все плиты покрытия погребений взрослых. Небольшие детские ящики оказались в трех дополнительных оградках. Лишь маленькая

¹ Размеры и ориентировка основных оградок:

Могила № 4,	длина с	С на Ю	6	м,	ширина	4.6	м
» № 5,	» »	ЮЮВ на ВСВ	6.3	»	»	6.3	»
» № 6,	» »	С на Ю	11	»	»	8	»
» № 7,	» »	ЗЮЗ » ВСВ	6.6	»	»	5.3	»
» № 8,	» »	ЗЮЗ » ВСВ	5.3	»	»	4.3	»
» № 9,	» »	ЗЮЗ » ВСВ	7.6	»	»	4.6	»
» № 10,	» »	ЗЮЗ » ВСВ	4.5	»	»	4.6	»
» № 11,	» »	ЮЮВ » ССЗ	3.6	»	»	3,3	»
» № 12,	» »	ЮЮВ » ССЗ	5	»	»	4.6	»
» № 13,	» »	З » В	6.3	»	»	4.6	»
» № 14,	» »	ЮЮВ » ССЗ	8.6	»	»	8	»
» № 15,	» »	ЮЮВ » ССЗ	5	»	»	4.3	»
» № 16,	» »	ЮЮВ » ССЗ	5.3	»	»	5.3	»
» № 17,	» »	ЗЮЗ » ВСВ	4.3	»	»	4	»
» № 18,	» »	С » Ю	3.6	»	»	3.3	»
» № 19,	» »	ЮЮВ » ССЗ	5,3	»	»	4.6	»
» № 20,	» »	С » Ю	6.5	»	»	4.2	»
» № 21,	» »	З » В	7.3	»	»	5.35	»
» № 22,	» »	ЗЮЗ » ВСВ	4.35	»	»	4.35	»
» № 23,	» »	ЮВ » СЗ	10.5	»	»	7.4	»
» № 24,	» »	ЗЮЗ » ВСВ	11 35	»	»	4.3	»
» № 25,	» »	С » Ю	12	»	»	12	»
» № 26,	» »	ЮЮВ » ССЗ	6.5	»	»	4	»

оградка при могиле № 17 не дала никаких следов погребения. В основных оградках детскими оказались погребения I могилы № 6, II могилы № 10, II могилы № 20 и I, IV и V могилы № 25.

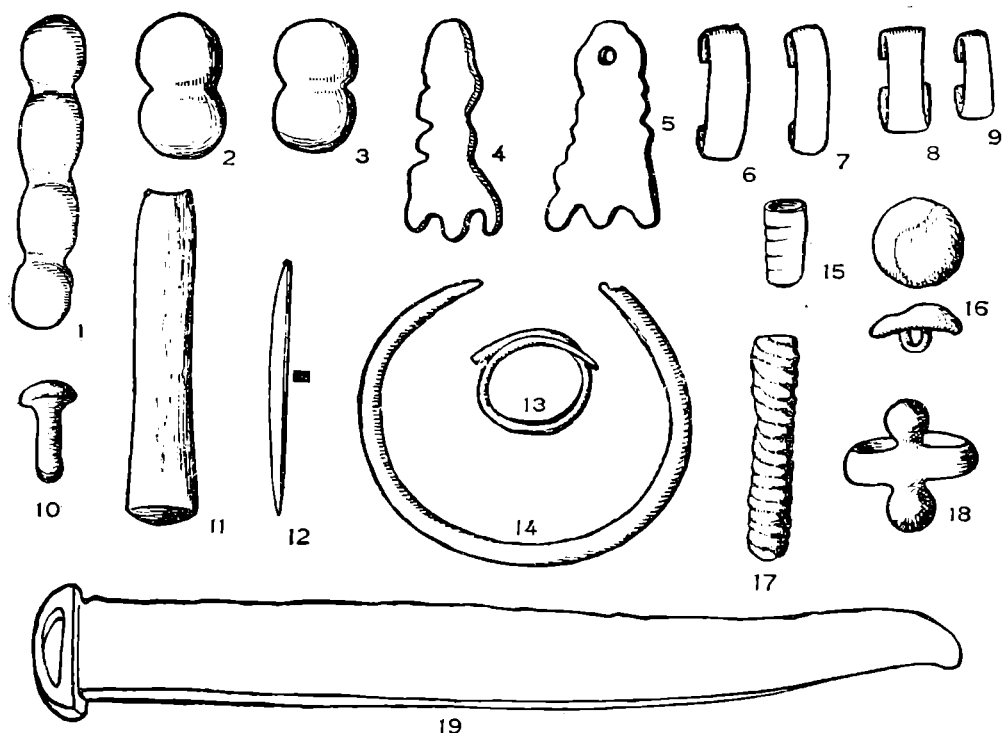
По одному ящику оказалось в могилах № 7—9, 12, 13, 15—19 и 22; по два (включая и найденные в дополнительных оградках) в могилах № 4, 5, 10, 11, 14, 20, 21 и 24; по три в могилах № 6 и 26; четыре в могиле № 23 и шесть в могиле № 25.¹

¹ Ориентировка и размеры погребальных ящиков:

Мои́ла №	4, ящик	I	длина	с	З	на	В	1.95 м,	шир.	0.68 м,	и	глуб.	0.4 м
»	№ 4, »	II	»	»	З	»	В 1.90	»	»	0.83	»	»	0.86
»	№ 5, »	I	»	»	ЗЮЗ	»	BCB 1.8	»	»	0.63	»	»	0.55
»	№ 5, »	II	»	»	ЗЮЗ	»	BCB 0.6	»	»	0.3	»	»	0.38
»	№ 6, »	I	»	»	З	»	В 0.7	»	»	0.4	»	»	0.35
»	№ 6, »	II	»	»	З	»	В 1.1	»	»	0.55	»	»	0.5
»	№ 6, »	III	»	»	З	»	В 1.2	»	»	0.45	»	»	0.5
»	№ 7, »	»	»	»	ЗЮЗ	»	BCB 1.75	»	»	0.60	»	»	0.65
»	№ 8, »	»	»	»	ЗЮЗ	»	BCB 1.25	»	»	0.58	»	»	0.45
»	№ 9, »	»	»	»	ЗЮЗ	»	BCB 1.38	»	»	0.6	»	»	0.53
»	№ 10, »	I	»	»	З	»	В 1.8	»	»	0.7	»	»	0.6
»	№ 10, »	II	»	»	З	»	В 0.57	»	»	0.33	»	»	0.35
»	№ 11, »	I	»	»	ЗЮЗ	»	BCB 1.76	»	»	0.58	»	»	0.4
»	№ 11, »	II	»	»	ЗЮЗ	»	BCB 0.62	»	»	0.34	»	»	0.34
»	№ 12, »	»	с	»	ЗЮЗ	»	BCB 1.97	»	»	0.8	»	»	0.56
»	№ 13, »	»	»	»	З	»	В 1.95	»	»	0.83	»	»	0.58
»	№ 14, »	I	»	»	ЗЮЗ	»	BCB 1.73	»	»	0.64	»	»	0.47
»	№ 14, »	II	»	»	ЗЮЗ	»	BCB 0.54	»	»	0.37	»	»	0.25
»	№ 15, »	»	»	»	ЗЮЗ	»	BCB 1.77	»	»	0.53	»	»	0.37
»	№ 16, »	»	»	»	ЗЮЗ	»	BCB 1.79	»	»	0.82	»	»	0.52
»	№ 17, »	»	»	»	ЗЮЗ	»	BCB 1.93	»	»	0.87	»	»	0.63
»	№ 18, »	»	»	»	З	»	В 1.75	»	»	0.76	»	»	0.55
»	№ 19, »	»	»	»	ЗЮЗ	»	BCB 1.79	»	»	0.82	»	»	0.53
»	№ 20, »	I	»	»	З	»	В 1.84	»	»	0.93	»	»	0.51
»	№ 20, »	II	»	»	З	»	В 0.78	»	»	0.4	»	»	0.37
»	№ 21, »	I	»	»	С	»	Ю 1.54	»	»	0.75	»	»	0.47
»	№ 21, »	II	»	»	С	»	Ю 1.7	»	»	0.81	»	»	0.46
»	№ 22, »	»	»	»	ЗЮЗ	»	BCB 1.68	»	»	0.76	»	»	0.45
»	№ 23, »	I	»	»	ЮЗ	»	CB 1.73	»	»	0.81	»	»	0.43
»	№ 23, »	II	»	»	ЮЗ	»	CB 1.54	»	»	0.77	»	»	0.42
»	№ 23, »	III	»	»	ЮЗ	»	CB 1.65	»	»	0.69	»	»	0.41
»	№ 23, »	IV	»	»	ЮЗ	»	CB 1.66	»	»	0.93	»	»	0.57
»	№ 24, »	I	»	»	ЗЮЗ	»	BCB 1.83	»	»	0.74	»	»	0.51
»	№ 24, »	II	»	»	ЗЮЗ	»	BCB 1.7	»	»	0.63	»	»	0.48
»	№ 25, »	I	»	»	З	»	В 0.66	»	»	0.49	»	»	0.35
»	№ 25, »	II	»	»	З	»	В 1.36	»	»	0.65	»	»	0.43
»	№ 25, »	III	»	»	З	»	В 1.49	»	»	0.68	»	»	0.76
»	№ 25, »	IV	»	»	З	»	В 0.48	»	»	0.31	»	»	0.3
»	№ 25, »	V	»	»	З	»	В 0.57	»	»	0.34	»	»	0.32
»	№ 25, »	VI	»	»	З	»	В 0.66	»	»	0.6	»	»	0.57
»	№ 26, »	I	»	»	ЗЮЗ	»	BCB 1.05	»	»	0.8	»	»	0.65
»	№ 26, »	II	»	»	ЗЮЗ	»	BCB 1.13	»	»	0.78	»	»	0.55
»	№ 26, »	III	»	»	ЗЮЗ	»	BCB 1.95	»	»	0.75	»	»	0.7

Если ящик в оградке один, то он расположен по середине ее площади. Если их два, то они находились симметрично в каждой северной и южной половинах огороженного прямоугольника. Три ящика могилы № 26 оказались по длинной оси оградки на равных друг от друга расстояниях (могила № 6 по расположению ящичков может быть причислена к двойным, так как ее первое из трех погребение было детское и находилось в северо-восточном углу у самой стенки оградки — обычное расположение детских ящичков).

ТАБЛИЦА IV

Четыре ящика могилы №23 были расположены симметрично в центре каждой из четырех угловых частей оградки.

Также были расположены и шесть погребений могилы № 25 — в северо-западной, юго-западной и юго-восточной четвертях обширной оградки были найдены взрослые погребения (соответственно II, III, и VI), а в северо-восточной четверти цепочкой с С на Ю располагались детские ящички I, IV и V.

Сохранность погребений в Усть-Ербе оставляла желать очень многого. Все вскрытые ящички взрослых оказались сильно разграбленными. В детских местные условия грунта не сохранили почти никаких остатков. Таким образом, судить о положении костяков в усть-ербинских могилах невозможно. Не осталось и косвенных указаний, скажем, в расположении сосудов, которые все так же, как и остальные вещи, находимы явно там, где их бросили перерывавшие могилы грабители. Последние проникли,

повидимому, еще до заполнения могил землей, так как остатки костяков и вещей были находимы нами всегда на грунтовом дне. Возможно, что после ограбления ящики засыпались. За это говорит тщательное заравнивание их и насыщенность всей толщи засыпи обломками разбитых при грабеже песчаных плит покрытия. Этот факт сам по себе весьма важен, так как вряд ли стремлением тщательно скрыть ограбление могли руководствоваться не современники карасукских могил. Стимулом же для грабежа здесь могла быть все та же погоня за металлом — дорогой для той эпохи бронзой не в малом количестве, как мы только что видели на примере могилы в с. Быстряном, клавшейся вместе с покойниками. Погоня за металлом была упорной: из 43 раскопанных в Усть-Ербе ящиков лишь в семи оказались неполные остатки костяков с черепами,¹ в остальных наряду со многими другими костями отсутствовали и черепа. Кости всюду были разбросаны в полном беспорядке, и среди них попадались целые и разбитые сосуды и отдельные бронзовые вещи. Так как местонахождение последних явно вторичное, то мы ограничимся лишь общим описанием находок.

В I ящике могилы № 5 по всему дну были разбросаны обломки двух сферических сосудов, из которых один, украшенный вдоль основания бортика рядом округлых вдавлений, имел небольшое плоское дно. Второй был украшен по плечам лентой заштрихованных треугольников, парами обращенных друг к другу вершинами; ниже этой ленты ряд крупных заштрихованных треугольников и далее за тремя горизонтальными резными линиями еще ряд мелких заштрихованных треугольников. Подобные элементы орнамента были встречены на сосудах из карасукского могильника около с. Батени.² Во II ящике могилы № 6 были разбросаны отдельные обломки сферического сосуда с одной резной линией вдоль бортика.

В III ящике могилы № 6 у середины северной стенки стоял круглодонный реповидный сосуд, с прямым бортиком (табл. I—3); по всему дну могилы были собраны обломки сферического сосуда из темной глины с типично карасукским уступом при основании шейки. У этого сосуда было плоское дно. Мы отмечаем эту особенность всякий раз потому, что для карасукской посуды на Среднем Енисее плоскодонность не является постоянным признаком. Напротив, большинство сосудов неустойчивы. Между тем в карасукской керамике Западной Сибири плоскодонность почти обязательна. Однако чем больше мы накапливаем материалов по минусинскому карасуку, тем сильнее ослабляется создавшееся первоначально впечатление о резком различии двух карасукских областей в отношении формы дна сосудов.

¹ Черепа найдены в могиле № 11, ящик I, мог. № 15, мог. 21, ящик II, в мог. № 23, ящик III, мог. № 26, ящик I, II, III. Они, как и другие кости, описаны. См. Г. Ф. Дебец. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя (Антрополог. журн. за 1932 г., № 2, стр. 26 и сл.).

² Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, стр. 102, табл. XIII, рис. 5.

В ящике могилы № 8 были разбросаны обломки сферического сосуда, украшенного вдоль прямого бортика резкой горизонтальной, ниже — короткими резными, составляющими как бы звенья одной ломаной, линиями, еще ниже — между двумя горизонтальными — короткие наклонные, параллельные и, наконец, ломаная линии.

В I ящике могилы № 10, по середине дна, были найдены два круглодонных реповидных сосуда с несколько развернутыми шейками. Орнамент их состоял из комбинаций заштрихованных ромбов и треугольников, трех линий вдоль бортика и наклонных вдавлений по бортику (Табл. I—2, 4). Резьба обоих из них сохранила следы инкрустации пастой (особенно изображение на табл. I—4). Объединение треугольников и ромбов в большие треугольные фестоны, спускающиеся почти до самого дна (что мы видим на табл. I—2) уже было встречено, в частности, при раскопках Верхнего карасукского могильника около с. Батени.¹ Орнамент сосуда, изображенного на табл. I—4, весьма близок к обнаруженному еще в 1928 г. на сосуде из могилы № 5 около Усть-Теси.²

В I ящике могилы № 11 среди костей у середины востоко-юго-восточной стенки был найден бронзовый перстень с двумя выпуклостями. Его концы не сомкнуты, но заходят друг на друга (Табл. IV — 18). Подобные перстни широко распространены в карасукских погребениях Минусинского края.³

В ящике могилы № 12 мы нашли обломки реповидного, круглодонного сосуда, украшенного вдоль бортика тремя горизонтальными резными линиями. Кроме того, в западном углу стояла полусферическая круглодонная мисочка без орнамента (Табл. I—6) и рядом с ней обломок бронзовой пластинки 4.5 × 1.5 см.

В ящике могилы № 13 среди остатков костей в разных местах встретились 5 трубчатых пронизок, согнутых из бронзового листка, бронзовое поломанное проволочное колечко и обломки сферического сосуда с несколько развернутой шейкой, сделанного из темной глины. Вдоль основания шейки нанесен ряд округлых вдавлений. Все эти вещи — остатки типично карасукского инвентаря.

В ящике могилы № 14 оказались обломки двух сферических сосудов — одного, не орнаментированного, и другого, украшенного по плечам лентой заштрихованных треугольников, парами обращенных друг к другу вершинами; ниже еще два пояса заштрихованных треугольников.

В ящике могилы № 15, в западном углу оказался перевернутый на бок круглодонный реповидный сосуд из темной глины с несколько развернутой шейкой, украшенный тремя горизонтальными резными линиями

¹ Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, стр. 98, рис. 16 и 17.

² С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции..., стр. 54, табл. II, рис. 9.

³ Там же, стр. 51. За последнее время перстни эти найдены В. П. Левашевой при раскопках около с. Быстрой, мог. № 4, № 7, № 8 (хранятся в Гос. Эрмитаже, колл. № 230).

по основанию шейки (Табл. I—5). В средней части встретились обломки двух трубчатых пронизок, свернутых из бронзовых пластинок, и бронзовая круглая выпуклая пуговица с ушком с обратной стороны (Табл. IV—16). Подобные пуговицы гладкие и с выпуклым кантом по краю—один из самых обычных предметов в карасукских могилах минусинского края,¹ а также и в предгорной полосе Алтая.²

В ящике могилы № 16, в восточном углу оказался опрокинутый полусферический круглодонный сосуд из серой глины с характерно карасукским уступом в основании бортика (Табл. II—2).

В I ящике могилы № 20 были разбросаны обломки сферического сосуда темной глины с прямым бортиком. По середине дна среди костей нашелся обломок бронзового четырехгранного шила, аналогичного изображенному на табл. IV—12.

Во II ящике могилы № 20 у середины западной стены стоял разбитый полусферический сосуд из серой глины, украшенный по основанию бортика рядом мелких заштрихованных треугольников, а ниже группами по три заштрихованных треугольника, объединенных в один треугольный большой фестон, спускающийся по плечам и ниже почти до самого дна сосуда (Табл. II—1). Как видим, этот сосуд близок с группой аналогично орнаментированных, приведенных выше в связи с сосудом, изображенным на табл. I—2.

В I ящике могилы № 23 в крупных обломках был найден большой плоскодонный полусферический сосуд с эффектным резным орнаментом из поясов заштрихованных треугольников и ромбов (Табл. II—5). Точной аналогии орнаментации этого сосуда мы не нашли в материалах с Енисея. Лишь некоторую близость можно установить с найденным В. П. Левашевой в 1930 г. в могиле № 2 около с. Быстрой, украшенным двумя горизонтальными рядами заштрихованных треугольников.³ Чередованием же орнаментальных полос, а также формой, этот сосуд, может быть более чем какой-либо другой из минусинских, напоминает найденные С. М. Сергеевым в карасукских погребениях предгорного Алтая (ср. материалы из Камышенки, хранящиеся в Гос. Эрмитаже).

Во II ящике могилы № 23 в восточном углу найден поломанный полусферический плоскодонный сосудик из серой глины (Табл. II—4).

В III ящике могилы № 23 у середины северо-восточной стенки оказался полусферический сосуд с уплощенным дном и прямой отделенной уступом шейкой (Табл. II—3). В западном углу нашлось бронзовое проволочное

¹ С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции..., стр. 51—52, г. III, рис. 21, 22, 23—25.

² Камышенка, могила № 10 и с. Красный Яр, к № 2, погр. 1, раск. С. М. Сергеева. Хранятся в Гос. Эрмитаже, колл. № 252, 251. Погребение из Красного Яра замечательно тем, что относится ко времени начала «карасука» — конца «андрона».

³ Хранится в Гос. Эрмитаже, колл. № 250.

кольцо с несомкнутыми концами, находящее себе аналогии во многих инвентарях как енисейских,¹ так и приалтайских² карасукских погребений.

В IV ящике у юго-западной стенки стоял круглодонный реповидный сосуд из желто-серой глины, украшенный по основанию бортика тремя резными линиями, а ниже по плечам заштрихованными треугольниками (Табл. II — 6). Подобные треугольники, но расположенные в два пояса, я находил на карасукских сосудах в 1928 г.³ Обращает внимание большое сходство этого мотива (особенно отсутствие у треугольников линии основания) с распространенными на андроновских сосудах.

Другой сосуд в IV ящике стоял у середины юго-восточной стенки. Он круглодонный, полусферический, из коричневой глины. Поверхность стенок тщательно выглажена до блеска. Орнамент резной в виде двух ярусов заштрихованных треугольников, ограниченных парными линиями (Табл. III — 1).

В I ящике могилы № 24 в разных местах по всему дну мы собрали семь бронзовых проволочных колец с заходящими друг за друга концами (Табл. IV—13). Аналогичные кольца часто находимы в карасукских могилах Енисея⁴ и предгорных степей Алтая.⁵ В южном углу ящика стоял плоскодонный реповидный сосуд из коричнево-серой глины, украшенный по плечам полосой заштрихованных треугольников, расположенных в шахматном порядке. В резьбе орнамента кое-где сохранились остатки инкрустации белой пастой (Табл. III—3). Во II ящике могилы № 24 среди остатков костей собраны отдельные обломки реповидного сосуда, сделанного из серой глины, украшенного по основанию вогнутой шейки резной линией и ниже по плечам резными треугольниками, — мотивы все типичные для енисейского карасука. Кроме того, в южном углу ящика стоял круглодонный реповидный сосуд из желто-серой глины. Шейка отделена уступом, над которым по ней идет ряд небольших заштрихованных треугольников. Ниже две полосы заштрихованных треугольников занимают все стенки сосуда. Особенно интересен здесь прием встречной штриховки верхней полосы (Табл. III—4), констатированный, сколько мне известно, до сих пор лишь один раз на случайно найденной около с. Каменки плоскодонной баночке с ушками для подвешивания, хранящейся в Минусинском музее.⁶

Во II ящике могилы № 25 среди обломков костей собраны пять плоских тонких перламутровых бус, повидимому, впервые встреченных в карасук-

¹ Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, табл. XI, рис. 4 и 5.

² Ср. кольца из Камышенки, раск. С. М. Сергеева, хранящиеся в Гос. Эрмитаже, колл. № 252.

³ С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции..., стр. 85, табл. II, рис. 8.

⁴ С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции..., табл. III, рис. 36. Мат. по этногр., т. III, вып. 2, стр. 96, табл. XI, рис. 3, 4 и 6.

⁵ Ср. из мог. 1, 7 и 17 бл. с. Камышенки в раск. С. М. Сергеева (хранятся в Гос. Эрмитаже, колл. 252).

⁶ Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, стр. 97, табл. XII, рис. 40.

ских погребениях. Ниже мы увидим их в погребении, сохранившем андроновские черты. В средней части на дне встретилось бронзовое проволочное кольцо с несомкнутыми, заходящими друг за друга концами, аналогичное изображаемому на табл. IV — 13, а также обломок бронзового проволочного браслета.

В III ящике могилы № 25 у середины северной стенки стоял полусферический круглодонный сосуд из коричневато-серой глины с отделенной уступом вогнутой шейкой. Ниже уступа две горизонтальных ломаных линии из отдельных вдавлений плоского стека (Табл. III — 6).

В VI ящике могилы № 25 у середины южной стенки лежал опрокинутый круглодонный реповидный сосуд из желтовато-серой глины с прямой шейкой (Табл. III — 5) — обычная карасукская форма.

В I ящике могилы № 26 среди костей в средней части нашелся небольшой обломок, повидимому, сферического сосуда из серой глины с рядом округлых вдавлений по основанию шейки. Подобные сосуды мы встречали довольно часто в своих прежних раскопках. Особенно изобиловали ими могилы в Кривинском и Усть-Теси.¹ А. В. Адрианов встретил такой же в кургане № 25 у Тагарского озера. Подобный же сосуд был обнаружен в слое стоянки у с. Батени,² В. П. Левашева нашла аналогичные в могилах № 1 и 2 около с. Быстрой.³

В III ящике могилы № 26 у середины западно-юго-западной стенки стоял полусферический круглодонный сосуд из темносерой глины с прямой шейкой, украшенный аналогично изображенному на рис. 43 двумя горизонтальными ломаными линиями из отдельных вдавлений плоского стека (Табл. III — 2).

Во II ящике могилы № 26 по дну были собраны четыре бронзовых проволочных кольца (может быть браслеты?) с несомкнутыми концами (Табл. IV — 14). Здесь же были найдены обломки, повидимому, плоскодонного, биконического сосуда из темносерой глины, украшенного двумя поясами заштрихованных треугольников, выполненных не резьбой, но гребенчатым чеканом. Треугольники верхнего и нижнего пояса обращены друг к другу вершинами так, что незаштрихованные пространства между ними имеют форму ромбов. Подобный орнамент мне известен только на обломке карасукского сосуда из могилы № 6 около улуса Мохова, раскопанной В. П. Левашевой в 1930 г.⁴ Вообще же должен заметить, что гребенчаточеканный орнамент весьма редок в карасукской керамике. В моих, напр., раскопках, за исключением сейчас описанного, он встретился лишь однажды на большом яйцевидном сосуде из могилы № 22 около с. Кривинского

¹ С. В. Киселев, Материалы археологической экспедиции..., стр. 53, табл. II, рис. 13, 21, 23, 25.

² Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, стр. 97, табл. XII, рис. 25 и 42.

³ Ср. Материалы, хранящиеся в Гос. Эрмитаже, колл. № 250.

⁴ Хранится в Гос. Эрмитаже, колл. № 249.

В 1928 г.¹ В. П. Левашева нашла два сосуда с гребенчатым орнаментом в карасукских могилах № 1, погребение I, и в № 4, погребение оградки «с» около улуса Мохова в 1930 г.² Кроме того, И. П. Кузнецов-Красноярский еще в 1884 г. нашел карасукский сосуд, украшенный гребенчатым орнаментом, в могиле № 2 II кладбища около с. Аскызского.³ Однако последние три находки дают гребенку в ограниченном применении в очень скромных рисунках. Некоторое исключение в этом отношении представляет, повидимому, северный район. Г. П. Сосновский находил типично карасукские сосуды, пышно орнаментированные, с применением гребенки, в могилах около с. Орак.⁴ В ненарушенных карасукских слоях стоянок около сс. Батени, Анаш и Сарагаш встречалось значительное количество обломков сосудов с гребенчатым орнаментом.⁵ По поводу последних было высказано мнение, что они представляют собой реликтовые андроновские черты.⁶ За это говорит самый характер рисунка орнамента с господством меандровых элементов, а также ребристость формы некоторых сосудов, в том числе и нашего только-что описанного, характерная, как известно, для андроновской посуды. В настоящее время эти факты должны привлекать особое внимание, так как не только они указывают на андроновско-карасукские связи. В том же Усть-ербинском могильнике нам пришлось почерпнуть в этом отношении новые сведения при раскопках могил № 4 и № 21, которые вынесены умышленно в конец описания карасукских погребений около с. Усть-Ербы.

В погребении I могилы № 4 были собраны обломки, повидимому, баночного плоскодонного сосуда, сделанного от руки из серой глины, с большой примесью песка. Обжиг сосуда очень плохой. Поверхность его сохранила следы «вытертости» травой, по которой сделаны без особого порядка углубления четырехгранной палочкой. Сосуд этот не типичен для карасукской керамики. Он заставляет вспомнить более древние формы. «Вытертость» поверхностей, особенно внутренних, характерна для керамики афанасьевских и андроновских могил и позднее в Минусинском крае не известна. Баночность и плоскодонность также свидетельствуют о наличии андроновской традиции. Учитывая, что в соседнем, втором, ящике могилы № 4 мы имеем остатки типичного карасукского погребения и что столь же типична для карасука и сама оградка этой могилы, мы должны видеть здесь указание на переживание андроновских традиций в раннекарасукских памятниках. Для Усть-ербинского могильника это не является единичным фактом.

¹ С. В. Киселев. Материалы археологич. экспедиции..., стр. 56, табл. II, рис. 27.

² Хранятся в Гос. Эрмитаже, колл. № 249.

³ Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, стр. 97, табл. XII, рис. 9.

⁴ См. Архив ГАИМК за 1927 г., дело № 128, «Отчет о раскопках 1927 г. около улуса Орак в Хакасском окр. Сибирского края Г. П. Сосновского». Рукопись.

⁵ Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, табл. XIV, рис. 4, 6, 7, 12—15, 18, 20, 23; табл. XV, 3—6, 8, 10, 11, 14—18.

⁶ Там же, стр. 105.

Во II ящике в центральной части среди обломков костей человека оказался типично карасукский круглодонный реповидный сосуд из серовато-желтой глины. Шейка его несколько расширяется кверху (Табл. I—1).

Не менее значительные факты, указывающие на андроновско-карасукские связи, дает могила № 21, подробно описанная нами при издании андроновских погребений из Усть-ербинского могильника.¹ Ни строение четырехугольной оградки, ни устройство погребальных ящиков этой могилы, как и могилы № 4, ничем не отличалось от всех других соседних карасукских. Однако находки в I ящике (II, западный, начисто разграблен) были своеобразны. Здесь среди переломанных при ограблении костей нашлись 12 плоских округлых перламутровых бус, совершенно аналогичных описанным выше из могилы № 25. Вместе с ними мы собрали 18 бус, свернутых из массивных бронзовых пластинок, также находящих аналогию в соседнем погребении, но уже не карасукском, а андроновском первой оградки. Кроме того, в северо-западном углу ящика оказались обломки плоскодонного горшковидного сосуда, грубо сформованного от руки из серой глины и украшенного по плечам горизонтальной резной ломаной линией, заключенной между двумя резными же прямыми. Ни техника изготовления (особенно шероховатость поверхности), ни состав глины, вязкой, без характерной карасукской примеси мелкого песка, ни горшковидная форма, ни орнаментация не позволяют сравнивать этот сосуд с найденными в соседних, только-что рассмотренных нами карасукских могилах. Зато с андроновскими сосудами, найденными в этом же Усть-ербинском могильнике (мог. № 1 и мог. № 3, погребение III), он обнаруживает большое сходство.² Эти наблюдения, с учетом сходства и в бронзовых бусах, уже заставляли нас ставить вопрос о некоторой близости могилы № 21 к трем андроновским могилам Усть-Ербы. Выше мы встретились еще с несколькими аналогичными фактами при изучении материалов из могил № 4 и 26. Таким образом то, что казалось первоначально предположением, теперь приобретает более прочную фактическую основу. Сосуществование андроновских и карасукских элементов устанавливается достаточно прочно. Более того, если обратиться к изучению всей обрядовости обеих групп погребений в целом, то ясно можно увидеть на строении оградок, погребальных камер и т. п. тесную зависимость между андроновским и карасукским на Енисее. Такую же зависимость, но с сохранением своих своеобразных черт, отличающих их от енисейских, мы легко можем установить по раскопкам С. М. Сергеева и для Западно-Сибирского края, для андроновских и карасукских памятников предгорий Алтая. Это обстоятельство подтверждает наличие генетической связи между андроном и карасуком,

¹ С. В. Киселев. Андроновские памятники близ с. Усть-Ерба в Хакасии. Сов. Этн. за 1935 г., № 4—5, стр. 209—210.

² С. В. Киселев. Андроновские памятники близ с. Усть-Ерба в Хакасии, стр. 209, рис. 6.

заставляя глубже искать причины их модификации в самих условиях жизни населения того времени.

В заключение описания могильника должен отметить одну своеобразную черту его погребений. Выводы по составу их инвентаря нельзя считать окончательными из-за сильнейшей ограбленности могилы. Однако постоянное отсутствие в них костей животных не может быть объяснено одним старанием грабителей. Повидимому, здесь были какие-то внутренние причины. Не заключались ли они в большей роли земледелия у населения долины р. Ербы, которая в следующую, тагарскую, эпоху столь энергично возделывалась с применением более совершенных методов полива полей.¹

МОГИЛЬНИК У ГЕОРГИЕВСКОЙ ГОРЫ БЛИЗ С. ТЕСЬ

Обширный могильник под южным, западным и восточным склонами Георгиевской горы был описан и частично исследован еще в 1928 г.² В 1932 г., оказавшись во время экспедиции Гос. исторического музея в с. Тесь, мы произвели на нем новые раскопки афанасьевских курганов³ и особенно поздних каменных курганов с так наз. «киргизскими» вазами. Карасукских могил раскопали всего три: две (№ 1 и 2) в верхней части могильника рядом с раскопками 1928 г. и одну (№ 3) в нижней части, на плоскости, в 150 м к ЮВ от большого тагарского кургана.

Все три могилы были отмечены на поверхности четырёхугольными оградками из врытых на ребро плит.⁴

В средней части огороженной площади во всех трех случаях открылись четырёхугольные ямы. В могиле № 2 яма была земляной. В двух других стенки ям были обставлены плитами девонского песчаника в виде ящика.⁵ Ящики, как и яма могилы № 2, некогда были покрыты плитами, разбитыми грабителями. Дно у всех погребений грунтовое. В двух первых могилах оказались в беспорядочном состоянии неполные остатки костяков взрослого (мог. № 1) и ребенка лет десяти (мог. № 2).

В ящике могилы № 3 также в беспорядке были найдены кости взрослого человека, лежавшего, судя по сохранившимся первоначальное положение

¹ С. В. Киселев. Разложение рода и феодализм на Енисее. Л., Изв. ГАИМК, вып. 65, 1930, стр. 18—21.

² С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции..., стр. 12—13, 76 и сл.

³ С. В. Киселев. Афанасьевские курганы около сс. Сыды и Теси. Сов. Арх. № 2.

⁴ Ориентировка и размеры оградок:

Могила № 1,	длина с З	на В	4.25 м,	ширина	3.4 м
» № 2	» » ЗСЗ	» ВЮВ	3	»	» 2.78 »
» № 3	» » ЗЮЗ	» ВСВ	4	»	» 3.5 »

⁵ Ориентировка и размеры могильных ям (ящиков):

Могила № 1,	длина с З	на В	2.35 м,	ширина	0.87 м,	глубина	0.88 м
» 2	» » ЗСЗ	» ВЮВ	1.8	»	» 0.75	»	» 0.8 »
» 3	» » ЗЮЗ	» ВСВ	2	»	» 1	»	» 1 »

костям левой руки, головой на ЗЮЗ, на спине с левой рукой, вытянутой вдоль тела. У кисти левой руки нашелся обломок округлой бронзовой бляшки. У середины западно-северо-западной стенки ящика лежали кости передней ноги барана, лошади и верблюда (?).

МОГИЛЬНИК ПОД ИЛЬИНСКОЙ ГОРОЙ БЛИЗ С. ТЕСЬ

Могильник под Ильинской горой был открыт еще в 1928 г. Он расположен в 5 км к Ю от с. Тесь Минусинского района, несколько к З от дороги в г. Минусинск, на длинном увале, отходящем от Ильинской горы к С, под самой высокой ее частью (на которой стоит часовня). Главное количество могил здесь таштыкские, отмеченные на поверхности подчетыреугольными и чашевидными провалами глубиной в 30—60 см и двумя валиками некогда выброшенной земли по северной и южной сторонам. Могилы эти расположены почти правильными рядами, протянувшимися с С на Ю на 250—300 м. С северной стороны могильник отграничен плитами девонского песчаника, врытыми правильным рядом, идущим с З на В. Сейчас видны 12 плит в 6—7 м друг от друга. Узкими ребрами плиты обращены на С и Ю.

В 50 м к С от этого ряда плит расположены восемь могил, отмеченных на поверхности округлыми низкими насыпями с четырёхугольными оградками на них. Мы раскопали здесь одну могилу. Она была отмечена овальным курганчиком высотой 0.3 м с наибольшим диаметром с С на Ю 10 м (диаметр с З на В 6 м). На курганчике была четырёхугольная оградка из плит, врытых ребром, длиной с С на Ю 8.74 м, шириной 4.75 м. Посередине с З на В оградка перегороджена стенкой на две равные части — южную и северную.

В центральной части южной оградки на глубине 0.2 м на горизонте открылась четырёхугольная яма длиной с З на В 1.84 м, шириной 0.74 м и глубиной 0.9 м, обставленная плитами в виде ящика. Последний некогда был покрыт плитой, обломки которой оказались в заполнявшей его земле. Также в средней части на глубине 0.4 м нашлись лопатка лошади, лопатка барана, ребро и позвонок человека. На грунтовом дне ящика в беспорядочной груде были свалены кости взрослого человека, лежавшего, судя по положению непотревоженных берцовых и костей ступней, вытянуто, на спине, головой на З. У левой ноги покойника лежали кости передней ноги барана. В северо-западном углу встретились обломки плоскодонного баночного сосуда из темной глины, типичного для посуды тагарских курганов.¹ В северной оградке на горизонте в 0.95 м от центральной стенки открылась четырёхугольная яма длиной с З на В 1.8 м, шириной 0.74 м и глубиной 0.85 м, обставленная по стенкам плитами в виде ящика. В заполнявшей ящик земле были найдены обломки некогда покрывавших его плит, повидимому разбитых грабителями. На грунтовом дне ящика в средней части лежали грудкой сожженные кости человека. У западной стенки были со-

¹ С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции..., табл. IV, рис. 15,12 (последний со стороны формы).

браны обломки баночного плоскодонного сосуда из темной глины с рядом выпуклостей вдоль верхнего края, типично тагарского облика.¹ В северо-западном углу оказался бронзовый нож с петлей на «кронштейне» сверху рукоятки и с несколько отогнутым назад лезвием. Эта черта заставляет видеть в нем одного из позднейших представителей так наз. хвостатых ножей, распространенных в Минусинском крае в карасукское время,² известных также и из Прибайкалья и из Западной Сибири и Казахстана как восточного,³ так и западного.⁴

Таким образом мы встречаемся здесь с фактом сосуществования типично тагарской посуды с еще карасукской оградкой, разделенной пополам, с каменными ящиками и с архаической формой бронзового ножа. Это еще раз убеждает нас, что находки, сделанные в могиле № 2 около с. Быстрой (см. выше), где также в одном ящике оказались карасукские украшения и тагарская керамика, не могут считаться простой случайностью, но пополняются аналогичными фактами из других мест, наглядно иллюстрируя тесную связь предшествующего с последующим в долине Среднего Енисея. Повидимому, выделяется целая серия «переходных» памятников, и наша дальнейшая задача заключается в необходимости объяснить причины этого перехода.

На этом мы заканчиваем описание открытых нами карасукских материалов. Как и ранее найденные, они с большой яркостью подчеркивают рост значения семьи в недрах родовой организации. Очень многие из раскопанных нами могил выглядят чисто семейными усыпальницами, с погребением мужчин, женщин и детей. Однако здесь это не является еще тем устойчивым правилом, которое почти не нарушается в следующую, тагарскую, эпоху. К сожалению, ряд могильников подвергся некогда сильному ограблению, что затрудняет уточненное их изучение. Однако мы вряд ли ошибемся, если могилы из Усть-Ербы выделим в особую, повидимому наиболее архаическую, группу.

За это, как будто, говорит не только наличие среди них погребений с явно выраженными андроновскими пережиточными элементами в той же керамике, но и ряд особенностей и в самом классически-карасукском инвентаре. Прежде всего бросается в глаза как нигде развитая геометрическая орнаментация, обнаруживающая тесную зависимость от рисунка андроновских горшков. Затем не в праве мы пройти и мимо уже отмеченного для усть-ербинских могил отсутствия костей животных, обычно постоянных спутников карасукских покойников.

---

¹ Ср. С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции..., табл. IV, рис. 18.

² Martin. L'age du bronze au musée de Minoussinsk. Stockholm, 1893, Pl. 11, 12.

³ М. П. Грязнов. Казахстанский очаг бронзовой культуры. Сборн. Казахи, 1930.

⁴ Ср. находку отогнутого лезвия ножа, сделанную в позднеандоновской Алексеевской стоянке в 1935 г. О. А. Граковой около г. Кустаная.

Если могильник у с. Усть-Ербы мы считаем возможным отнести к древнейшим карасукским, то встреченные нами особенности в могилах у с. Быстрой и под Ильинской горой, где сосуществуют карасукские элементы с тагарскими, мы можем считать вторым важным результатом наших работ. Мы получаем теперь первые основания к рассмотрению карасукских памятников дифференцированно, в известной хронологической последовательности. Несомненно с дальнейшим накоплением материалов, с опубликованием карасукских материалов и другими исследователями, эти основания укрепятся и позволят построить историческое исследование карасукского общества.

S. KISELEV

LES TOMBES DE KARASSOUK

RÉSUMÉ

L'auteur décrit une série de sépultures de l'âge tardif du bronze, du type dit «de Karassouk», fouillées par lui au cours des années 1929, 1931 et 1932.

En 1929, les fouilles ont été effectuées près du village de Bystraïa, aux environs de Minoussinsk, et près des villages d'Oust-Syda et de Syda, sur la rivière Syda. En 1931, d'importantes fouilles ont été exécutées près du village d'Oust-Iérba en Khakassie, et en 1932 dans les alentours du village de Tess, près de la montagne Iliinskaïa.

Ces travaux permettent de subdiviser les monuments du type de Karassouk en trois groupes chronologiques successifs.

Au groupe le plus ancien peuvent être rapportées les tombes d'Oust-Iérba, dont le mobilier présente des affinités avec celui des sépultures du type d'Andronova, qui remontent à une époque plus reculée. Le groupe le plus récent comprend les tombes de Bystraïa et de Tess, où l'on constate des éléments du type «de Tagar», qui est plus tardif.

Е. И. ГОРЮНОВА

ШОЙБУЛАКСКИЙ И АКСАРКИНСКИЙ МОГИЛЬНИКИ

Летом 1930 г., в период работ комплексной Антропологической экспедиции в пределах Марийской автономной области, одним из отрядов, под моим руководством, было обследовано два поздних марийских могильника: Шойбулакский и Аксаркинский, находящиеся в Иошкар-Ола кантоне.

Первый, Шойбулакский могильник, находится, примерно, в 3 км к С от г. Иошкар-Ола и в 1.5 км к СВ от с. Шойбулак, по линии тракта, ведущего на г. Яранск на участке Пужьяльского лесничества. Могильник расположен у самого тракта, слева от него (если ехать на Яранск), на площадке, расчищенной из-под леса.

В 1929 г. могильник был бегло обследован бывшим сотрудником Областного краеведческого марийского музея Ф. Е. Егоровым. Материалы его обследования хранятся в музее (в Иошкар-Ола).

Всю площадь, занятую могильником, определить не удалось, так как границы ее уходят в густую лесную чащу, и характерный ямочный рельеф замаскирован в лесу общей неровностью почвы, лесным валежником и слоем листвы, покрывающей почву. На свободной от деревьев площадке внешние признаки могил легко различимы и представляют неглубокие, вытянутые в направлении с СЗ на ЮВ, овальные углубления, расположенные по одному или по два-три в ряд.

Всего нами было вскрыто 8 могильных ям. Из них 5 содержали женские и 3 — мужские костяки. Погребения сопровождалось небогатым по количеству вещей инвентарем, но с весьма характерным комплексом предметов, находимых в поздних марийских могильниках типа Большепольского.

В виду немногочисленности вскрытых погребений приведем материалы из полевого дневника работ.

Погребение 1. Могильное пятно довольно правильной формы, с параллельными стенками. По бокам погребения, вдоль стенок могильной ямы, заметны следы древесного тлена от разрушившегося гроба, колоды, или сруба (С. К. Кузнецов. Культ умерших и загробные верования черемис). Сверху, вместо крышки, погребение покрывалось древесной корой, остатки которой сохранились на погребении. В яме оказалось два костяка

детских погребений, из которых одно было захоронено позже. Один ребенок, судя по найденным зубам, был в возрасте 5-6 лет, другой лет 12-13. Последнее погребение лежало выше и было ориентировано головой на З; нижнее лежало головой к В. Принадлежность сопровождающего инвентаря тому или другому погребению определить было невозможно. Найдены медные трубчатые пронизки с цветными фарфоровыми бусами, косник, состоящий из полых медных цилиндров, нанизанных на шерстяной шнур, цветные стеклянные бусы, проволочная медная серьга, остатки шерстяного тканого пояска и небольшие кусочки войлока, на который, очевидно, погребение было положено.

Погребение 2. Найденное на глубине 0.70 м; оно интересно по положению костяка на правом боку (скорченно). Следов дерева не заметно (рис. 1). Погребение не сопровождалось инвентарем. Ориентировка головой на ЗСЗ.

Погребение 3. Мужское, на глубине 0.75 м. Костяк лежал в вязком глинистом грунте, вследствие чего сохранность костей весьма плохая. Ориентировка головой на ЗСЗ. Труположение на спине, с вытянутыми конечностями. Единственная находка — железный нож, слева, у левого бедра.

Погребение 4. Женское, на глубине 0.80 м, ориентировано головой на ЗСЗ. Труположение на спине, с вытянутыми конечностями. По краям могильной ямы прослеживается полоска древесного тлена.

Находки: в области шеи несколько цветных стеклянных бус и просверленных монет — серебряных копеек со стертой датой позднемосковского типа (XVI—XVII вв.). В области пояса и несколько ниже, в области крестца, 5 кистей по 3 ряда в каждом, медных цилиндрических пронизок, из которых часть служила косником (девичий головной убор «ўпинэ») остальные были привешаны к поясу.

Погребение 5. На глубине 50 см, головой на З, судя по размерам костей и по зубам, принадлежало девочке-подростку. Следов дерева нет. Отдельные кости лежат неправильно. Из украшений, надетых на покойную, справа, на груди, найдена бронзовая пряжка «сюльгама» с нарезным орнаментом, типичным для позднемарийских (XVI—XVII вв.) погребений типа большепольских. Под крестцом косник в виде кисти из медных цилиндрических пронизок. Под костяком остатки ткани, перьев, хвоя и веток пихты, которые служили подстилкой погребения.

Погребение 6. Мужское, с хорошо сохранившимся костяком, на глубине 0.50 м, с ориентировкой головой на ЗСЗ, очевидно в деревянном срубе, следы стенок которого сохранились в виде полосок древесного тлена. Вещественного инвентаря нет. Принадлежность костяка мужскому погребению определена на основании костных остатков.

Погребение 7. На глубине 0.75 м с ориентировкой на ЗСЗ. Костяк крайне плохой сохранности, вследствие чего определить положение его не представлялось возможным. Приблизительно в области пояса, справа, железный нож, слева у черепа — бронзовая «сюльгама».

Погребение 8. На глубине 0.75 м, с ориентировкой на ЗСЗ. Костяк плохой сохранности. Череп разрушен. В области черепа две проволочных серьги типа большепольских. В нижней части груди овалы бронзовые застёжки — сьюльгамы, кольцо на правой руке с овальным орнаментированным щитком, справа у бедра железный нож с коротким черенком.

Аксаркинский могильник находится примерно в 3.5 км к С от Шойбулакского, в пределах того же Пужьяльского лесничества. Могильник расположен в густом смешанном лесу, неподалеку от д. Аксаркино. С северо-западной стороны границей могильнику служит болотистый овраг, носящий название реки Безымянки, летом обычно пересыхающей и заслуживающей названия реки только в период весеннего половодья.

Восточная граница могильника условно совпадает с границей леса и широкой проезжей дороги (Яранского тракта). Однако имеется предположение, что Яранский тракт проложен в этом месте по территории могильника и изменил естественный ямочный рельеф поверхности. Внешние признаки погребений — небольшие овалы углубления почвы, часто замаскированные лесным валежником, скоплением слежавшихся листьев и густой кустарниковой порослью.

Площадь могильника носит следы многочисленных кладоискательских раскопок.

По собранным нами сведениям, здесь находили большое количество бронзовых, железных, а также и серебряных вещей.

При выборе участков для вскрытия мы стремились к охвату по возможности большей территории могильника с целью выяснения характера погребений в центральных и периферийных частях его.

На всей площади могильника, занимающей, примерно, около 1690 кв. м, нами было вскрыто 20 участков, из которых 4 оказались потревоженными кладоискательскими раскопками. Участки приходилось вскрывать небольшими площадями, в виду трудности работы в проросшей переплетенными корнями почве.

Остальные 16 раскопок содержали погребения 9 женских (по полевой нумерации №№ 1, 3, 4, 9, 10, 11, 12, 13, 15) и 4 мужских (№№ 2, 5, 7, 8); 2 костяка, вследствие их слабой сохранности и недостаточного количества датирующих предметов, не определены.

Поверхностные признаки погребений обычные, характерные для этого позднего типа памятников, — удлиненные овалы углубления, вытянутые в северо-западном направлении, с отклонением к З или С.

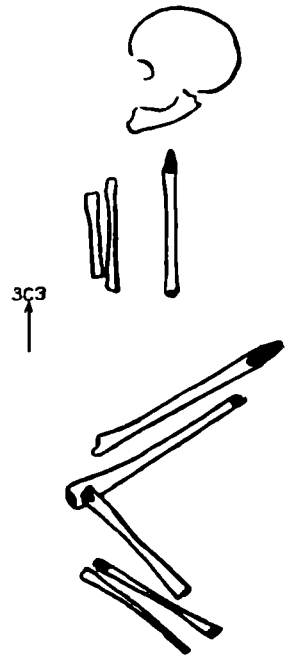

Рис. 1.

Погребения обычно одиночные. В трех случаях нами зарегистрированы парные погребения, однако не в общей могильной яме, но с узкой, в 10—15 см, перемычкой между ними (раскопы 1, I—IV, X—XI, XVIII—XIX). Погребения эти, очевидно, семейные. Могильные ямы, незначительные по глубине (50—60 см), содержали иногда в насыпи мелкие угольки, золу.

Никаких следов древесной погребальной оболочки, за исключением двух случаев, нами не зарегистрировано. Отсутствие сколько-нибудь определенных очертаний могильного пятна, которое во всех случаях давало расплывчатый, неопределенной формы контур, свидетельствует об отсутствии гроба или колоды для погребения покойников. Дно ямы часто устлано ветвями пихты — священного дерева мари. В некоторых случаях, очевидно связанных с богатым погребением, на дно могилы, по обычаю

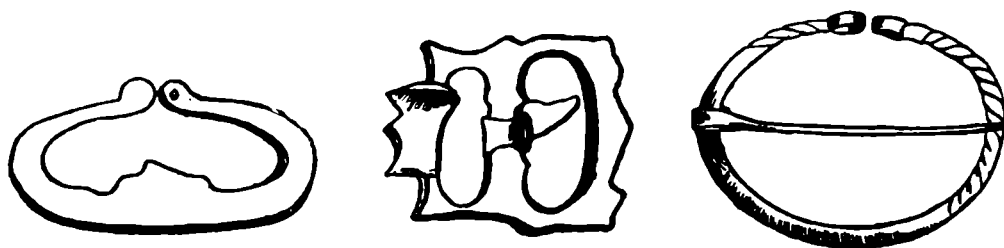

Рис. 2—4.

луговых мари, подстилался войлок, остатки которого сохранились. Под голову покойника клали набитую соломой подушку (см. погребение 12).

Различий в захоронении женских и мужских погребений нами не наблюдалось. Те и другие полагались на спине, с вытянутыми конечностями. Ориентированы погребения обычно головой на З и СЗ.

Могильный инвентарь Аксаркинского могильника, в общем, не богат вещами. Женские погребения сопровождалась обычно украшениями, состоящими из нагрудных застежек — бронзовых или серебряных сьюлгам, запястий и колец. Предметы эти украшены нарезным прямолинейным геометрическим орнаментом, что сближает их с находками в Большом поле (Большепольский могильник, раскопан Е. И. Горюновой в 1925 г.), а также в могильниках близ с. Тоншаева и в чувашских могильниках, раскопанных П. П. Ефименко. В богатых женских погребениях встречались серьги характерной формы в виде знака вопроса. Шея украшалась низками цветных стеклянных или фарфоровых бус, а в концы кос вплетались так наз. «косники» (ўпинэ). Последние представляли собою плоские кисти из трех рядов цилиндрических медных пронизок (рис. 13), надетых на шерстяной шнур. Пряжа, из которой сплетался шнур, как и другие остатки тканых шерстяных частей одежды, окрашена была в любимый марицами красивый красный цвет, получаемый из корней марены (*Tin-*

ctoria rubrum). Для выкапывания корня этого растения, живущего в лесах, женщина носила при себе небольшой железный нож, сопровождавший также женские погребения в могильнике. Нож этот полагался с правой стороны, у пояса, тогда как в мужских марийских погребениях нож обычно встречается с левой стороны, также у пояса. Найденные в женских погребениях в небольшом количестве бронзовые или низкопробные серебряные кольца по типу напоминают болгарские.

Мужские погребения, найденные нами в меньшем числе, значительно беднее инвентарем, чем женские. Типичными предметами для них является железный нож, полагавшийся,

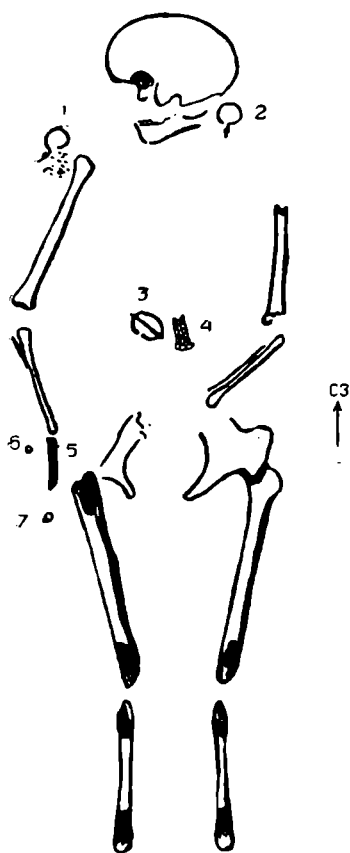

Рис. 7. Раскоп IV, погр. 4. 1 и 2 — серьги; 3 — сьюльгама; 4 — косник («упинэ»); 5 — нож; 6 — монета серебр. (Мих. Фед.); 7 — кольцо.

как было уже сказано, с левой стороны. Мужская рубаша, так же как и женская одежда, скреплялась у ворота маленькой бронзовой сьюльгамой, обычно без всякого орнамента. Обычна для инвентаря муж-

ских погребений железная или бронзовая пряжка для ремня. В одном случае (погребение 16) был найден железный топор широкообушный, «лесорубный», положенный у ног с правой стороны.

Погребение 1. Раскоп I (женское). Костяк на глубине 50 см. Ориентировка головой на ЗСЗ. Никаких признаков дерева (гроб, колода) не констатировано. Погребение лежит на слое плотной желтой водонепроницаемой глины. Вследствие этого сохранность костей крайне плохая.

Находки: в области черепа — тонкая бронзовая кольцевидная серьга; слева, у левого бедра — железный нож с остатками деревянной рукоятки.

Погребение 2. Раскоп II (мужское). Костяк найден на глубине 60 см без всяких признаков дерева. Ориентировка на СЗ. Сохран-

ность костей крайне плохая: сохранились лишь части черепа, нижней челюсти с зубами и нижняя часть левого бедра.

В насыпи, примерно в середине могильного пятна, на глубине 50 см найдено железное огниво (рис. 2). Слева у таза железный нож, обращенный

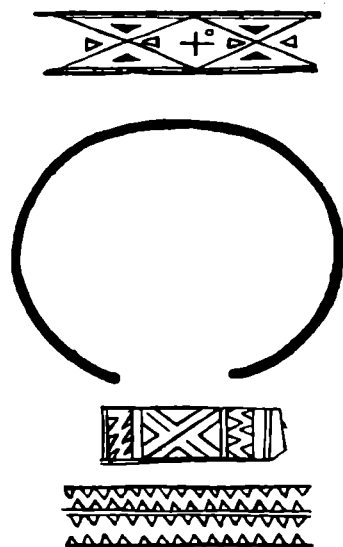

Рис. 5—6.

рукояткой к ногам. В области ступней две маленькие бронзовые пряжечки, с остатками кожи, служившие, очевидно, застежками обуви (рис. 3).

В области пояса найдена в обломках небольшая бронзовая ременная пряжечка.

Погребение 3. Раскоп III (женское). Скелет обнаружен на глубине 65 см; ориентировка головой на ЗСЗ. Часть костей скелета разрушена. Погребение на спине, с вытянутыми конечностями.

Находки: в области затылочной кости черепа бронзовые серьги в форме знака вопроса. Рядом с ними бронзовая сьюльгама (рис. 4). Такая же пряжка-сьюльгама справа, в области пояса. Справа, несколько выше правого бедра, железный нож, обращенный острым концом к ногам. Рядом с ним, ближе к костям таза, два бронзовых кольца. На левой руке, несколько выше кисти, два плоских бронзовых незамкнутых запястья (рис. 5, 6). На их внешней поверхности можно заметить приставшие лубяные волокна. Очевидно, это были остатки лубяной шкатулки, или небольшого короба, который в обычае было класть вместе с покойницей. В некоторых случаях в таких лубяных или берестяных коробках (Коринский мордовский могильник) находились украшения, а также начатое женщиной при жизни рукоделье.

Погребение 4. Раскоп IV (женское). Погребение обнаружено на глубине 75 см, ориентировано головой на СЗ. Из костей лучше сохранились части длинных костей конечностей. Костяк на спине, с вытянутыми конечностями. Руки слегка отведены в локтях (рис. 7).

Находки: справа и слева от черепа две серебряные проволочные серьги уже описанной формы (рис. 8 и 9). Справа около серьги цветной бисер. В нижней части груди, посередине — орнаментированная сьюльгама (рис. 10), которой скалывался разрез рубахи на груди. Под костяком кисть из цилиндрических медных пронизок, служащих подвеской к косе (костник — «ўпинэ»). Справа, у таза, небольшой железный ножичек, обращенный концом к ногам. Рядом с ним, в области кисти правой руки, бронзовый перстень типа болгарских. Тут же, справа от правой кисти, серебряная копейка, датированная временем Михаила Феодоровича.

Погребение 5. Раскоп V (мужское). Погребение обнаружено на глубине 47 см, ориентировано головой на север. За исключением немногих фрагментов длинных костей, костяк разрушен.

Находки: с левой стороны, у таза, железный нож с обломанным концом; у головки левого плеча бронзовая небольшая пряжка с остатками кожи. В области ног — большое количество мелких угольков.

Погребение 6. Раскоп V. Погребение на глубине 47 см с совершенно разрушенным костяком. Находок нет.

Погребение 7. Раскоп VI (мужское). Костяк довольно плохой сохранности, на глубине 72 см, ориентирован головой на СЗ. Единственный предмет из инвентаря, сопровождающего погребения, железный нож, лежащий слева, у таза.

Погребение 8. Раскоп VII (мужское). Погребение на глубине 63 см. Ориентировка костяка головой на СЗ.

Находки: с левой стороны железный нож с односторонним лезвием, в области пояса, по середине прямоугольной формы бронзовая поясная пряжка.

Погребение 9. Раскоп VIII (женское). Глубина залегания костяка 50 см. Ориентировка погребения головой на СЗ. Костяк очень плохой сохранности, лежит на слое пихты, устилающей дно могильной ямы, на спине, с вытянутыми конечностями.

Находки: в области груди, посредине плоская орнаментированная пряжка — сьюльгама (рис. 11). Рядом с ней, несколько ниже на груди, правильными рядами располагались цветные фарфоровые и стеклянные бусы, служившие, очевидно, подвесками сьюльгамы. В области крестца косник — ўпинэ, состоящий из 8 рядов цилиндрических медных пронизок. Слева, у головки левого бедра, такие же пронизки, служившие поясной кистью. Рядом с ней, у левого бедра (очевидно, в кармане) найдена серебряная копейка со стертой датой (типа московской копейки XVII в.).

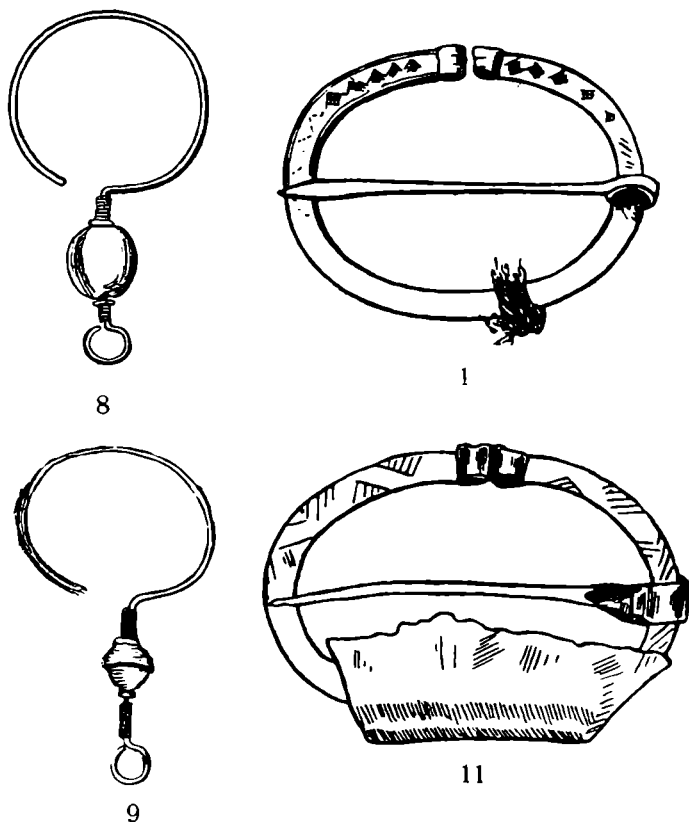

Рис. 8—11.

Погребение 10. Раскоп IX (женское). В могильной насыпи угли. На глубине 60 см, на слое пихты, костяк женского погребения, лежавший на спине, с вытянутыми конечностями. Ориентировано погребение головой на С. Костяк скелета очень плохой сохранности.

Находки: у головки правого плеча серьги из бисерных подвесок, с небольшим колечком (рис. 12). На правом плече овальная бронзовая плоская сьюльгама, к которой были, повидимому, подвешены низки цветных фарфоровых и стеклянных бус, найденных тут же. Слева в области груди, у левого плеча, — бронзовая булавка. В области крестца косник — ўпинэ. В 55 см от ног костяка погребения 10, в восточном направлении (влево) от него, найдена бронзовая сьюльгама с бусами возле нее. Возможно, что эта находка относилась к инвентарю другого, нарушенного погребения.

Погребение 11. Раскоп X (женское). С поверхности обозначались два параллельных углубления, одно из которых намечало могильную яму погребения 11. Костяк на глубине 50 см, головой на СЗ. Благодаря вязкому влажному глинистому грунту сохранность костей очень плохая. Погребение лежит непосредственно на глине, обрамленное рамой, сложенной из сосновых досок, толщиной в 8 см, которые ставились на ребро, образуя как бы ящик без дна и без крышки, высотой в 25 см. Доски не сплошные, составлены из двух неровных частей. Места креплений дерева в углах сгнили.

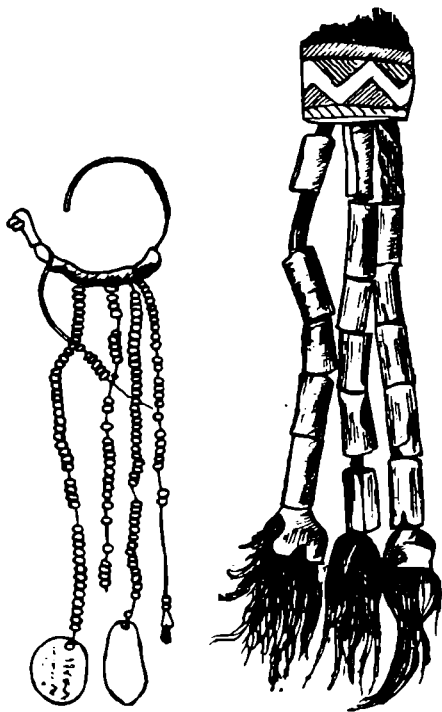

Рис. 12 и 13.

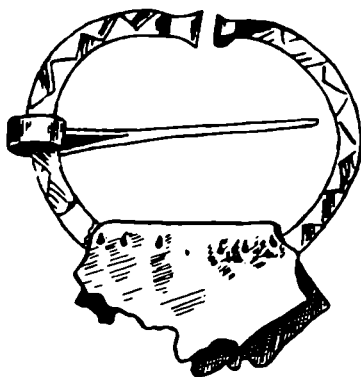

Рис. 14.

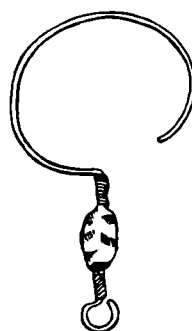

Рис. 15.

Инвентарь, сопровождающий погребение, очень немногочислен. На груди широкая плоская бронзовая сьюльгама с прикрепленным к ней лоскутом кожи и цветными бусами («ширкама»). В области крестца, несколько влево от него, бронзовый косник — ұпинэ, в виде тройной кисти из цилиндрических пронизок.

Погребение 12. Раскоп XI (женское). Рядом с погребением 11, на глубине 55 см, ориентировано на СЗ. Под головой слой пихты и соломы. Последней, очевидно, была набита подушка, подложенная под голову покойной. Кости скелета не сохранились. Положение и ориентировка костяка намечены небольшими фрагментами бедренных костей, костей таза и левого плеча.

Находки: в правой части найдена бронзовая пряжка, с остатками кожи и бусами около нее (ширкама). Подвеска поясная — двойная кисть

из цилиндрических медных пронизок. Косник из нескольких рядов таких же пронизок (рис. 13).

Погребение 13. Раскоп VII. На глубине 45 см. Ориентировано головой на СЗ. Костяк не сохранился, за исключением нескольких костей черепа и таза. Находок нет.

Погребение 13—а. Раскоп XII (женское). Повидимому девочки, лет 13—14, на глубине 53 см; костяк ориентирован на ЗСЗ. Сохранившиеся остатки древесины указывают на тот же способ погребения, который был описан для погребения 11 (см. выше). Внутренняя ширина между стенками досчатой рамы 35 см. Длину определить не удалось. Из костей сохранились лишь некоторые фрагменты черепа, правое плечо и, частично, кости бедер.

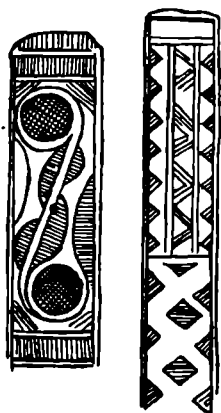

Рис. 16 и 17.

Находки: на груди справа — бронзовая пряжка (рис. 14) с остатками кожи (ширкама) и бусами около. Серьги проволочные в форме знака вопроса по бокам черепа (рис. 15). Примерно в области крестца — косник из четырех рядов бронзовых пронизок.

Погребение 14. Раскоп XIII. На глубине 60 см. Костяк совершенно разрушен. Находки заключаются в одной бронзовой пряжке, найденной, по приблизительному определению, в области нижней части груди.

Погребение 15. Раскоп XVII (женское). На глубине 1 м, ориентировано головой на СЗ. Погребение без погребальной оболочки покоилось на глинистом грунте. Костяк очень плохой сохранности.

Находки: в области затылочной части черепа — две проволочные серьги в виде знака вопроса; рядом, у левой ключицы — бронзовая скульгама, которой, очевидно, скреплялся ворот одежды. В середине груди такой же скульгамой скреплялся разрез ворота рубахи на груди. На правой руке надеты были два бронзовых пластинчатых незамкнутых запястья, с нарезным орнаментом на них (рис. 16 и 17). Слева на груди найдено несколько цветных фарфоровых бус. Справа, на месте, где должна была находиться кисть правой руки, небольшой железный нож (рис. 18), концом направлен к ногам.

Рис. 18.

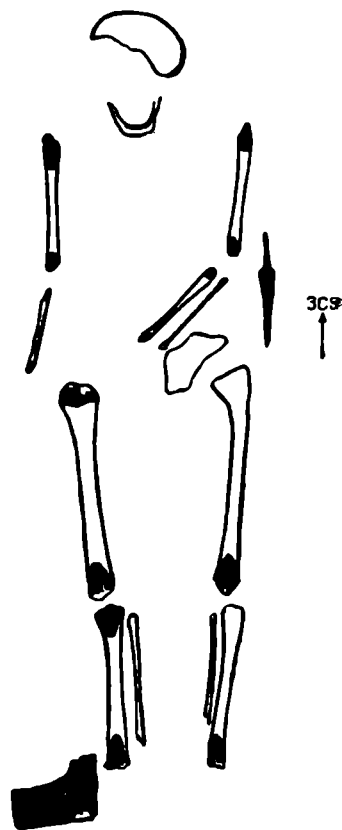

Рис. 19.

Погребение 16. Раскоп XVIII (мужское). На глубине 82 см, ориентировано головой на СЗ. Костяк относительно хорошей сохранности, на спине, с вытянутыми ногами. Правая рука вытянута, левая согнута в локте, предплечье покоится на груди (рис. 19).

Находки: слева у пояса параллельно туловищу железный нож. Возле правой ступни массивный широкообушный топор, топорищем положенный параллельно правой голени. Остатки деревянного топорища сохранились лишь во втулке топора.

Вещественные находки могильников Шойбулакского и Аксаркинского после обработки их в лаборатории Центрального музея народоведения поступили в Областной краеведческий музей МАО в г. Июшкар-Ола, где они и хранятся в настоящее время.

Оба могильника вполне аналогичны ранее исследованному памятнику примерно той же эпохи — Большепольскому могильнику (раскопки Антропологической комплексной экспедиции 1925 г.), но являются несколько более поздними. Если Большепольский могильник датируется концом XVI—началом XVII столетия, время бытования описанных двух могильников можно отнести к XVII в., а некоторых погребений даже к началу XVIII в. Время это в истории мари характеризуется упадком хозяйства мари, связанным с захватом лучших земель русскими феодалами для раздачи их служилым людям русского государства и в монастырское владение. Запрещение со стороны русских властей мастерства, связанного с обработкой металла, сказалось на постепенном исчезновении в поздних погребениях прекрасно орнаментированных украшений, встречавшихся еще среди инвентаря, сопровождавшего женские погребения Большепольского могильника.

E. GORIUNOVA

LES CIMETIÈRES DE CHOÏBOULAK ET D'AKSARKINO

RÉSUMÉ

Les petites fouilles accomplies en 1930 par les membres de l'expédition anthropologique dans la région de la République autonome des Mari ont fourni un matériel préliminaire concernant deux monuments récents, les cimetières mari de Choïboulak et d'Aksarkino, situés dans le canton d'Iochkar-Ola, à 1.5 km l'un de l'autre. Tous deux datent du XVII-e siècle ou du début du XVIII-e et rappellent par leur mobilier le cimetière de Bolchépolié, également sur la rive gauche de la Volga, exploré en 1925 (XVI-e—XVII-e siècles). Comme pièces typiques permettant une datation précise, on a trouvé les objets de parure suivants, qui accompagnaient les ossements dans les sépultures féminines: parure de tête de jeune fille en forme de houppe faite de tubes de bronze cylindriques creux, qui s'enlaçait au bout de la tresse («oupiné»), boucles plates ornementées («sulgame»), bracelets en plaques d'argent ou de bronze à ornement géométrique incisé et bagues à petit écusson ovale et rombique très répandu dans la région de la Volga à partir de l'époque bulgare (L. Kavka, «Les bagues de la Bulgarie kamo-volgienne», éd. Soc. d'Arch. et d'Ethn. près l'Université de Kazan, t. XXXIV, livr. 1—2).

Le mobilier des sépultures masculines, beaucoup plus pauvre, est caractérisé par la hache «de bûcheron» massive à large tête, la garniture de ceinture composée d'un couteau, d'un briquet et d'une boucle de ceinture métallique.

Ces cimetières ont fourni tous deux un matériel assez modeste par la quantité des pièces trouvées, mais typique (on a fouillé au total 24 sépultures). En tant que monuments rituels, ils ne donnent pas une idée suffisante de la vie économique, et encore moins de la vie sociale, des Mari de cette époque. Cependant les objets recueillis peuvent offrir un intérêt considérable pour l'étude de tout le complexe des monuments archéologiques du territoire donné.

А. В. АРЦИХОВСКИЙ и Б. А. РЫБАКОВ

РАСКОПКИ НА СЛАВНЕ В НОВГОРОДЕ ВЕЛИКОМ

Раскопки в Новгороде Великом представляются заманчивыми не только потому, что этот город имеет богатое и своеобразное прошлое, не только потому, что он почти не изучен археологически, но и потому, что новгородская почва прекрасно сохраняет дерево. Древний деревянный Новгород лежит под землей и ожидает раскопок. Дома, мастерские, лавки, дворцы, улицы вечевого города — все это является пока всецело достоянием сказочной романтики, но должно и может стать предметом научного исследования.

В 1934 г. Гос. Исторический музей (Москва) продолжал в большем масштабе начатые в 1932 г. раскопки Славенского холма. Результаты исследований 1932 г. вкратце опубликованы в предварительном сообщении А. В. Арциховского и М. К. Каргера.¹ В 1934 г. раскопки производились под руководством А. В. Арциховского и Б. А. Рыбакова. Принимала участие в работах аспирантка Л. А. Голубева. Опубликовано предварительное сообщение о данных раскопках.² Фотограф экспедиции А. Ф. Яковлев заснял все открытые в земле деревянные и каменные сооружения, а также профили.

В одном из наиболее интересных районов Новгорода на Славенском холме (рис. 1) расположен возле древних церквей Ильи и Петра и Павла (рис. 2) большой пустырь, представляющий собою ровную площадку, удобную для исследования. Вся пригодная для раскопок площадь для удобства дальнейшей планомерной работы была еще в 1932 г. разбита на двухметровые полосы, направленные с севера на юг и на такие же полосы, направленные с запада на восток. Те и другие полосы пронумерованы буквами русской азбуки от А до Я. Таким образом единицей учета является раскопочный квадрат в четыре квадратных метра, определяемый пересечением полос. При шифровке квадратов двумя буквами вначале ставится

---

¹ А. В. Арциховский и М. К. Каргер. Раскопки 1932 г. в Новгороде Великом. Проблемы ист. мат. культ., 1933, № 1—2, изд. ГАИМК.

² А. В. Арциховский. Раскопки в Новгороде Великом летом 1934 г. Историк-марксист, 1935, № 1 (41).

буква горизонтальной (на плане) полосы, а на втором месте вертикальной (напр. ТВ, см. план) (рис. 2). Вся поверхность раскопа предварительно была пронивелирована при помощи ватерпаса. Весь массовый материал древних слоев взят полностью. Площадь раскопа 1934 г. и ее отношение к площади 1932 г. видно из плана (рис. 2 и 3).

Раскопками вскрыты три слоя, настолько четко разграниченных, что они хорошо различимы на всех фотографиях; слои идут горизон-

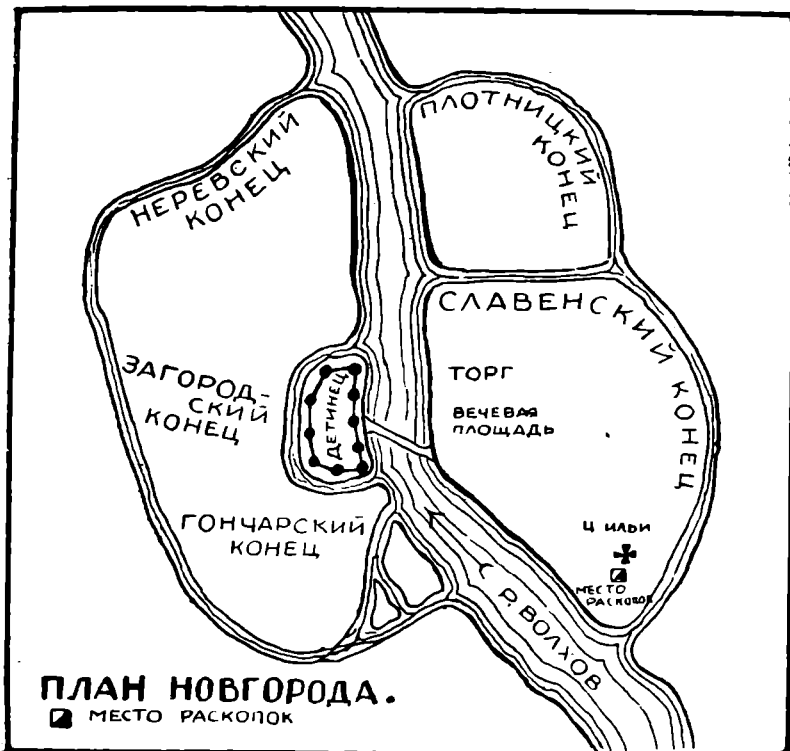

Рис. 1. План Новгорода с обозначением места раскопок.

тально (см. профиль, рис. 4). Первый, верхний, слой сыпучий, сероватый, идет в среднем от 0 до 60 см и содержит следы истлевших деревянных сооружений, современную керамику (главным образом поливную и лощеную), много стекла, преимущественно бутылочного. Встречаются кирпичи XVIII—XIX вв. Довольно много найдено монет. Дата их от 1711 до 1838 г. Под следами сооружений, отделяя пер-

вый слой от второго, проходит песчаная прослойка мощностью до 20 см со следами угля в основании.

Дата первого слоя XVII—XIX вв.

Второй слой, сыпучий, черный, в среднем от 60 до 120 см, содержит много обломков тесаных известняковых плит, являющихся развалом каменной стены XIV в (см. ниже). Поздней керамики в слое нет. Профили сосудов преобладают курганные, но часты уже и высокие шейки и низкие плечи. Обжиг сосудов лучше, чем у курганных. Примесей меньше, орнамент реже, но преобладает курганный линейно-волнистый. Встречаются совпадения с керамикой Москвы XVI—XVII вв. (коллекции Метростроя). Найдена серебряная монета Михаила Федоровича (СГ—5).¹

¹ Цифра при шифре квадрата означает глубину: от 0 до 20 — 1, от 20 до 40 — 2, от 180 до 200 — 10, от 200 до 220 — 11 и т. д.

тально (см. профиль, рис. 4). Первый, верхний, слой сыпучий, сероватый, идет в среднем от 0 до 60 см и содержит следы истлевших деревянных сооружений, современную керамику (главным образом поливную и лощеную), много стекла, преимущественно бутылочного. Встречаются кирпичи XVIII—XIX вв. Довольно много найдено монет. Дата их от 1711 до 1838 г. Под следами сооружений, отделяя пер-

В основании слоя завал стены сгущается. Под завалом стены, отделяя второй слой от третьего, лежит прослойка обожженной глины и угля (см. профиль) мощностью до 25 см.

Дата второго слоя XIV—XVII вв.

Третий слой черный, жирный, идет в среднем от 120 до 220 см. Местами спускается ниже. Он особенно замечателен прекрасной сохранностью деревянных сооружений и вообще органических остатков. Керамика курганного типа; обжиг слабее, чем у сосудов второго слоя. Примесь дресвы чаще.

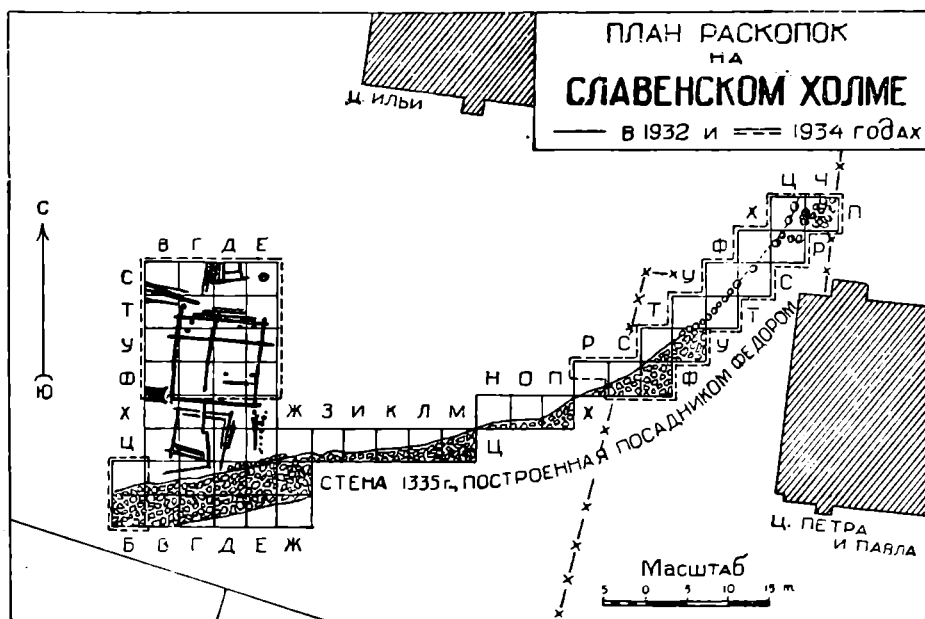

Рис. 2. Общий план раскопок.

Линейный и волнистый орнаменты очень часты. Гончарная керамика идет вплоть до материка, лепной нет. Чем ближе к полу избы, тем чаще обломки стеклянных браслетов. По глубине залегания браслеты распределяются так: 120 см — 1, 120 — 140 — 5, 140 — 160 — 17, 160 — 180 — 28, 180 — 200 — 13, 200 — 220 — 2 и 220 — 240 — 2, итого 68.

Деревянные сооружения третьего слоя распадаются на три яруса, определенных еще раскопками 1932 г.¹ Верхний (первый) ярус состоял всего из двух бревен, связанных со стеной XIV в. и в новых раскопках не продолжился. Средний и нижний ярусы в 1934 г. продолжились на север на значительно большей площади (рис. 3). Высказанное предположение о том, что в среднем ярусе будет открыта полностью изба,² подтвердилось. Изба рублена в обло, на месте сохранился только нижний венец, а у северной стенки лежат бревна следующих пяти венцов. Материал — сосна.³

¹ А. В. Арциховский и М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 61. План трех ярусов деревянных сооружений.

² Там же, стр. 64.

³ Все определения древесины сделаны лесоводом А. П. Осиповым.

Размеры сруба с севера на юг 560 см и с запада на восток 530 см (см. план).

Внутри сруба находилось 11 сосновых столбов, от которых сохранились только нижние части, заостренные топорами. Диаметр столбов от 15 до 35 см. Столбы расположены в три линии, идущие параллельно южной и северной стенам. Часть столбов могла предназначаться для скамей, часть же для печи, которая, очевидно, целиком изъята из избы.

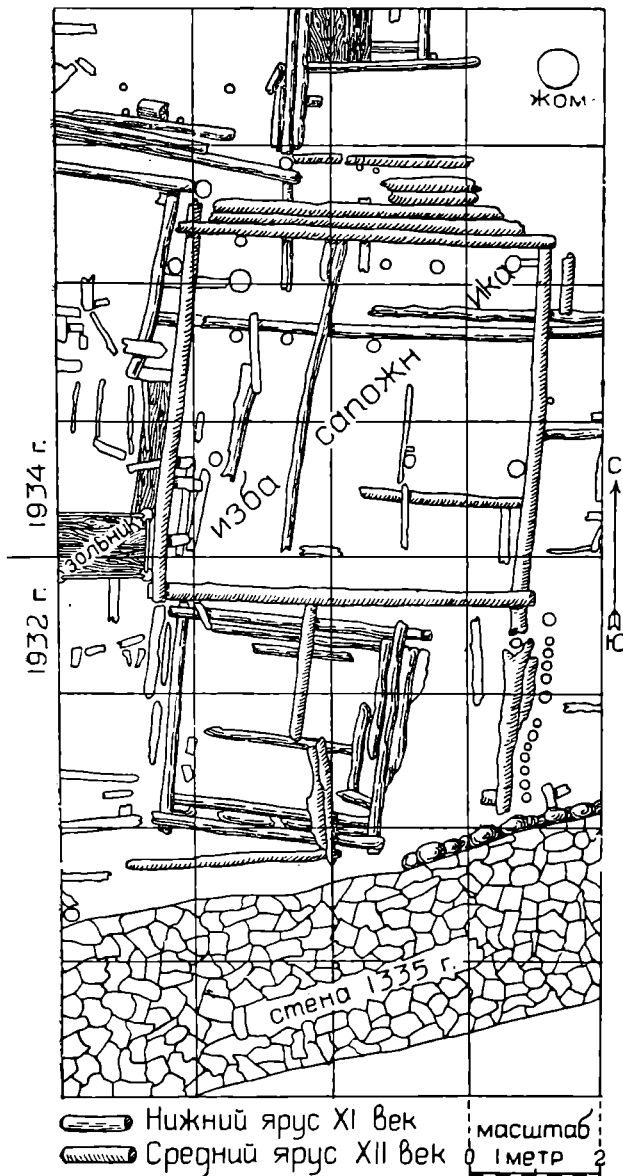

Рис. 3. План основного раскопа.

В средней части избы открыто большое количество обожженной глины, связанной с печью. В юго-восточном углу избы на бревнах сруба найдены массивная железная дверная накладка (ФЕ — 6) и железный же дверной крючок (ФЕ — 8), что может говорить о наличии здесь двери. В этом же углу в 130 см от южной стены прослежено бревно, идущее от середины перпендикулярно к восточной стене. Возможно, что оно отграничивало сени. У подошвы сруба, внутри и вне его (главным образом в северо-западной части) найдено большое количество щепок, очевидно, от обтесывания бревен при постройке избы. У западной стенки избы найдены два еловых колышка.

В избе и вокруг нее встречены в количестве нескольких тысяч обрывки кожи и кожаной обуви.

В том числе встречаются целые вырезки, заготовки, подошвы, ремни и т. д. В избе, очевидно, жил сапожник.

Стратиграфически изба ниже и на один-два века древнее стены 1335 г., так как при постройке стены были засыпаны уже развалины избы. Особая насыщенность соответственного пласта стеклянными браслетами, равно как и весь комплекс находок подтверждают дату избы — XII век, наиболее вероятную и стратиграфически.

Интересно отметить, что в XVI в. в этом районе жили сапожники. Писцовая книга Новгорода Великого 1582—1584 гг. Леонтия Аксакова размещает больше половины упомянутых в ней новгородских сапожников именно в районе Славенского холма. Остальные профессии здесь в это время единичны.¹ Впрочем, заключать о стабильности ремесленных поселений, пока раскопана только одна изба, — преждевременно.

К южной части западной стены извне вплотную примыкает ящик, южная стенка которого была обнаружена еще в 1932 г.² Теперь этот ящик

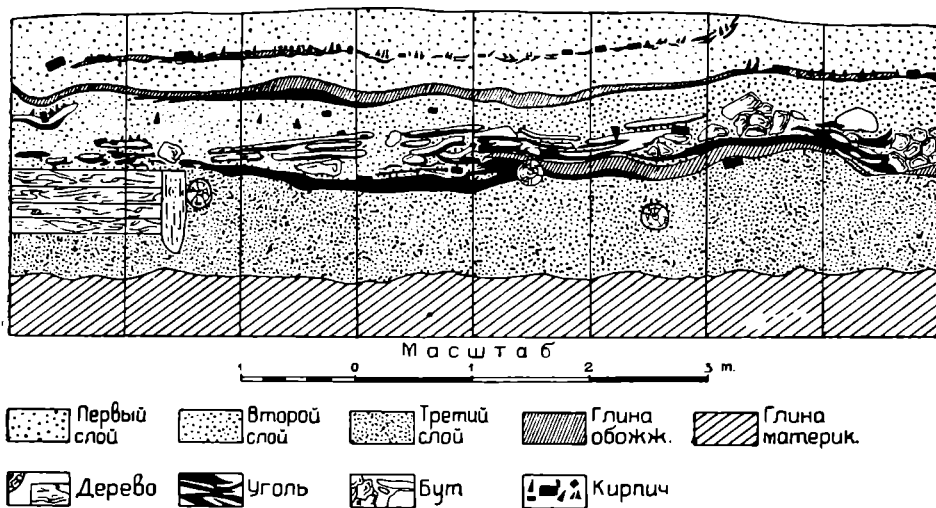

Рис. 4. Профиль раскопа (по границе раскопок 1932 и 1934 гг.).

вскрыт. Он состоит из колотых плах, вставленных в пазы четырех врытых в землю столбов. Плахи находят одна на другую, для чего нижняя часть налегающей плахи имеет продольный жолоб. Пол ящика устлан плотно пригнанными досками. Верхний край ящика начинается непосредственно под вторым слоем на глубине 125 см. Глубина ящика 60 см. Длина 135 см, ширина 100 см (см. план и профиль, рис. 3 и 4). Дно ящика покрыто толстым слоем шерсти и извести. Тем самым определяется его назначение. Совершенно такие же сооружения применяются до сих пор кожевниками-кустарами для удаления волоса со шкур. Удаление это производится при помощи извести и золы. Сам ящик называется зольником. Обычно зольники круглые, но у великоруссов встречаются и прямоугольные.³ Вероятно, связаны со стрижкой шкур найденные над зольником железные ножницы (ФВ—6).

Судя по зольнику, наш сапожник XII в. был в то же время и кожевником. В XVI в. эти две специальности уже не совмещались в одном лице.

¹ В. В. Майков. Книга писцовая по Новгороду Великому. Летопись занятий Археогр. комиссии за 1911 год.

² А. В. Арциховский и М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 63.

³ Г. Г. Поварнин. Очерки мелкого кожевенного производства в России, ч. I. История и техника производства. СПб., 1912, стр. 19, 113, 114.

К северу от зольника у западной стены избы расположена куча округлых камней, перемешанных с углем и золой. К юго-восточному углу примыкает с юга бревно, лежащее в одной линии с восточной стенкой сруба. Вдоль бревна, с восточной стороны его — основание частокола из 13 столбов, диаметр их 15—20 см, основания затесаны топором. Частокол ограждал двор сапожника. От середины южной стены избы идет на юг ломаная линия из бревен, ограничивающая с востока пространство, покрытое толстым слоем конского навоза. Здесь была конюшня. Задворки между конюшней и частоколом узки (всего 280 см). Двор продолжался на юг, где позднее, в XIV в. была построена каменная стена. На западе зольник должен был тоже находиться на дворе.

Нижний ярус деревянных сооружений отличается еще лучшей сохранностью дерева. На север от стены, почти примыкая к ней, расположен небольшой квадратный сруб 340 × 340 см. На месте полностью сохранились два венца рубленные в обло, и два следующих венца сохранились частично в развале. Восточный конец северного бревна имеет две поперечных полукруглых выемки. Одна из них для налегающего бревна восточной стенки. Назначение второй (внешней по отношению к срубам) выемки неизвестно.

Бревна этого сруба имеют продольные желоба для скрепления, притом, в отличие от современного способа, не по низу, а по верху. Следов печи не найдено. Нет также и вертикальных столбов. Судя по размерам, сруб имел какое-то хозяйственное назначение, вероятно, служил сараем. Он расположен под средним ярусом деревянных сооружений и был разрушен до их постройки.

Таким же образом к нижнему ярусу относятся и некоторые бревна, расположенные в северной половине раскопа, полное определение которых станет возможным после расширения площади исследования.

Срубы и в среднем и в нижнем ярусах ориентированы примерно по странам света с небольшим отклонением к востоку. Это приобретает интерес, поскольку стоящие поблизости церкви Ильинская и Петропавловская имеют отклонение в ту же сторону (см. план). Очевидно, направление улицы определялось направлением церквей.

Материк состоит из желтой ледниковой глины и залегает на глубине от 200 до 300 см.

В северо-восточном углу раскопа на глубине 100 см от поверхности была открыта верхняя часть массивного соснового предмета, который при дальнейших раскопках был полностью расчищен. Это был столб, верхушка которого сгнила, зато нижняя часть со сложным вырезом сохранилась прекрасно. Столб стоял на двух сосновых плахах, лежавших почти параллельно друг другу непосредственно на материке. Над столбом и рядом с ним было найдено конопляное семя и лесные орехи. В 80 см от столба на северо-запад найдены дубовый клин (длина 20 см) и сосновая втулка (длина 16 см).

Столб удалось целиком извлечь из раскопа и перевезти в Москву (рис. 5). Вес его до просушки равнялся 179 кило. Просушка и консервация проведены Историческим музеем под руководством инженера-химика А. Д. Чиварзина.

Высота столба 110 см, диаметр 50 см, окружность 157 см. В нижней его части имеется сквозная горизонтальная прорезь, по одну сторону которой остается половина столба, а по другую тонкая перемычка (см. рисунок). Высота прорези с края 38 см, в центре 24 см, ширина перемычки 7 см, ширина задней стены 50 см.

Назначение столба сомнений не вызывает — это маслобойный жом. Среди этнографических материалов подобные вятские жомы изданы Ф. Г. Кучиным.¹

Из десяти описанных автором систем наибольшее сходство с новгородской имеет система третья. Таких вертикальных столбов с горизонтальными выемками должно быть два. В выемки столбов вставлялся горизонтальный брус—пресс, давивший средней частью на расположенную под ним колоду с конопляным или льняным семенем. В одном из столбов брус закреплялся малым клином, вбиваемым при помощи ручного молота, а для производства давления на колоду в прорезь другого столба вставлялся большой клин, вбиваемый далее тяжелым камнем (до 250 кило) или подвешенным на цепи чурбаном (этнографические названия «барс», «сокол», «старуха», «баба»).

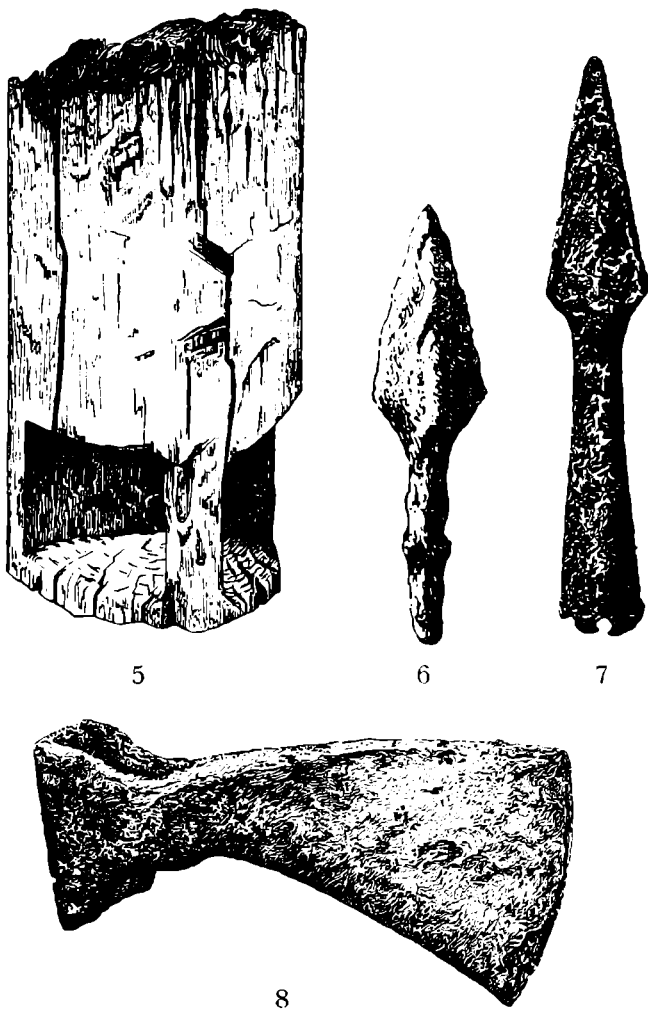

Рис. 5—8. 5 — сосновый маслобойный жом (высота 110 см); 6 — железная стрела (длина 3,5 см); 7 — железное копье (длина 19,5 см); 8 — железный топор (длина 19 см).

¹ Ф. Г. Кучин. Маслобойный промысел. Материалы по описанию промыслов Вятской губернии, вып. 2, Вятка, 1890.

«С каждым ударом, — говорит Кучин, — клин входит все дальше и дальше в отверстие столба и постепенно нажимает книзу брус, так что последний выжимает масло, которое и сбегает по отверстиям и желобкам на дно колоды».¹ Расстояние между столбами должно быть около 70 см.²

Обслуживают такую маслобойню два взрослых человека или взрослый и подросток. Самое занятие является в деревнях подсобным промыслом.³

Подобные маслобойки известны из ряда других мест (ярославские, вологодские, смоленские, кубанские; рабочие на раскопках говорили о том, что такие есть и под Новгородом).

Находка рядом со столбом дубового клина, конопляного семени и орехов приобретает особое значение в свете этих этнографических данных. Таким же образом любопытно отметить, что потолок прорези имеет наклон внутрь столба, предназначенный, очевидно, для вбивания клина.

Южную часть раскопа занимает мощная каменная стена (рис. 3). Направление ее с юго-запада на северо-восток. Фундамент стены составляют небольшие валуны, что характерно для древнего новгородского зодчества. Стена облицована квадратными известняковыми плитами (средняя высота плит 8 см, длина 25 см). Середина заполнена необработанным известняком. Цементирована кладка известью с примесью песка. Кладка стены похожа на кладку новгородских церквей XIV в.

Стена сохранилась хорошо, местами до 150 см высоты от основания, и тем не менее нигде уже не выходит на поверхность земли и, таким образом, до раскопок не была известна. Произведенная нивелировка обнаружила легкое возвышение в том месте, где позднее была открыта каменная кладка. Для выяснения направления стены раскопки были продолжены на 34 м на восток и на 2 м на запад. При этом работы ограничивались снятием позднего верхнего слоя и определением северной грани кладки. Стена в плане кривая. Длина прослеженной части (рис. 2) — 48 м.

Мощность и своеобразие открытого сооружения заставляют искать упоминания о нем в летописях. Под 1335 г. первая новгородская летопись говорит: «В лето 6843... заложи владыка Василий, с своими детьми, с посадником Феодором Даниловичем и с тысяцким Остафием и с всеми новгородци, острог камен по оной стороне от Илии святого к Павлу святому, при великом князе Иване Даниловиче».⁴

Это единственное упоминание о новгородском каменном остроге. Острогом в древней Руси называлась крепостная стена, ограждавшая посад в отличие от стен детинца или кремля. На новгородском валу стоят тоже упоминаемые в летописях деревянные остроги с каменными башнями. Следы этих деревянных сооружений открыты при обследовании вала, произведенном местными краоведами В. И. Знаменским, Б. К. Мантейфелем и др.

¹ Ф. Г. Кучин. Маслобойный промысел, стр. 264.

² Там же, стр. 247.

³ Там же, стр. 269.

⁴ Полное собрание русских летописей, т. III.

Рис. 9. Свинцовая
пломба, длина 2 см.

Рис. 10. Каменная икона, диа-
метр 4 см.

Рис. 11. Медный гру-
зик, длина 5 см.

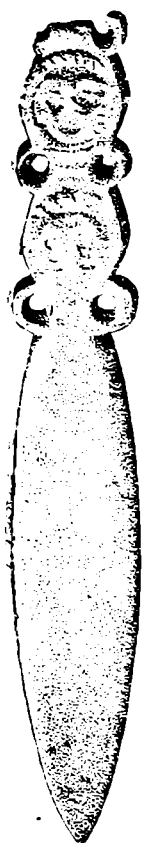

Рис. 13. Мед-
ный нож,
длина 9.5 см.

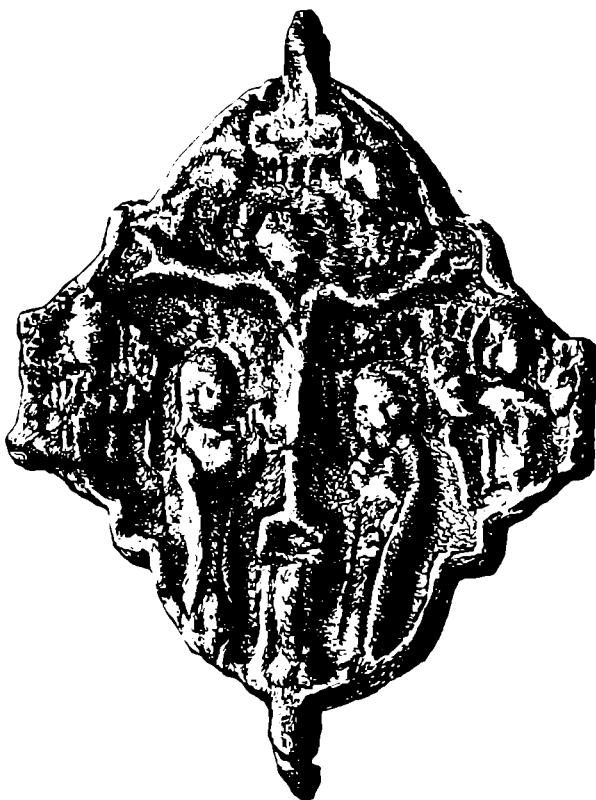

Рис. 12. Медная икона, длина 7 см.

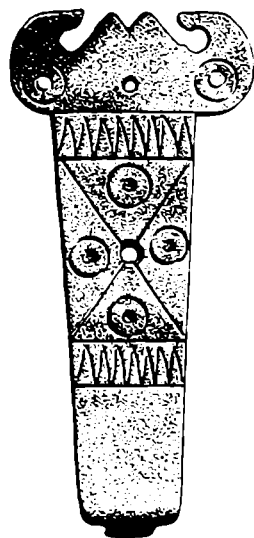

Рис. 14. Медная
книжная застёжка,
длина 4.5 см.

Каменная стена, очевидно, являлась здесь внутренним поясом укреплений.

Выясненное раскопками направление совпало с летописным (рис. 2). Церковь Ильи стоит рядом и была защищена стеной. Под «Павлом» можно подразумевать едва ли церковь Петра и Павла, а скорее Павлов монастырь. Стена проходит возле Петра и Павла и направляется оттуда к Павлову монастырю.

Прослеженная часть каменного острога параллельна земляному валу и окаймляет холм, над этим валом господствующий. Несмотря на общеизвестность летописи, никаких предположений о месте каменного острога, ни попыток его отыскать, пока не было.

Открытие стены 1335 г. важно для истории русской фортификации, поскольку другие сохранившиеся древнерусские стены были или построены или перестроены с учетом огнестрельного оружия.

Важнейшей задачей дальнейших раскопок на Славенском холме является возможно полное выяснение этого, единственного в своем роде, памятника древнерусского зодчества.

Все найденные при раскопках предметы (кроме, конечно, большинства вещей из первого современного слоя) привезены в Москву. Обломков посуды и костей животных около 80 000. При раскопках брались все без исключения находки. Какой бы то ни было отбор в данных условиях вреден, так как искажает количественные соотношения.

Из костяных находок заслуживает упоминания целый лошадиный череп (ЧД — 5). Представлены в больших количествах основные виды домашних животных. Весь найденный материал подготовлен для изучения его зоологами.

Керамики много больше, чем костей. Частичная характеристика ее по слоям приведена выше. Вся керамика сделана на гончарном кругу, края резко отогнуты, плечи выступают (рис. 15), нижние части имеют усеченно-коническую форму, днища присыпаны песком, днищ срезанных ниткой еще нет. Характеристика относится к керамике 2-го и 3-го слоев. Как уже говорилось, орнамент почти везде, где он есть, линейный или волнистый. Реже встречается зубчатый (рис. 16).

Некоторые керамические находки выделяются по своей оригинальности: две массивные подставки (рис. 18), напоминающие ноги животного или сильно схематизированные ноги человека (ТГ — 6, ТГ — 7, высота по 10 см, длина ступни по 4 см). Полый цилиндрический стакановидный предмет с елочным орнаментом (рис. 19) на наружной части (вероятно, глиняная втулка для деревянной рукояти) (ТВ — 6, высота 10 см); две глиняные палочки с загнутыми и приплюснутыми кончиками (рис. 19) (ТВ — 7, длина 4 см, ХГ — 6, длина 6 см).

Гончарное клеймо встречено один раз, оно имеет форму двух соединенных мачтами букв Ф (днище сосуда, СГ — 6, диаметр 10 см) (рис. 17).

Глиняных рыболовных грузил найдено 8. Все они имеют секторовидную форму с круглым отверстием в верхней части (рис. 20). Цвет их обычно белый. Длина их от 9 до 12 см.

Глиняных пряслиц 12, почти все они зонной формы. Два из них имеют пунктирный орнамент. Размеры их от 2 до 3 см (рис. 21).

Массовым материалом является также кожа, что вполне закономерно для избы сапожника (рис. 22). Попадались заготовки и куски кожи с вырезами, соответствующими частям обуви. Головка тупоносого сапога найдена

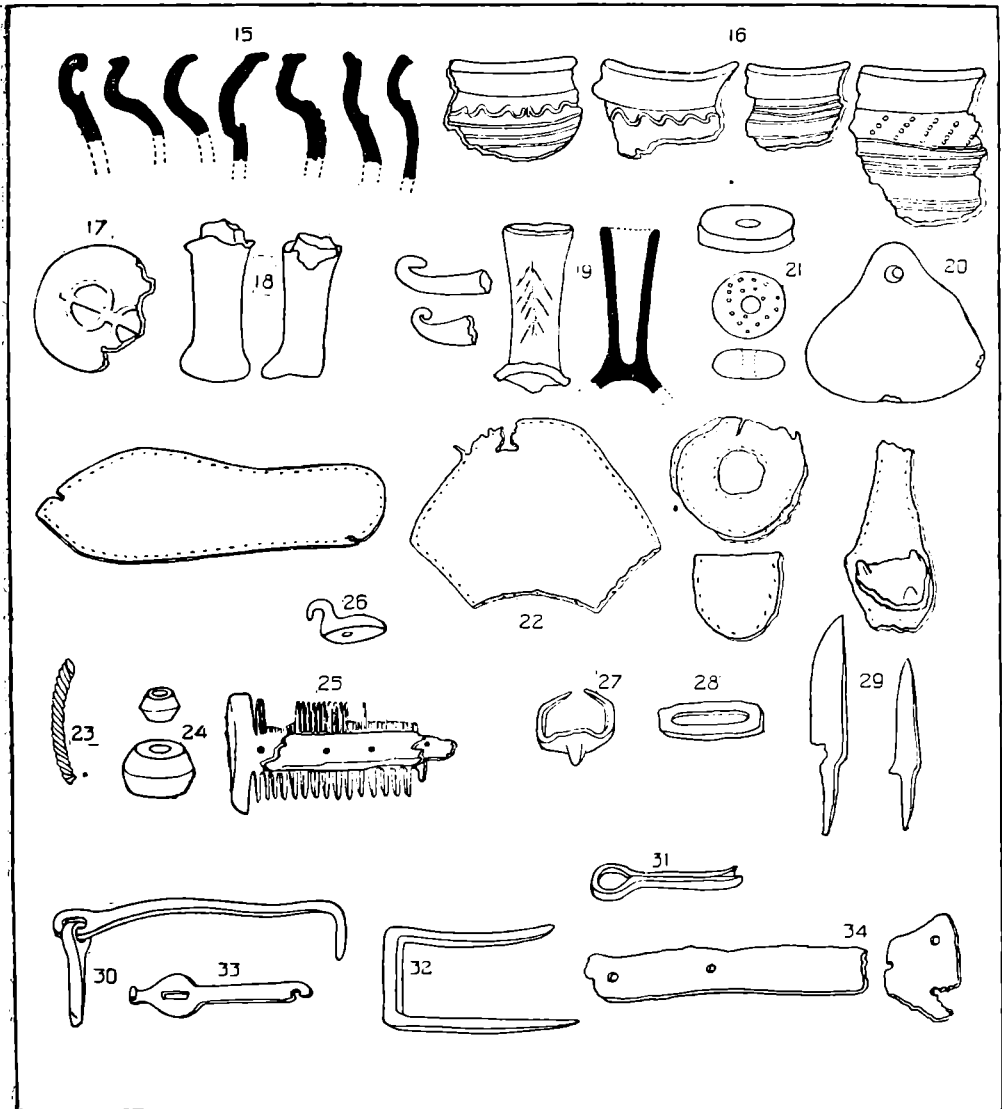

Рис. 15—34. 15. Керамические профили. 16. Керамические орнаменты. 17. Гончарное клеймо. 18. Подставки в виде лап. 19. Глиняная втулка и глиняные ручки. 20. Глиняное рыболовное грузило. 21. Глиняные пряслица. 22. Части кожаной обуви. 23. Стекланный браслет. 24. Шиферные пряслица. 25. Костяной гребень. 26. Костяная уточка. 27. Железный шип. 28. Железное кресало. 29. Железные ножи. 30. Железный дверной крюк. 31. Железный дверной пробой. 32. Железная дверная скоба. 33. Железная дверная накладка. 34. Куски железной дверной жиковины.

целая. Неоднократно встречены ремни и связки их; некоторые ремни прошиты. Много найдено подметок. Интересной и существенной их особенностью является то, что все они состоят из двух-трех пришитых по краям слоев кожи. В Новгороде, вероятно, не было волов, только из толстой кожи которых можно делать сплошные подметки. Одна из подметок (ФЕ — 8) подбита тремя массивными железными шипами, возможно для хождения по льду (рис. 22).

Выше были приведены сведения о стратиграфии стеклянных браслетов (рис. 23). Из них 34 витых, 33 гладких и один ребристый. По цвету распределяются так: 29 черных, 11 голубых, 7 синих, 6 желтых, 4 фиолетовых, 4 зеленых, 2 коричневых и 5 неопределенных.

Стеклянных бусин 11. Из них 8 зонных, 1 витая, 1 ромбическая и 1 биконическая.

Находки каменных вещей весьма разнообразны. Ручной жернов (ТД — 4, радиус 17 см) имеет отверстие в середине и обычную для этой эпохи вогнутую поверхность (материал — песчаник, найдена половина).

Для Руси XI—XIII вв. типичны пряслица из розового шифера, производившиеся, как известно, в Овруче на Волыни. У нас их найдено 9 (рис. 24). Размеры их от 1½ до 4 см.

Сланцевых точильных брусков два, есть кусок сланца, из которого высверлен конус, и одно известняковое грузило, по форме аналогичное глиняным.

Янтарных бусин 3 (кольцевидная, цилиндрическая и четырехгранная).

Встречено два обломка массивных песчаниковых крестов обычного новгородского типа (круг с четырьмя дугowymi прорезями).

Найденная у восточной стены избы (у двери) каменная иконка (ФЕ — 8, диаметр 4 см) относится по авторитетному определению Ф. Я. Мишукова и Н. Р. Левинсона к XIII в. (рис. 10). Форма креста близка к только-что упомянутым новгородским. В середине креста — сидящая фигура Иисуса в крещатом нимбе с поднятой правой рукой.

В нижнем слое есть куски слюды (ФЕ — 7).

Костяных вещей немного. Гребней три, все они двусторонние, с одной стороны частые, с другой редкие (рис. 25). Находка обычная для древнерусских городищ. Один из них короткий (ТВ — 7), два длинные с костяными накладками, прибитыми медными гвоздиками (СД — 9).

Привеска — уточка (УГ — 4, длина 3.5 см) имеет аналогии в ради-мичских курганах с одной стороны и вятских городищах с другой (рис. 26).

Есть еще костяные крюк, булавка, пряслице, свисток и кружок с недо-сверленным отверстием.

Железных вещей найдено довольно много. Из них выделяются копьё и топор. Находки подобных вещей в культурных слоях редки. Сохранность в обоих случаях очень хорошая.

Топор (УЕ — 5, длина 19 см), по типологическим особенностям (рис. 8) имеет частичные аналогии в некоторых курганных и городищен-ских находках. Наиболее полную аналогию представляет топор, найден-ный при раскопках В. И. Равдоникаса, в кургане № 1 деревни Капшейла близ города Олонца, и датируемый X—XI вв.¹

¹ В. И. Равдоникас. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладжье. Л., 1934, стр. 8, табл. II, рис. 2.

Копье (ШЕ — 2, длина 19.5 см) также имеет частичные аналогии среди многочисленных втульчатых копий восточной Европы, но его отличают соотношение втулки и пера, а в особенности прямизна граней пера (рис. 7). Найдена еще втулка подобного копья (ЧВ — 8).

Стрела встречена одна (УД — 9, длина 3.5 см), черешковая, четырехгранная (рис. 6), имеющая аналогию во владимирских курганах, которую А. А. Спицын датирует X—XI вв.¹

Четыре раза встретились так наз. шипы гнездовского типа (ЦЕ — 5, длина 5.5 см, ТД — 5, длина 5.5 см, ТД — 6, длина 8.5 см и ФЕ — 4, длина 6 см (рис. 27). Они вполне подобны шипам, часто находимым в гнездовских курганах X—XI вв. и в скандинавских курганах того же времени. Они, вероятно, прикреплялись к обуви. В. И. Сизов предполагал, что это делалось для хождения по льду или для лазанья по деревьям.² Т. Арне уже прямо называет их шипами для льда.³

Из двух типов древнерусских кресал, калачевидного и овального, у нас встречены только овальные (рис. 28). Их четыре (ХВ — 4, длина 7 см, ЧЕ — 4, длина 6.5 см, ТВ — 9, длина 9 см, УГ — 9, длина 6.5 см). Распространенность этого типа общеизвестна.

Перечислим остальные железные вещи: 2 кочедыга (ЦГ — 7, длина 8 см и ФВ — 9, длина 23 см), 8 шильев (из них 5 найдено в квадрате ФВ рядом с зольником), 19 ножей обычного, так наз. курганного типа (рис. 29), 2 сковородные рукояти, 1 лодочная скоба, дверная скоба (рис. 32), 2 дверных пробоя (рис. 31), 1 дверной крюк (рис. 30), 2 жиковины (рис. 34), 3 дверных накладки (рис. 33), 3 кольца, крест четырехконечный с ушком (ТГ — 4, длина 3.5 см), ножницы (ФВ — 6, длина 14 см, заклепанные) и сравнительно небольшое количество гвоздей, преимущественно шляпочных.

Свинцовая вещь одна и довольно любопытная. Это четырехугольная, плоская пломба (ТД — 4, длина 2 см), с выдавленным на ней знаком (рис. 9), совпадающим со знаками рязанских монет великих князей от Олега Ивановича до Ивана Федоровича.⁴

Таким образом в Рязани этот знак датируется второй половиной XIV в. и первой половиной XV в.

Медных вещей немного. Нательная иконка — энколпион (ФВ — 5, длина 7 см)лита из желтой меди, форма близка к квадрифолию, изображено «распятие с предстоящими», по бокам ангелы, вверху солнце и луна. Крест распятия восьмиконечный (рис. 11). Датируется по определению

¹ А. А. Спицын. Владимирские курганы, рис. 99. Изв. Археол. комиссии, вып. 15.

² В. И. Сизов. Гнездовский могильник. СПб, 1902, стр. 74—75, табл. IX, рис. 20—23.

³ Т. Arne. Das Bootgräberfeld von Tuna. Stockholm, 1934, стр. 67, табл. VI, XIII, XVII.

⁴ А. В. Орешников. Русские монеты до 1547 г. М., 1896, табл. VII.

Ф. Я. Мишукова и Н. Р. Левинсона XIII веком. Совершенно такой же энколпион, совпадающий с нашим во всех деталях, издан Б. И. Ханенко и тоже датируется XIII веком.¹

Грузик (УВ — 8, длина 5 см) грушевидный, сплюснутый, с петлей наверху. Обе плоские стороны орнаментированы. По краям растительный орнамент, в центре в овале неясное изображение птицы (рис. 12). Совершенно подобные по форме найдены в Киеве и изданы Б. И. Ханенко, который считает их боевыми гирями, т. е. гирями от кистеней.²

Медных монет найдено 8, на шести из них надпись «пуло новагорода», на двух — «поуло тверьское».

Пряжек найдено три. Одна из них пятиугольная, одна покрытая шпечками и одна трехгранная с загнутыми концами.

Привеска найдена одна (ФЕ — 4, длина 3 см), в форме ореха со штриховым орнаментом, с овальным ушком.

Медный крест один, шестиконечный (СГ — 6, длина 3.5 см).

Связеобразен медный нож (рис. 13).

Форма его листовидная, лезвие тупое. В плоской рукояти прорезаны четыре круглых отверстия. Рукоять, составляющая с лезвием один кусок меди, покрыта орнаментом в виде звериных голов (ЧВ — 4, длина 9.5 см). Нож мог служить для линования пергамента. Других предположений пока нет.

Пластинчатая фигурная застежка (рис. 14), покрытая глазковым и городчатым орнаментами, столь типичными для древней Руси, может быть объяснена только как застежка от книжного переплета (ЦМ — 3, длина 4.5 см).

Проволока встречена только медная, четыре обрезка, из которых один (СГ — 12, длина 8 см) завит в две пряжи очевидно, заготовка для производства браслетов).

Из проволоки сделано височное кольцо (ХЕ — 8, длина 6 см) браслетообразное, загнутоконечное. Тип этот редок, более известны браслетообразные завязанные, характерные для кривичей.

Из проволоки же сделаны два витых браслета. Один (СД — 13, длина 5 см) из них четверной (скрученный из проволоки, сложенной вчетверо), другой (ФЕ — 5, длина 6.5 см) витой 2 × 3.

Первый тип появился в XIII в., а второй в XIV в.³ У нас первый тип найден на большой глубине, но в яме у северной стенки раскопа. Только очень небольшая часть ямы захвачена раскопом, и датировка этого пункта есть дело будущих работ.

¹ Б. И. Ханенко. Древности русские. Кресты и образки. Киев, 1899, табл. VIII, № 98.

² Ханенко, Б. И. и В. И. Древности Приднепровья, вып. 5. Эпоха славянская, 1902, табл. XXIII, № 1016.

³ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 1—12, 136—150, рис. 2 и 3.

Второй браслет найден в слое, образовавшемся после сооружения стены XIV в.¹

Площадь раскопок пока незначительна. Четкость стратиграфии, новизна материала, сохранность деревянных срубов, открытие каменной стены, обилие разнородных находок — все это обязывает к расширению работ.

A. ARCICHOVSKIJ ET B. RYBAKOV

LES FOUILLES DE SLAVNA A NOVGOROD-LA-GRANDE

RÉSUMÉ

Des fouilles ont été exécutées en 1932 et 1934 à Slavna, une des parties les plus importantes de Novgorod-la-Grande. La stratigraphie est très nette. On y distingue trois couches: I (XVII—XX-e siècles), II (XIV—XVII-e siècles) et III (X—XIV-e siècles). Dans cette dernière, on a découvert trois étages de charpentes en bois bien conservées. A l'étage moyen, on a réussi à dégager une isba entière du XII-e siècle avec ses annexes. C'était l'habitation d'un cordonnier; on y a trouvé de nombreux débris de cuir et des chaussures. A côté de l'isba était placée une caisse à chaux pour le dépilage des peaux. Le cordonnier était en même temps tanneur. Non loin de là, on a mis au jour une presse massive pour l'extraction de l'huile de chanvre. Le mur de pierre, lors de l'édification duquel toutes ces constructions en bois ont été ensevelies, a été suivi sur une distance de 48 m déjà. Les chroniques de Novgorod mentionnent qu'un rempart a été élevé en cet endroit en 1335. L'orientation indiquée concorde.

Les objets récoltés dans la couche inférieure sont tous caractéristiques de la vieille Russie. Toute la céramique est du type de la céramique de tumulus. Parmi les autres trouvailles, les bracelets en verre de couleur du XI-e et du XII-e siècles sont particulièrement nombreux. A noter encore des fusaïoles en schiste ardoisier rose, des peignes en os, des crampons en fer pour la marche sur la glace, une hache, une lance, une flèche, un briquet, un sceau de plomb avec marque ressemblant à celle des monnaies de Riazan, deux icônes du XIII-e siècle (l'une en cuivre, l'autre en pierre), une petite masse de cuivre (probablement pour un casse-tête) avec figure d'oiseau, un couteau de cuivre figuré, un fermoir de livre en cuivre, des bracelets en fils métalliques tressés du XIII-e et du XIV-e siècle et des monnaies du XV-e siècle de Novgorod-la-Grande (6 pièces) et de Tver (2 pièces).

¹ Все вещи, найденные за оба года в Новгороде на Славне, хранятся в Гос. Историческом музее в Москве. На них составлены описи. Вещи 1932 г. включены в инвентарь под № 75131, вещи 1934 г. под № 77623.

МЕЛКИЕ СООБЩЕНИЯ

К. М. ПОЛИКАРПОВИЧ

ПЕРВАЯ НАХОДКА МУСТЬЕРСКОЙ ЭПОХИ В БССР

В БССР, равно как в западной Белоруссии, прилегающих к БССР частях РСФСР и северной Украине, не установлено до настоящего времени никаких следов палеолита, относящегося ко времени, предшествующему верхнепалеолитической эпохе. Ближайшими к БССР местонахождениями нижнего палеолита являются пещеры Окенник, над Галёнской и Мамонтова пещера под Краковом (все в Польше), Деркул на р. Северном Донце, Старый Кодак в северной части днепровских порогов. Польский археолог Л. Савицкий указал, как палеолитическое, местонахождение у д. Марьяновки на р. Горыни под г. Ровном (Волынь). Однако, судя по его последней публикации, это местонахождение следует относить к верхнему палеолиту. У Савицкого имеется также краткое сообщение о том, что в районе г. Кременца (западная Волынь) известны нижнепалеолитические находки, причем их стадияльная принадлежность им ближе не определяется. А. Н. Лявданским и Г. Ф. Мирчинком в качестве возможной нижнепалеолитической стоянки называется местонахождение с большим количеством костей *Rhinoceros tichorchinus* у д. Гамкова, недалеко от Смоленска. Однако никаких конкретных данных в пользу этого предположения до сих пор привести нельзя. Кроме костей, иных находок (напр., орудий) из Гамкова пока неизвестно.

В связи со сказанным большой интерес приобретает одна находка палеолитического орудия в юго-восточной части БССР. Около 1929 г. краеведом учителем П. Н. Чайковским это орудие было доставлено, вместе с богатым эпипалеолитическим кремневым материалом, в кафедру (теперь секцию) археологии Белорусской Академии Наук. Среди эпипалеолитических кремней, сохранивших совсем еще «свежий» вид, совершенно неокатанных и покрытых только слабой синеватой патиной, орудие это резко выделялось своей чрезвычайной окатанностью и сильно выраженной буровато-желтой патиной. Автору данной заметки путем переписки удалось в свое время установить приблизительно место находки орудия, а позднее произвести и обследование этого места. Как оказалось, оно было найдено, без фауны и других орудий, на расстоянии около 2 км к северу от местечка Светилович, на правом берегу р. Беседи (левый приток р. Сожа), в уроч.

Каменная Гора, в небольшом овраге, прорезающем южную часть Каменной Горы и выходящем в долину Беседи. Каменная Гора представляет возвышенность, поднимающуюся над уровнем Беседи на 20—25 м. Геоморфологически — это верхняя (вторая) надпойменная терраса. Сложена она белыми древнеаллювиальными песками с примесью не очень частых небольших валунчиков. Таким образом геологические условия места находки не препятствуют отнесению орудия к палеолиту.

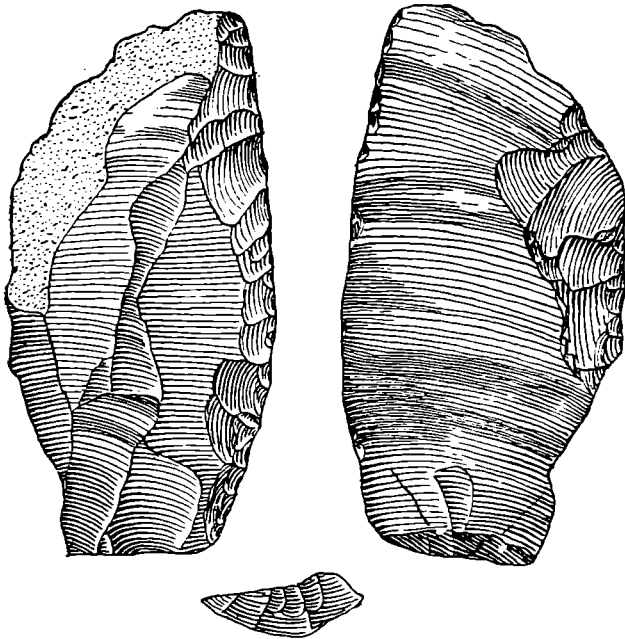

Рис. 1. Мустьерская находка в БССР.

Орудие имеет форму мустьерского остроконечника (рис. 1), приготовленного из массивной кремневой пластины длиной 9.6 см, шириной 4.6 см, при толщине около 1.2 см. Нижняя его сторона представляет совершенно гладкую поверхность с «изъяном» бугорка отбивания. Верхняя сторона обработана не с помощью отжимания, а посредством скалывания и представляет следы нескольких сколов. На верхней стороне сохранился участок корки кремня, совершенно нетронутой обработкой на протяжении 8.7 см. Весь правый край отщепа сверху донизу обработан крупной ретушью. На обороте отщепа, с правой стороны (если смотреть снизу), на протяжении около 4 см имеется несколько небольших широких сколов. Основание орудия представляет неровную фасетированную площадку (см. рисунок) размером 2.5×0.8 см, поставленную в отношении оси орудия не под прямым, а под острым углом и состоящую из нескольких хорошо заметных фасеток.

Все грани сколов и ретуши орудия очень сильно сглажены. Отдельных граней совсем незаметно. Это можно объяснить, вероятно, весьма долгим окатыванием орудия текучими водами. Патина, как уже указано, выражена крайне резко и имеет желто-коричневый цвет. Вся поверхность остроконечника отличается сильным блеском. Между прочим, следует отметить, что среди многих тысяч кремней более позднего времени (эпипалеолит, неолит), собранных до сих пор в Белоруссии, нет ни одного экземпляра с таким характером окатывания и патинизации.

В общем, все приведенные данные о форме и технике изготовления этого орудия дают основание считать его мустьерским остроконечником. Мустьер-

ский возраст его подтверждается не только формой и характером обработки, но и условиями геологического его залегания. Близкое по оформлению орудие (остроконечник) имеется на стоянке в Ильской (см. Zamiatnine, S., Station moustérienne à Ilaskaia. *Revue anthropologique*, vol. 39, 1929, p. 289, fig. 3, 6, 6a). С. Н. Замятнин относит его к группе заостренных скребел (*racloirs pointus*).

К. Я. ВИНОГРАДОВ

ИСПОЛИНСКИЙ ОЛЕНЬ У ДЕР. ЯСНИКОЛЬСКОЕ

(Краткое предварительное сообщение)

Весной 1935 г. после спада воды в р. Аксень, впадающей в р. Мыты (приток Прони), старик-колхозник Шмаев, В. К., дер. Ясникольское, заметил торчащий из воды рог исполинского оленя. Как диковинку он немедленно вытащил его и понес в деревню. Слух дошел до учителя ближайшей школы. Он начал копать на месте находки в самом русле речушки. Набрал он много костей. Из них учитель кое-какие крупные отобрал и взял с собой, но большую часть оставил на берегу. Молва достигла до Сапожковского музея. Оттуда приехали, покопали, набрали костей и уехали. Наконец, Истринский музей Московской области, при непосредственной поддержке НКП, приступил к правильным раскопкам.¹

Для предварительного выяснения геологических условий залегания костей заложена была контрольная траншея на левом берегу р. Аксень, с продолжением через русло ее на правом берегу, на котором заложены были шурфы через торфяник, заходя далеко в поле за него. Таким образом была выяснена геологическая структура места залегания костей. Одновременно геолог Кригер обследовал всю долину р. Аксень.

Раскопки велись в весьма неблагоприятных условиях: часто воды просачивались после снятия торфа и заливали вскрытый участок. Течение р. Аксень приходилось отводить в сторону на сутки и более. Затруднял работу и пльвун. Несмотря на это, удалось изучить вскрытую площадь детально, получив большой костный материал на сравнительно небольшой площади (36 кв. м), с которой уже до наших раскопок было добыто костей более двух возов, отвезенных в г. Егорьевск на завод.

Кости обнаружены у самого истока р. Аксень, где идет усиленный эрозионный процесс. Река вытекает из торфяного болота. Только здесь начинает образовываться русло долины реки. Совсем недавно в этом месте было ровное болото, поросшее ольхой, березой. Теперь все вырублено.

¹ Частично в раскопках участвовали геолог Кригер и зоолог Евтюхов.

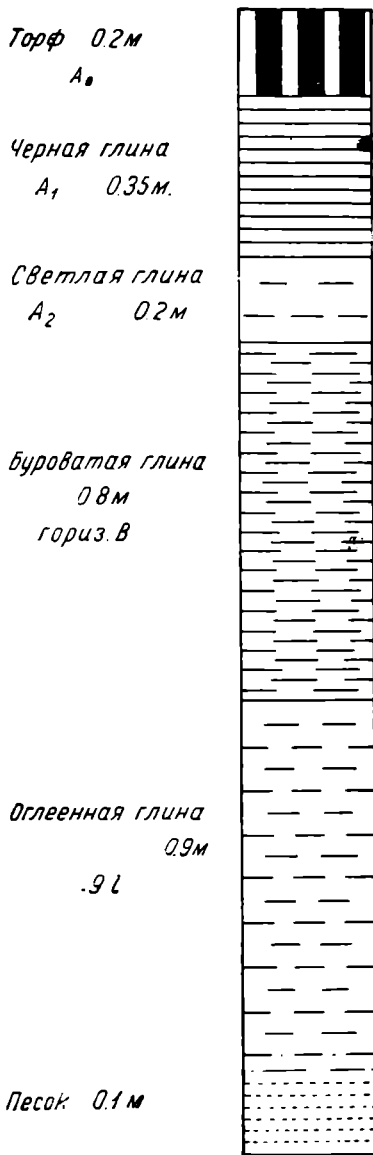

Рис. 1. Колонка четвертичных отложений по краям долины у. дер. Ясниковское.

Детальное изучение долины р. Аксень и места скопления костей животных дало следующую геологическую картину, представленную на чертежах.

I. Колонка четвертичных отложений по краям долины р. Аксень у дер. Ясниковское (рис. 1).

II. Схематический профиль долины р. Аксень (рис. 2). Рис. 3 — план раскопок.

Как видно из чертежей, залегание костей наблюдается ниже торфа¹ в древнеаллювиальной глине, вверху черной, внизу — светлосерой, которую подстилает древнеаллювиальный песок; на последнем в верхней части обычно лежат кости. Под этим слоем идут меловые отложения.

Все кости расположены в беспорядочном виде. Анатомического положения костей абсолютно не наблюдается. Рядом с костями исполинского оленя лежат кости лося, лошади.

Пока установлены кости следующих животных:

- 1) исполинского оленя (подавляющее большинство);
- 2) лося (занимают второе место по количеству);
- 3) лошади;
- 4) черепахи.

Помимо этого, собрано много костей птиц. Всего раскопано более 800 костей; некоторые из них мы даем здесь в рисунках.

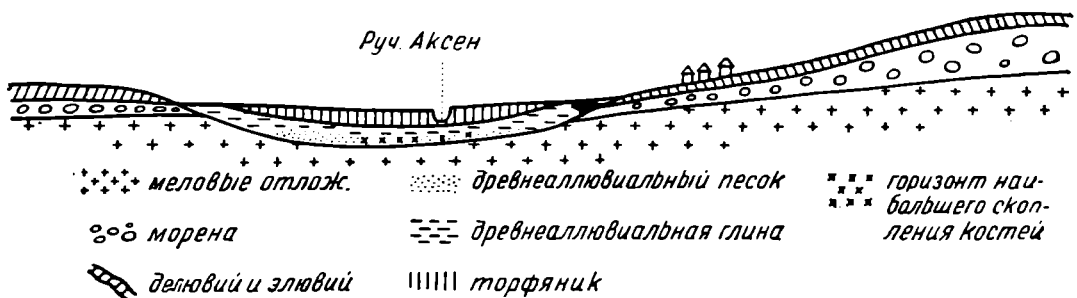

Рис. 2. Схематический профиль долины р. Аксень у дер. Ясниковское.

¹ Состав торфа изучается.

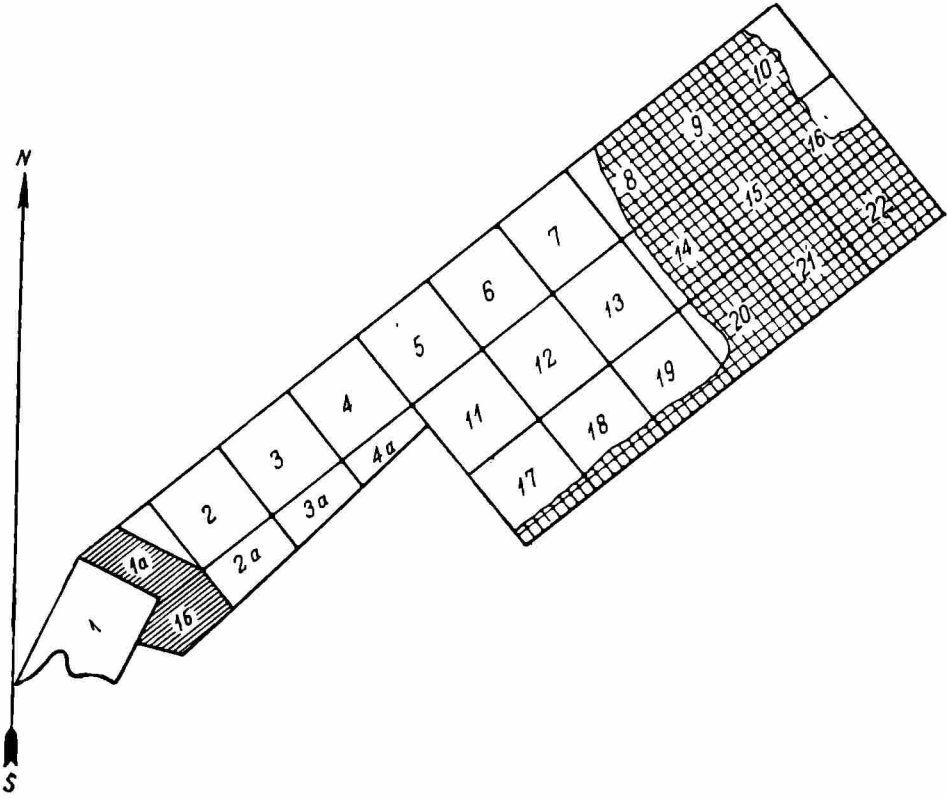

Рис. 3. План раскопок залегания костей исполинского оленя у дер. Ясниковское.

Рис. 4. Череп исполинского оленя.

На рис. 4—6— черепа оленя, на рис. 7— черепа лося, на рис. 8— череп лошади, на рис. 9— челюсть исполинского оленя, на рис. 10— тазовая кость исполинского оленя.

Рис. 5—6. Черепа исполинского оленя.

Рис. 7. Черепа лося.

На ряду с костями этих животных найдены шилья (?) из кости. Вместе с тем найдено два кремневых орудия: одно большее орудие найдено в торфе на глубине 70 см. Это орудие непосредственно увязывать с костями не приходится, так как они лежат значительно ниже. К тому же оно встречено в некотором отдалении от места скопления костей. Другое орудие, в виде обломка кремневой пластинки, находилось среди скопления костей.

Учитывая характер залегания костей диких животных и наличие орудий, мы приходим к выводу, что эти остатки связаны с древним человеком, обитавшим в этой местности. В виду отсутствия пока достаточного материала для обсуждения времени обитания здесь человека, мы воздерживаемся от датировки. Геологические условия залегания описанных находок говорят в пользу их большой древности. Столь ранние следы человека пока еще не отмечались наукой в пределах Московской области. Не знаем мы другого места в республике с таким обилием костей исполинского оленя. На костях нет и следов окатывания. Это говорит за то, что мы имеем дело с первоначальным местом залегания костей. Вблизи этих отбросов следует искать самое место обитания человека. В 1936 г. исследование памятника продолжается.

Рис. 8. Череп лошади.

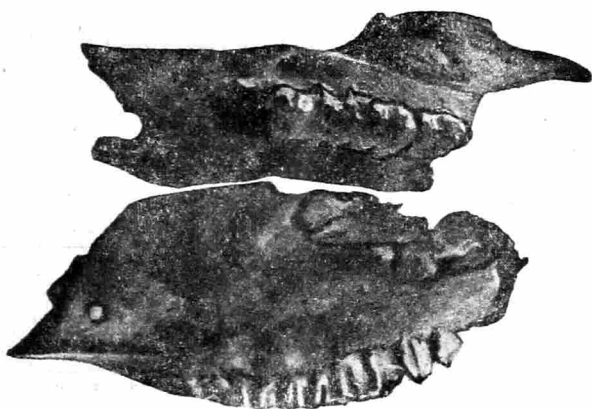

Рис. 9. Челюсть исполинского оленя.

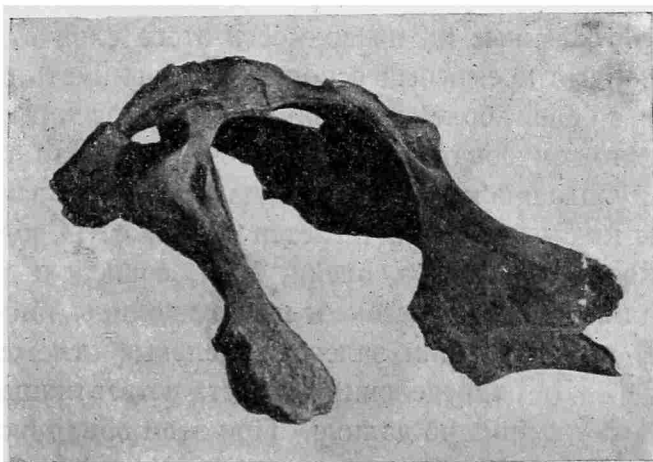

Рис. 10. Тазовая часть исполинского оленя.

Н. КРИГЕР

ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЗАЛЕГАНИЯ ИСКОПАЕМЫХ КОСТЕЙ У ДЕР. ЯСНИКОЛЬСКОЕ

В настоящей заметке дается краткая геологическая характеристика окрестностей дер. Ясниковское Ухоловского р-на, где наблюдалось скопление костей, м. б. связанное с деятельностью человека.

Ясниковское расположено на краю широкой, но неглубокой долины ручья Аксен, притока р. Мостьи. Вдоль долины протягивается торфяник, имеющий по древнему тальвегу мощность до 2 м и более и к краям постепенно выклинивающийся. Современный тальвег долины в деталях не совпадает с древним, то врезаюсь в участки с мощной толщей торфа, то обнажая краевые части древней долины, где торф имеет небольшую мощность. В нижней части торфа расположен прослой из древесных остатков (стволы и сучья).

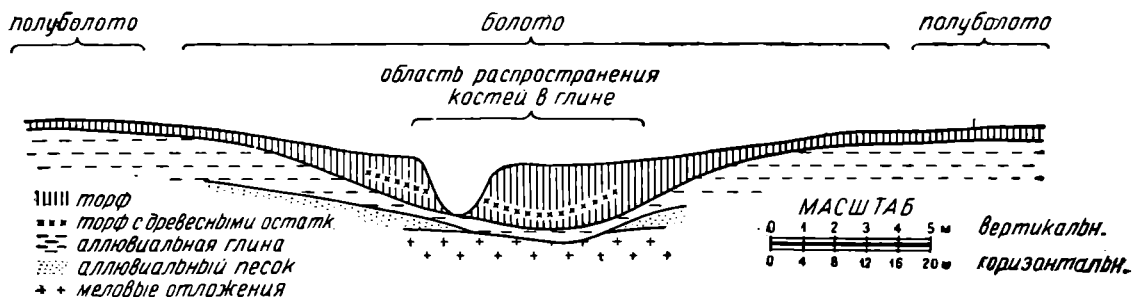

Рис. 1. Геологический профиль через местостоянки у д. Ясниковское.

Встреченные на поверхности этого слоя отдельные косточки и ретушированный кремневый осколок должны иметь отличный от основного культурного слоя, более молодой возраст. Под торфом залегает аллювиальная серовато-голубоватая и серовато-зеленоватая оглеенная глина. По тальвегу долины она имеет небольшую мощность и даже иногда выклинивается вовсе, к краям же увеличивается до 1.5 м. В области тальвега глина содержит кости гигантского оленя, лося, лошади и других животных. Ниже лежит аллювиальный песок, к центру долины также местами выклинивающийся. В его основании залегают меловые отложения.

Для определения возраста четвертичных отложений пришлось проследить их вниз по долине. При этом обнаружилось, что описанный аллювий переходит ниже по долине в аллювий II террасы. За железнодорожным мостом развита и современная II терраса. В строении этой последней принимают некоторое участие, на ряду с аллювием, также красящие вещества и торф, являющийся продолжением вышеописанного. Из этого делается очевидным, что в разрезе у дер. Ясниковское торф синхроничен I террасе, а нижележащий аллювий является аллювием II террасы.

К аллювию II террасы наших рек приурочены палеолитические стоянки (см. Мирчинк, Тр. II конф. АИЧПЕ, V). Это заставляет думать, что основной слой находок у дер. Ясниковское, залегающий в верхнем горизонте древнего аллювия, относится к тому же времени. При этом отсутствие костей мамонта и носорога, повидимому, говорит за более поздний его возраст. Отмеченные следы инвентаря в низах торфа, вероятно, принадлежат мезолиту. Более молодой (неолитический) возраст этих последних остатков мало вероятен по следующим соображениям. В известной стоянке у с. Льялова торф также синхроничен аллювию I террасы (см., напр. Куфтин, Тр. Общ. иссл. Ряз. края, вып. 5, 1925). Культурные остатки там расположены в средней части торфа и принадлежат атлантическому времени (см. Доктуровский, Тр. Антроп. инст., вып. 1, 1925). В нашем же случае они, как сказано, расположены в низах торфа, т. е. являются более древними, чем раннеолитическая культура Льялова.

Очередной задачей дальнейших исследований геологии культурного слоя является составление пыльцевых диаграмм торфа и выяснение возраста стоянки по схеме Сернандера. Вероятно, упоминавшийся прослой древесных остатков относится к бореальному периоду, и основной слой находок дер. Ясниковское окажется соответственно древнее.

Настоящая заметка представляет резюме моего отчета по геологии окрестностей дер. Ясниковское, хранящегося в виде рукописи в Московском областном музее в г. Истре.

Торф 1,15 м

Торф с древесными остатками и редкими косточками 0,35 м

Торф с редкими косточками 0,4 м

Основной культурный слой: глина вверху черная, внизу светлосерая с костями 0,5 м

Песок аллювиальный

барремский ярус

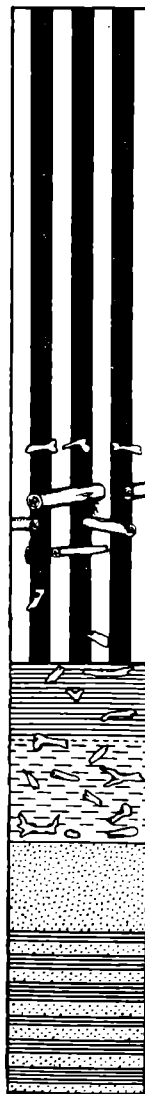

Рис. 2. Колонка четвертичных отложений по краям долины у д. Ясниковское.

Е. А. БАЙБУРТЯН

НОВЫЕ НАХОДКИ КАМЕННОГО ВЕКА В АРМЕНИИ

Литература о каменном веке в Армении невелика и содержит пока еще противоречивые сведения. Некоторые отрицают существование палеолита и неолита в Армении, другие, напротив, некритически относят поздние памятники к эпохе камня.

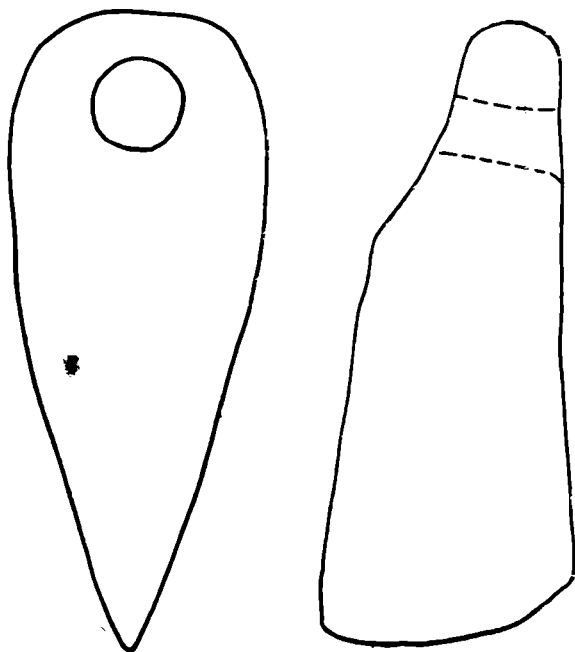

Рис. 1. Каменный сверленный топор. $\frac{1}{2}$ н. в.

Так, например, в 1925 г. А. Калантар объявил (правда, в газетной заметке) найденный около I гидростанции человеческий череп неандертальским. После статьи Б. Н. Вишневого¹ не остается сомнения в ошибочности этого определения. В 1924 г. в своей статье «Каменный век в Армении» А. Калантар отнес к неолиту наиболее ранние мегалитические памятники Арагаца. На стр. 226 он пишет: «Таким образом, преобладающее большинство памятников Арагаца является непременно изделием каменного века». Ни один из мегалитических памятников, насколько мне известно, у нас не подвергался раскопкам. Определение А. Калантара остается только предположением. Следует иметь, между прочим, в виду, что и на Западе большую часть мегалитических памятников в последнее время относят ко времени III—II тысячелетия до н. э., т. е. уже к металлическому периоду.

В 1931 г. объявил об открытии двух неолитических некрополей в Эларе и Шреш-Блуре Е. Лалаян.² В действительности, как мне удалось установить, оба памятника являются не некрополями, а древними местами поселений, относящихся, примерно, к эпохе халдов (начало I тыс.) Не являются неолитическими и кульпинские топоры Полякова, изданные Шантром в первом томе «Recherches anthropologiques dans le Caucase».

Среди авторов, признающих существование каменного века в Армении, кроме Лалаяна, можно назвать Хачика Самуэляна. В своей книге³

¹ Б. Н. Вишневский. Палеоантропологическая находка близ Эривани. Сов. этн. № 5, 1934.

² Ерванд Лалаян. Раскопки курганов в Советской Армении, 1931.

³ Х. Самуэлян. Культура древней Армении, т. I, Каменный век (на армянском языке), 1931.

ни к эпохе камня. Так, например, в 1925 г. А. Калантар объявил (правда, в газетной заметке) найденный около I гидростанции человеческий череп неандертальским. После статьи Б. Н. Вишневого¹ не остается сомнения в ошибочности этого определения. В 1924 г. в своей статье «Каменный век в Армении» А. Калантар отнес к неолиту наиболее ранние мегалитические памятники Арагаца. На стр. 226 он пишет: «Таким образом, преобладающее большинство памятников Арагаца является непременно изделием каменного века». Ни один из мегалитических памятников, насколько мне известно, у нас не

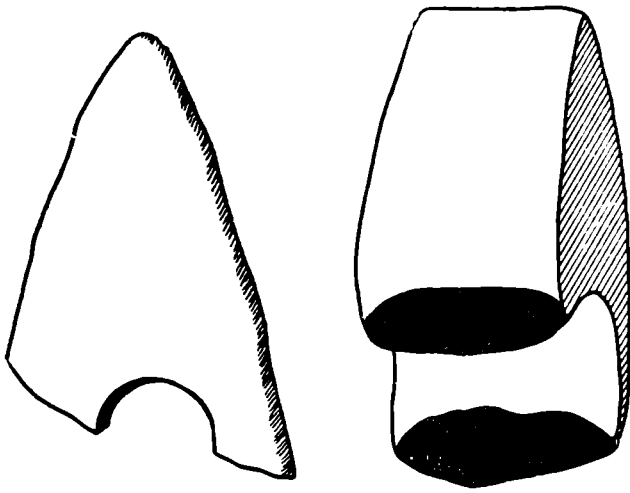

Рис. 2. Фрагмент каменного сверленого топора.
 $\frac{1}{2}$ н. вел.

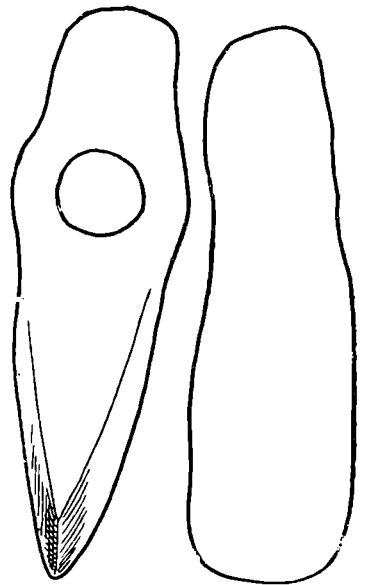

Рис. 3. Каменный топорик.
 $\frac{1}{2}$ н. в.

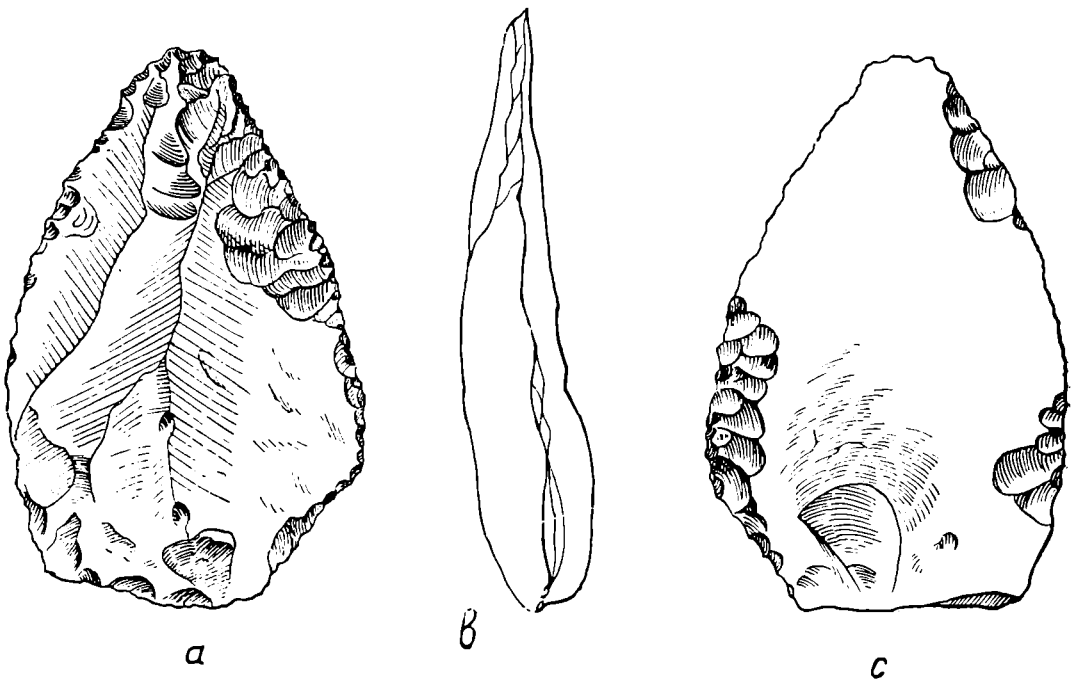

Рис. 4. Obsидиановый остроконечник. $\frac{2}{3}$ н. в.

он дает сводку всех изданных находок каменных орудий и палеоантропологического материала. По мнению Х. Самуэляна, в Армении имеется огромное количество неолитических стоянок. В мою задачу не входит полемика с Х. Самуэляном и критика его взглядов. Отмечу лишь, что Х. Самуэлян в своей работе не приводит ни одного факта находки полированного или сверленого каменного орудия и ни одного законченного либо характерного орудия для палеолита.

Ж. де-Морган в своем труде¹ пишет: «Все, что мы можем сказать утвердительно, это то, что в Закавказье, кроме Алагеза, да и там еще сомнительно, не найдено следов археолитической индустрии». В общем, он отрицает возможность обитания в Армении палеолитического человека. Что касается неолита, то он говорит,² что ему также неизвестно присутствие чистого неолита в районе Кавказа, неизвестны неолитические мастерские, кроме Алагеза, и при этом приводит ряд обсидиановых орудий «мустьерской» и «мадленской» эпох, орудий, найденных им в районе Арагаца (Бугути-Даг и др.).

Соглашаясь с тем, что одиночная находка еще ничего не доказывает, ниже я даю сведения о четырех случайных находках, сделанных в этом году в различных местах Армении.

I. Каменный сверленный топор (рис. 1). Найден был случайно в районе Сел. Кети, размером в длину около 16 см. Хранится в Ленинанканском музее.³

II. Фрагмент каменного сверленного топора (рис. 2). Найден в районе сел. Ганлиджа. Хранится в Гос. историческом музее Армении.

III. Темнозеленый топорик (рис. 3), беспаспортный, получен из Вагаршапатского музея, куда вещи поступили из окружающих районов. Все три находки представляют, по моему мнению, наиболее типичные неолитические орудия, по сравнению с теми, о которых до сих пор говорилось в печати. Ни один из пунктов находок археологами еще не обследован, так что вполне возможны в данных районах и новые находки.

IV. Четвертой находкой 1935 г. явился обсидиановый остроконечник (рис. 4), найденный инструктором Отдела охраны памятников при Институте истории и литературы Мисаком Гукасьяном у сел. Маймуджук, на глубине 6—7 м в обрыве. Остроконечник по технике обработки, по форме и величине вполне, как мне кажется, подходит к мустьерским остроконечникам. Во всяком случае, находка заслуживает того, чтобы соответствующее место было обследовано специалистом. Если мое предположение окажется правильным, то, возможно, мы будем располагать данными о первой палеолитической стоянке Армении.

Следует упомянуть, что на территории Армении известны палеонтологические находки, например, зуба *Elephas primigenius*, *E. trogonterii*. Подобные находки делаются почти ежегодно в районе б. Казачьего поста около Ленинанкана.

---

¹ J. de Morgan. Préhistoire orientale, т. I, стр. 178.

² Там же, том III, стр. 84.

³ Зарисован мною во время кратковременного пребывания в музее.

Е. А. БАЙБУРТЯН

ПО ПОВОДУ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ ИЗ ШРЕШ-БЛУРА

В 1931 г. Е. Лалаян произвел раскопки на холме, известном под названием «Шреш-Блур». Окончив раскопки, он объявил, что холм является некрополем неолитической эпохи. Действительно, материал из Шреш-Блура преимущественно состоял из каменных орудий, пестиков, терок и ступок. Однако среди них не было ни одного сверленого или полированного орудия. Вызывало удивление, что в привезенном Лалаяном материале совершенно отсутствовала глиняная посуда. В вышедшей в 1931 г. своей работе¹ он даже не упомянул, была ли керамика на холме или нет. Оставалось только предполагать, что он оставил ее на месте. По поводу раскопок он пишет: «Раскопки показали, что этот холм служил некрополем, начиная с неолита до железного века. В верхнем слое найдены были железные вещи, в среднем бронзовые, а в нижнем каменные предметы».

Так как до сих пор ни погребений ни поселений, относящихся к неолитической эпохе, в Армении не было известно, и так как обычно для изучения того или иного археологического комплекса керамика играет большую роль, то отсутствие ее в Шреш-Блуре вызывало большое недоумение. В 1927 г. Лалаян производил раскопки в Эларе. Здесь, на гумне гр-на Сарксьяна, он исследовал небольшой участок и нашел массу каменных пестов, терок, костяных проколов и много фрагментов глиняной посуды. По поводу раскопок на гумне он в той же книге пишет: «Таким образом... мы пришли к тому заключению, что гумно Сарксьяна в неолитическую эпоху было некрополем». Дальше он продолжает: «Достойно внимания то, что почти вся глиняная посуда и даже некоторые молотки и терки были разбиты».

Для объяснения этого обычного на стоянках явления он приводит... скифский обычай хоронить вещи усопшего в поломанном и разбитом виде. Как и на холме Шреш-Блур, он усмотрел и здесь некрополь неолитической эпохи. Надо сказать, что в 1928 г. на этом же самом месте я произвел, по поручению Комитета охраны древностей вторично раскопки. Если Лалаяном была вскрыта всего только узенькая траншея (1½ м шириной и 15 м длиной), то мною была раскопана площадь в 42 кв. м, т. е. около 1/3 всего гумна.

Раскопки показали, что ни о каком некрополе говорить не приходится. За все время раскопок мною не было найдено хотя бы пережженной человеческой кости. Вскрытые Лалаяном бочкообразные помещения с золой являются не могилами, а зерновыми ямами. По всей площади мною были просле-

¹ Ерванд Лалаян. Раскопки курганов в Советской Армении. Ереван, 1931, стр. 61 (на армянском языке).

жены два культурных слоя с находками костей животных (овца, бык, лошадь), очагом и тому подобными остатками, характеризующими поселение. Лалаян в своей работе говорит о находке каменной базы с изображением вишапа и делает замечание, что, повидимому, она была положена позднее. В 1928 г. мною было выяснено, что Лалаян на этом месте разрушил стену квадратного каменного здания, построенного выше нижнего культурного слоя. Найденная им база от колонны находилась внутри этого здания, в 4 м от его угла, где мною была найдена еще вторая база от колонны.

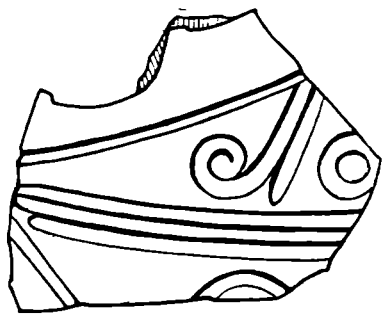

Рис. 1. Фрагмент глиняного сосуда из Шреш-Блур. Разм. 10×8 см.

Все эти факты показали, что Лалаян ошибочно принял место поселения за некрополь. Отсюда его недоразумения и догадки.

Характерно, что об эларской керамике он говорит: «Рисунки 11, 12, 13 показывают, что в неолите орнамент был тот же, что и в бронзовый и железный век». Действительно, было бы странно не признать в ней керамику эпохи металла. В своей статье «Псевдонеолитические поселения Армении»¹ я на целом ряде фактов доказал, что Эларская стоянка никак не могла относиться к неолиту.

В той же статье, на основании сходства эларских каменных орудий с шреш-блуровскими, я определил, что «культура» Шреш-Блура должна быть аналогична эларской «культуре». Однако отсутствие керамики из Шреш-Блура ставило эти выводы под сомнение.

В декабре 1935 г. мне удалось обследовать холм Шреш-Блур. Он представлял собою уже остатки холма диаметром в 123 м. Центр его был весь раскопан и сравнен до уровня пашни, и только по окружности еще осталось нетронутое кольцо — остатки подошвы холма, достигающие местами 3 м. В свое время он мог достигать около 10 м в высоту. Кое-где по окружности видны были следы стен в виде огромных необработанных камней. Ни в обвале холма, ни на площади, нигде не удалось обнаружить никаких следов человеческих костей. Напротив, в обвале был ясно виден мощный культурный слой с фрагментами посуды и костей животных и в двух местах — следы очага с остатками может быть «тондира». Вся площадь густо была покрыта фрагментами черной керамики и каменными терками. Это обследование окончательно подтвердило выводы о том, что здесь мы имеем дело с поселением, а не с некрополем. О Шреш-Блуре у Моисея Хоренского читаем: «Отделился юный Вардгес, отправился из области Туха к Касах-реке, пришел, поселился на Шреш-холме, близ города Артимада у Касах-реки».

По мнению С. Тер-Акопяна, Моисей Хоренский говорит здесь о другом Шреш-Блуре. Как бы то ни было, следы пребывания армянского леген-

¹ Проблемы Истории материальной культуры, 1933, № 1—2.

дарного царя, жившего будто бы за 24 500 лет до нас на этом холме, не могут относиться к неолитической эпохе.

Что касается керамики Шреш-Блура, то я нашел, что она имеет почти полное сходство с керамикой из нижнего слоя Элара. Здесь обнаружен хотя и более богатый, однако тот же самый орнамент, та же черная, блестящая (как бы покрытая лаком) посуда, с теми же круглыми, миниатюрными ручками, те же подставки под сосуды и т. д. (рис. 1).

Интересно, что такая керамика из погребений нам пока не известна. Орнамент этой керамики преимущественно геометрический. Имеются спирали, концентрические круги, лесенки и просто фигуры. Весь он выполнен

Рис. 2. Кюль-тапа.
Разм. 6×4 см.

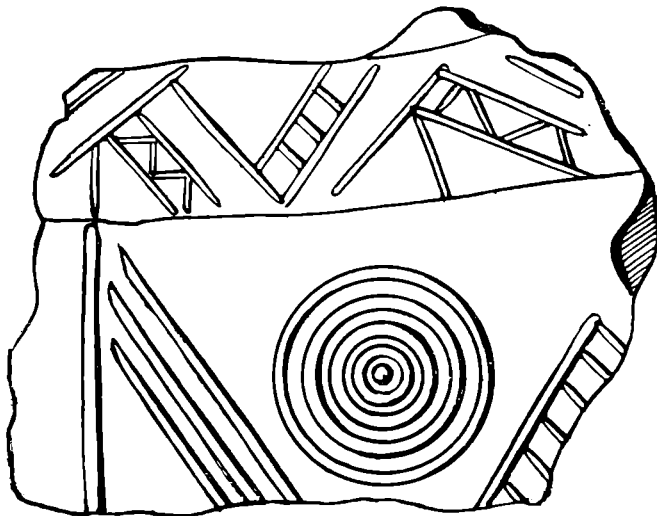

Рис. 3. Фрагмент от большого сосуда из Кюль-тапа.
Разм. 16×13 см.

помощью одной и той же техники. Орнамент вырезан по сырой глине узкой полоской (3—5 мм) полукруглым долотцем (для этого могла служить птичья косточка, расколота вдоль). Располагался орнамент свободно по всему корпусу сосуда, всегда соблюдая некоторую симметричность. В собранном материале преобладают горшечки с одной круглой ручкой. Различаясь по величине, они остаются одинаковыми по форме. Дно, как правило, узенькое, с круглой выемкой, как бы от вдавления большого пальца руки. Ручки, за малым исключением, широкие, круглые. На миниатюрных горшечках они заменяются ложными ручками; удерживая внешне ту же форму, они превращаются в наlepные шишечки. Характерно, что среди глиняной посуды из Шреш-Блура некоторые сосуды не черного цвета, а красного, но имеют один и тот же орнамент и одну и ту же форму. Красных черепков встречается значительно меньше, чем черных. Можно предполагать, что красная керамика представляет результат иной выработки или обжига. Из другой керамики, найденной на поверхности холма в незначительном количестве, интересны черепки, весьма схожие с ванской керамикой. Имелась керамика и более позднего типа из красной глины со щипным орнаментом.

Одновременно с осмотром стоянки Шреш-Блур мною был обследован холм под названием Кюль-тапа. Он расположен в 4 км к югу от Вагаршапата, т. е., примерно, в 7 км от Шреш-Блура. Этот холм, еще совершенно нетронутый, если не считать небольшой выемки со стороны Вагаршапата, имел уплощенную вершину, образующую круглую площадку диаметром от 65 до 70 м. Никаких следов стен обнаружить не удалось. Вся поверхность его была покрыта фрагментами глиняной посуды и каменными пестиками, терками и т. п. Керамика и орудия оказались тождественными, как бы вышедшими из одной мастерской с материалами из Шреш-Блура (рис. 2, 3, 4). Мне удалось подобрать глиняное изваяние козла (?) с круглой ручкой на спине, стоящее на четырех толстых ногах.

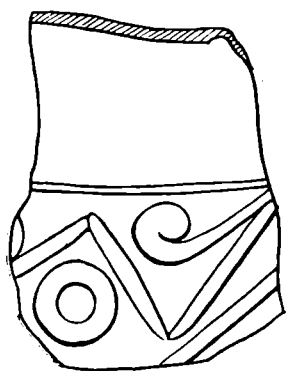

Рис. 4. Кюль-тапа. Фрагмент красной керамики. Разм. 9×7 см.

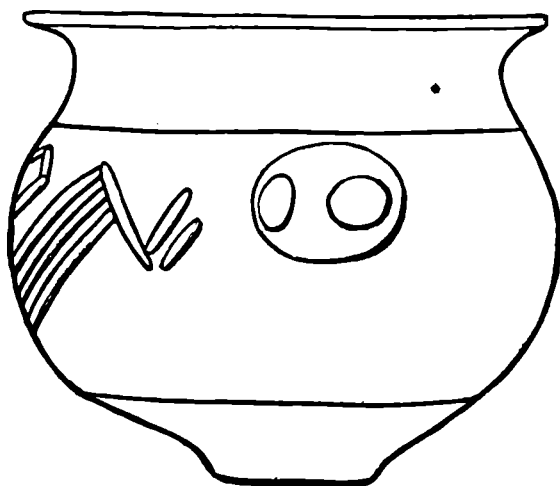

Рис. 5. Беспаспортный сосуд из б. Эчмиадзинского музея типа «Шреш-Блур». Разм. 14×12 см.

Точно такой же и по форме и по величине предмет известен из Шреш-Блура. Таким образом это обследование дало нам еще одно — по счету третье — поселение с оригинальным комплексом находок, общим с Шреш-Блуром. На основании тождественности глиняной посуды сюда же можно отнести район сел. Франганоц (Вагаршапатского р-на). Полученная в свое время в Вагаршапатском музее большая коллекция беспаспортной керамики типа Шреш-Блура теперь получила приблизительный паспорт, так как в Вагаршапатский музей поступал материал только из окружающих его селений (рис. 5). Что касается материалов из Муханнат-тапа, где летом 1935 г. мною были произведены предварительные раскопки, то они дали памятники иного характера. Каменные орудия, правда, здесь те же, что и в Эларе и Шреш-Блуре, но керамика здесь иная. Раскопки 1936 г. там же дали три культурных слоя. Нижний с характерной монохромной расписной керамикой, средний — с характерным халдским материалом и темной посудой и верхний, датированный эллинистическим временем.

Интересно, что здесь не найдено ни одного черепка посуды с круглыми ручками и с характерным для Шреш-Блура орнаментом. Темная керамика из нижнего и среднего слоев здесь аналогична с керамикой, встречающейся в погребениях с бронзой и железом. Блестящей керамики эларского типа здесь найдено было всего 2—3 черепка.

Элар, более отдаленный от Шреш-Блура, имеет с ним больше общих черт, чем Муханнат-тапа. Это объясняется тем, что, повидимому, Муханнат-тапа моложе Элара (объяснять этот факт социальным различием Элара и Муханнат-тапа у нас пока нет данных).

В своей работе Эларскую стоянку мы датировали IX—VII вв., определяя ее в качестве городского поселения эпохи халдов. Теперь мы можем внести поправку. Эпохой халдов в Эларе надо датировать верхний слой с остатками квадратного здания, а не нижний. Если Муханнат-тапа мы отнесем к XV—XIII вв., то Элар и Шреш Блур, соответственно, будут датироваться XX—XVIII вв.

Однако мои раскопки 1936 г. Шингавитского городища (близ Еревана) дали ту же керамику типа Шреш-Блур, с богатой каменной (сверленный молоток), кремневой (пилки) и костяной (проколки) индустрией, при незначительном количестве бронзы. В результате мы принуждены отодвинуть эти культуры к еще более древней эпохе.

К. М. ПОЛИКАРПОВИЧ

НОВАЯ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА В БАССЕЙНЕ Р. ДЕСНЫ

(Дер. Юдиново, Погарский р-н Западной обл.)

В Ц. О. «Правда» за 8 октября 1934 г. (№ 278), было напечатано сообщение о находке скелета мамонта в Погарском районе Западной области. Обращая внимание Гос. Академии истории материальной культуры на это сообщение, я указал на необходимость немедленного изучения места находки, происходящей из района, расположенного в бассейне р. Судости, на которой уже в двух пунктах (дер. Елисеевичи, Почепского р-на, и д. Курово, Погарского р-на) мною в 1930 г. были установлены следы палеолита. ГАИМК мне было поручено обследовать место находки.

Обследование было проведено 17—18 октября 1934 г. При обследовании оказалось, что находка имела место в колхозе «Первомайском» (ранее поселок Селище) к югу от дер. Юдинова, на расстоянии около 14 км на север от мест. Погара. Здесь около 1 сентября 1934 г. при рытье колхозного погреба для картофеля были обнаружены в большом количестве кости мамонта.

Дальнейшие работы на этом месте были, по распоряжению РИК'а, прекращены, а яма для колхозного погреба была вырыта в другом месте.

Место, на котором были обнаружены в ямах кости, расположено среди поселка, на правом берегу р. Судости, между рекой и дорогой, на огородах, на расстоянии от реки около 110 м и от дороги около 30 м. Река здесь протекает с севера на юг. Берег над Судостью поднимается до высоты 4 м и занят нижней надпойменной террасой, покрытой делювиальным лёссом. В обнажениях берега всюду выступает только желтый лёссовидный суглинок, перекрытый слоем черной перегнойной почвы, толщиной около 0.5 м. Только в одном пункте, как раз против места находок, из-под суглинка выступает, подымаясь от уровня реки до 0.6 м, синевато-серый среднезернистый песок. Морены и валунов здесь нигде не заметно.

Несколько южнее, на расстоянии около 1.5 км, в северной части дер. Голешовки, эта терраса целиком сложена аллювиальными песками.

Метрах в 60—70 от берега долины, против места находок, описанная терраса отделяется пологим уступом около 2—3 м высоты от более высокой террасы, которую можно рассматривать как верхнюю надпойменную террасу. Она сложена с поверхности лёссом. Высота террасы над уровнем реки, как показала моя упрощенная нивелировка, — около 11 м.

Место находок занимает не самое высокое положение у реки. В северной части поселка замечается подъем, превышающий место находок метра на 2. Еще далее на запад и юго-запад, на расстоянии около 1—1.5 км от колхоза, тянутся высоты, которые представляют, повидимому, край плато.

Яма (раскоп № 1), предназначавшаяся колхозом для погреба и расположенная в 101 м от обрыва берега к реке и в 110 м от самой реки, оказалась в момент осмотра еще открытой. Ее размеры: длина (приблизительно запад—восток) — 6.85 м, ширина — 4.60 м, глубина — в среднем 1.50—2.00 м. Наименьшую глубину — около 1.5 м — имела яма в северо-восточном и северо-западном углах, вдоль северной и около середины южной стен. Посреди ямы и в юго-восточном углу глубина ее достигала 2 м. На этом уровне в яме всюду выступали большие кости (повидимому, мамонта). Часть их уже была вынута из земли и разбросана по яме; тут на поверхности лежал небольшой зуб мамонта.

В юго-восточном углу ямы мною была вскрыта сверху (частично) небольшая площадь — в 2 кв. м. При срезывании ножами породы (лёсс) между костями были обнаружены углистые прослойки с мелкими обломками пережженных костей. Здесь же было найдено несколько патинизованных обломков кремня. В самом углу была прорыта между костями ямка, которая показала, что кости здесь залегают на глубине (от поверхности) 2.10—2.60 м.

В юго-западном углу на площади в 1 кв. м был обнаружен только один обломок кости на глубине 1.90 м. На глубине 2.45 м костей здесь уже не найдено.

Разрез западной стены раскопа показал следующую последовательность слоев:

1) почва (чернозем); толщина слоя	0.14 м
2) серый лёсс	0.21 »
3) светлосерый лёсс	0.28 »
4) светложелтый типичный лёсс с костями и кремнями в нижней части	1.37 »

В 6 м западнее этого раскопа (№1) колхозом была вырыта новая яма таких же размеров (раскоп № 2), в которой также натолкнулись на кости. Последние не были тронуты и остались в дне погребка. Повидимому, слой, содержащий кости и, вероятно, кремни, в этом погребке остался нетронутым.

В старом погребке (раскоп № 3), расположенном в 8 м на северо-запад-запад от раскопа № 1 и имеющем глубину не менее 2 м, костей, по полученным сведениям, не было обнаружено.

При рытье расположенного в 29 м на юго-запад от раскопа № 1 погребка (раскоп № 4) одного из колхозников были найдены в значительном количестве кости и кремни. Глубина этого погребка около 2 м.

С целью выяснить характер залегания костей к востоку от раскопа № 1 мною в 20 м от него на склоне к нижней террасе был заложен шурф (раскоп № 5) размером 2 м (запад—восток) × 1 м, при глубине 3.0 м. Разрез в этом шурфе такой:

1) почва (чернозем); толщина слоя	0.5 м
2) светлоричный лёсс, внизу с прослойками оргзанда	0.5 »
3) желтый лёсс	2.0 »

У западной стены раскопа были найдены: скребок на конце массивного кремневого отщепка, два обломка кремневых пластинок, три обломка кремня, обломок кости какого-то крупного животного, обломок кости очень мелкого животного, два обломка пластинки зуба мамонта.

Все указанные данные говорят за то, что в этом месте (раскопы №№ 1, 2, 4, 5) залегает «культурный слой» стоянки, относящийся, как показывают найденные кремни, к верхнему палеолиту. Пространство, занимаемое стоянкой, можно определить, по меньшей мере, в 1400—1500 кв. м.

Низ костеносного слоя в раскопе № 1 залегает на высоте около 7.5—8.0 м над уровнем Судости, в раскопе № 5, расположенном на 20 м ближе к реке, всего только на высоте 5 м. Таким образом площадь стоянки имеет значительный уклон к востоку, в сторону реки. Это, как кажется, показывает на то, что раскоп № 5 расположен на перегибе от верхней террасы к нижней и что где-то за раскопом № 5, к востоку (т. е. к реке), под лёссом погребка нижняя терраса. Здесь наблюдается заметное увеличение к востоку мощности слоя лёсса над костеносным слоем, достигающей в раскопе № 1 — 2.00—2.10 м, в раскопе № 5 — 2.85 м (разница около 0.75—0.85 м).

Южнее места стоянки находится лощина, идущая с северо-запада на юго-восток и незаметно сливающаяся с нижней террасой. Можно пред-

полагать, что эта лощина представляет замаскированный позднейшим делювиальным процессом овраг или балку, на северном берегу которой и была расположена стоянка. Если бы это предположение оказалось правильным, то данная стоянка не представляла бы исключения в отношении того факта, что все верхнепалеолитические стоянки восточной Европы обычно связаны в своем расположении с берегом долины и с берегом оврага (Бердыж, Юровичи, Мезин, Костенки, Тимоновка и др.).

В расстоянии 200 м приблизительно на запад от раскопа № 1, уже по другую сторону указанной лощины и гораздо далее — приблизительно в 300 м — от берега реки, на горе, находится колхозное гумно. В нем при рытье ямы для овина лет 9 назад, т. е. около 1927 г., были найдены кости и много кремней. При осмотре этой ямы (раскоп № 6) наблюдалась та же картина, как и в остальных, описанных уже выше, выемках. На глубине около 2.5 м в северной стене (длина ее 2.85 м) ямы прослеживался в лёссе слой чистого песка, в среднем около 0.15 м толщиной, содержащий кости и кремни. Здесь найдена грубая кремневая пластинка, обломок микролитической пластинки, обломок пластинки с ретушью, два кремневых отщепка, обломок ребра мамонта, обломок корня зуба мамонта, двенадцать мелких обломков костей, большей частью пережеванных. С чем в данном случае мы имеем дело: с новым обнажением уже описанной выше стоянки или же с совсем отдельной, самостоятельной (также верхнепалеолитической) стоянкой, должны показать дальнейшие исследования, которые выяснят однородность или разнородность культур в обоих пунктах.

Со вторым пунктом, повидимому, связана и еще одна находка — во дворе В. И. Сергеенко. Этот двор расположен в 125 м на юго-восток от гумна, на запад от дороги и на юго-запад от места раскопов №№ 1—5. По словам Сергеенко, при рытье здесь погребца в верхней его части была найдена громадная кость, которую затем выбросили к реке (раскоп № 7).

В связь с нахождением костей на первом пункте (раскопы №№ 1, 2, 4, 5) можно, повидимому, поставить находки в прежние годы костей в реке Судости как раз против погребов, а также и несколько ниже по течению реки. Относительно этих находок я в своем «Отчете (ГАИМК) об археологическом обследовании в Клинцовском и Брянском округах, Западной области, в 1930 г.» отметил следующее: «Пос. Селище, южнее Юдинова (правый берег Судости). Около 1924 года здесь был вытасен из реки большой бивень мамонта, приобретенный после Художественно-историческим музеем в Гомеле и хранящийся там в настоящее время. У одного из граждан этого поселка, Ив. Вас. Лазаренко, теперь мною осмотрены кости, также найденные в реке: небольшая нижняя челюсть (мамонта), местами бурого, местами черного цвета, и две кости ступы. Кроме того, по словам Лазаренко, были еще какие-то «зубы и части от колена (чашка). Кости обнаружены случайно, саженьях в 2 (метрах в 4) от берега и шагах в 400 ниже места описанной находки бивня (уроч. «Окопная Плавля»»).

При обследовании было добыто во всех раскопах небольшое количество предметов (всего 15 кремней, немного костей и костного угля). Кроме этих предметов, найденных мною *in situ*, было осмотрено у местных колхозников несколько кремней, использованных уже ими для высекания огня, а также несколько кремней из раскопа № 1, сохраненных учителем юдиновской школы В. Д. Зайцевым.

Происхождение кремня стоянки пока не может быть точно установлено. В самом поселке и его ближайших окрестностях кремня нет.

Что касается главной массы костей в раскопе № 1, то они были оставлены нетронутыми на дне раскопа. Раскоп был в моем присутствии зарыт до уровня почвы. В Погарском РайОНО мне было сообщено, что студентом-геологом В. Д. Соколовой, обследовавшей уже ранее по поручению Западного областного научно-исследовательского института (ЗОНИ) данное местонахождение, были взяты некоторые из находок — два зуба мамонта и, повидимому, образцы кремня, выставленные в настоящее время в Отделе доклассового общества Смоленского исторического музея. Значительное количество выкопанных костей сохраняется при правлении колхоза.

О. БАДЕР

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА ВЕРХНЕЙ ВОЛГЕ

Летом 1935 г., по линии проведения производственной практики студентов кафедры антропологии МГУ (по курсу антропогенеза), были произведены палеоантропологические раскопки Языковского неолитического могильника на р. Яхроме, в Кашинском районе Калининской области.

В раскопках под руководством ст. научн. сотр. Института антропологии О. Н. Бадера участвовали студенты И. Н. Елистратов, Б. С. Переплетчикова, Н. М. Шапочка и С. А. Шлугер. К работам удалось привлечь Московский областной музей в г. Истре, по линии которого к раскопчному отряду была привлечена в качестве ст. научн. сотр. А. Е. Алихова. В конце работ к ним присоединился представитель краеведческих организаций г. Калинина, К. Н. Евсеев.

Раскопки, продолжавшиеся в течение всего июля, были сосредоточены в восточной окраине Языковской неолитической стоянки, так как именно здесь предшествовавшими раскопками института были обнаружены древние погребения. Была вскрыта площадь в 84 кв. м. В залежавшем под слоем торфа культурном слое стоянки найдено большое количество разнообразных орудий и предметов из камня, кости, рога, янтаря, глиняной круглодонной посуды с ямочно-гребенчатым орнаментом, многочисленные кости диких животных и пр. Все эти находки позволяют с определенностью относить Язы-

ковскую стоянку к числу характерных неолитических стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой и характеризовать ее как рыболовно-охотничье поселение эпохи родового общества. В непосредственной близости от нее во время раскопок нами обнаружены еще две подобных стоянки.

Культурный слой стоянки, расположенной на очень незначительном возвышении в широкой, заболоченной пойме р. Яхромы, близ ее правого берега, лежит в этом месте прямо на глинистом грунте, хорошо выражен и везде покрыт равномерным слоем торфа. В нижнем горизонте культурного слоя в предыдущих раскопках института были обнаружены шесть плохой сохранности скелетов, лежавших в вытянутом на спине положении и ориентированных головой на юг. Нами найден в слое еще один скелет, с той же ориентировкой, неполный, в среднем горизонте культурного слоя. При раскопках удалось сделать вертикальный разрез слоев непосредственно над погребением. Из него можно заключить с полной категоричностью о ненарушенности спокойно залегающего над погребением торфа и об отсутствии каких бы то ни было следов могильной ямы. Кроме описанного погребения, найдены разрозненные человеческие кости в нескольких пунктах стоянки, преимущественно в земле, выброшенной из перерезавшего стоянку мелиорационного канала. При костяке найден хороший кремневый скребок. При первых языковских погребениях также найдены некоторые вещи, напр. клыки медведя с отверстием для подвешивания. Однако, благодаря залеганию погребений в культурном слое стоянки, нельзя быть вполне уверенным, что найденные при скелетах вещи относятся именно к ним, а не являются случайно совпавшими с погребениями предметами из культурного слоя. Загадочным остается и самый способ погребений.

Что касается вопроса о датировке языковских погребений, то, за отсутствием при них вполне достоверных находок, вопрос этот надо решать иными путями. Под культурным слоем стоянки нет торфа. Следовательно, этот небольшой островок в пойме был сухим, когда на нем поселился человек. Это произошло, вероятно, в атлантический период Блитта-Сернандера. Во всяком случае, стоянка существовала в суббореальное время. Наступившее затем в начале субатлантического периода резкое ухудшение климатических условий в сторону значительного похолодания и увлажнения, связанное с поднятием уровня водоемов и активным процессом заболачивания и торфообразования, повидимому, сделало место старой стоянки неудобным, и последняя была перенесена на более высокое место; старая стоянка начала заболачиваться и покрылась слоем торфа. Погребения являются более древними, чем начало образования покрывающего стоянку торфа; следы могильных ям отсутствуют. Вероятнее всего, они были сделаны на месте старой стоянки вскоре после того, как она была покинута, или еще до этого момента. Отнесение их, скажем, к более поздней, фатьяновской «культуре» совершенно исключено как по антропологическим признакам, так и по отсутствию особенностей ритуала фатьяновских погребений. Связь языковских костяков с еще более поздними эпохами почти невероятна,

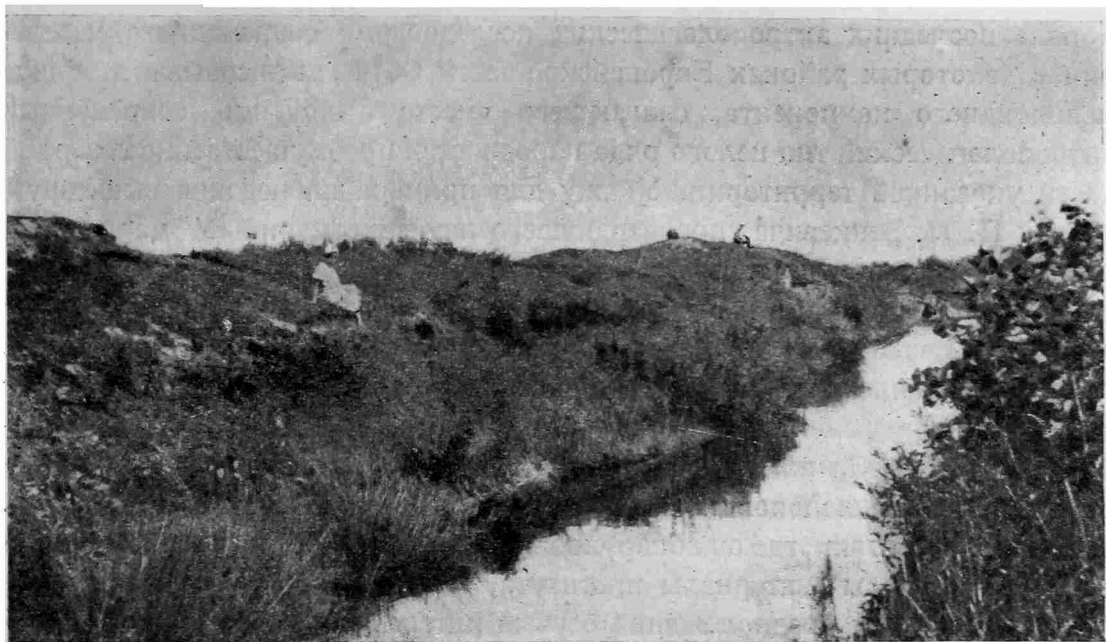

Рис. 1. Вид центральной Языковской стоянки и могильника (вдали).

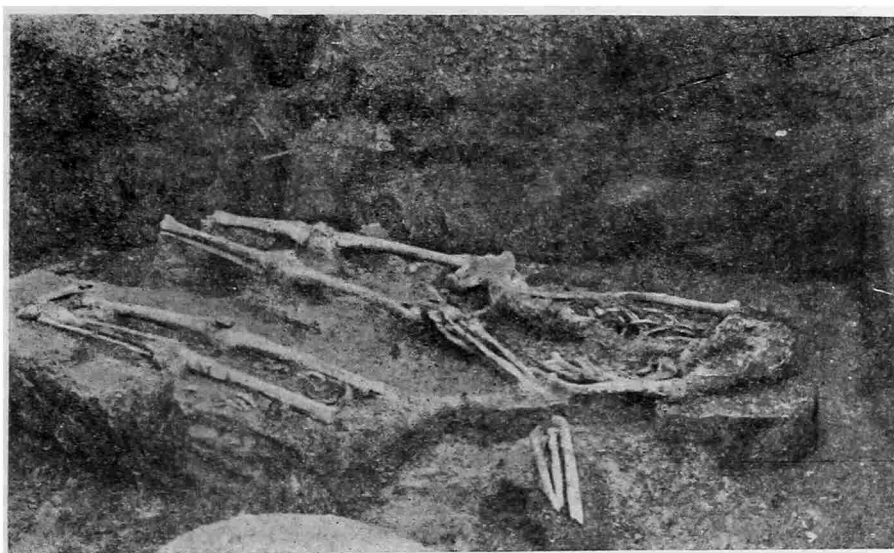

Рис. 2. Остатки двух погребений Языковского могильника.

так как покрывающий их торф, безусловно, древнее последних. Впрочем, последнее слово здесь скажет микроскопический анализ пылицы во взятых с раскопок образцах торфа.

Научный интерес Языковского могильника чрезвычайно велик. Необходимо помнить, что он является в нашей средней полосе единственным более или менее достоверным и безусловно крупнейшим памятником, могущим характеризовать антропологический облик древнейшего населения — эпохи так наз. неолитических стоянок. Этот древнейший тип нащупывался

в ряде последних антропологических исследований современного населения в некоторых районах Европейской части СССР, вырисовываясь в виде лапоноидного компонента, слагающего вместе с другими современный антропологический тип целого ряда народностей преимущественно северной части указанной территории. Укажу для примера на недавно вышедшую работу П. И. Зенкевича, производившего изучение мари. «У мари, — говорит автор, — выделяются три составных элемента: лапоноидный, восточноевропейский и, в несколько меньшей степени, уральский. Смещение элементов могло происходить разновремененно, но широкое обнаруживание лапоноидного элемента на разных территориях и в разных группах говорит за то, что этот элемент может рассматриваться как основной и более древний». И далее: «За наиболее давнее, сравнительно с другими, и широкое распространение лапоноидного типа говорит существование его на очень широкой территории, где он обнаруживается в каждой исследованной группе восточной Европы (материалы института, Чекановский, Золотарев)».

В свете этих предположений особый интерес приобретает антропологическая характеристика скелетов из Языкова. По предварительным данным Г. Ф. Дебеца это представители какого-то короткоголового, низкорослого типа, возможно, близкого к одному из составных элементов саамов.

Таким образом языковские погребения позволяют сделать заключение о лапоноидном облике неолитического населения наших центральных областей. Связь же его в Языкове с характерным и широко распространенным типом вещественных памятников, с так наз. культурой неолитических стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой, — правда, не обязательная для других территорий, — на ряду с наличием лапоноидного компонента в составе антропологического типа целого ряда современных народностей дают возможность предполагать о распространении этого, повидимому, сублапоноидного типа в свое время на огромных пространствах северо-восточной Европы.

Впрочем, в антропологии существует и другая концепция — о возможности конвергентного и относительно позднего возникновения лапоноидного типа. Не входя в рассмотрение этих специальных вопросов, отмечу лишь, что и в последнем случае нахождение представителей лапоноидного типа в неолите представляет исключительный интерес.

Собранный материал еще слишком мал для надежных заключений. Но он позволяет по-новому и с большей определенностью поставить ряд крупных исторических проблем. Эти проблемы связаны преимущественно с процессом первичного заселения северо-восточной Европы человеком в последниковоое время, так как для большей части этих областей подобные языковские погребения и связанные с ними неолитические поселения являются, насколько мы сейчас знаем, древнейшими, т. е. первичными.

В. В. ФЕДОРОВ

НАХОДКА ПОДЕЛКИ ИЗ РОГА ЛОСЯ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В Археологический отдел Музея антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР в 1929 г. поступил от М. Я. Яковлевой интересный экспонат, найденный на речке Сундинке, у с. Новое Колено, в Красногвардейском районе Ленинградской области (рис. 1). находка представляет промежуточную часть сложного ударного орудия, сделанную из рога лося.

Предмет имеет неправильную, вытянуто-треугольную форму и слегка изогнут, что зависит от формы рога, из которого сделан предмет. Поверхность предмета глянцеви́тая, окрашена в черный цвет, сильно обтерта по

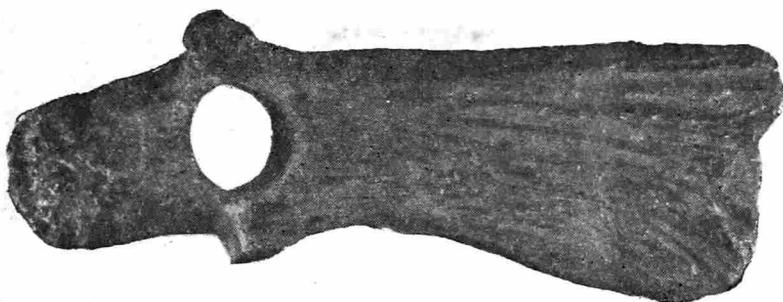

Рис. 1. Втулка из рога лося. Около 1/2 н. в.

краям; по большому изъязну в тыловой части можно судить, что при отделении, для дальнейшей обработки куска от основного ствола рога, был сделан отлом, след которого и сохранился в виде этого изъязна.

Длина предмета — 15.8 см, ширина в наиболее широкой части — 5.8 см, толщина — 3.4 см. На предмете имеются два отверстия, одно на конце в широкой части, направленное вдоль его длинной оси (рис. 2 и 3), и второе поперечное в противоположной, более узкой части предмета (рис. 1). Первое отверстие имеет вытянуто-овальную форму (рис. 3). Длина его 2.8 см, при ширине в 1.5 см. Отверстие идет вглубь на 3.5 см, постепенно суживаясь (рис. 2). В это отверстие вставлялся рабочий наконечник из кости или камня.

Второе отверстие — сделано на противоположном конце втулки — на расстоянии 3.9 см от конца. В этом месте рог имеет некоторое утолщение и боковые выросты. Отверстие приходится как раз в середине утолщения. Диаметр отверстия 2.3 см. Оно правильной цилиндрической формы; на стенках отверстия заметны сглаженность, полировка и следы обрезки каким-то острым орудием. Это отверстие служило для прикрепления рукоятки. Форма первого отверстия, в которое вставлялся наконечник из кости, позволяет предполагать, что предмет скорее всего имел форму небольшого топорика-долотца. Орудие имело назначение тесать, но не рубить.

Подобные находки, как описанная выше, в Ленинградской области еще не известны, поэтому данная находка представляет для нас особый интерес.

Наиболее ранние находки подобного типа были сделаны в Дании, на стоянках в Свердборге и в Маглемозе (рис. 4).¹ Эберт относит эти находки к анциловому времени. Один из предметов имеет вставной наконечник из кости, слегка изогнутый. Этот предмет был определен как мотыга (рис. 4, В). Другой предмет (рис. 4, Г) также был найден со вставкой, на этот раз в виде куска обработанного кремня. Хотя его можно было употреблять как мотыгу, все же орудие имело, повидимому, другое назначение; возможно, оно предназначалось для обработки дерева. К более поздним памятникам подобного

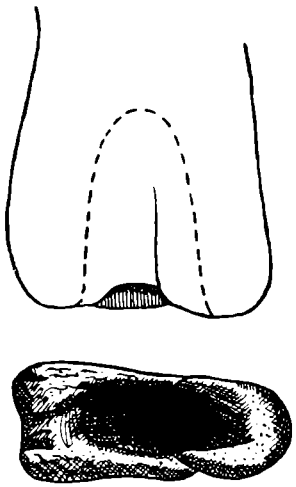

Рис. 2 и 3. Нижний
конец втулки.
 $\frac{1}{2}$ н. в.

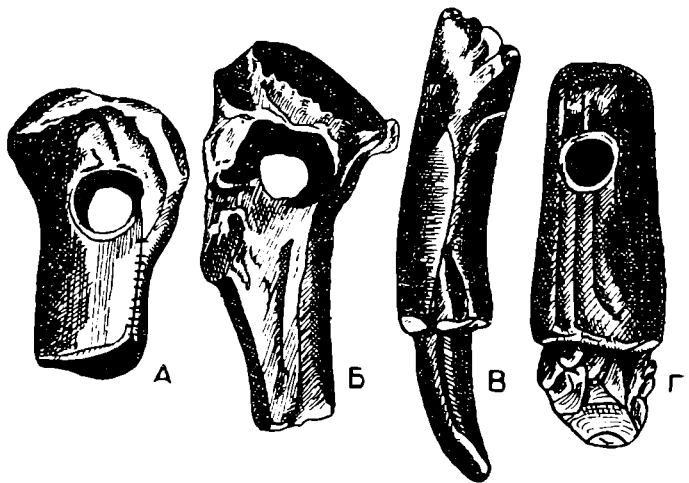

Рис. 4. Находки из Свердборга. $\frac{5}{9}$ н. в.

типа нужно отнести находку, о которой мне сообщил недавно А. Н. Лявданский. Находка была сделана в Белоруссии, на Витебщине. Более точных данных о ней не имеется. Предмет хранится в настоящее время в музее г. Витебска и также представляет собою втулку с двумя отверстиями: одно для рукояти, другое для вставного клинка. Самое интересное в витебской находке — это сохранившийся вставной наконечник из кости, напоминающий, по словам А. Н. Лявданского, долотце. А. Н. Лявданский определяет найденный предмет как земледельческое орудие — мотыгу и относит ее к первым векам до н. э.

Предмет, найденный в Ленинградской области, хотя и не сохранил вставного наконечника, может быть отнесен, по аналогии с находкой из Витебщины, скорее всего к типу земледельческих орудий. Сильная окатанность, черная окраска и глянецовитость поверхности, а также чрезвычайная пропитанность солями предмета говорят за то, что он долгое время лежал в воде. Сходство его с отмеченными датскими памятниками, условия залегания и сохранность позволяют считать его более архаичным, чем белорусский.

¹ М. Ebert. Nordischer Kreis. Reallexikon der Vorgeschichte, 1927, Bd. 9, Taf. 5.

Т. С. ПАССЕК

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ „ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ“ В УССР

В ряде вопросов, связанных с новой постановкой изучения истории доклассового общества на территории СССР, особое место принадлежит проблеме так наз. «трипольской культуры», впервые открытой у нас на Украине в 90-х годах прошлого столетия В. В. Хвойко близ с. Триполье, ниже Киева, на Днепре. Совместная экспедиция Института истории материальной культуры Академии Наук УССР (нач. экспедиции — С. С. Магура) и Гос. Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра (Т. С. Пассек, Е. Ю. Кричевский), в целях нового освещения многих положений по истории периода раннего земледелия в доклассовом обществе, организовали в 1934—1935 гг. систематическое исследование памятников трипольской культуры, сосредоточив свои работы на одном из поселений в окрестностях с. Триполье — Халепье в уроч. Коломищина Обуховского района Киевской области. Поселения трипольской культуры располагаются в этом районе обычно на правом высоком берегу Днепра, на ровном плато, пересеченном крутыми оврагами и небольшими речками, впадающими в Днепр. Путем предварительных обследований в уроч. Коломищина, удалось выяснить, что на площади поселения, достигающей 3000—4000 кв. м, залегают в слое чернозема на глубине от 0.2 до 0.6 м глиняные остатки 17 отдельных построек так наз. трипольских «площадок». Постройки эти располагаются на поселении в определенной системе по кругу или, вернее, овалу, иногда в несколько ярусов (как, напр., на поселении в уроч. «Ясневый Лес» близ с. Халепье), на расстоянии от 3 до 20 м друг от друга. Данные эти в значительной степени подтверждают мнения по этому вопросу, высказывавшиеся ранее рядом исследователей (Хвойко, Спицын, Гамченко и др.).

В 1934 г. экспедиция подвергла раскопке площадь в 720 кв. м, вскрыв две больших размеров, параллельно ориентированных с северо-запада на юго-восток постройки, расположенные на расстоянии 4.5—5 м друг от друга. Удалось с полной очевидностью подтвердить наличие жилого назначения трипольских «площадок».

Из материалов раскопок 1934 г. я коснусь лишь тех, которые были найдены в жилище № 2, исследованном мною и Е. Ю. Кричевским, не затрагивая вовсе новых наблюдений, сделанных С. С. Магура в процессе раскопки им жилища № 1.¹

Путем вскрытия одновременно больших площадей явилась возможность с достаточной четкостью выяснить границы распространения остатков

---

¹ Полный отчет о раскопках 1934 г. печатается в совместном издании ГАИМК и Института истории материальной культуры (ИИМК) Академии Наук УССР.

глиняной обмазки жилища № 2; оно имело прямоугольную форму в 70 кв. м (14 м длины и 5.5 м ширины) и было ориентировано с СЗ на ЮВ (рис. 1).

Дальнейшая расчистка показала, что все сплошные наслоения груды обмазки не представляются чем-то однородным. Выделилось несколько типов ее, отличных друг от друга как по цветности, составу массы, так и по условиям своего залегания, различным на всем пространстве жилища.

Так, в северо-западном конце и вдоль северной границы памятника обнаружены фрагменты обмазки желтого цвета; масса рассыпчатая, крайне слабого обжига, пористая в результате выгорания растительных примесей, искусственно в нее намешанных. Куски обмазки обычно бесформенные, в редких случаях со следами отпечатков дерева (жердей плетня стен). Такого типа фрагменты следует считать остатками обмазки основания стен, в месте их соединения с полом. Сами же стены жилища, надо предполагать, были из деревянного каркаса, обмазанного необожженной глиной, и не могли сохраниться.

В северо-западной части жилища вскрыты хорошо сглаженные светло-желтые, плитообразные слои I пола, поверх которого местами наблюдались наслоения красно-розовой подмазки. Непосредственно ниже I пола в этой части жилища обнаружен слой II, состоящий из желтовато-красных плитообразных фрагментов. В юго-восточной части прослежено исключительно залегание обмазки II пола, ниже которого шел горизонтальной не на всем пространстве жилища слой III пола. Обмазка пола жилища № 2 прекрасно сглажена, обычно ровная, плоская с двух сторон, толщиной от 0.03 и до 0.15 м; желтый и красный цвета ее массы зависят от степени обжига. Многочисленность различных слоев пола может быть объяснена, с одной стороны, тем, что в процессе обитания они портились и требовали ремонта, частичной подправки, с другой — новая подмазка глиняного пола могла производиться в момент расширения площади жилища, как это имело место со II и III полом.

В середине жилища на II полу открыты изолированные друг от друга, сильно обожженные, частью шлакированные лиловато-зеленые по цвету (масса с растительной примесью, пористая) груды обмазки с резко заметными отпечатками дерева, принадлежавшие, как выяснилось в процессе раскопки, трем небольшим рухнувшим печам. Печи эти были небольшие, шаровидно-купольной формы до 1—1½ м высоты, сделаны на каркасе из прутьев, а частью из деревянных плах, обмазанных глиной и затем подвергнутых сильному обжигу.

Основная масса находок в жилище № 2 была обнаружена на уровне II, а в северо-западной части I пола. Найдено до 20 различных сосудов; некоторые очень больших размеров чаши и сосуды для сохранения припасов лежали на плитах пола в раздавленном состоянии, не сдвинутые с места с момента их падения (рис. 2). Кроме того, в жилище найдено большое количество костей животных (преимущественно домашних — бык, свинья, овца),

Рис. 1. Уроч. Колумищина. Остатки жилища № 2. Вид с Сев.-Зап. стороны.

Фото С. С. Магура

створок раковин *Unio*, остатки угля и золы около печей, каменные зернотерки, глиняные женские статуэтки и т. п.

Комплекс находок состоит из различного типа керамики — монохромной с черной или коричневато-красной росписью, керамики с так наз. «вдавленным» орнаментом, а также сосудов, в массе которых искусственно примешаны толченые раковины (поверхность сосудов этого типа покрыта следами «полосчатого сглаживания»). Эти керамические типы, найденные в одном и том же памятнике, так же как и ряд других черт, заставляют меня характеризовать весь комплекс находок как принадлежащий к стадии «С» керамики «Триполья», т. е. отнести открытые жилища к поздней стадии развития трипольского общества (к комплексу, обозначенному В. В. Хвойко как культура «Б», по его мнению ранней, примитивной стадии).¹

В настоящей заметке я не останавливаюсь сколько-нибудь подробно на описании нового материала, обнаруженного в жилище № 2, что делается мною в специально издаваемом отчете о раскопках 1934 г.

В 1935 г. решено было продолжить исследования в уроч. Коломищина с тем, чтобы постепенно подвергнуть впервые раскопке все пространство «трипольского» поселения.

Большой раскоп 1935 г., заложенный экспедицией на восток от предыдущего, дал возможность вскрыть свыше 800 кв. м на территории поселения и подвергнуть раскопке три жилища, расположенных одно подле другого на расстоянии 4 — 5 м (№ 3 и № 4) и 12 м (№ 5). В настоящий момент, когда добытые материалы 1935 г. еще не обработаны полностью, я лишь в самых общих чертах коснусь новых данных о раскопке жилища № 4, исследованного мною (жилище № 3 было раскопано С. С. Магура, № 5 — Е. Ю. Кричевским). Так же, как и в 1934 г., вскрытая «площадка» № 4 оказалась остатками жилища больших размеров — 75 кв. м (14.5 м длина и 5.3 м ширина) прямоугольно вытянутой формы, с ориентировкой с З на В. В дополнение к наблюдениям, сделанным в 1934 г., обнаружены интереснейшие детали, характеризующие конструктивные особенности постройки. Лучшая сохранность вскрытого памятника позволила со всех четырех сторон проследить остатки основ стен, представляющих собой бесформенные фрагменты желтой слабо обожженной обмазки, в массе которой наблюдаются выгоревшие частицы растительных примесей (половы). Некоторые из фрагментов имеют следы отпечатков деревянных плах. Такого же типа обмазка наблюдалась и внутри жилища. В одном случае залегание ее поверх плиток верхнего пола тянулось поперек жилища, почти во всю его ширину, образуя основу перегородки около печи, в другом — остатки желтой обмазки с отпечатками деревянных плах образовывали возвышение, невысокую скамью близ другой печи, возможно, составляя с ней одно целое. Так же как и в раскопках предыдущего

---

¹ Подробнее по этому вопросу см. мою работу «La céramique Tripolienne», изд. ГАИМК, 1935, вып. 122.

года в жилище оказались не один, а два слоя полов, верхний и нижний, сделанных из хорошо обожженной глины толщиной от 0.03 до 0.15 м. Слой верхнего пола залегал на всем пространстве жилища, слой же нижнего прослежен лишь в западной стороне, занимая не более $\frac{1}{3}$ пространства всей «площадки» и представляя, повидимому, остатки пола жилища до его расширения. Глина их различных оттенков, что зависит от степени обжига, которому они подвергались. Гипотеза об обжигании полов была высказана еще в 1904 г. А. А. Спицыным в связи с его раскопками в с. Колодистом. «По изготовлении обмазка подвергалась, — пишет А. А. Спицын,¹ — обязательному обжиганию, обыкновенно умеренному, так что глина лишь слегка краснела и оставалась не очень прочною. Лишь в немногих случаях наблюдалось очень сильное ее обжигание до степени шлакирования. Обжигание совершалось, конечно, с помощью костров, наложенных сверху обмазки, которой давали, вероятно, время провянуть».

Химические анализы, проведенные О. А. Кульской в лаборатории Института истории материальной культуры в Киеве над некоторыми образцами обмазки из раскопок 1934 г., дали интереснейшие результаты по степени обжига и составу массы различных сортов ее.² В 1935 г. экспедицией был поставлен опыт по обжиганию костром специально приготовленного глиняного слоя обмазки пола и части плетня, обмазанного глиной. Ряд образцов, полученных экспериментальным путем, в точности повторяет нижние типы полов, открытые в жилищах. В жилище № 4 были вскрыты три печи, но особый интерес представляют наблюдения, сделанные над одной из них (№ 1); груды сильно обожженной, часто шлакированной обмазки являлись остатками прекрасно сохранившихся частей печи больших размеров (в отличие от печей сравнительно малых размеров, открытых в жилище № 2 в 1934 г., и двух остальных в жилище № 4 в 1935 г.), представлявшей собой сводчатое сооружение, сделанное из широких деревянных плах (ширина плахи до 0.20 м), стянутых лозой и образовавших свод печи, обмазанной глиной, после чего обожженной. Печь стояла на специально построенном возвышенном основании (выше пола), составлявшем «под» печи. Детальное изучение фрагментов обмазки печи позволит в дальнейшем более точно выяснить различные конструктивные особенности и размеры ее.

Найденное в жилище № 4 большое количество сосудов (до 30 штук), каменных зернотерок, глиняных статуэток и т. п. было сосредоточено, главным образом, на верхнем полу жилища; обнаруженные же кости, преимущественно домашних животных, залегали чаще у краев жилища и за его пределами. В целом комплекс находок заставляет отнести открытое экспедицией в 1935 г. жилище к той же стадии «С», что и раскопанное в 1934 г.

---

¹ Известия Археологической комиссии, 1904, вып. 12, стр. 114.

² Этой теме посвящена специальная работа О. А. Кульской, печатаемая в отчетах о раскопках 1934 г.

Рис. 2. Уроч. Коломищина. Большой сосуд для хранения припасов, найденный на полу жилища № 2.

Фото С. С. Магура.

Кроме исследований жилищ экспедицией велись наблюдения на этом же поселении над культурным слоем за границами жилых построек. В слое чернозема на глубине от 0.15 м до 1 м обнаруживаются куски обмазки, фрагменты сосудов, кости животных, створки раковин и т. п. Эти культурные остатки не составляют сколько-нибудь сплошного залегания, не образуют непрерывного культурного слоя на территории поселения, а лишь представляют собой отдельные, изолированные, чрезвычайно бедные вкрапления в толще чернозема на уровне залегания остатков жилищ.

Все полученные в целом за два года работ трипольской экспедицией новые данные о размерах вскрытых построек, наличие в них нескольких печей-очагов и значение так наз. трипольских «площадок» как жилищ, а также установление характера всего поселения и ряд других наблюдений значительно уточняют заключения и выводы о родовой организации в Днепровско-Днестровском бассейне. Помимо того, раскопки доставили многочисленный материал, важный для характеристики хозяйственно-бытового уклада и идеологических представлений трипольской культуры.

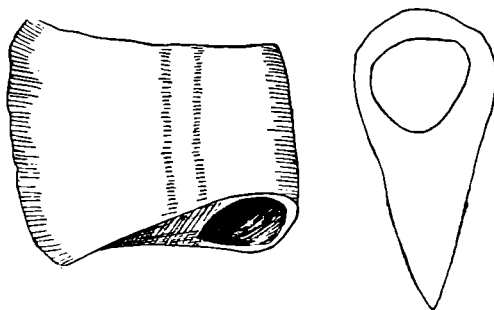
Дальнейшие раскопки экспедиции на том же поселении позволят вскрыть соседние постройки и тем самым окончательно выяснить картину застройки всего поселения и уточнить многие особенности конструкции самих жилищ.

Н. А. ЗАХАРОВ

ПОГРЕБЕНИЕ МЕГАЛИТИЧЕСКОГО ТИПА ИЗ ПРЕДГОРНЫХ РАЙОНОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Список мегалитических памятников, известных на Сев. Кавказе, пополнился еще одним — из района ст. Саратовской (Аз.-Черном. края), обнаруженным мною при случайных работах и обследованным в последнее время.

Весь курганчик был разрыт при указанных работах с основным и впускными погребениями. Погребение на глубине 3 м. Костяк обложен тяжелыми каменными плитами с четырех сторон и сверху накрыт тяжелой каменной плитой, которую с трудом сбросили 10 человек. Обнаружены следы скорченного окра-

Топорик из мегалитического погребения у ст. Саратовской.

шенного костяка. При костяке найдены два медные топорика: один с отверстием, другой пластинчатый. Найден браслет темной меди, с шариками на концах. Кроме того, сохранились фрагменты сосудика с небольшими ручками чернокварцевой глины.

Вещи напоминают находки из других дольменов Северного Кавказа.

НЕКРОЛОГ

MARSHAL H. SAVILLE

7 мая 1935 г., на 67 году своей жизни, скончался известный американский археолог М. Савиль. Он работал в Museum of American Indian (New-York), в изданиях которого опубликовано большинство его работ, а также был профессором американской археологии в Columbia-University (New-York).

Свои археологические работы он начал в 1891 г., когда ему было 23 г., в Усмале (Юкатан), где им было вскрыто несколько гробниц. В 1897—1898 гг. он возглавлял экспедицию American Museum of Natural History (New-York), организованную на средства Loubat в южную Мексику. Во время этой экспедиции М. Савиль произвел раскопки в Паленке (Мексика, пров. Чиapas). Наконец, в 1906, 1907 и 1908 гг. он руководил археологической экспедицией в Эквадоре, где им были сделаны совершенно исключительные археологические открытия в районе Манаби и Эсмеральдас. Его отчеты об этих раскопках были опубликованы в 1907—1910 гг. Памятники районов Манаби (Manabi) и Эсмеральдас (Esmeraldas) были открыты М. Савилем на морском побережье Эквадора. Манаби (южная часть Эквадора) характеризуется засушливым климатом. Район Эсмеральдас, расположенный севернее, отличается влажным климатом. Материальные культуры этих районов резко разнятся как одна от другой, так и от соседних горных районов, имевших культуру, близкую к перуанской. Культура района Манаби характеризуется широким распространением каменной скульптуры и применением камня в архитектуре (каменные колонны), почти совершенно неизвестных в ближайших горных районах и совершенно отсутствующих в районе Эсмеральдас. Каменная скульптура состоит из сидений, плит с рельефными изображениями женских божеств, птиц, животных и человеческих фигур. Изделий из меди было найдено очень мало — это в большинстве случаев украшения. Орудия из камня так же сравнительно немногочисленны (в небольшом количестве найдены каменные молоты). Имеются также плоские прямоугольные каменные зернотерки и глиняные пряслица. Все вещи были найдены среди развалин поселений.

Культура Эсмеральдас отличается полным отсутствием каменной скульптуры (зато там найдено довольно большое количество глиняных

статуэток), отсутствием изделий из меди, наличием украшений из золота и довольно большим количеством каменных орудий (из обсидиана и халцедона).

К сожалению, произведенных раскопок совершенно недостаточно для полного представления о хозяйстве указанных культур. В настоящее время распространенным мнением является выведение этих культур из Центральной Америки. М. Савиль был гораздо более осторожен и, справедливо указывая на наличие определенного типологического сходства между культурами районов Манаби и Эсмеральдас и Центральной Америки, воздерживался от каких-либо категорических высказываний по этому поводу.

В хронологическом отношении, по мнению М. Савиля, обе эти культуры существовали до прихода испанцев.

Интерес М. Савиля, в основном, был сосредоточен на археологии Центральной Америки, которой и посвящено большинство его работ. Но он интересовался также и некоторыми районами Северной и Южной Америки. У него имеется целый ряд статей по археологии Перу (*The Pottery Arybals of the Incas*, *Indian Notes*, vol. III, № 2, 1926, *Balance-beam Scales in Ancient Peru*, *ibidem*, vol. II, № 4, 1925), Колумбии (*Fraudulent Blackware Pottery of Columbia*, *Indian Notes*, vol. № 2, 1928), Бразилии (*Early Brazilian Archeology*, *Indian Notes*, vol. I, № 3, 1924), Порто-Рико (*The Stone «Collars» of Porto-Rico*, *Indian Notes*, vol. III, № 3, 1926), Новой Англии (*Archeological Specimens from New England*, *Indian Notes and Monographs* vol. V, № 1, 1919; *On certain Archeological Specimens from New England*, *Indian Notes*, vol. VI, № 3, 1929).

Большинство статей М. Савиля представляет собой публикацию новых памятников. Его крупные исследования, посвященные отдельным видам археологических памятников и технике их обработки, как например «*The Goldsmith Art in Ancient Mexico*»; «*Turquoise mosaic art in Ancient Mexico*»; «*The Woodcarver's art in Ancient Mexico*»,¹ отличаются полнотой привлеченного материала, причем как их положительную сторону необходимо отметить тщательное использование письменных источников, из которых М. Савиль обычно приводит подробные цитаты. Все археологические труды М. Савиля лишены каких бы то ни было социологических построений. Из его опубликованных трудов для нас наибольший интерес представляет специальная монография «*Tizoc, Great Lord of the Aztec*», посвященная истории ацтеков в период управления их «главного вождя» — Тисока (1481—1486). История ацтеков при девяти их «правителях» (начиная с Акамапичтли и кончая Монтесумой младшим) изучена еще очень мало, и поэтому сам факт сведения и рассмотрения в одном исследовании всех источников, относящихся к одному определенному отрезку времени, является очень важным. Ценность данной работы повышается еще тем, что

---

¹ О последней работе см. мою рецензию в журн. «Советская этнография», 1934, № 3, стр. 117.

в ней М. Савиль решительно выступил против широко распространенного определения древнемексиканского общества как империи, возглавляемой королем с абсолютной властью.¹ М. Савиль, упомянув работы А. Ф. Банделье и приведя его мнение относительно тех трудностей, которые возникают при изучении мексиканского общества,² в нижеследующих словах определил свое отношение к данному вопросу: «Для начала может быть отмечено, что употребление термина «король» («king») несовместимо с правителями Мексики или, правильнее, любой части туземной Америки. Среди ацтеков обычным термином (обозначающим правителей Мексики) был *tlatoni*, значение которого определяется как большой или главный господин³ (*great or chief lord*) или верховный сюзерен (*overlord*) или оратор

¹ Империей, даже и в настоящее время, называют не только древнюю Мексику, но и древнее Перу. См. например, исследования Baudin, «L'Empire Socialiste des Inca». Paris, 1928. Эта работа, на ряду с целым рядом интересных наблюдений и ценных соображений, содержит явно абсурдное утверждение о том, что государство инков было социалистической империей, утверждение, вызванное, несомненно, не невежеством автора, а определенными политическими взглядами.

² «Не только история древней Мексики, но и подлинное состояние и степень развития ее туземных обитателей, известны еще весьма несовершенно. Почти все архитектурные остатки исчезли. Потомки прежних обитателей изменили свой образ жизни, и мы вынуждены для изучения мексиканских древностей почти исключительно обращаться к печатным или письменным свидетельствам тех, кто видел общество индейцев Мексики во время его падения, или немного спустя после этого. Но эти авторы либо очевидцы завоевания, как Кортес, Берналь Диас дель-Кастильо, Андрес де-Тапиа и др., или первые миссионеры, посланные в Новую Испанию, как Торибио из Бенавента (Мотолена), Саагун или (около конца XVI или начала XVII вв.) Акоста, Давила, Мендиета и Торкемада — все они, в ряде вопросов, находятся в прямом противоречии один другому. Таким образом неясность вопроса возрастает, и на изучающего его ложится чрезвычайно трудная критическая работа. Кроме того, к усложнению принятой работы мы должны иметь в виду некоторых индейских писателей XVI и XVII вв. (как-то Дуран, Тесосомок и Истликсочитль), которые расходятся друг с другом в важнейших вопросах так же сильно, как и сами испанские авторы. Может показаться самонадеянным, зная о существовании всех этих трудностей, браться за описание хотя бы даже и отдельных черт жизни прежнего индейского общества Мексики» (A. F. Bandelier, *On the Art of War and Mode of Warfare of the Ancient Mexicans*, Tenth Annual Report of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, vol. II, № 1. Cambridge, 1877, p. 95).

Этот весьма сжатый, но очень содержательный отрывок из работы А. Банделье, приведенный М. Савилем, мы цитируем целиком, так как он дает ясное представление о характере имевшихся к концу XIX в. основных источников по истории Мексики.

³ Термин «*great lord*» передается нами в наиболее близких выражениях «главный господин», «главный сеньор», которые наиболее адекватны тому содержанию, которое вкладывает в него М. Савиль, вполне справедливо отмечающий его неудовлетворительность. Здесь можно отметить, что большинство английских ученых и переводчиков переводит термин сеньор (*el señor*), встречающийся у испанских авторов XVI и XVII вв., в применении к «правителю» ацтеков, посредством английского *lord*. Следует заметить, что неточность и множественность терминов, служащих для определения категорий социального порядка в работах, посвященных древним культурам Америки, является прямым следствием отсутствия у их авторов четких методологических установок.

(speaker). Гаитянский слово касик (cacique), широко употреблявшееся ранними хроникерами для обозначения жрецов-вождей по всему американскому матерiku, вошло в испанский язык с этим значением. Слово tlatoani, относящееся к мексиканским «главным сеньорам» («chiefs lords»), более предпочтительно, так как оно более близко передает подлинные обязанности правителя в этой части древней Америки. Тем не менее обычай так силен, что стало привычным употреблять термин король, как это делали раньше английские авторы в американских колониях. Но в Америке не было никаких королей или императоров в том смысле, в котором эти термины употреблялись в Старом Свете. Точно так же термин «империя», который вошел во всеобщее употребление для обозначения туземного управления древней Средней и Южной Америки, только вводит в заблуждение.

Источник, определяющий употребление слова tlatoani, находится в ценном анонимном сообщении о происхождении мексиканцев, сохранившемся в Libro del Oro, в библиотеке покойного Х. Г. Икасбальсеты (J. G. Icazbalceta). В этом сообщении мы находим следующее положение: «Однако они имели определенную систему признания сеньора (lord) или вождя (chief), аналогичную (признанию) pater familias (главы семьи), к которому они относились с уважением и которому они подчинялись. Они давали ему имя сеньора (lord, señor), то-есть tlatoani, и так называли его на своем языке».¹ Далее, в этом же исследовании, М. Савиль, хотя и считавший, что власть мексиканского правителя не была наследственной, с несомненностью доказал, что все одиннадцать ацтекских «правителей» происходили из одного определенного рода.

Помимо оригинальных работ, М. Савилем был сделан ряд переводов испанских источников по истории Америки. Из них наиболее важным является английский перевод трех писем, написанных участниками экспедиции Кортеса и дошедшими до нас не в оригинале, а в немецком переводе. Издание их снабжено интересной вводной статьей (The Earliest Notices Concerning the Conquest of Mexico by Cortes). Очень интересны также три, переведенные М. Савилем, источника по этнографии и истории Юкатана (это отчет Сант-яго Мендеса, бывшего в 1841—1848 гг. губернатором Юкатана, касающийся «обычаев, работ, языка, техники и т. д. индейцев Юкатана» и сообщения Педро Санчес де Агиляра (1639 г.) и Франциско Эрнандеса (1545 г.) о верованиях индейцев Юкатана (Report of the Maya

¹ Для сравнения я приведу интересный отрывок из записок Берналя Диаса, в котором говорится, что индейцы словом tlatoani называли предводителя испанцев (Кортеса) и что эквивалентным ему испанским словом является слово сеньор (el señor).

«...Приблизились две очень большие лодки... и в них приехало много мексиканских индейцев, и так как они увидели знамена и большой корабль и узнали, что должны идти говорить с капитаном, то, поднявшись прямо на корабль и войдя внутрь, спросили, кто Tlatoan, что на их языке значит сеньор (el señor)». (Bernal Diaz del Castillo, Verdadera Historia de los sucesos de la conquista de la Nueva Espana, изданная Vedia. Historiadores primitivos de Indias, vol. 2, Biblioteca de autores Espanoles, vol. 25, Madrid, 1853, p. 32.)

Indians of Yukatan. Indian Notes and Monographs, vol. IX, № 3, 1921).¹ Кроме того, им составлены ценные библиографические сводки литературы о четырех древних поселениях майя.²

В заключение я позволю себе привести список его важнейших работ:

1. The Antiquities of Manabi. Ecuador. A. Preliminary Report. Contributions to South American Archaeology, vol. I. New York, 1907.
2. Archaeological Researches on the Coast of Esmeraldas, Ecuador. Verhandlungen des XVI. Internationalen Americanisten-Kongresses. Vienna, 1909.
3. The Antiquities of Manaby, Ecuador. Final Report. Contributions to South American Archaeology, vol. II. New York, 1910.
4. Precolumbian Decoration of the Teeth in Ecuador, with some Account of the Occurrence of the Custom in Other Parts of North and South America. American Anthropologist, vol. 15, № 3, 1913.
5. То же. Contributions from the Museum of the American Indian, Neve Foundation, vol. I, № 2.
6. Monolithic Axes and their Distribution in Ancient America. Ibidem, vol. II, № 6. New York.
7. The Earliest Notices Concerning the Conquest of Mexico by Cortes in 1519. Indian Notes and Monographs, vol. IX, № 1. New-York, 1920.
8. The Goldsmith's Art in Ancient Mexico. Ibidem. New York, 1920.
9. Turquoise Mosaic Art in Ancient Mexico. Contribution from the Museum of the American Indian, Neve Foundation, vol. VI. New York, 1922.
10. The Woodcarver's art in Ancient Mexico. Ibidem, vol. IX. New-York, 1925.
11. Balance-beam Scales in Ancient Peru. Indian Notes, vol. II, № 4, pp. 266—283. New York, October 1925.
12. Mirrors in Precolumbian America. Contribution from the Museum of the American Indian, Neve Foundation, vol. III, № 3. New York, 1929.
13. Tizoc. Great Lord of the Aztec. 1481—1486. Ibidem, vol. VII, № 4. New York, 1929.
14. The Aztec God Xipe-Totec. Indian Notes, vol. VI, № 2, pp. 151—174. New York, April 1929.
15. Votive Axes from Ancient Mexico. Indian Notes, vol. VI, № 3, pp. 266—299. New York, July 1929.

А. В. Мачинский

---

¹ Кроме перечисленных, М. Савиль перевел еще следующие источники: Anonymus conqueror. Narrative of Some Things of New Spain and of the Great City of Temestitlan, Mexico (Documents and Narratives concerning the Discovery and Conquest of Latin America, vol. 1, New York, 1917).

A Letter of Pedro de Alvarado Relating to his Expedition to Ecuador (1534) (Contribution from the Museum of the American Indian, Neve Foundation, vol. 1, № 1, New York, 1917).

² 1. Bibliographic Notes on Quirigua, Guatemala (Indian Notes and Monographs, vol. VI, № 1, New York, 1919).

2. Bibliographic Notes on Uxmal. Yucatan (ibidem, vol. IX, № 2. New York, 1920).

3. Bibliographic Notes on Palenque. Chiapas (ibidem, vol. VI, № 5. New York, 1928).

4. Bibliographic Notes on Xochicalco (ibidem, vol. VI, № 6, New York, 1928).

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

М. З. ПАНИЧКИНА

СЕССИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ ИНСТИТУТА АНТРОПОЛОГИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

В 1935 г. Археологическая секция Института антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР организовала ряд экспедиций, обсуждению результатов которых была посвящена отчетная сессия, проведенная в феврале 1936 г.

В работе сессии приняли участие научные работники других учреждений: Гос. этнографического музея, Гос. Академии истории материальной культуры, Гос. Эрмитажа, Геологического института Академии Наук СССР и др.

На сессии были заслушаны 6 научных докладов, посвященных результатам полевых исследований за истекший год.

С работами Закавказской экспедиции 1935 г. ознакомил сессию начальник экспедиции С. Н. Замятнин в докладе «Палеолитические местонахождения в Абхазии».

В 1934 г. во время разведочных работ в Абхазии С. Н. Замятнин открыл ряд древнепалеолитических местонахождений. Экспедиция 1935 г. явилась продолжением начатых работ. Она охватила исследованием побережье Черного моря на протяжении всей Абхазии и частью за пределами ее: от Хосты, близ Сочи на севере, и до Чубу-рискинджи (граница Абхазии с Мингрелией) на юге. Задачей экспедиции являлось: 1) дальнейшее исследование местонахождений, открытых в 1934 г.; 2) разведка новых палеолитических местонахождений и 3) детализация геологических исследований. Работы экспедиции привели к открытию свыше 20 палеолитических местонахождений. Из них большинство обнаружено на территории Абхазии. В 8 пунктах установлено наличие остатков ашэльского времени, среди инвентаря которых особый интерес представляет серия ручных рубил.

Другая группа местонахождений представлена инвентарем мустьерской эпохи. В нее входят 7 местонахождений с типичными орудиями этого времени.

Местонахождений верхнепалеолитического типа обнаружено 5. Кроме того, экспедицией близ поселка Гумиста в Сухумском районе собран материал более позднего времени, представленный каменными ору-

диями, изготовленными из гальки путем грубой оббивки по краям и на поверхности. Вместе с ними обнаружен фрагмент зернотерки, а также керамика.

Изучение геологических условий залегания палеолитических остатков, проведенное под руководством проф. Г. Ф. Мирчинка и В. И. Громова, позволило установить их глубокую древность. Разновременные находки каменных орудий связаны с различными по возрасту древними террасами в окрестностях Сухуми. Существование стоянок с орудиями ашэльского типа определяется временем формирования уступа 4-й террасы (100 м высоты), в то время как находки мустьерского типа соответствуют времени формирования уступа 3-й (35 м высоты) террасы.

К местонахождениям с остатками орудий ашэльского типа относятся: Яштухское, Кюр-дере, Бырц, Ачигвары, Гвард, Апианча и др. Среди них особый интерес представляет Яштухское местонахождение, открытое С. Н. Замятниным в 1934 г. Оно дало обильный материал чрезвычайно архаичного облика, находки которого датируются ашэлем, а в некоторой своей части, возможно, более поздним временем. В ряде пунктов (Яштух, Кюр-дере, Гали, Ачигвары) в 1935 г. были найдены ручные рубила ашэльского типа. Преобладающим же материалом являются грубые массивные отщепы трех- и четырехугольной формы, скребла, а также крупные дисковидные нуклеусы со следами сколов широких отщепов, и диски.

Датировка данного материала ашэлем подтверждается аналогичными находками в Западной Европе, собранными там же за последние годы. Сюда относятся материалы из известных местонахождений в Англии — Barnsfield Pit и Clacton on Sea, опубликованные Брейлем, а также бельгийские находки, исследованные Рюто, французские из местонахождений в долине р. Сомы, на пляже Регат, близ Гавра и ряд других.

Вторая группа представлена рядом местонахождений (Очемчиры, Ахабиюк, Кела-

сури, Гали, Эшеры) с характерным мустьерским инвентарем — остроконечниками, скреблами тонкими, трехугольными пластинами.

Местонахождения — Лечкоп, Гали, Бармыш и др. содержат характерный верхнепалеолитический материал: резцы, скребки, удлиненные пластинки, призматические нуклеусы. В ряде случаев эти находки совпадают территориально с местами находок более древних орудий. Примером могут явиться местонахождения: Гали, Бармыш.

В докладе начальника Крымской экспедиции С. Н. Бибилова «Итоги работы экспедиции в скалистом навесе Шан-Коба» был дан обзор позднепалеолитических памятников Крыма. С. Н. Бибилов отметил слабую изученность этих памятников в дореволюционное время. Плановое исследование палеолитических стоянок в Крыму началось лишь в советское время. В результате открыто свыше 63 местонахождений с остатками инвентаря микролитического облика.

Вторая часть доклада была посвящена работе экспедиции в навесе Шан-Коба.

Во время раскопок навеса экспедицией установлен ряд напластований, заключающих 6 слоев с культурными остатками. В некоторых слоях, на ряду с кремневым инвентарем, обнаружены любопытные находки, освещающие бытовую сторону хозяйственной деятельности человека. Так, например, в 3-м слое обнаружена ямка, наполненная раковинами улиток *Helix vulgaris*, повидимому, предназначавшаяся для запекания улиток. Здесь же вскрыты остатки небольшого очажка. В 6-м слое обнаружено скопление камней, служивших, вероятно, основанием заслона от ветра. В этом же слое обнаружены запасы кремня для выделки орудий. В стенке навеса обнаружена кладовая, заполненная раковинами улиток, костями животных, кремнем и углями.

За время работ экспедицией собрано свыше 1000 кремневых поделок, коллекция костяных орудий, образцы угля, охры, а также кости животных.

Второй день работы сессии открылся докладом начальника археологического отряда Амурской экспедиции А. П. Окладникова «Древние памятники в низовьях Амура».

Археологический отряд Амурской экспедиции в 1935 г. вел работы в нижней части долины Амура, от устья р. Уссури до Татарского пролива.

Слабая изученность археологических памятников этого района дала толчок к выполнению экспедицией следующих задач: 1) учет и обследование древних памятников в долине р. Амура; 2) подбор материалов для археологической карты этого района, и 3) предварительная классификация обнаруженных памятников.

В процессе работы выявлено около 200 древних памятников, имеющих различ-

ную древность. Сюда относятся древние поселения и землянки, петроглифы, неолитический могильник, погребения железного века и местонахождения со следами железо-плавильного производства.

Хронологическая классификация памятников долины Амура позволяет установить три основных группы их: неолитические памятники, памятники эпохи железа и петроглифы.

Памятники неолитического облика, в свою очередь, дают возможность выделить три последовательных ступени их развития.

Первая группа неолитических памятников отличается характерным каменным инвентарем, как, например, желобчатыми долотами, односторонне выпуклыми мотыковыми клиньями, обилием мелких кремневых изделий и т. п. Среди керамики преобладают остатки плоскодонных сосудов «баночной формы». Характер орнамента очень разнообразен.

Вторая группа отличается от предыдущей некоторым изменением в способах изготовления глиняных изделий, более низкой техникой, развитием своеобразного орнамента и изменением форм каменного инвентаря.

Третья группа памятников характерна более разнообразной, совершенной по форме и орнаменту керамикой, количественным уменьшением каменных изделий, наличием костей домашних животных, костяными поделками.

Две первые стадии неолита А. П. Окладников относит к эпохе материнского рода. Позднейшая группа неолитических памятников датируется началом нашей эры.

Памятники эпохи железа подразделяются на два локальных варианта. Первый, близ Уссури, характеризуется остатками городищ и поселений с землянками, а также серой, лощеной керамикой. Второй, в районе оз. Кизи и Тыра у Николаевска на Амуре, содержит своеобразную керамику, костяные изделия, следы обработки железа. Вещественные памятники позволяют предполагать возможность земледелия и скотоводства в первом варианте и рыболовство и охоту — во втором.

Петроглифы на Амуре обнаружены в четырех местах. По характеру изображений они могут быть расчленены на четыре разновременных группы, причем самые ранние А. П. Окладников увязывает по времени с карасукскими стелами, а поздние — с нанайцами.

Основной результат проделанной работы заключается в том, что исследованные древние памятники выявляют существование самобытной культуры, развивавшейся в течение длительного периода на Амуре.

В докладе начальника Карельской экспедиции В. И. Равдоникаса «Наскальные изображения Онежского озера и Белого

моря» была подчеркнута важность изучения наскальных изображений Карелии.

Степень изученности этих памятников в прошлом была крайне слабой. Небольшое количество опубликованного материала (из известных 750 с лишком изображений было опубликовано несколько десятков) не дает ясного представления о настоящем характере изображений. Во всех опубликованных работах отсутствуют изображения целостными группами, характерные для карельских петроглифов. В силу устарелой техники копирования, опубликованные изображения не соответствуют действительному характеру оригиналов, что приводило исследователей к неверным толкованиям наскальных изображений Карелии.

Карельская экспедиция 1935 г. вела работы по изучению наскальных изображений в двух районах Карельской АССР: на восточном берегу Онежского озера в окрестностях дер. Бессоновской, Пудожского района, и на берегу острова Бесовы Следки, посреди р. Выг, близ Сорок. Задачей экспедиции явилось изучение наскальных изображений Карелии на месте и собирание материала для полной их публикации. Экспедиция применила наиболее совершенный способ их фиксации, как то: копирование на кальку, изготовление гипсовых слепков, бумажных эстампажей, фотографирование, зарисовки и пр. Работами были охвачены все известные в настоящее время памятники. Всего собрано материала более, чем по 700 изображениям, из которых около 150 являются вновь открытыми экспедицией.

На берегу Онежского озера, на протяжении 10 км береговой линии, экспедицией обнаружено 11 пунктов с наскальными изображениями. Фигуры высечены в сплошных и контурных силуэтах и имеют плоскостной характер. Беломорская группа петроглифов по характеру изображений близко стоит к предыдущей, но выявляет более архаичные черты.

Сюжетом наскальных изображений являлись фигуры животных, птиц, людей, получеловеческие-полузвериные фигуры и изображения символического порядка. Полу-человеческие-полузвериные фигуры В. И. Равдоникаса увязывает с тотемическими представлениями человека того времени. Фигуры же символического порядка, в которых преобладают изображения в виде круга или полумесяца, В. И. Равдоникасом трактуются как солярные и лунарные знаки.

Давность наскальных изображений Карелии определяется временем существования поздненеолитических стоянок с ямочно-ребенчатой керамикой, т. е. II—I тысячелетием до н. э. Причиной такого определения послужила территориальная близость тех и других видов памятников, сходство изображений и техники изготовления каменных орудий.

Третий день работы сессии открылся докладом В. Н. Чернецова «Результаты разведок на р. Северной Сосьве».

Район работы В. Н. Чернецова — долина р. Северной Сосьвы.

Задача обследования — попытка установить следы древних поселений на дальнем Севере. В. Н. Чернецовым собраны материалы, дающие основание говорить о древнейшем заселении этого края. Разведками обнаружены остатки древних поселений в виде больших землянок с характерным инвентарем, свидетельствующим о древности этих поселений (эпоха материнского рода). Кроме того, найдены остатки более поздних поселений типа городищ, материал которых позволяет их отнести к эпохе отцовского рода.

Последний доклад на сессии был сделан Ямальской экспедицией («Разведочная раскопка в устье р. Полуя у г. Сале-Харда»).

Экспедиция вела работы в двух районах севера на правом берегу р. Полуя, у места ее слияния с Обью, в 4 км от г. Сале-Харда, и на полуострове Ямале, в частности у Нового Порта, по р. Пясидай. Более основательные раскопки были произведены на р. Полуе. Объектом изучения послужило древнее поселение, расположенное непосредственно у слияния двух рек. Основание для его исследования дали находки 1932 г. (керамика, поделки из кости и камня, остатки костей животных).

Раскопками была охвачена площадь в 250 кв. м. Обильные и разнообразные находки содержались в хорошо выраженном культурном слое.

В процессе работ экспедицией собран богатый материал, который содержит поделки из кости в виде прекрасно изготовленных ложек и гребней, орнаментированных сплошными резными изображениями, фигурки различных животных, наконечники стрел, крючки и другие предметы различного назначения. Здесь же обнаружены бронзовые и глиняные изделия, а также кости животных. Среди поделок особенно отмечаются скульптурные фигурки животных из кости и бронзы, свидетельствующие о высоком уровне искусства того времени. Мощный культурный слой, охватывающий большую площадь, наличие керамики, обилие различных орудий — указывают на длительное пребывание здесь человека. Анализ материала позволяет предполагать, что основными формами хозяйственной деятельности человека являлись собирательство, охота, рыболовство, собаководство и, возможно, оленеводство.

Вторая часть работы экспедицией проведена на полуострове Ямале. Здесь, у поселения Новый Порт, на современном ненецком кладбище, экспедицией обнаружены следы древнего обитания человека в виде остатков керамики. Последняя относится

к более позднему времени в сравнении с материалами, собранными в устье р. Полуя.

Вновь открытые памятники подчеркивают возможность дальнейших подобных открытий на крайнем Севере, материалы которых могут помочь в разрешении многих исторических вопросов.

В обсуждении заслушанных докладов на сессии выступил ряд специалистов — П. П. Ефименко, Г. П. Сосновский, А. Я. Брюсов и др., отметивших большое значение сделанных открытий.

К работе сессии была приурочена отчетная выставка полевых материалов 1935 г., посвященная результатам экспедиционной работы.

Выставка включила материалы восьми экспедиций, отобразив памятники эпохи палеолита, неолита и железа. Группа палеолитических памятников открылась материалами Закавказской экспедиции. Здесь представлены находки ашэльского типа (Яштух и Кюр-Дере) и местонахождения мустьерского времени (Желасури, Очеччиры). Инвентарь верхнепалеолитического типа представлен двумя местонахождениями: Лечкоп и Гали.

Следующий палеолитический материал дан на выставке из навеса Шан-Коба, доставленный Крымской экспедицией. Здесь полно отражен кремневый инвентарь микролитического облика из различных слоев навеса. Представлена серия костяных поделок, фауна и др.

Третья палеолитическая экспедиция представлена материалами, собранными К. М. Поликарповичем во вновь исследованной им в 1935 г. палеолитической стоянке близ сел. Елисеевичи. Среди выставленного материала (фауны, кремневого инвентаря) исключительный интерес представляют предметы первобытного искусства, изготовленные на крупных пластинках из бивня мамонта, с тонкой резьбой на поверхности, в виде различных фигур. Не меньший интерес представляет крупная женская статуэтка из кости, по облику близко стоящая к известным статуэткам из Костенок, Гагарино, Мальты и др.

Неолитическая группа памятников на выставке открывается материалами Карельской экспедиции. Здесь представлены раз-

личные группы наскальных изображений, сюжетом которых служат фигуры животных, людей, птиц, символические изображения и др. Показаны различные способы фиксации материала, примененные экспедицией, в виде гипсовых слепков, бумажных эстампажей, фотографий, рисунков в красках, копий на кальке.

Рядом даны материалы Амурской экспедиции, иллюстрирующие неолитические и более поздние памятники долины Амура.

Поздняя группа памятников представлена на выставке тремя экспедициями: Ямальской, Обской и Кубанской.

Первая из них отразила, главным образом, материалы из раскопок близ г. Сале-Харда. В больших сериях показаны изящные поделки из кости, как то: фигурки животных, высокие гребни с тонкой резьбой, маленькие ложечки и лопаточки, сложно орнаментированные, ножи, наконечники стрел. Материал дополнен каменными и бронзовыми изделиями, а также керамикой с различными видами орнамента, собранной экспедицией в большом количестве. Представленная фауна и другой материал хорошо иллюстрируют этот памятник, относящийся к первым векам нашей эры.

Материалы Обской экспедиции характеризуют вновь открытые в этом году на крайнем Севере поздние памятники эпохи металла. На выставке даны детальные планы городищ.

Среди материала большое место занимает орнаментированная керамика; в некоторых случаях хорошо сохранившиеся сосуды имеют круглое и уплощенное дно. Здесь же даны каменные орудия, как, например, грузила для сплавной сети, пест, скребки и др. Представлены фрагменты тиглей для плавки меди и металлические изделия. Материал из женского погребения, относящийся к XVIII в., куда относится хорошо сохранившийся череп женщины, сопровождается большим количеством металлических украшений.

Кубанская экспедиция, работавшая в 1935 г. в ст. Елизаветинской, близ Краснодара, представила на выставке материалы из Елизаветинского городища и могильника, датируемые В. А. Городцовым IV—II вв. до н. э.

Н. Л. ЭРНСТ

ОБЗОР АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КРЫМУ В 1935 Г.

Раскопки и археологические исследования в Крыму ведутся очень давно, чуть ли не 150 лет; музеи в Крыму существуют уже 125 лет, крымские древности привлекли величайшее внимание как старой русской науки, так и западной. В изучении крым-

ских древностей более чем в какой-либо другой теме проявляла себя дореволюционная археология. Здесь она особенно явно выявляла методологию своих представителей, их приемы, их технику, раскрывала связь археологии с политикой.

В то же время старая археология Крыма оставила нам и ценное наследие, подлежащее освоению. Крым — один из ответственных, ценных и сложных участков в археологическом отношении.

За исполнившиеся в 1935 г. пятнадцать лет власти Советов в Крыму крымская археология поработала интенсивно и сделала значительные успехи. Открыты целые новые, дотоле почти неведомые эпохи и памятники, например, крымский палеолит, получивший большую известность и имеющий огромное значение во всесоюзной археологии, а также широко известный за рубежом; крымский эппалеолит (азиль и тарденуаз), кизил-кобинская «культура» конца бронзового века, приписываемая таврам, обширная система скифских городищ в предгорном Крыму и т. д. Совсем по-иному поставлена проблематика античной археологии, чрезвычайно расширились и обогатились наши знания о хозяйстве антично-рабовладельческого общества в Крыму, раскрылись новые страницы дотатарского и татарского средневековья. Имеются достижения в плановости раскопочной работы. Умножились кадры археологов, работающих над крымскими древностями. Ряд экспедиций ежегодно изучает и раскапывает памятники Крыма. Техника раскопок поднята на высокую ступень. Крымские археологические музеи укрепились, расширились, перестроили свою экспозицию и работу. Сильно выросла археологическая литература о крымских древностях. Широкие массы трудящихся и самого Крыма и приезжающих со всего СССР проявляют живой интерес к археологическим памятникам Крыма.

Археологические работы в Крыму за 1935 г. не снизили взятых за предыдущее время темпов и дали существенные результаты. Как и в предшествующие годы, в Крыму работал ряд экспедиций, посвятивших раскопки изучению разных эпох.

Замечательные открытия предыдущих лет в области крымского палеолита были в этом году пополнены. Исследования ограничивались, правда, памятниками конца палеолита. Экспедиция Института антропологии, археологии и этнографии Академии Наук и Гос. Академии истории материальной культуры под руководством С. Н. Бибикова произвела ценные раскопки одного из важнейших памятников крымского эппалеолита — пещеры Шан-Коба. Почти все очень многочисленные стоянки эппалеолита в Крыму — открытые, а потому сплошь однослойные и в большинстве нарушенные, размытые, выдутые. Шан-Коба же — стоянка пещерная и поэтому ее наслоения и все их содержимое гораздо лучшей сохранности. Сведения о результатах этих работ см. в отчете С. Н. Бибикова.

Экспедиция Антропологического института МГУ и Московского отделения ГАИМК

под руководством О. Н. Бадера произвела поиски новых местонахождений остатков древнего каменного века. В горной части Карасубазарского района, вошедшей в план разведок этого года, экспедицией обнаружено несколько пещер с эппалеолитическими находками, кремнями, кострищами и фауной. Некоторые из них достойны подвергнуться в дальнейшем более широким раскопкам. Несмотря на наличие в Крыму многочисленных азилотарденуазских стоянок, эти новые местонахождения должны привлекать внимание, так как, повидимому, дают гарантию нахождения в них хорошей сохранности наслоений и четкой стратиграфии.

Подобные же разведки производила экспедиция Гос. Исторического музея (в Москве) в западной части горного Крыма, у Севастополя, на р. Бельбеке и Каче. Она нашла явственные показания на эппалеолит в пещере Замиль-Коба у дер. Черкес-Кермен Бахчисарайского района, а также кое-какие намеки на мустье на открытом месте около дер. Пычки Бахчисарайского района на р. Каче. Эти данные еще нуждаются в проверке и подробном исследовании и, если оправдаются, должны приобрести большое значение.

Территория горного Крыма уже подвергалась в прежние годы многочисленным и широким разведкам на палеолит. Однако нельзя, повидимому, считать, что все возможности уже исчерпаны: новые поиски ежегодно дают новые результаты, и обнаруживаются стоянки даже в тех местах, которые ранее обследовались прежними разведками.

Более поздние стадии развития первобытного общества, представленные в Крыму в изобилии, — бронзовый век, древнейшие курганы, да и вообще курганные погребения Крыма, а также скифские древности — не подвергались полевому изучению в отчетном году.

Значительные раскопки были посвящены исследованию древностей антично-рабовладельческой формации. Здесь на первом месте нужно отметить раскопки на строительной площадке грандиозного, строящегося близ Керчи на берегу пролива Камыш-Бурунского, железнорудного комбината, произведенные экспедицией ГАИМК и Керченским Археологическим музеем под руководством Л. М. Славина, Гайдукевича и Марти на средства Камыш-Бурунского строительства. На этом месте находится античное греческое городище Ди, одного из городов Боспорского царства. Сведения о результатах работ сообщает в своей заметке П. Н. Шульц.

Другой пункт раскопок античных древностей экспедицией ГАИМК и Керченского музея — Мирмикий, расположенный на берегу Керченского залива, несколько севернее Керчи, в 5 км от нее. Здесь также произ-

ведены раскопки в связи с происходящим в этом месте строительством. Они не обнаружили рыбопромысловых приспособлений, но зато выявили целый ряд принадлежностей и устройств для виноградарства и виноделия, отдельные орудия и, прежде всего, давилни для винограда, так наз. тарапаны, т. е. широкие, плоские неглубокие каменные резервуары, где наваливался и выдавливался (конечно, ногами) виноград и откуда сусло стекало по высеченному в том же камне желобку в другое, соседнее, меньшее, более глубокое вместилище.

Мирмикий существовал в те же столетия, как и Дия, с V в. до н. э. до III—IV вв. н. э. Повидимому, этот город больше специализировался на виноградном хозяйстве. Это не исключает того, что мирмикианцы ловили также рыбу и занимались и другими видами античных городских промыслов.

Интересные археологические раскопки были произведены в 1935 г. на городище известной античной римской крепости Харакс на мысе Ай-Тодор на южном берегу Крыма, между Ялтой и Алушкой, экспедицией Московского отделения ГАИМК, Исторического музея и Музея изобразительных искусств, под руководством проф. Блаватского. Здесь уже давно, как известно, производились раскопки. Эти прежние раскопки дали замечательные результаты, но последние были плохо опубликованы и зафиксированы, так как работы имели любительский характер и производились кустарно. Раскопки 1935 г. имели целью пополнение, проверку и надлежащую фиксацию прежних данных. Расчищено и подробно исследовано пришедшее в полное запустение интереснейшее сооружение — развалины римской гарнизонной бани с разными ее отделениями и приспособлениями для подпольного отопления, нагревания и стока воды и т. д. Невдалеке расчищен и исследован огромный цементированный бассейн для воды, нимфей.

Для изучения городища в целом была проведена длинная траншея через все его части, от его центра у нимфея, через две линии оборонительных стен, на находящийся вне стен некрополь. Таким образом изучены основания крепостных стен. Их две — внутренняя и внешняя. Внутренняя сохранилась частично и на поверхности; она сложена из гигантского размера неотесанных камней в виде так наз. циклопической кладки. Ее основание оказалось весьма мощным. Внешняя стена построена иначе, из гораздо меньших камней, тоже неотесанных. Пространство между обеими стенами оставалось незастроенным, очевидно, для целей более свободного развертывания обороны и маневрирования; здесь же было, вероятно, убежище для окрестного населения. В обеих стенах были башни. Обычно до сих пор предполагали, что на месте римской крепости Харакса, до ее

сооружения римлянами, находилось более древнее укрепление тавров. Действительно, черепки характерной таврской посуды встречаются в почве крепости, но не под слоями с римскими остатками, а в тех же слоях, вперемежку с ними. Доримских, чисто таврских слоев раскопки не обнаружили.

За наружной стеной находилось кладбище. В отличие от прочих могильников этого времени в Крыму здесь все покойники, согласно чисто римскому обычаю, хоронились путем трупосожжения, причем пепел собирался в урну-амфору, которая зарывалась на кладбище вместе с некоторыми погребальными дарами.

В Херсонесе раскопки ведутся в течение свыше ста лет, а систематические — около пятидесяти лет. Все же территория его раскопана и исследована лишь в незначительной части. Раскопки были лишены плана: копали то здесь, то там. За советский период были сделаны попытки ввести раскопки Херсонеса в русло планомерности. В последние годы раскопки ведутся ежегодно. Главная цель их — охрана тех частей памятника, которые непрерывно и настойчиво подмываются и разрушаются морским прибоем.

В течение нескольких лет Херсонесский музей раскапывает прибрежную и наиболее угрожаемую полосу Херсонеса по северному краю городища. В предыдущие годы, до 1935 г., здесь были вскрыты древние античные и средневековые жилые городские кварталы, с развалинами жилых домов и хозяйственных построек, кладовых, сараев и пр., цистерны, дворы, колодцы, улицы с мостовыми и водостоками, мастерские и т. д. Среди развалин найдены орудия труда, керамика, утварь, предметы украшения, культа и искусства, монеты и пр. Город существовал, строился, перестраивался, разрушался и возобновлялся в течение двух тысяч лет. Поэтому стратиграфия здесь чрезвычайно сложна и путана, фундаменты построек, дворы, вымостки улиц разных эпох и столетий лежат одни над другими, пересекаясь колодцами, погребями, цистернами. Находки отдельных предметов относятся к разным эпохам, и все вместе дает богатый и разнообразный материал.

Раскопки 1935 г., проводившиеся, как и предыдущие, под руководством зам. директора музея Г. Д. Белова, были чрезвычайно удачными и дали большие результаты. На участке раскопок этого года в нижних слоях, на глубине 3—4 м, обнаружены остатки жилых и хозяйственных построек эллинистического времени, IV—II вв. до н. э. Выше эллинистических слоев обнаружен слой римского времени, представленный каким-то обширным цементированным полом. Последний, повидимому, является остатком какого-то значительного помещения первых веков нашей эры. Величайшее внимание должны возбудить находки, отно-

сящиеся к этой же римской эпохе, I—II вв. н. э., но обнаруженные в последующем, верхнем, уже византийском слое. Находки этого года представлены огромными мраморными плитами, великолепными образцами греческой скульптуры римского времени. Таких плит найдено двенадцать. На одной барельефо изображены муж и жена, возлежащие на ложах; по сторонам стоят гении смерти с факелами в руках. Тут же греческая надпись. Изображение явно надгробное. На другой плите — Геракл, совершающий подвиги (культ Геракла был одним из важнейших в Херсонесе). На третьей — грифон, на остальных — эроты, несущие гирлянды из плодов и кистей винограда, с головами медуз и силенов между ними, и пр. На двух плитах прекрасно сохранились греческие погребальные надписи. В одной из них говорится о некоем первом архонте. Мраморные плиты эти имеют высоту около 1 м и длину до 2.5 м. Видимо, все они служили первоначально фризом какого-то большого и роскошного античного культового сооружения, вернее всего не храма и не общественного здания, а судя по погребальному характеру надписей и некоторых сюжетов барельефов, богатого мавзолея, возведенного в память некоего, упоминаемого в надписях влиятельного и богатого сановника херсонесской республики. Плиты эти являются исключительно ценными памятниками истории искусства и культуры античного Херсонеса, подобных которым до сих пор еще не было найдено.

Они были найдены не в своем первоначальном местоположении и применении, а в совсем другом, более позднем слое, именно в развалинах средневекового христианского храма базиликальной формы. В этой базилике мраморные плиты были использованы в перевернутом лицом вниз положении в качестве вымостки пола. Раскопки в базилике констатировали несколько строительных периодов. Первоначальная базилика была сооружена, повидимому, в V веке н. э. От нее сохранились три мраморных капители поразительно тонкой художественной работы. На месте базилики V в. в VI в. была сооружена новая, видимо, очень богатая, крупная постройка с изысканной дорогой художественной обработкой. В среднем нефе пол был устлан мраморными плитами до 3 м длины (среди которых и оказались упомянутые римские барельефы), в боковых нефках — мозаиками, частично сохранившимися. Над входами были помещены громадные мраморные орнаментированные карнизы до 3 м длины и до 800 кг весом. Нефы разделялись огромными мраморными толстыми колоннами с массивнейшими базами и капителями невиданных до сих пор в Херсонесе размеров. Все сохранившиеся фрагменты базилики отличаются чрезвычайной монументальностью. Известно,

что в VI в., особенно при императоре Юстиниане I, Херсонес приобрел серьезное значение в Византийской империи, находившейся тогда в стадии подъема, и правительство Юстиниана проводило в нем крупное строительство.

Базилика VI в. была, повидимому, разрушена в IX или X в. Позже, в XIII—XIV вв., когда Херсонес клонился к упадку и возможности его были крайне ограничены, на развалинах древней большой базилики и из ее материала была сооружена небольшая церковь, с кладбищем из могил-усыпальниц вокруг нее. Исследовано 32 могилы, давших большое количество костяков.

Руководитель раскопок Г. Д. Белов сообщает: «Херсонесским музеем будет проведена частичная реставрация храма-базилики VI в. Мраморные плиты пола, базы, колонны и капители будут поставлены на свои места, что даст возможность посетителю представить себе памятник приблизительно в том виде, какой он имел в древности».¹

Таковы итоги раскопочных работ в Крыму в 1935 г.

Многочисленные историко-археологические памятники, рассеянные по территории Крыма, известны в большом числе. Вряд ли есть другая подобной размера часть нашего Союза, где бы они имелись в таком числе и таком разнообразии. Однако учет и фиксация этих памятников поставлены крайне плохо. О большинстве памятников имеются старые, недоброкачественные сведения. Есть такие, которые были упомянуты лет сто тому назад и с тех пор никем и никогда не были не только описаны, но даже посещены. Многие пребывают просто в неизвестности. В связи с таким неудовлетворительным состоянием учета и фиксации хромает охрана памятников, и они портятся и исчезают. Сплошному археологическому обследованию и фиксации памятников подвергались лишь небольшие участки Крыма. Так, Гераклийский полуостров у Севастополя (треугольник Инкерман—Балаклава—Херсонесский маяк) подробно обследован Севастопольским музеем краеведения (школьный краеведческий кружок под руководством В. П. Бабенчикова), и составлена археологическая карта. Обследован берег Керченского пролива. Проводились широкие разведки на больших территориях Крыма, но лишь на определенные разряды памятников, например, на палеолит и эпипалеолит, на скифские городища в предгорьях и т. п. Полной археологической карты Крыма не существует.

Неотложнейшей задачей советской археологии в Крыму является, наряду с продолжением раскопок, сплошное обследование всей территории Крыма в целях учета, фик-

¹ Газета «Маяк Коммуны» от 30 сент. 1935 г., Г. Д. Белов. Раскопки Херсонеса.

сации и описания памятников, выявления новых, доселе неизвестных, и составление археологической карты Крыма. Некоторую инициативу в этом деле проявил Алушкинский дворец-музей, который в 1934—1935 гг. провел две продолжительных экспедиции под моим руководством для обследования, учета и описания памятников южного берега Крыма на всем его протяжении от мыса Айя (у Балаклавы) и до Алушты. В обследование и описание включены были все памятники, начиная от первобытных и кончая революционными. Их оказалось очень много, и среди них немало совсем неизвестных.

Наиболее значительными группами выявленных памятников на южном берегу Крыма оказались: 1) первобытные памятники эпипалеолитические — в виде стоянок с многочисленными кремневыми находками на высокогорном плато Яйлы и на склонах гор; 2) памятники конца бронзового века, приписываемые таврам, в виде могильников, «крымских долменов» или «каменных ящиков», т. е. мегалитических гробниц из четырех каменных плит с крышкой; таких долменных могильников много на южном берегу; имеются и современные им стоянки тавров; 3) памятники античные, в первую очередь римской эпохи — римская крепость Харакс I—III вв. н. э., уже упоминавшаяся выше, и склепные могильники этого же времени; 4) готские могильники раннего средневековья, знаменитое Суук-су и другие подобные; 5) развалины греческих церквей, часовен и монастырей VIII—XVII вв.; среди них, например, известная Партенитская базилика; 6) развалины средневековых греко-готских крепостей так наз. исаров; этих укреплений, упоминавшихся еще Рубруком в XIII в., на скалах южного берега констатировано и обследовано 25; некоторые из них были до сих пор совершенно неизвестны; исары представляют одну из интереснейших проблем истории южного берега; 7) греко-готские могильники позднего средневековья; 8) развалины генуэзских крепостей, как Гурзуф, Алушта и др.; 9) остатки старых покинутых греческих и татарских деревень; 10) древности современных татарских деревень, старинные дома с их старым бытом, мечети, кладбища с надгробиями; 11) памятники первой эпохи русской царско-помещичьей колонизации южного берега (до середины XIX в.), дворцы, помещичьи усадьбы, винные подвалы, парки, церкви и т. д.; 12) памятники дворянско-буржуазной колонизации в эпоху капитализма, дачи, виллы, дворцы, особняки и т. д.; 13) памятники, связанные с пребыванием в Крыму выдающихся деятелей культуры, писателей, художников, ученых и т. д. (Пушкин, А. К. Толстой, Л. Н. Толстой, Чехов, Горький, Куинджи, Бекетов, Бертье-Делагард и мн. др.); 14) памятники революционного движения и граждан-

ской войны, могилы, места расстрелов, памятные здания и т. д.

Результаты этого учета и обследования Алушкинский музей предполагает издать в виде большой монографии вместе с историко-археологической картой южного берега Крыма. Обследование было связано с проводимой в настоящее время работой по районному всестороннему планированию и перепланировке южного берега Крыма.¹

Успехи археологической работы в Крыму в 1935 г. велики. В то же время подчеркнем и крупные недостатки. Работы ведутся и велись в предыдущие годы большим числом научных учреждений, главным образом внекрымских, причем общего плана этих работ как на истекший год, так и на предстоящие не имелось; не имеется его и на 1936 г. и на всю пятилетку. Работы между собою не увязаны и не координируются. Имеются элементы случайности, самотека, решающего влияния «объективных» причин, пробелы. Например, такой важнейший раздел археологии Крыма, как татарские древности, совсем не исследуется; ряд начатых раскопками интереснейших памятников заброшен и не раскапывается; например, палеолитические стоянки Чокурча и Сюрень, пещерный город Эски Кермен, Чуфут-Кале, Старый Крым, Судак и др.

Учет произведенных работ ограничивается учетом выдачи открытых листов и получения отчетов в ГАИМК. В крымских органах работы внекрымских учреждений не согласовываются ни заранее, ни при приезде, ни при отъезде экспедиций, ни путем отчетности; учета проведенных и предполагаемых работ в Крыму нет; не имеется в Крыму и соответствующего руководящего или хотя бы координирующего археологического органа. Если, например, мы здесь даем обзор всех производившихся в Крыму археологических работ, то пользуемся для этого сведениями, полученными только благодаря личным отношениям и наблюдениям; в учреждениях ни Крыма, ни Москвы и Ленинграда сводки нет. Связь экспедиций с местной крымской общественностью, с трудящимся населением почти отсутствует. Добытые раскопками данные крайне медленно обрабатываются, поздно и туго публикуются, а то и совсем «хоронятся». Крымские научные учреждения (музеи, Научно-исследовательский институт нацкультстроительства и краеведения, Общество изучения Крыма) археологических работ не ведут, кроме трех упоминавшихся выше музеев (Керчь, Херсонес, Алушка). Дело охраны памятников древ-

¹ Краткий очерк памятников по результатам обследования издан мною в «Социалистической реконструкции южного берега Крыма», Симферополь, 1935.

ности, старины и революционного движения поставлено в Крыму плохо, и даже не создан декретированный ВЦИК орган, руководящий охраной крымских памятников.

Из всего этого нужно сделать соответствующие выводы о том, что на наличных достижениях успокаиваться не приходится и предстоит сделать гораздо больше того, что уже сделано.

А. П. КРУГЛОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА РЕКЕ ТЕРЕК

В 1934 и 1935 гг. Гос. Академией истории материальной культуры им. Н. Я. Марра была организована археологическая экспедиция для изучения памятников древности в долине р. Терек, по его верхнему течению. Работы производились по договору с Гидроэлектропроектом, проектирующим постройку сети мощных гидростанций на участке от Трусовского ущелья до ст. Балта на Военно-Грузинской дороге. В результате полевых работ был произведен предварительный учет археологических памятников как находящихся в долине Терека, так и в ближайших к нему частях боковых ущелий. Наибольшее внимание было обращено на район первоочередных строительных работ, охватывающий территорию от селения Казбек до места впадения в Терек р. Арм-хи. Всего экспедицией зафиксировано около 200 объектов.

Осмотренные, а частично и обнаруженные экспедицией памятники чрезвычайно разнообразны по своему характеру и распределяются во времени от второго тысячелетия до нашей эры до XVII—XVIII вв.

Главное внимание было обращено на поиски мест древних поселений, никогда не служивших на этой территории предметом специального изучения, а для некоторых эпох даже не обнаруженных. Целый ряд могильников, раскапывавшихся до революции в окрестностях селений Балта, Чми и Казбек, требовал увязки ранее добытого материала с находками из культурного слоя синхроничных им селищ.

Наиболее древние находки были сделаны на правом берегу Терека, вблизи места впадения в него р. Арм-хи. Обнаруженные здесь фрагменты лепной керамики с беспорядочной штриховкой на поверхности имеют ближайшие аналогии с сосудами предгорной полосы, относимыми к эпохе бронзы. К сожалению, условия находки не позволяют с уверенностью говорить о наличии в данном пункте древнего поселения. Фрагменты керамики встречались как в осыпях, так и в толще земли, но ясно выраженный культурный слой проследить не удалось.

Основная масса обнаруженных поселений относится к VII—IX вв. н. э. Наиболее крупное поселение этого времени зафиксировано у самой Военно-Грузинской дороги; мощный культурный слой этого селища

имеет протяженность около 0.5 км. Поселение расположено на склоне горы, на узкой полосе древних речных наносов и конусах выноса гор. Часть селища срезана дорогой. В данном случае можно ставить вопрос об увязке этого поселения с одновременными ему могильными комплексами, так как в непосредственной близости к нему расположен большой грунтовый могильник, известный у местных жителей под названием «Харх». Во время ранее производившихся раскопок здесь были обнаружены могилы, датирующиеся аббасидскими диргемами 791—792 гг. н. э.

Придавая большое значение вопросу о местах древних поселений, мы сочли совершенно необходимым проверить указания В. И. Долбежева на возможность существования древних построек в местности Беахни-Куп у с. Чми.¹ В процессе обследования территории выяснилось, что на холме Беахни-Куп, действительно имеющемся в окрестностях селения Чми, никто раскопок не производил, а исследования В. И. Долбежева связаны с другим урочищем, известным под названием «Царца», где до него производил раскопки Д. Я. Самоквасов, а после — А. А. Бобринский. При самом беглом осмотре местности можно было сделать вывод о необоснованности предположения В. И. Долбежева, утверждавшего, что в данном месте находились жилища типа свайных построек, расположенные по краю большого озера, заполнявшего Джераховскую котловину, затопленные внезапным наводнением и впоследствии перекрытые аллювиальными наносами. Внезапной гибелью древнего поселения объяснялась и перемешанность культурных остатков и костей человеческих скелетов, отмеченная всеми исследователями. Насколько можно судить на основании произведенных нами небольших раскопок, древнего поселения в данном пункте не было, а имеется разрушенный могильник. Перемешанность культурных остатков следует объяснять двумя факторами. Перемешанность верхних слоев, по нашему мнению, является результатом грабительских раскопок, так как только

¹ Отчет Археологической комиссии за 1882—1888 гг., стр. CLXXXI—CLXXXIII.

при этих условиях разновременные находки могли оказаться на одном уровне и, наоборот, фрагменты одного и того же сосуда — на разных горизонтах. Перемешанность нижних слоев, где смешение разновременных культурных остатков значительно менее выражено, вызвано оползнем подстилающего слоя, представляющего собою сцементированный галечник. Это обстоятельство объясняет замеченный при раскопках факт перекрытия нескольких детских захоронений слоем галечника, не содержащем находок. Неповрежденных погребений обнаружить не удалось.

Основную массу находок: бронзовые браслеты со звериными головками на концах и сделанные из полукруглого в сечении стержня с заостренными концами, круглые спиральные височные кольца, кольца овальной формы, трубочки, свернутые из бронзовой проволоки, чашкообразные бляшки в виде одного и двух соединенных друг с другом бронзовых полушарий, подвеска в виде плоского наконечника стрелы с серповидным выступом в верхней части, дугобразные фибулы, обмотанные проволокой, и ряд других предметов можно отнести ко второй половине I тысячелетия до н. э.

Находки более поздние встречались значительно реже, преобладая в верхних слоях раскопа. Представляют значительный интерес подвески, сделанные из зубов и фаланг животных, происходящие, преимущественно, из нижних горизонтов раскопа. Обнаружены просверленные фаланги барана, свиньи и медведя, два астрагала барана и три резца коровы.

Отмечавшийся В. И. Долбежевым и А. А. Бобринским настил из дубовых бревен, проходивший по всей площади, ими раскопанной, нами не прослежен. Встречались лишь небольшие куски сгнившего дерева.

Особое внимание экспедиции было обращено на ознакомление с многочисленными оборонительными сооружениями. Здесь встречаются боевые башни, постройки, известные в археологической литературе под несколько неточным названием жилых башен, комплексы оборонительных построек типа замка и, наконец, крепостные сооружения. Боевые башни долины Терека могут быть подразделены, в основном, на два типа, вероятно, относящихся к различному времени. На ряду с башнями четырехугольными в плане, широко представленными в ряде пунктов на Северном Кавказе, например, в Северо-Осетинской Чечено-Ингушской и Кабардино-Балкарской автономных республиках, здесь удалось проследить повсеместное распространение иного типа башни, одна из сторон которой в плане сильно закруглена и иногда приближается к правильному полукругу. Есть некоторое основание считать этот тип сооружений более древним. Башни этой конструкции ни в одном случае не встретились на территории совре-

менных селений, что является обычным для сооружений первого типа; не удалось также получить у местных жителей сведений о владельцах этих башен. Обычно постройки эти совершенно разрушены, сохранились в лучшем случае лишь нижние части стен, и в худшем — одни фундаменты. Расположены они, как правило, на скалистых отрогах гор и округлой стеной обращены к горному скату, т. е. в сторону, наименее защищенную. Единственная башня этого типа, более или менее хорошей сохранности, находится вблизи с. Хуртиси. Верх башни имеет большие машикули, поддерживаемые на сланцевых консолях. Междуэтажные перекрытия укреплены на сланцевых плитах.

Более сложными оборонительными комплексами являются замки. Примером сооружений этого типа может служить обследованное экспедицией Гудушаурское укрепление в долине Черной Арагвы. В самой низкой части долины, на отдельно расположенной высокой скале, имеющей сверху небольшую ровную площадку, находятся развалины укрепления. Наиболее высокую часть скалы занимает четырехугольной формы башня, а по краю, следуя естественным изгибам, идет массивная оборонительная стена с многочисленными бойницами и машикулями. Вход в замок сделан в виде небольшого отверстия арочной формы, находящегося своей наружной стороной в пределах видимости из укрепления и защищенного, кроме того, при помощи машикуля, расположенного над входом.

Техника устройства машикулей в данном укреплении доведена до большого совершенства. Особенно хорошо сделан машикуль в оборонительной стене у северного угла башни; в толще ее, и частично нависая над нею, с наружной стороны имеется большое помещение прямоугольной формы, пол которого выложен хорошо сглаженными сланцевыми плитами. В полу под стеной, с наружной ее стороны, имеются две прямоугольной формы прорези, закрываемые хорошо подогнанными каменными плитами. Стены помещения в нижней части вертикальные, кверху сужаются уступами, образуя ложный свод. Сооружение это имеет вход прямоугольной формы со стороны укрепления и небольшие бойницы, направленные вдоль оборонительной стены, а также в стене, обращенной в сторону долины.

Крепостные сооружения в долине Терека менее многочисленны. Можно назвать два наиболее крупных: укрепление, известное под названием «Замка царицы Тамары», в Дарьяльском ущелье, и крепость у сел. Арша. Особый интерес представляет система оборонительных построек в Дарьяле, о которой имеется большое количество сведений у древних авторов и которая, несомненно, имела историческое значение. Здесь, кроме основного укрепления, расположенного на

левом берегу Терека на отдельном скалистом холме, имеются еще три оборонительных пункта, находящиеся, несомненно, в тесной взаимной связи. Мы имеем в виду фрагмент мощной стены на левом берегу Терека, в расстоянии около километра вниз по его течению, идущий поперек долины, и остатки двух совершенно разрушенных построек на правом берегу Терека, на очень большой высоте, представляющих собой, по всей вероятности, развалины башен. Об одновременном возведении всей этой системы укреплений, нам кажется, свидетельствует единство технических приемов, служивших при ее сооружении. В трех случаях нами замечены в толще стен в цементировке тонкие, неправильной формы каналы — остатки прутьев, положенных для более правильной осадки стен. На других архитектурных сооружениях, находящихся в долине Терека, этот строительный прием нами не прослежен.

Холм, занятый основным укреплением, имеет оборонительную, до двух метров толщины, стену, идущую по его краю, укрепленную контрфорсами. В сторону Терека ведет защищенный стенами ход, между которыми на значительном протяжении сохранились каменные ступени. Неглубокая ложбина, отделяющая холм с укреплением от основного горного массива, преграждена двумя каменными стенами; в толще одной из них проложены глиняные водопроводные трубы, подававшие воду с противоположного горного склона; вероятно, это и есть тот источник пресной воды, о котором упоминает арабский географ X в. Масуди.

К югу от укрепления, вблизи него на ровной террасе, прослеживается культурный слой обширного средневекового поселения.

Учитывая особый интерес Дарьяльского укрепления, экспедицией на площадке холма был заложен небольшой раскоп разведочного характера. В результате раскопок получено большое количество материала, главным образом керамики и стекла, относящегося, преимущественно, к VIII—X вв. н. э. Наличие мощного культурного слоя, до трех метров толщиной, и хорошая

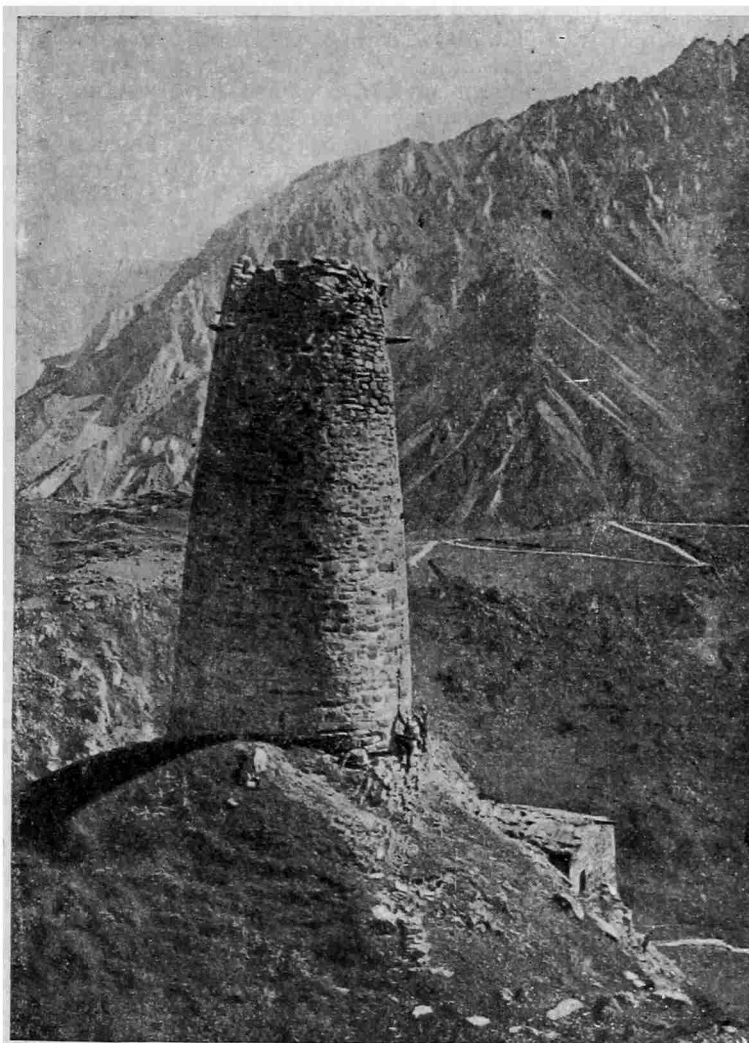

Рис. 1. Башня у села Хуртиш.

сохранность обнаруженных в раскопе строительных остатков делают чрезвычайно желательной постановку в данном пункте больших стационарных работ, которые, несомненно, дадут возможность выяснить планировку укрепления. Обнаруженный при раскопках материал чрезвычайно близок известному из синхронических поселений Северного Кавказа.

Не менее интересны разнообразные памятники культового характера, осмотренные экспедицией в долине Терека; во многих случаях эти памятники, несмотря на свой внешнехристианский облик, позволяют вскрыть верования далекого прошлого. Укажем, например, на отмечавшийся в литературе факт моления у каменного изображения барана с целью получения большего приплода баранты. Изображение это, называемое местными жителями «Квиреис кочи», т. е. баран Квирья, божества плодородия, находится на стене полуразрушенной церкви

у сел. Цдо. Кроме этого святилища, описанного в работе С. И. Микалатия,¹ одним из сотрудников экспедиции, в самом сел. Казбек, в куче камня рядом с одним из столпообразных святилищ, было найдено поломанное каменное изображение барана. Это изображение близко и по форме, и по технике изготовления к изображению из сел. Цдо. Оно также сделано из местного камня, андезита, и отличается лишь меньшими размерами. Следует отметить, что ни один из опрошенных в селении стариков не помнил о существовании этого культа в сел. Казбек, а указывал только на изображение барана в Цдо. Интересно, что святилище сохранило старое название — «Квирья», но осмысление этого названия утрачено. Жители считают, что оно произошло от названия дня недели, что праздник происходил в воскресенье. О родственных чертах этого культа грузин-мохевцев с культом соседних народностей, быть может, свидетельствует факт вывоза карательной экспедицией генерала Абхазова из селения Даргаве в Северной Осетии, в качестве трофея, медного изображения барана, стоявшего раньше на площади селения, о котором сообщил экспедиции Л. П. Семенов.

Столь же интересны и другие факты, подмеченные в процессе работ, например существование отдельных мужских и женских святилищ в осетинском сел. Чми и в грузинском Гори-Цихе, а также существование во втором из упомянутых селений женщины, исполняющей обязанности деканоза, служителя культа. Записано также несколько легенд, связанных с культовыми памятниками. Описано и схематически замерено значительное количество архитектурных памятников религиозного характера; некоторые из них представляют значительный интерес, как, например, церковь у сел. Гарбани (VI—VII вв.) с большим количеством грузинских надписей, видимо, особенно почитавшаяся в древности, так как камни от карнизов этой церкви были обнаружены в кладке стены башни Гудушаурского укрепления и на столпообразном святилище в честь св. Георгия, на вершине горы над сел. Сно. Значительный интерес представляет также полуразрушенная церковь у сел. Гвилети, стены которой покрыты в два яруса фресковой живописью, как правило отсутствующей в церквях по Тереку. Живопись сравнительно поздняя, позволяющая датировать этот памятник временем около XIV в. Наибольший интерес представляет фреска с изображением вооруженного всадника, сидящего верхом на лошади. Туловище всадника изображено фронтально.

¹ Культовые места и связанные с ними ритуальные обряды у грузин-мохевцев. Сборн. «Академия Наук СССР академику Н. Я. Марру», М.—Л., 1935, стр. 517 и сл.

На голове надет шлем с заостренным верхом и нашечниками. За спиной всадника висит щит, а у пояса, вероятно, колчан. Сидит всадник в седле с высоко поднятой лукой. На шее лошади повешен колокольчик. Фреска выполнена по светлой, слегка желтоватой загрунтовке. Контуры изображения нанесены красной краской с коричневатым оттенком. Одевание всадника белого цвета с красной каймой. Колчан зеленоватого цвета. Другие сохранившиеся фрески изображают святых, Георгия-победоносца, картину страшного суда и распятие. Большая часть фресок совершенно смыта дождем и сильно выветрилась. Учитывая их значительный интерес, необходимо принять меры к сохранению этого гибнущего памятника.

Кроме разведочных раскопок в Дарьяле и в местности Царца у сел. Чми, небольшие раскопки были произведены на территории могильника у сел. Ларс и в сел. Казбек, на месте находки казбекского клада и погребений в каменных ящиках.

В первом пункте, на площади раскопок, равной восьми квадратным метрам, вскрыто семь каменных ящиков, сложенных из тонких сланцевых плит, ориентированных с северо-запада на юго-восток и расположенных в три яруса один над другим. Скелеты лежали в вытянутом положении, на правом боку, головой на северо-запад. Могильный инвентарь при погребенных отсутствовал.

Раскопки, произведенные в сел. Казбек, не дали больших положительных результатов. Исследованная площадь, вероятно, была уже перекопана, так как она находилась в непосредственной близости от раскопок Ф. В. Бейерна и В. Б. Антоновича, в которых и были обнаружены наиболее интересные находки. Очевидно также, что площадь двора после раскопок была выравнена с значительной присыпкой земли, потому что при ранее производившихся раскопках древние находки встречались на глубине до метра, ниже чего шел материковый слой, а на вскрытой нами площади мусорный слой с отдельными современными и древними фрагментами керамики достигал в толщину до трех метров и более. Кроме нескольких фрагментов древней керамики и обломка бронзовой штампованной бляшки, при раскопках ничего не обнаружено.

Нам уже неоднократно на протяжении этой короткой заметки приходилось отмечать факты разрушения археологических памятников в долине Терека. Сейчас же считаем необходимым сообщить некоторые результаты осмотра района сел. Кобан в Северной Осетии, выполненного в качестве дополнительного задания экспедиции. Целью осмотра было выявление степени сохранности памятников древности, достаточно известных по ранее произведенным исследо-

Рис. 2. Замок у с. Сно на Черной Арагве.

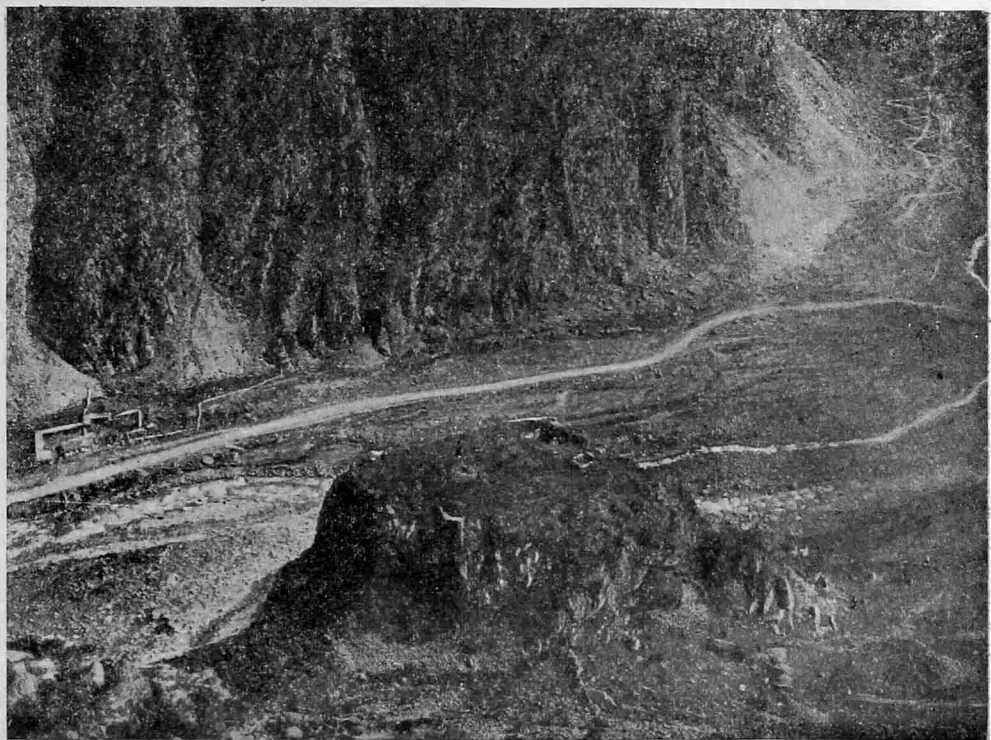

Рис. 3. Укрепление в Дарьяльском ущелье (замок царицы Тамары).

ваниям, в связи со строительными работами по сооружению гидро-электрической станции.

При осмотре обнаружено, что древний могильник у сел. Нижний Кобан, на котором производил раскопки в 1907 г. А. А. Драницын, частично находился под шоссе, проведенным к станции, а частично — в непосредственной к нему близости. По сторонам шоссе, на территории могильника, имеется несколько больших земляных выемок, сделанных, видимо, при изготовлении дороги.

Рис. 4. Рисунок с фрески на западной стене церкви у с. Гвилети.

Далее, в расстоянии около 1 км от могильника, на 27-м км от г. Орджоникидзе, нами было обнаружено большое селище с культурными слоями первых веков нашей эры. Часть селища затронута и частично срезана проведенной дорогой.

В связи с притоком нового населения и развертыванием различного рода строительных работ, происходит разрушение надземных склепов, находящихся вблизи сел. Средний Кобан. Склепы эти разбирает и местное население, поставляющее камень для построек. За последние годы совершенно разрушены два большие надземные склепа, из которых один имел восьмиугольную, а другой шестиугольную в плане форму.

Склепы эти были осмотрены в 1931 г. экспедицией Осетинского научно-исследовательского института и имели в то время хорошо сохранившиеся стены. Два других склепа также имеют следы разрушения; у склепа круглого в плане имеется большая пробоина в стене, а у четырехгранного склепа частично разрушено перекрытие. Необходимо отметить, что одновременно с разрушением могильных сооружений для получения строительного камня наблюдаются и факты хулиганства. Так, например, вблизи упоминавшегося четырехгранного склепа валяются вытащенные из него части мумифицированных трупов и кости, вместе с остатками тканей. Внутри склепа покойники лежат в беспорядке.

На правом берегу Гизельдона, против упомянутого могильника со склепами, имеется меньший по размерам могильник, также подвергшийся разрушению. Часть склеповых сооружений уничтожена совершенно. Уничтожена и находившаяся вблизи склепов каменная орнаментированная надмогильная плита в каменном же футляре.

Вблизи селения Верхний Кобан расположен получивший широкую известность могильник, по имени которого определенная категория памятников получила название памятников «кобанской культуры». Могильник этот также подвергся некоторому разрушению. Со стороны дороги, с юго-восточной стороны могильника, в него врыто несколько свинарников, что делает совершенно невозможным осмотр как обреза, так и прилегающей к могильнику полосы земли до дороги, где в различное время были сделаны разнообразные находки древних вещей, хранящиеся в Осетинском музее.

Выше могильника, по течению р. Гизельдон, вблизи здания станции, при проведении дороги было разрушено несколько пещерных погребений и несколько каменных ящиков в местности, называемой «Саппата», а также затронуты слои древнего селища. Вблизи уничтоженных каменных ящиков было священное урочище «Саппата-Дзуар», в котором был найден несколько лет тому назад железный крест, доставленный в Осетинский музей. Место это, совершенно не обследованное, в настоящее время застроено.

Ведущееся большое строительство рабочего городка с каменными двухэтажными домами в районе между селениями Средний и Верхний Кобан делает совершенно необходимой постановку углубленных разведочных работ на этом участке, где можно ожидать и новые могильные поля, и остатки мест древних поселений. Промедление в постановке этих работ сделает в дальнейшем их неосуществимыми.

Состояние памятников в районе гизельдонского строительства лишний раз подчеркивает необходимость планомерных археологических изысканий в связи со строительными работами.

А. А. ИЕССЕН

СУХУМСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ГАИМК

Экспедиция работала в октябре—ноябре 1935 г. Основной задачей экспедиции являлось изучение археологических памятников в зоне строительства Сухумской ГЭС по рр. Западной и Восточной Гумисте.

Детальное обследование всего района строительства, расположенного в горной полосе, привело к заключению, что имею-

гораздо более многочисленны памятники древности в предгорной полосе, между районом Сухумгэс и Сухуми. Следы этих памятников, средневековых и более поздних, начинают встречаться в районе сел. Андреевки, примерно в 1 км к югу от управления Сухумгэс; дальше на юг, в сторону моря, они встречены во многих местах.

Рис. 1. Долмен в сел. Азанта.

щимся здесь довольно малочисленным памятникам древности строительные работы не угрожают. Наиболее ранними являются бронзы кобанского времени, обнаруженные в 1934 г при постройке дороги на 1-й участок. По условиям места находки несомненно, что здесь было найдено или одиночное погребение или же клад.

Из других памятников района можно отметить два интересных каменных сооружения на речке Цумур, впадающей в Восточную Гумисту. Первое представляет кольцевую каменную оградку, внутри которой лежат кучи камня: примерно в центре — яма, повидимому раскопанное погребение. Второе сооружение состоит из развалин башни, рядом с которыми располагается могила с цементированными стенками; вся площадка окружена каменной стенкой. Сооружение это относится к средним векам.

Закончив обследование района строительства и не встретив объекта для стационарного изучения, экспедиция провела некоторые работы разведочного порядка в других районах.

В районе поселка «Красный Маяк», у северной окраины Сухуми, обследована интересная стоянка в морском береговом валу. Найденная здесь керамика с отпечатками тканей пока не связывается с другими археологическими материалами Абхазии. Стоянка указана экспедиции прикомандированным от Абхазского научно-исследовательского института сотрудником Л. Н. Соловьевым.

Вторая такая стоянка обследована в Очемчири. Она находится также в береговом валу и дала весьма сходный материал. Судя по совместному нахождению вместе с тканевой керамикой нескольких череп-

ков черной посуды с резным орнаментом, стоянка эта должна быть относима к одной эпохе с раскапывавшимся в сел. Река близ Ново-Сенаки А. И. Амиранашвили древним поселением Наохваму. Возраст этого последнего может быть определен как докобанский и кобанский (в верхних слоях).

Таким образом обе названные стоянки должны быть относимы скорее всего ко II тысячелетию до н. э. или к началу I тыс.

Из других разведочных работ можно отметить поездку Б. Б. Пиотровского в район оз. Амткел, где было проверено состояние группы дольменов в уроч. Азанта.

Мною, по поручению комитета охраны памятников ССР Грузии, совместно с директором Потийского музея В. М. Гоголишвили была проведена разведочная поездка в Колхидскую низменность. Во время поездки было осмотрено 19 групп древних памятников, представляющих остатки поселений доантичного и античного времени. Памят-

ники эти имеют вид окруженных рвами курганов, иногда с примыкающими к ним повышенными участками в виде длинных полос или мелких курганчиков. Встречающийся на поверхности археологический материал свидетельствует об их бытовом, а не погребальном назначении. На основании проведенной разведки можно утверждать, что этот район для изучения исторического прошлого Закавказья имеет крупнейшее значение. Возможности исследования наиболее благоприятны именно в ближайшие годы, когда только начинается хозяйственное освоение колхидских болот, в течение длительного времени, повидимому, около 1500 лет, бывших необитаемыми.

С материалами двух единственных до сих пор работ по раскопке колхидских поселений мы могли ознакомиться в музеях в Поти (раскопки упомянутого «кургана» Наохваму) и в Зугдиди (раскопки Чантурия близ Анакили в 1935 г.).

П. Н. ШУЛЬЦ

О РАБОТАХ ЕВПАТОРИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

14 декабря 1935 г. в Институте истории рабовладельческого общества ГАИМК был заслушан доклад начальника Евпаторийской экспедиции П. Н. Шульца о работе экспедиции за два года.

Евпаторийская экспедиция является тематической разведочной экспедицией, рассчитанной на три года работы. Основная задача экспедиции — сбор материалов, освещающих проблему возникновения и развития в северо-западном Крыму античной колонизации, взаимодействия и борьбы древнегреческих колонистов с местным таврским и скифо-сарматским населением.

До сих пор северо-западный Крым почти не был затронут археологическими исследованиями. Систематическая археологическая разведка здесь осуществляется впервые. Работа экспедиции за два года охватила следующий маршрут: от Евпатории до Ак-Мечети и от Евпатории до Сакского озера. В последний год работ должен быть обследован маршрут от Ак-мечети до Перекопа и от Сакского озера до р. Альмы.

Одной из характерных черт исследованного района является полное отсутствие микролитических стоянок, так широко представленных в горном Крыму. Быть может, это обстоятельство связано с тем, что в данном районе отсутствуют выходы кремня. Исключение составляет местечко Ой-ли, богатое кремнем, где разведкой обнаружена стоянка эпохи поздней бронзы. Кремень в валунном виде появляется к западу от Евпатории, близ Сакского оз., у дер. Ново-

Федоровки, где Забнин в 1929 г. обнаружил стоянку кизил-кобинского типа.

Курганы эпохи бронзы обильно представлены по всему району. На Тарханкутском полуострове распространен характерный тип курганов, сложенных из камня, с коллективными погребениями, окружающими центральное погребение, обычно выложенное массивными плитами. Экспедицией близ Кара-Тобе был раскопан курган с коллективным погребением. В центре кургана (высота насыпи 1.2 м) на материке был обнаружен мужской костяк в вытянутом положении, головой на ЮЗ. Он был заложен тремя каменными плитами. На поясе у него лежала характерная костяная пряжка, овальной формы, с отверстием такой же формы и двумя дырочками. У кисти левой руки было обнаружено железное острие, слева у головы — крестец жвачного животного (лошадь?). Рядом был раскопан женский костяк в сильно скорченном положении, головой обращенный на В. У головы была положена лопатка барана. В верхних слоях кургана над мужским и женским погребениями обнаружены два погребения в сильно разрушенном состоянии. Одно из них детское. С детским костяком лежала кость птицы. В кургане обнаружен ряд обломков посуды, лепной работы, так наз. «баночных форм». В соседнем кургане, судя по керамическим обломкам, совпадающим по времени с вышеописанным курганом, при земляных работах в 1933 г. рабочими был найден плоскодонный сосуд, баночной

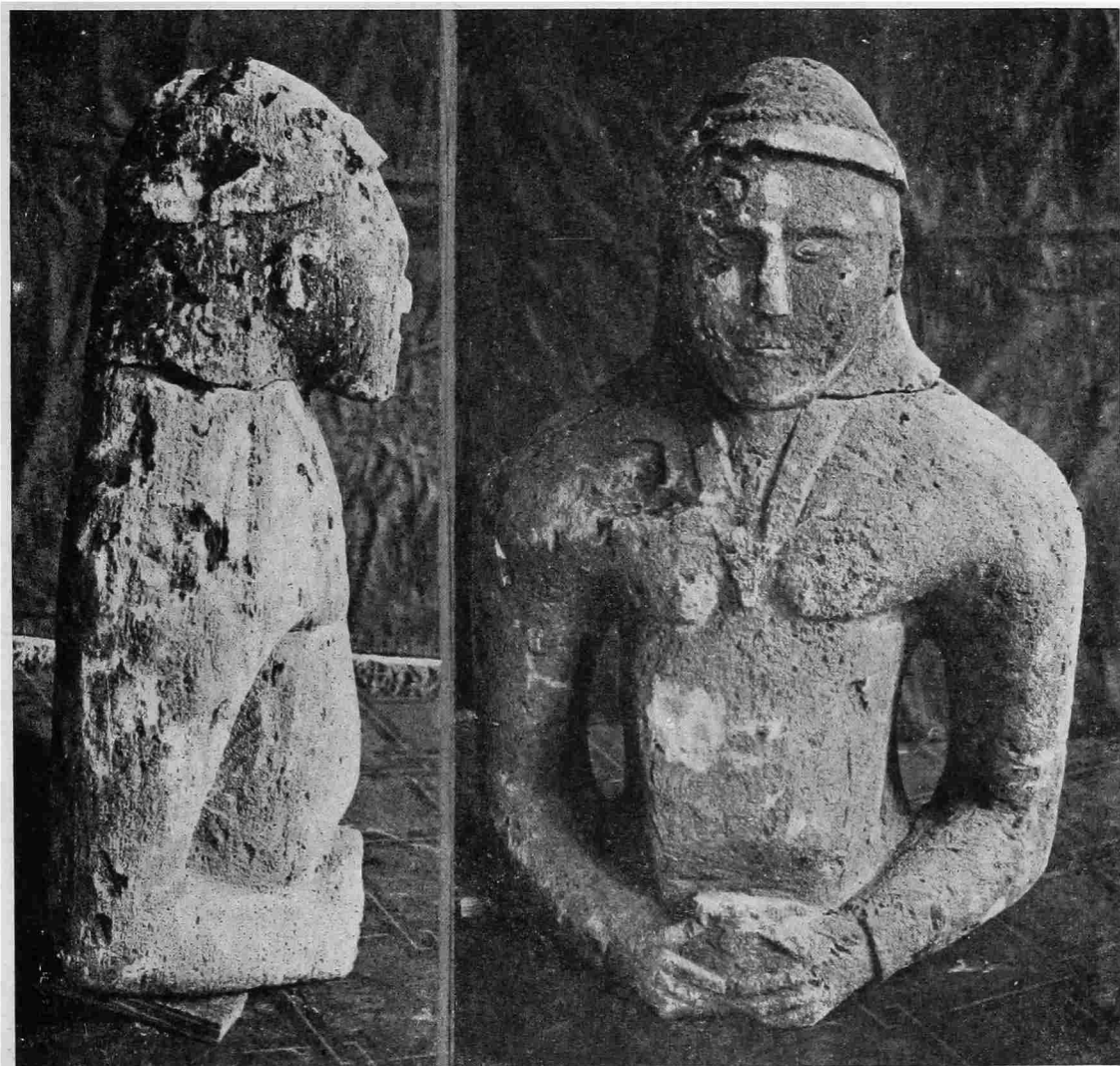

Рис. 1. Изваяние воина из Чокракского кургана.

формы, лепной работы с насечками по верхнему краю. Курганы в Кара-Тобе свидетельствуют, что обычай погребения в скорченном положении продолжает существовать в этом районе в эпоху раннего железа.

На Тарханкутском полуострове, в Чоротайской балке, экспедиция обнаружила, очевидно, таврское селище эпохи античной колонизации. На селище, расположенном на мысу, находится ряд примитивных зданий прямоугольной формы, сложенных из неотесанного камня. В жилищах, на ряду с преобладающей лепной керамикой, встречаются изредка обломки античных амфор. Близ селища расположен ряд погребений в виде вытянутых, прямоугольных, каменных ограждений, представляющих собой как бы выродившийся тип каменных ящиков.

Экспедицией обследованы три греко-скифских городища: 1) Евпаторийское, 2) Ак-Мечетское, 3) Караджинское. Из них Караджинское обследовано впервые. Все указанные городища имеют общую черту: они расположены у заливов, удобных для причала судов, и имеют план прямоугольных очертаний. Разведочная раскопка Ак-Мечетского городища установила наличие в нем мощной оборонительной стены с прямоугольными башнями. Стена облицована рустованным камнем. Стены Ак-Мечетского городища, как показали раскопки, так же как и Евпаторийского, возведены в IV в. до н. э. Все три поселения прекращают жизнь в I в. до н. э. Римский материал на них почти не встречается. Это обстоятельство хорошо увязывается с данными декрета в честь Диофанта о разрушении городов Керкинитиды, Прекрасной Гавани и других укреплений в процессе борьбы Херсонеса со скифами на рубеже II и I вв. до н. э. Для керамики обследованных городищ характерно обилие херсонесского импорта.

Совершенно иной характер имеют скифо-сарматские городища этого района. Они тянутся вдоль берега моря, с интервалами, примерно, от 6 до 12 км. На протяжении пройденного маршрута обнаружено семь скифо-сарматских городищ (близ деревень Джан Баба, Тарпанчи, Кульчук, Беляус, Поповка, Яйрчи, Кара-Тобе). Все они расположены, за исключением городища Кара-Тобе, на обрывистом берегу моря. Они лишены бухт и не были рассчитаны на возможность длительной стоянки судов. В плане все городища приближаются к круглой форме и, за исключением Кара-Тобинского, укреплены оборонительными стенами, сложенными из неотесанных каменных плит. Система обороны носит «циклопический» характер. Размер городищ невелик. Самое большое из них — Кульчукское городище — обнесено двойной линией обороны. Оно расположено близ Донузлавского озера и, вероятно, может быть отождествлено со скифо-сарматским «городом» Тамиракой,

нанесенным на карту Птоломеем. Подъемный материал позволяет предположительно датировать возникновение соответствующих поселений IV веком до н. э., когда и в греко-скифских поселениях этого района были возведены оборонительные стены. Все обследованные городища прекращают свое существование в III в. н. э. В керамике городищ преобладает посуда так наз. скифского и сарматского типа, лепной и гончарной работы. Часть сосудов обработана техникой лошения.

Экспедицией была произведена раскопка на городище Кара-Тобе. Оно расположено у входа на пересыпь, ведущую к Евпатории. По пересыпи шел путь от Херсонеса к Керкинитиде. Городище быть может имело не только хозяйственное, но и стратегическое значение. Городище завершает Кара-Тобинский водораздел и лежит на его окончании. Оно имеет в плане круглую форму; наиболее крутые склоны обращены к морю. Раскоп (7,5 × 6 м) был заложен в наиболее возвышенном месте городища. Мощность культурного слоя около 2,50 м. В пределах культурного слоя четко выделяются четыре культурных периода. Поселение возникло в конце IV в. до н. э. В III в. городище живет интенсивной жизнью (I слой), которая ослабевает в эпоху позднего эллинизма (II—I вв. до н. э.; II слой). К концу этого периода относится «пожарный» слой, свидетельствующий о каком-то происшедшем здесь потрясении. Поселение вновь расцветает в первые века римского времени (I и II вв., III слой) и, наконец, в III в. н. э. (IV слой) его жизнь прекращается.

На городище преобладают сырцовые и саманные сооружения; каменные сооружения почти отсутствуют (ближайшие каменные строения расположены в 12 км от городища). Костный материал говорит о преобладании лошади, дальше идет мелкий (баран) и крупный рогатый скот. Встречаются кости свиньи; характерно, что рыбьих костей не встречено; имеется челюсть дельфина. В керамике хорошо представлен херсонесский импорт, скифо-сарматская лепная и лошенная керамика. На одном из сосудов воспроизведена сарматская тамга.

Центральным памятником раскопа является круглое жилище, основание юрты, врезанное в глинобитный слой, оставшийся от предшествующего строительного периода. Диаметр жилища достигает 3,9 м. По краю жилища, внутри, идет валик, сложенный из сырцовых и частично известняковых плит. Валик окружен углублением, примыкающим к наклонным внутрь стенкам глинобитного массива; в углублении за валиком прослежены хорошо сохранившиеся следы в виде углублений от наклонно стоявших жердин. Второй ряд таких углублений идет по верхнему краю глинобитного массива. Остов юрты, таким образом, был сооружен из двух рядов шестов, что, очевидно, было

связано с желанием лучше отеплить жилище (юрта-зимник). Наиболее близкую аналогию данной конструкции дает сарматская юрта, воспроизведенная в росписи на склепе Анфестерия в Керчи (см. М. Ростовцев, Античная декоративная живопись на юге России, табл. L, 6). Заметим, что Страбон свидетельствует о наличии круглых жилищ-юрт у сарматских земледельческих племен, примыкавших к Боспору (Strab. XI, c. II, 1). Очевидно, кара-тобинское жилище представляет собою памятник, сложившийся в процессе оседания в этом районе скифо-сарматских племен и приспособления кочевого жилья к оседлым условиям.

Близ дер. Ойбурчик, недалеко от скифо-сарматского городища у дер. Поповки, экспедицией был раскопан курган сарматского времени. Невысокая насыпь (0,9 м) перекрывала гробницу, сложенную из массивных известняковых плит. Гробница была сооружена на материке; размеры ее: 2,40 × 1,45 м. Погребение оказалось разграбленным. Гробница датируется эллинистическим временем (обломки эллинистических амфор). Курган дает картину длительного сохранения в данном районе традиций, унаследованных от каменных ящиков.

В дер. Чокрак экспедиция раскопала курган, на котором в 1933 г., при выемке камня для дорожных работ, была обнаружена статуя воина. Высота кургана 1,6 м, диаметр — 22 м. «Насыпь» кургана сложена из камней. Могильная яма, врезанная в материк, была перекрыта двумя каменными изваяниями воинов из известняка. Один из них лежал лицом вниз, второй

обнаруженный раскопками, был обращен лицом вверх. Основание первой статуи было врыто в материк непосредственно у могилы. Статуи были повергнуты в могилу уже в разбитом виде. Под статуями в могильной яме обнаружены: черепа коня, четырех баранов и быка; помимозтого, были найдены обломки кувшина и железный кованый гвоздь. Никаких признаков хотя бы частей человеческого костяка не было обнаружено. Около могильной ямы, под каменным закладом, лежал скелет собаки. Большое изваяние воспроизводит воина в коническом шлеме, с грудными кольцами на ремнях. В опущенных вниз руках он держит горшок, на спине из-под шлема свешиваются три косы. Второй воин имеет шлем, плечевые ремни, но на груди колец нет. Он значительно меньше размером и, судя по характеру лица (отсутствие усов в отличие от первого воина), моложе. Наиболее близкую аналогию к этим статуям дает изваяние воина, обнаруженное в Евпаторийском уезде близ дер. Вознесенки и изданное Веселовским (ЗООД, т. XXXII, табл. IX). Отметим, что ряд наименований близлежащих поселений связан, повидимому, с названием половецкого племени (дер. «Кипчак» и «Копчак»). В дер. Поповке экспедиция обнаружила основание аналогичной статуи воина. Не исключена возможность, что оно принадлежит изваянию, изданному Веселовским.

В 1937 г. экспедиция завершит свою работу, доведя обследование до Перекопа, и, очевидно, сомкнется с экспедицией УССР, поставившей своей задачей исследование проблемы Перекопского вала.

В. Н. ЧЕРНЕЦОВ

КОМАНДИРОВКА В БЕРЕЗОВСКИЙ РАЙОН ОСТЯКО-ВОГУЛЬСКОГО ОКРУГА (1935 г.)

По приезде на р. Северную Сосву 8 VIII я занялся продолжением археологических разведок, начатых в 1933 г. Провел работу в следующих пунктах: левый берег р. Северной Сосвы, между с. Сортынья и устьем р. Sortan-jä. Разведкой установлено здесь шесть городищ на протяжении 5 км. Сделав глазомерную съемку всего участка, я произвел разведку на трех городищах.

В дальнейшем я перенес работу в окрестности с. Саран-паул на р. Ляпин. Здесь разведка чрезвычайно богата материалом, но, к сожалению, распаханное городище на берегу озера Макаг-wisəŋ-tür, городище на берегу озера Маŋ-ŋaslan-tür, городище на бору Сəs-tšj-jäg и могильник на бору Jet-dan-jag.

Резко ухудшившаяся погода заставила прекратить археологическую работу. Вместе

с собранными материалами я спустился на лодке вниз по р. Ляпин, останавливаясь в поселках для этнографической работы. В поселке Lərt-ūs, воспользовавшись ясной погодой, ознакомился с городищами Paŋrəŋ-ətəŋ-ūs, где произвел съемку, и Tān-wārup-əkwa, ныне распаханное. На последнем сделал сбор подъемного материала.

В первых числах октября приехал на культу базу, где занялся разборкой и упаковкой собранного материала, так как погода не позволяла выехать с места. Рано начавшиеся морозы и снегопад не давали возможности сообщаться ни по реке ни по суше. Лишь 15 X я смог выйти на лыжах в пос. Rakti-jä и Lərt-ūs, в которых занялся этнографической работой и записью текстов.

6 XI по просьбе администрации культу базы приехал на базу для участия в прове-

дении Октябрьских торжеств. Последующие дни работал в пос. *Soma-rāṅṅ*, где удалось сходить на жертвенное место.

19 XI выехал вверх по Сосве, работая в поселках. Более длительно задержался в пос. *Janṅ rāṅṅ*, где удалось посетить два жертвенных места: *Lep-tit-jāka* и *Jiriṅ-ṅjka*.

В первых числах декабря выехал в обратный путь в Ленинград через Ивдель.

При разведке городищ собрано около 90 кг вещественных материалов. Основную часть их составляет керамика. Несколько сосудов удалось собрать почти целиком, что дало возможность установить основные типы сосудов, характерные для городищ различных эпох.

Кроме керамики собрано некоторое количество каменных орудий, поделки из кости, рога и пр.

Проведенные археологические работы, несмотря на их фрагментарность, все же дают возможность сделать определенные выводы, в особенности при привлечении этнографических и фольклорных данных.

В отношении городищ и поселений в землянках можно установить следующую периодизацию.

I период (догородищенский). Поселения расположены на мысах и ярах болот и озер. Поселения эти не имеют следов укреплений — ни рвов, ни валов. Состоят из землянок площадью до 600 и более кв. метров (например, 25×25, 22×28) и глубиной свыше 4 м. Инвентарь — камень, ямочногребенчатая керамика. По некоторым данным, этот период, предположительно, можно датировать первыми веками нашей эры.

II период (городищенский I). Городища расположены на мысах рек и стариц. Укреплены с материковой стороны рвами и валами. Землянки довольно большие, но все же не достигают размеров жилищ предыдущего периода. Инвентарь характеризуется обилием керамики и разнообразием ее форм. Наиболее характерны круглодонные сосуды, сплошь покрытые орнаментом, расположенным в зональном порядке, и «рюмкообразные» сосуды, нередко достигающие довольно значительных размеров. Заметно реже встречаются плоскодонные сосуды.

Очень обычен камень, представленный шлифованными теслами, наконечниками стрел, большими грузилами, изготовленными из кристаллических сланцев пунктирной обработкой с долблеными или сверленными отверстиями. Большое количество тигелей свидетельствует о высокой степени развития металлургии (медь).

III период (городищенский II). Расположение городищ и характер их укреплений тот же, что и в предыдущий период, но внутреннее устройство городищ совершенно иное. Землянки значительно меньших размеров (от 25 до 80 кв. м), но все они связаны

между собою, так что все городище, подобно мексиканским пуэбло, представляется как бы одним помещением, состоящим из большого количества комнат. Инвентарь резко отличается от предыдущего периода. Керамика встречается в значительно меньших количествах, обычно плоскодонная, орнаментированная лишь по венчику. Камень еще обычен, но уже в изобилии находим железо. Тигли для плавки меди попадаются реже, чем во втором периоде. Впервые появляются указания на возникновение оленеводства. По некоторым железным предметам эти городища датируются весьма точно — XIII—XIV вв. Окончание этого периода, вероятно, не позднее XVI в.

IV период (послегородищенский). Поселения не имеют никаких укреплений, расположены в глубине леса в некотором удалении от реки. Размеры землянок в среднем не превышают 60—70 кв. м. Конструкция их ясно видна: дерево сохранилось довольно хорошо. Инвентарь беден. Керамика или отсутствует, или находится в незначительном количестве. Обычно железо. Камень не встречается (за исключением сланцевых оселков для металлических ножей).

При разведке могильника на бору *Jem-dan-jāg* было вскрыто одно женское погребение. Инвентарь погребения близок к современному и не дает предметов, не известных в быту манси. Датируется погребение серединой XVIII в. Характер могилы существенно отличается от нынешнего способа захоронения. В настоящее время покойник не закапывается в землю. Труп, положенный в лодку, ставится на поверхность земли в небольшое, сантиметров 30, углубление; так, чтобы поверхность земли приходилась вровень с плечами покойника, лежащего на спине. В указанном могильнике костяк находился на глубине 1 м, и вся могила имела вид узкой длинной ямы со следами сруба и бревенчатого перекрытия, присыпанного небольшим слоем земли. Длина ямы 2 м, 35 см, из которых костяк занимал 1 м 80 см а остальная площадь была занята могильным инвентарем, сложенным в ногах покойника.

Манси указывают, что в настоящее время этот способ захоронения не применяется. Так хоронили в то время, когда жили в землянках. В пос. *Lərt-ūs* указывают кладбище, состоящее из погребений в ямах. Это кладбище по преданию относится к тому времени, когда в *Lərt-ūs* еще не было бревенчатых юрт. Изменение характера погребения может быть объяснено изменением типа жилища. Могила в виде ямы со срубом, покрытым накатом и засыпанным землей, соответствует жилищу-землянке, копией которой и является. С исчезновением землянки исчезли и эти могилы. На смену появилось погребение в наземном срубе, копирующем распространенную ныне бревенчатую юрту.

Учитывая возраст раскопанной могилы, IV период (вернее конец его), можно датировать серединой XVIII в.

Изложенное изменение типа жилища и поселения, протекавшее на протяжении ряда веков, может быть объяснено лишь в свете развития социальных взаимоотношений угорского общества.

Гигантские землянки I периода, учитывая относительно низкий уровень техники этого времени, могли существовать лишь при наличии первобытно-коммунистических отношений. Скорее всего мы имеем здесь дело с поселением эпохи материнского рода, и землянки эти могут быть сближены с «длинными домами» ирокезов.

II период в области техники характеризуется широким развитием металлургии (медь) и укрепленными городищами.

Значительные размеры жилища, до 300 кв. м, позволяют предполагать еще существование первобытно-коммунистических отношений. Но в то же время появившаяся металлургия должна была способствовать углублению специализации в производственных процессах и выделению мастера, а затем и появлению частной собственности. Обработка металла вызвала, вероятно, также развитие межплеменного и межродового обмена, что должно было повлечь за собою накопление сокровищ в родовой группе. Следует допустить, что в связи с этим должны были участиться военные столкновения, вызвавшие к жизни укрепление поселка и превращение его в городище. Из фольклора видим, что грабеж занимает не последнее место в военных столкновениях, на ряду с похищением женщин и кровной мезтью.

Таким образом этот период относится, повидимому, к эпохе разложения материнского рода и зарождения отцовского.

III период. Путь последующего развития приводит к дальнейшему разложению рода. Экономической единицей становится или брачная пара или небольшое количество брачных пар ближайших кровных родственников, как в современном мансийском обществе. Развитие торговых взаимоотношений с Западом и появление оленеводства способствуют дальнейшему углублению процесса. Но пережитки коммунистических отношений еще настолько сильны, что парализуют, до известной степени, центробежные тенденции отдельных хозяйств.

Внешние условия те же, что и в первом периоде, но осложненные военными столкновениями с наступающей русской колонизацией с Запада. Фольклор свидетельствует о столкновениях с ненцами.

В результате указанных условий появляется чрезвычайно интересное жилище III периода — городище, состоящее из небольших землянок, тесно связанных между собою.

В IV периоде дальнейшее развитие общества разрушило силы, спаивавшие род в единый хозяйственный коллектив. В поселениях этого времени видим, что отдельные дома не имеют между собою той связи, которую можно было наблюдать в III периоде. Но в то же время величина землянок позволяет думать, что парная семья все же не являлась социально-экономической единицей.

Таковой была, очевидно, большая семья, состоящая из нескольких брачных пар ближайших кровных родственников. Подтверждением тому может служить как современный быт манси, где, как правило, в доме живут от 2 до 4 семей, связанных общим производством и потреблением, так и некоторые литературные источники. Эйриэ (Живописное путешествие по Азии, М. 1839, т. I, стр. 46) указывает на 5—6 семей в одной юрте, а Паллас (Путешествие по разным провинциям, т. IV, стр. 56—57) свидетельствует о существовании домов, населенных даже 30 семьями. Хронологически данные Палласа совпадают с концом IV периода.

Характер поселения в это время резко изменился. Вместо городищ, расположенных на видных местах — речных мысах, хорошо укрепленных, встречаем поселки, прячущиеся в тайге. Успехи русской колонизации сломили военное сопротивление манси. Угнетаемые чиновниками и казаками, они стремятся лишь к тому, чтобы меньше попадаться на глаза русским.

Такой характер расположения поселков сохранялся до недавнего времени. Теперь же, в связи с развитием скотоводства, с одной стороны, и изживанием, в условиях социалистического строительства, националистических настроений — с другой, можно наблюдать, как некоторые поселки постепенно передвинулись на берег реки. Таковы, например, пос. Јапӓҥ-рӓҥӓҥ, летний Хал-рӓҥӓҥ и др.

ОБЗОР АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК ПО ГАЗЕТНЫМ СООБЩЕНИЯМ В 1934—1935 гг.

(Продолжение)

Составила М. З. ПАНИЧКИНА

Европейская часть СССР

● Экспедиция Мордовского областного музея под руководством Шнеерсона произвела обследование палеолитического местонахождения в Ухоловском районе, обнаруженного местным учителем Борисовым.

Во время работ экспедиция обнаружила полный костяк гигантского оленя, 3 черепа оленей, череп лося, несколько скелетов птиц, черепахи, скелеты грызунов и др. Здесь же собраны кремневые и костяные орудия.

«Красная Мордовия». Саранск, 11 сентября 1935 г.

«Рабочая Москва», 6 и 8 сентября 1935 г.

● Экспедицией Института антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР, Этнографического музея и Государственной Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра под руководством В. И. Равдоникаса произведено изучение и детальные съемки петроглифов на Ладожском оз. и на побережье Белого моря (район работы — устье р. Выг, у конечного пункта Беломорканала и на восточном берегу Онежского оз. на территории, называемой Бесов-Нос и Пери-Нос).

Экспедицией скопированы и произведены гипсовые снимки с 650 наскальных изображений. Кроме того, часть наскальных изображений экспедиция доставила в Ленинград в подлиннике.

«Красная газета» (веч. вып.), 3 июля, 10 сентября, 15 октября, 10 декабря 1935 г.

«Красная Карелия», 5 августа 1935 г.

«Ленинградская Правда», 22 августа 1935 г.

● Археологическая экспедиция Гос. академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра под руководством Н. А. Прокошева произвела разведки и раскопки археологических памятников по течению Камы и Чусовой.

Экспедиция обнаружила ряд новых археологических памятников: древнее селище у дер. Демидковой, Гремячего, Боровки и Гари. Произведены раскопки неолитической стоянки у оз. Грязного, близ ст. Левшино (вскрыты остатки поселений первобытных охотников-рыболовов, знавших уже

зачатки земледелия, живших свыше 4 тыс. лет тому назад). Во время раскопок найдены обломки древних орнаментированных сосудов и каменные орудия: наконечники стрел, очень тщательно сделанные из кремня, обломки шлифованных долот и топоров из камня, грубая каменная мотыга, орудия для нанесения орнамента на стенки сосудов.

Помимо этого экспедицией продолжены раскопки, начатые в прошлые годы, могильника бронзового века у дер. Трубной, древнего селища у дер. Конец Гор.

«Звезда», 21 июля 1935 г., см. также Ц. О. «Правда», 16 сентября и 24 июля 1935 г.

● По поручению Областного отдела народного образования археолог Дубынин провел археологическое наблюдение за разработкой гравия у дер. Змеево, Шуйского района Иваново-Вознесенской области, где до этого колхозниками Змеевского колхоза был обнаружен скелет человека, каменный топор и глиняные сосуды.

При дальнейшем наблюдении на месте находки была обнаружена могила в гравии на глубине 1.4 м, на дне которой найдены часть бедренной и берцовые кости правой ноги и кости ступни обеих ног, обращенных в одну сторону. Костяк лежал на правом боку. У ступней, со стороны пяточных костей, в 10 см лежали: отшлифованное каменное тесло, костяное шило, проколка и костяное орудие неизвестного назначения. На костях правой ступни находилось ребро козы.

На расстоянии 13 м от этого места погребения обнаружено второе, у которого на глубине 90 см найдены остатки костяка: череп, части позвонков, ребра, кости кистей рук, лежащих перед лицевой частью черепа. Костяк лежал на правом боку, головой на юг. Около него были найдены каменный полированный, просверленный топор, круглодонный глиняный горшок, а также обломки другого более крупного сосуда. На правой височной кости обнаружена окись меди; рядом с черепом лежала часть медного, проволочного кольца диаметром в 1 см, служившего женским височным украшением. Костяк, повидимому, принадлежал женщине среднего возраста.

По предварительным определениям, змеевские погребения относятся за 3—4 тыс. лет назад, к стадии родового общества.

«Рабочий Край», 10 апреля и 15 июня 1935 г.

● Сотрудником Сталинградского краевого музея Минаевой обнаружены древние памятники на р. Бузулук (приток Хопра), между ст. Филоново и устьем реки, возле хут. Дурновского.

При обследовании обнаружено 5 землянок, образующих замкнутую площадь. Во время работ вскрыта площадь между землянками, одно погребение и землянка.

На площади древнего поселения найдена хорошо обработанная плита мельницы и куски терки, сделанной из гранита.

В землянке, обращенной входом на юг и имеющей корытообразную форму, обнаружены земляные насыпи-возвышения, костяные и каменные предметы: гребень, острый костяной нож, гладилки, яйцевидные и фигурные ядра для пращи, глиняное пряслице и другие предметы.

В могиле найдены явные следы скелета человека лежавшего в согнутом положении на правом боку. Здесь же обнаружены следы белой краски, бронзовое шило, вделанное в полусгнившую деревянную рукоять, копьё с бронзовым наконечником, одетым в кожаный чехол, плитка красной краски. В этой же могиле обнаружены остатки трех змей, позвонки которых хорошо сохранились. Позвонки одной змеи были расположены легким зигзагом в ногах погребенного, за плиткой краски, позвонки другой лежали клубком на уровне груди и третьей — резкими зигзагами у спины, головой к куску краски. Найденные памятники датируются бронзовым веком.

*«Сталинградская Правда»,
21 июня 1935 г.*

● В Благословенском сельсовете, Оренбургского района, сотрудником Областного краеведческого музея И. А. Зарецким производились раскопки древнего могильника.

На месте раскопок найден полуистлевший долбленный гроб, в котором лежали остатки тонкой шелковой одежды с золотыми нитями, здесь же найдены бронзовая верхушка от шлема, пряжка от пояса, орнаментированный гребешок, стремяна, обломки сабли и пряжка от пояса с изображением тигра, борющегося с другими животными. Кроме того, в могильнике найден неполный скелет человека. Найденный инвентарь позволяет отнести данный памятник к скифо-сарматской эпохе.

«Оренбургская Коммуна», 11 августа 1935 г.

● В 5 км от Ак-Була, Оренбургского района, сотрудником Областного краеведческого музея И. А. Зарецким произведены раскопки кургана, в котором найдено около 100 бронзовых стрел, 8 блях, 3 бронзовых пластинки, обломки железных удил, разбитый глиняный сосуд, золотые серьги и

другие предметы. Найденный инвентарь относится к началу железного века.

«Оренбургская Коммуна», 4 октября 1935 г.

● Археологической экспедицией Гос. академии истории материальной культуры, при строительстве ветки Самаро-Златоустовской ж. д. Уфа—Шимбаево, обнаружены у моста через р. Дема следы древнего поселения. Здесь найдены кости домашних животных, костяные и каменные наконечники стрел, обломки глиняной посуды с орнаментом, жерновые камни и другие предметы.

На этой же ветке, недалеко от Красног. Яра и г. Стерлитамака, раскопаны 5 поселений и 3 могильника, где найдены железные мечи, кинжалы, ножи, золотые кольца, сосуды и другие предметы.

Предметы передаются в Московский исторический музей, Гос. Эрмитаж и Башкирский краеведческий музей.

«Гудок» (Москва), 18 июля 1935 г.

● Комиссией по охране памятников старины при Крайисполкоме (Самара) под руководством Латынина проведены раскопки мордовского могильника, расположенного на территории Куйбышевского дома отдыха водников.

Во время работ вскрыто свыше 400 кв. м земли. Обнаружено больше 40 отдельных погребений, расположенных на глубине около 1 м.

Среди могильного инвентаря найдены обломки глиняных орнаментированных сосудов, бронзовые изделия — бронзовый котел, стрелы, ножи, кольца, браслеты, ожерелья, украшения от поясов, бляхи, пряжки, застежки и другие предметы. Кроме того, обнаружено большое количество бус, среди которых имеются венецианские, а также из раковин, сердоликовые и хрустальные. Вблизи одного скелета найдены татарские монеты с именем Джанибек-Хана. Возле женского скелета обнаружено глиняное пряслице.

Экспедицией вывезены мономолитные вырезки из могильника, содержащие один мужской скелет с могильным инвентарем, и второй — женский.

Материалы экспедиции передаются в Краевой музей.

«Волжская Коммуна», 26 августа, 10 и 29 сентября и 2 ноября 1935 г.

● Археологическая экспедиция под руководством П. С. Рыкова продолжила раскопки, начатые 3 года назад, курганов, расположенных в 18 км от г. Элисты.

Экспедицией вскрыт большой курган из группы «Трех братьев», а также около 50 малых, окружающих большой.

В большом кургане вскрыто погребение бронзового века, содержащее скелет взрослого мужчины в скорченном положении. Возле него обнаружены глиняные сосуды, остатки деревянной посуды, бронзовые наконечники стрел, кости рыб. В этом же кургане обнаружено скопление, состоящее из костей телят, глиняных сосудов, ожерелья из костяных колец, обломка каменного орудия и глиняного предмета в форме цилиндра с ручкой неизвестного назначения. Эти предметы были размещены на слое глины, в котором находились небольшие скопления костей лошади и овцы. Всего в большом кургане сделана выемка земли длиной в 28 м, при 13 м ширины и свыше 6 м высоты.

В курганах меньшего размера открыты погребения разного времени. Одно из них — сарматское — содержит мужской скелет, а также короткий меч, нож и глиняный сосуд. Второе погребение дало среди инвентаря железное стремя, свидетельствующее о более позднем захоронении (VII—VIII вв.). Третье погребение дало костяк женщины, остатки одежды, шапку, украшенную бисером, серебряной и медной проволокой, с верхушкой из бересты, конусообразной формы. На ногах были одеты высокие кожаные сапоги. Могила прикрыта дверцами кибитки, хорошо сохранившиеся (XIV в.).

*«Сталинградская Правда»,
22 июля, 3 и 28 августа 1935 г.*

Ц. О. «Правда», 23 июля 1935 г.

«Горьковская Коммуна», 14 октября 1935 г.

«Ленинградская Правда», 12 сентября 1935 г.

● Областной комиссией по охране памятников старины (Воронеж) на территории строительства дамбы и моста у ВОГРЕС'а произведены раскопки стоянки древнего человека.

Стоянка занимает участок в 150 м, имеет форму мыса, идущего к берегу р. Воронеж. Высота стоянки над рекой около 15 м.

На месте раскопок найдены кости домашних животных: лошади, коровы, свиньи и козы. Кроме того, обнаружены землянки, врытые в землю на глубину 1.2—1.3 м, имеющие площадь 100—80 кв. м.

Из предметов найдены образцы формочек для литья из бронзы, кусочки бронзы; у очага найдены банкообразные и чашеобразные сосуды высотой от 50 до 15 см. Сосуды покрыты орнаментом, которого насчитывается до 30 узоров. Здесь же обнаружен жернов из шокшенского песчаника.

«Коммуна», 2 августа 1935 г.

● Моршанским историко-археологическим музеем в лице зав. музеем Иванова продолжены раскопки, начатые в прошлые годы, Крюковско-Кушновского могильника,

расположенного в 7 км от г. Моршанска. Во время работ вскрыто новое погребение, обнаруженное на глубине 1 м, в котором найден женский скелет, серебряный венчик, бронзовое ожерелье из бубенчиков и погремушек, ножницы и другие предметы.

«Вечерняя Москва», 20 апреля 1935 г.

«Коммуна», 27 августа 1935 г.

● Сотрудниками Краевого музея в г. Кирове Б. Васильевым и Сафроновым произведено обследование Пижемского городища, расположенного у устья р. Пижмы, в 6 км от г. Советска.

Ими произведен сбор костей на поверхности городища, среди которых найден череп медведя с двумя пробитыми в нем отверстиями, кости лошади, просверленные резцы лошади, кости коровы и свиньи, а также наконечник мотыги.

«Кировская Правда», 10 ноября 1935 г.

● Московским отделением Гос. академии истории материальной культуры продолжены изыскания археологического материала на трассе второй очереди метрополитена. Археологические изыскания были развернуты по всем участкам Горьковского и Покровского радиусов на протяжении 12 км. Вся трасса разделена на 5 участков. На этих участках работали историки и археологи С. В. Киселев, А. П. Смирнов, Е. И. Горюнова, А. Е. Алихова, Д. Я. Крайнов.

В изыскании археологического материала оказывали помощь рабочие метрополитена, а также школьники Москвы.

Среди найденного многочисленного материала, относящегося ко времени древней Москвы, на площади возле Бородинского моста обнаружен каменный подвал, в котором находились костяные пуговицы, обрезки кожи, старинные башмаки, остатки разбитого тигля, сапожное шило, обломки сосудов, графинов, стаканов с вензелями «Е-II», монеты 1760 и 1782 гг.

На 13 дистанции, около Киевского вокзала, найден клад с 300 монетами екатерининского времени. На Свердловской площади, рядом со зданием МСПО, рабочие шахты № 67—68 откопали на глубине около 2 м остатки боевой башни деревянной стены Китай-города (XV в.). Там же найдены 2 чугунных пушечных ядра XVI в. и железный серп (XIV—XV вв.). На той же шахте землекопы натолкнулись на остатки кирпичной печи XVI в., на которой сохранился угловой изразец, украшенный рельефным изображением цветка.

На шахте № 51—52, по Первомайской улице, найдены изразцы и посуда XVII в. На шахте № 75 по Брестской ул. в районе Ямской слободы на глубине около 1 м обнаружили остатки конюшни.

На ул. 25 Октября землекопами найдено много посуды XVI—XVII вв., а также изразцов. На месте б. Богоявленского монастыря обнаружены каменные столбы, покрытые резьбой, которые являются остатками собора XVII в.

При прокладке первой линии метро в расщелине Китайгородской стены была обнаружена старинная одежда из шелковой, темнобронзового цвета ткани, плохой сохранности, китайской камки, на которой вышиты стилизованные хризантемы.

Возле 72 шахты второй линии метро школьниками Карповым, Кац, Усачевым, Подоба, Романовым и Горбуновым найдены изразцы XVI—XVII вв. и керамика.

По ул. 25 Октября, на территории двора дома № 11—13, обнаружены следы подземелий и подземных ходов. На Страстном бульваре рабочие натолкнулись на белую, выложенную стену.

Во дворе д. № 15 по Чудовке найден глиняный сосуд серебряного лощения с 500 серебряными продолговатыми однокопеечными монетами. Среди них есть деньги времени царя Федора Ивановича и первых лет царствования Петра I.

На Большой Дмитровке обнаружено древнерусское кладбище, расположенное на месте существовавшего здесь Георгиевского монастыря, с надгробными плитами, с резьбой узор и букв XVI—XVII вв.

«Вечерняя Москва», 17 июня, 27 июля, 1 сентября, 19 октября, 3 ноября, 4 ноября, 22 декабря 1935 г.

«Гудок», 21 июля 1935 г.

«Красная Карелия», 27 июля 1935 г.

ЦО «Правда», 14 ноября 1935 г.

«Известия ЦИК СССР», 1 декабря 1935 г.

«Рабочая Москва», 6 декабря 1935 г.

«Ленинградская Правда», 12 декабря 1935 г.

● Московским Историческим музеем произведены раскопки около Бородинского моста на Варгунихиной горке в Москве, где случайно обнаружены в разрытой земле торчащие кости животных с просверленными в них отверстиями и, кроме того, медная монета, чеканенная в 1719 г.

На месте раскопок обнаружены остатки древней мастерской по изготовлению бус. Найдены недоконченные сверлением кости и также отделанные бусы. Здесь же найдены остатки башмачной мастерской с сохранившимися обрезами кожи, старой обувью, найдено сапожное шило, воск и ряд предметов из утвари: глиняные горшки, чашки, кувшины, рукомытники, подсвечники, ножи; детские игрушки в виде уток, собачек, солдатиков.

Материалы раскопок поступили в Московский Исторический музей.

«Пионерская Правда», 26 августа 1935 г.

● Кафедрой истории Пед. института в г. Калинин совместно с Краеведческим музеем проведены в 1934 и 1935 гг. раскопки на территории б. Тверского кремля. Работа проводилась в ряде пунктов под руководством сотрудника Музея народов СССР Н. Милонова и проф. Вершинского.

Раскопки имели целью отыскать место славянского поселка на месте Твери в X—XI вв., установить место расположения более поздних построек, XIV—XV в., и подготовить план дальнейших раскопок для изучения кремля как памятника эпохи феодализма.

В заложенных шурфах мощность напластования культурных отложений достигает 3—4 м. Такая мощность напластований сближает подземную Тверь с бывшим Великим Новгородом, со старой Москвой, со старой Рязанью. В пределах 4 м напластования слоев выделяются 4 горизонта, определяющие основные этапы в развитии феодальной Твери.

В верхнем слое, относящемся к XVIII—XIX вв., вскрыта часть здания с изразцовой печью. Найдены следы кожевенной мастерской.

В следующем слое установлено наличие остатков кузницы XVII в. и гончарных мастерских XVI—XVII вв. Здесь же обнаружены орудия, образцы руды, криц, шлаки, гончарная глина, содержащая примеси песка, дерева и шамота, посуда: горшки, корчаги, умывальники, тарелки, подойники, противни и т. д.

В нижележащем слое обнаружены части двух жилищ, в одном из которых найдено зернохранилище в глинобитном ларе под полом, с сохранившимися зернами жита.

В самом нижнем слое, относящемся к XI—XII вв., найдены стеклянный византийский браслет, образцы руды, обнаружено наличие крепостного вала высотой в 2—1½ м. Основание вала укреплено обугленными плахами.

В 1935 г. на территории же Тверского кремля при строительстве дома Лыготреста в Базарном переулке рабочие обнаружили насыпную землю, в которой на глубине 2 м натолкнулись на кирпичный дренаж. По своему формату кирпич похож на материал, из которого был выложен в XVII в. Тверской собор. На этой же территории обнаружена стена из белого камня и кирпича на глубине 1 м. Здесь же найдена керамика, ключ больших размеров и монета клинообразной формы в 30 коп. Земляная насыпь достигает 3½ м, причем она имеет 2 слоя, различных по составу и окраске. Первый слой 1.2 — 1½ м толщиной, второй — до 2 м.

«Пролетарская Правда», 20 октября, 23 и 24 октября, 16 ноября 1934 г. и 8 и 18 октября, 10 ноября 1935 г.

УССР

● Экспедицией Московского отделения Гос. академии истории материальной культуры под руководством Н. Милонова произведены раскопки Коломенского кремля. Экспедицией установлено, что город имел крепость, огражденную земляным валом и глубоким рвом. Вскрыты жилища с глинобитными печами, обнаружены остатки строений усадьбы (конюшенные и хлебные), дворы и стойла для скота, найдены сыродувные горны для очистки руды от примесей.

«Рабочая Москва», 11 октября 1935 г.

● Экспедиция под руководством В. И. Равдоникаса провела археологические работы в г. Новгороде, на территории Рюрикова городища.

Во время раскопок экспедиция обнаружила ряд памятников, относящихся к моменту возникновения Новгорода. Найдены изделия охотничьего промысла из кости и камня, а также деревянные жилища и различные орудия из железа и кости, относящиеся к IX—X вв.

*«Смена», 18 сентября 1935 г.
«Звезда», Новгород, 26 сентября 1935 г.*

● Новгородский краеведческий музей произвел раскопки в Новгороде на территории так наз. Рюрикова городища.

Экспедицией вскрыто 3 слоя земли. Нижний слой залегает на глубине 3 м. В глинистом слое найдены орудия из камня и кости, хорошей сохранности. В среднем слое обнаружены деревянные жилища, каменная посуда, а также предметы из кости и железа.

«Крестьянская Правда», 22 октября 1935 г.

● Центральным музеем Татарской Республики под руководством Н. Ф. Калинина проведены раскопки кремля в Казани.

Работы проводились в северной части кремля в 3 пунктах: у северной кремлевской стены за дворцом ТатЦИК около башни Сююмбеки и в саду к северовостоку от здания ТатЦИК.

В процессе работ вскрыт фундамент кремлевской стены. На глубине 4 м обнаружены ненарушенные «татарские» слои. Среди собранных предметов имеются глиняные изделия, кожаные, предметы кузнечного производства, обработанный кирпич и др.

«Красная Татария», 2 июня 1935 г.

● Экспедицией института истории материальной культуры УАН под руководством Т. Т. Тесля продолжены раскопки, начатые в 1934 г., Кодакской палеолитической стоянки, расположенной на правом берегу Днепра, ниже Днепропетровска.

Остатки палеолитического человека залегали в древних озерно-речных отложениях, покрытые слоем лёсса в 25 м толщины.

Геологические условия залегания культурного слоя и фауна позволяют отнести Кодакскую стоянку к ранней стадии днепропетровского оледенения.

В время раскопок найдены зубы, челюсть и кости конечностей трогантерия, рога и кости оленя, кости носорога, ископаемого быка, лошади и разбитый череп крупного хищника.

На ряду с фауной найдены кремневые изделия и высеченный из камня треугольник. Кодакская стоянка относится к мустьерскому времени.

*ЦО «Правда», 23 марта 1935 г.
«Звезда», 16 июля и 6 октября 1935 г.*

● Весной 1935 г. возле с. Ямбург найдена стоянка типа Кодакской. Во время разведки обследована Лекарская балка, где на большой глубине, в древнеречных отложениях найдены разбитые кости ископаемых животных.

«Звезда», 16 июля 1935 г.

● На берегу р. Крымки, в Амвросиевском районе Донбасса, экспедиция археолога Евсева обнаружила палеолитическое местонахождение.

На месте раскопок экспедицией собрано около 20 000 кремневых предметов, среди которых имеются различные орудия — скребки, резцы, около 800 нуклеусов, кремневые пластинки, а также обнаружены костяные орудия-проколки.

В овраге, расположенном недалеко от данного местонахождения, на глубине 1½ м было найдено скопление костей животных: бизонов, туров и других, принадлежавших не менее чем 200 особям. Здесь же найдены кремневые и костяные орудия.

По определению Евсева стоянка относится ко времени раннего мадлена.

«Соц. Донбасс», 24 ноября и 8 сент. 1935 г.

«Известия ЦИК СССР», 13 сентября 1935 г.

● Экспедиция Московского Исторического музея совместно с Институтом истории материальной культуры Украинской Академии Наук произвела раскопки палеолитической стоянки в с. Гонцы Харьковской области.

*«Пролетарий», 17 августа 1935 г.
«Рабочая Москва», 9 сентября 1935 г.*

● Институт истории материальной культуры УАН произвел раскопки в окрестностях с. Халепье, на Киевщине.

Найдены остатки глиняных построек типа трипольской культуры, собраны обломки глинобитных стен и полов, кости домашних животных, речных раковин, обломки глиняной посуды и каменные орудия.

*«Всеукраинский Пролетарий»,
28 мая 1935 г.*

● Экспедиция Института истории материальной культуры Украинской Академии Наук произвела раскопки скифских курганов, расположенных на территории Николаполя.

В одном из курганов обнаружено 23 человеческих скелета. Обнаружены останки скелета, похороненного в шлеме с мечом, седлом, уздечкой и стременами.

Экспедиция считает найденные предметы относящимися к периоду раннего феодализма VI—VIII вв.

Материалы поступили в Институт истории материальной культуры Украинской Академии Наук.

«Звезда», 16 ноября 1935 г.

● Институт Истории материальной культуры Украинской Академии Наук провел археологические изыскания на территории «Акрополя» в Киеве (ул. Жертв Революции, д. № 10/12).

Обнаружены остатки земляного вала, глиняная посуда, обломки металлических и стеклянных изделий — кольца и стрелы, и разваленная печь.

Памятник относится к X—XII вв.

Институт истории материальной культуры Украинской Академии Наук продолжил археологические раскопки, начатые в 1929 г., городка XIII в. в сел. Райки Бердичевского района.

Во время раскопок открыты фортификационные сооружения, жилища, различные мастерские: гончарная, металлических изделий, ювелирная и др. Среди предметов найдены хорошо сохранившиеся моточки ниток, хлеб, каша, обломки тиглей, куски железа, куски болотной железной руды, производственное сырье — слитки серебра, меди и золота, а также найдены матрицы из яшмовидного сланца.

Материалы поступили в Институт истории материальной культуры Украинской Академии Наук.

*«Известия ЦИК СССР»,
16 марта 1935 г.
«Пролетарий», 28 июня 1935 г.*

● Экспедицией Института истории материальной культуры Украинской Академии Наук совместно с Гос. академией истории материальной культуры им Н. Я. Марра продолжены в этом году раскопки на тер-

ритории древнегреческого г. Ольвии, близ г. Николаева.

Во время работ экспедицией раскопаны улицы древнего города с остатками зданий, обнаружены мраморные бюсты и доски с надписями.

*«Известия ЦИК СССР»,
6 марта, 16 мая, 8 октября
1935 г.*

«Смена», 9 марта 1935 г.

«Комсомольская Правда», 15 апреля 1935 г.

БССР

● Экспедицией Института антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР под руководством К. М. Поликарповича произведены раскопки в дер. Елисеевичи, Западной области. На месте раскопок обнаружена палеолитическая стоянка, расположенная на пойменной террасе р. Судости.

В культурном слое, сравнительно на небольшой площади, найдены кости животных, принадлежащих мамонту, северному оленю, песцу и др.

Экспедицией собрано около 30 000 кремневых предметов, среди которых имеются ножевидные пластинки, резцы, скребки, а также костяные шилья, иглы со следами ушка и другие предметы.

Обнаружены следы двух жилищ палеолитического человека.

В одном из них найдено скопление костей мамонта — лопаток, костей таза, берцовых, поставленных в вертикальном положении. Здесь же были обнаружены предметы искусства, изготовленные из бивней мамонта — резные символические изображения на овальных пластинах и отдельных кусках кости. Среди них следует отметить изображение рыбки, изготовленной на пластине из бивня, а также статуэтку, представляющую собой фигуру женщины с обломанной головой. Длина статуэтки 15,5 см. Стоянка относится к раннеродовому обществу (мадлен).

Материалы экспедиции хранятся в Институте антропологии археологии и этнографии Академии Наук СССР.

*«Рабочий Путь», 2 августа
1935 г.*

«Рабочий», 21 ноября 1935 г.

● Экспедицией Белорусской Академии Наук под руководством Лявданского проведено обследование на Витебщине, Могилевщине, Гомельщине, а также в Западной области. Обследованию подверглись берега Днепра, начиная от Смоленска, на протяжении 800 км.

В Речицком районе найдены арабские монеты. В 12 км от Смоленска научные работники Белорусской Академии Наук

тт. Лявданский и Коваленя обследовали древнее городище Гнездово X—XII вв. На берегу Западной Двины исследована стоянка у дер. Крыжы, Витебского района, где найдены кремневые орудия и кости животных.

«Рабочий Путь», 20 мая 1935 г.
«Рабочий Край», 11 июля 1935 г.
«Рабочий», 21 ноября 1935 г.

Кавказ

● Экспедиция Института антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР под руководством С. Н. Замятина произвела археологические работы по исследованию палеолитических памятников на территории Абхазии.

Экспедицией обнаружены местонахождения, относящиеся к древнепалеолитическому времени, с орудиями ашельской и мустьерской эпох, а также ряд верхнепалеолитических стоянок. Всего экспедицией обнаружено более 20 палеолитических местонахождений.

«Красная Газета», 21 сентября 1935 г.

«Советская Абхазия», 14 декабря 1935 г.

«Смена», 20 апреля 1935 г.

● В Грузии, в районе г. Джугели, между сел. Убиса и Сацумиде, в ущелье р. Дзирули, археологом Г. К. Ниорадзе обнаружена пещера со следами обитания в ней палеолитического человека. В пещере найдены кремневые орудия и кости ископаемых животных — пещерный медведь и др.

«Ленинградская Правда», 5 сентября 1935 г.

«Известия ЦИК СССР», 5 сентября 1935 г.

«Тифлисский Рабочий», 8 сентября 1935 г.

● В Ростове, по Княжской ул., археологи Миллер, Лунин, Киселев, Вязигина произвели раскопки погребений, обнаруженных рабочими во время земляных работ. Земляными работами затронута часть сарматского погребения. На месте раскопок обнаружена у головы одного костяка высокая амфора, хорошей сохранности, эллиптического типа и небольшой, тщательно изготовленный, тыквообразный сосуд местного производства.

Во втором погребении, под правым бедром костяка, лежал длинный, 40 см, наконечник железного копья, в ногах найдены кости барана.

Находки переданы в Городской музей.

«Молот», 14 июня 1935 г.

● Экспедицией Института антропологии, археологии и этнографии Академии

Наук СССР под руководством проф. В. А. Городцова в районе Елизаветинской станицы, в 18 км от Краснодара, произведены раскопки древнего городища и могильников.

На месте раскопок обнаружены остатки древних гончарных и железоплавильных печей. В восточной части городища исследован на глубине до 6 м холм, обнесенный рвом. Найдены остатки строительных материалов, кости домашних животных — лошадей, коров, овец, свиней.

Экспедицией вскрыто около 50 погребений. Из могил извлечены человеческие скелеты плохой сохранности, сосуды с греческими клеймами, железные серпы, бронзовые зеркала, золотые височные кольца, железные наконечники копий, бронзовые, железные и серебряные кольца, различная посуда и монеты, относящиеся ко II, III, IV и V вв. до н. э.

«За коммунистическое просвещение», 24 июня 1935 г.

«Красная Газета» (утр. вып.), 23 июля 1935 г.

«Полярная Правда», 24 июля 1935 г.

«Известия ЦИК СССР», 24 июля и 16 сентября 1935 г.

● Гос. академией истории материальной культуры им. Н. Я. Марра возобновлены археологические работы в районе ст. Цимлянской, на Дону.

При исследовании могильника вскрыто около 100 погребений, относящихся к XI—XII вв. В погребениях найден богатый инвентарь — разнообразные бусы, подвески, браслеты и другие предметы. В Малых курганах найдена сабля, орнаментированная костяными обкладками, золотые уборы, состоящие из височных колец. Одновременно производились раскопки городища у Красного Яра.

ЦО «Правда», 31 июля 1935 г.

● Экспедиция Гос. академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра под руководством А. А. Иессена произвела археологическое обследование на территории строительства Сухуми-ГЭС.

В районе с. Андреевки экспедицией собраны обломки глиняных сосудов и отдельные бронзовые предметы. На третьем участке Сухуми-ГЭС найдены обломки, глиняных сосудов.

«Советская Абхазия» 20 ноября 1935 г.

В районе строительства Очемчирского порта геологоразведочной партией обнаружены следы двух древнегреческих портов, разновременных построенных в одном и том же месте. Здесь же обнаружено большое количество керамики. Памятники относятся к середине первого тысячелетия до н. э.

«Советская Абхазия», 3 октября и 6 декабря 1935 г.

● Экспедиция Московского Государственного исторического музея произвела изыскательные работы на территории Северо-осетинской и Чечено-Ингушской автономных областей.

На территории Северной Осетии работа велась в следующих пунктах: у с. Галиат экспедицией вскрыто одно погребение в грунте, представляющее собой тип скорченного погребения, относимого к эпохе докобанской культуры, т. е. до первого тысячелетия до н. э. Близкое же к этому типу погребение вскрыто и другое в квадратном каменном ящике выше с. Верхняя Кобань, в местности, называемой «Заглибарзонд».

Близ с. Камунта экспедицией открыто селище, предположительно определяемое концом Кобани, давшее новый тип бронзовой команской фибулы.

Раскопками на известном могильнике Фаскау (у с. Галиат) получен материал, имеющий определенное значение как подтверждающий свою связь с кобанской культурой. Раскопки на территории городка Гизельдон ГРЭС дали аналогичный материал.

У шоссе на дороге, в окрестностях с. Средняя Кобань, экспедицией открыто другое селище эпохи VI—IX вв. н. э., на котором вскрыт очаг, обложенный булыжником. Другой очаг, определяемый более поздним временем, раскопан в районе с. Верхняя Кобань у подножия Кануковской башни над р. Гизельдон. В очаге обнаружено несколько шильев, проколок, сделанных из костей.

На могильнике у с. Галиат вскрыт подземный склеп, сложенный из плит, содержащий коллективное погребение: два мужских и один женский костяки. На боку у одного из мужских костяков находилась сабля и железные наконечники стрел. В ногах костяков были положены 2 седла, 4 глиняных кувшина, 4 деревянных блюда, чашки и большое количество металлических бляшек конского набора на сбруе. Бляшки были бронзовые и серебряные, покрыты позолотой. Среди бус у женского костяка была обнаружена золотая византийская монета, имеющая 2 отверстия для продевания нитки. Монета являлась частью женского ожерелья. Под одним из седел находилась другая серебряная монета с арабской надписью, которая помогает определить дату этого погребения. Экспедиция предположительно относит это погребение к началу второго тысячелетия н. э.

В разных местах на территории Северной Осетии были вскрыты несколько древнейших погребений (например, в каменных ящиках), но датированные более поздним временем (XVIII и даже начало XIX в.).

На территории Чечено-Ингушской области в Джерахском ущелье раскопки производились на холме Памет, на котором расположены селища и трехъярусный могиль-

ник. Здесь вскрыты шесть могил, давшие интересный материал IX в., связанный с концом аланской культуры.

Кроме того, экспедицией собран огромный керамический материал со всех обследуемых памятников. Сделано много фотографий, произведены съемки планов местности и зарисовки памятников.

«Пролетарий Осетии», 11 августа 1935 г.

● Отделом охраны памятников Института истории и литературы Армении были проведены 3 археологические экспедиции.

Экспедиция под руководством К. Кафаряна работала в Шамшадинском районе над регистрацией памятников древности.

Экспедицией обнаружено 17, до настоящего времени неизвестных, памятников, в числе которых находятся мегалитические и циклопические строения. Кроме регистрационных работ, экспедицией сфотографировано около 100 памятников.

Вторая экспедиция проводила раскопки древних могильников близ Кировакана. Экспедиция раскопала 5 погребений, которые представляли собой «каменные ящики» почти квадратной формы, в среднем $1\frac{1}{2} \times 1\frac{1}{2}$ м, прикрытые одной или двумя плитами.

В 3 гробницах вместе со скелетами обнаружены кости быка. Все погребения были одиночны, за исключением одного, содержащего 4 скелета человека. Костяки в 4 гробницах лежали скорченно (на левом боку), в пятой — покойник находился в сидячем положении.

Из вещественного материала погребения дали бронзовые кинжалы, наконечники копий, шилья, браслеты, кольца и массу бус — красных сердоликовых, красных из пасты, костяных, бронзовых и из белого металла в форме чечевицы и 4 металлических медальона с изображением креста и свастики. Кроме того, в большом количестве собраны глиняные чернولاковые сосуды (около 80). Сосуды изготовлены на гончарном кругу.

Собранный материал можно отнести к II в. до н. э.

Помимо раскопок, экспедиция обнаружила в этом же районе развалины двух циклопических крепостей.

Третья экспедиция работала в Ереване, у ереванского вокзала в местности «Мухан-Тапа» и на Севане у истоков Занги.

В результате работ на холме «Мухан-Тапа» открыта часть крепостной стены циклопической кладки и вне стены два древних погребения. Одно — в двух кувшинах (карасах), примыкающих друг к другу горлами, и другие в грунтовой могиле, обложенной каменными плитами. В последнем найдены железный нож, кувшинчик и блюдо из красной глины. Найдены обломки глиняной посуды различных эпох. Среди обломков имеются раскрашенные,

С внутренней стороны крепостной стены открыты остатки двух зданий. На земляном полу здания найдена глиняная, квадратной формы, печать со знаком свастики. Здесь же найдены 3 каменных зернотерки и одно бронзовое колечко.

Вход в здание устроен в углу в виде трех каменных ступенек. Во время работ собраны кости домашних животных: коровы, овцы и домашней птицы.

При работах на Севане у истоков Занги обнаружены памятники периода раннего феодализма. Среди могильного инвентаря собраны керамика и оружие, а также бронзовый топор примитивного типа.

«Коммунист», 17 и 22 июня, 24 июля, 8 августа, 3 октября 1935 г.

● Экспедицией Гос. академии истории материальной культуры на Таманском городище произведены раскопки древнего поселения городского типа эпохи X—XII вв.

На месте раскопок найдены надгробия, стеклянные и пастовые бусы и браслеты, монеты, костяные пластинки от лука со знаками.

ЦО «Правда», 16 марта 1935 г.

● Экспедиция Азербайджанского отдела Закавказского филиала Академии Наук провела обследование древних памятников в районе с. Загала.

Экспедиция установила местонахождение городищ и произвела раскопки некоторых погребений, в которых обнаружено большое количество глиняной посуды и утвари.

Кроме того, экспедицией обнаружены бронзовые грифоны, до 30 см высотой, представляющие собой фигуры с огромными клювом, лошадиными ушами, гривой и львиными лапами. Два таких грифона стояли в одной из гробниц. У каждого из грифонов имеется бронзовая чаша, очевидно, служащая светильником.

По форме грифоны относятся к древнеперсидскому периоду. Здесь же обнаружена бронзовая фигура, украшенная орнаментом из листьев.

ЦО «Правда», 9 января 1935 г.

● Экспедиция Азербайджанского филиала Академии Наук под руководством Алекперова провела археологическое обследование в Кубинском и Гильском районах.

На строительстве Кубинской электростанции в земле были найдены бронзовые статуэтки оленя. Близ г. Кубы обнаружены остатки древнего гончарного производства и других памятников эпохи бронзового века. Здесь же найдены каменные памятники средневековья.

В г. Кубы при расчистке развалившихся стен бани обнаружены 3 росписи — 2 из них посвящены мотивам из «Шах-Намэ» и одна — похождению легендарного Молла Насреддина.

«Бакинский Рабочий», 27 ноября 1935 г.

«Тифлисский Рабочий», 3 декабря 1935 г.

● Экспедицией Азербайджанского филиала Академии Наук на берегу р. Самур обнаружен исторический памятник XV в. — мавзолей над могилой шейха Джунейда, основателя династии Сейфивидов.

На мавзолее прекрасно сохранились порталы с двойным куполом и художественная глазурь, покрывающая его внутри.

«Бакинский Рабочий», 28 ноября 1935 г.

● В Ингушетии, в 1/2 км ниже аула Барханой, в наиболее узкой части Ассинского ущелья научный сотрудник Чечено-Ингушского Научно-исследовательского института Мальсагов обнаружил остатки стены, по времени относящиеся к началу средних веков исторического периода. Художник Ахриев произвел зарисовки этой стены.

«Грозненский Рабочий», 18 октября 1936 г., см. также «Северо-Кавказский Большевик», 26 октября 1935 г.

Экспедиция Музея искусств Грузии произвела обследование древнегрузинских архитектурных памятников в верховьях рр. Лехурхи и Ксанки. Наибольший интерес для исследования представили памятники архитектуры VIII и IX вв. в с. Армази и Цискали. Храм в с. Армази выделяется своеобразием архитектурных форм и характерным орнаментом на колоннах и фасаде. Экспедицией обследован также ряд крепостей феодальной эпохи.

«Архитектурная Газета», 8 августа 1935 г.

● Экспедиция Абхазского музея краеведения провела обследование Венецианского моста близ Сухуми. Экспедицией расчищена арка Венецианского моста, на которой сохранилась иероглифическая надпись.

Экспедицией проведены раскопки в районе восточной стены древней христианской базилики, где обнаружено древнее погребение. В базилике найдены 2 монеты, на одной из них — изображение человека и иероглифическая надпись.

«Советская Абхазия», 20 сентября 1935 г.

Крым

● Экспедиция Московского исторического музея под руководством Крайнова произвела археологическое исследование в Крыму, в районе Ялты и Севастополя.

Экспедицией близ с. Пычки, на левом берегу р. Кача, обнаружена стоянка неандертальского человека. Найдены кремневые изделия. Возле этой же деревни, на отвесной скале, обнаружены рисунки, относящиеся, повидимому, к доскифской культуре (около 4—5 тыс. лет тому назад). Рисунки сделаны на высоте 2 м и имеют длину около 10 м. Красной краской на камне нарисован ряд сцен битвы.

Близ д. Черкес-Кермен, в пещере «Замиль-Кобе», найдены следы пребывания человека эпохи азильской культуры и здесь же, под слоем глины, следы человека мадленской эпохи.

«Известия ЦИК СССР», 14 сентября 1935 г.

● Экспедицией Института антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР совместно с Советской секцией Международной ассоциацией по изучению четвертичного периода в Европе под руководством С. Н. Бибикова продолжены, начатые в 1927 г., раскопки в пещере Шан-Коба близ с. Уркуста, Балаклавского района.

Экспедицией собраны раздробленные кости животных: оленя, медведя, волка, сайги и др., а также кремневые и костяные орудия, относящиеся к верхнепалеолитическому периоду. Здесь же найден обломок черепа животного, покрытый резьбой в виде параллельных прямых линий, и костяное шило со стилизованным изображением головки животного на нем.

«Труд», 16 августа 1936 г.

«Красный Крым», 3 октября 1935 г.

● Экспедиция Антропологического института МГУ под руководством О. Н. Бадера провела обследование ряда археологических памятников в Крыму.

Часть работы экспедиция провела в Карасу-Базарском районе, где ею было обследовано около 150 пещер и гротов, часть которых относится к палеолитическому периоду.

На месте работ найдены кости животных и каменные орудия. В том же районе обследовано около 20 древних открытых местонахождений.

На ряду с этим экспедицией обследован ряд поздних памятников — древние могильники; также Генуэзский замок XIV—XV вв., состоящий из 11-метровой башни и остат-

ков крепостных стен, расположенный между дер. Ускут и Судаком.

«Известия ЦИК СССР», 4 октября 1935 г.

● Херсонесский музей под руководством Белова возобновил раскопку Херсонеса на северном берегу городища.

Во время раскопок открыта большая базилика. Среди развалин ее найдены мраморные архитектурные детали: колонны, вазы, капители, карнизы, алтарные преграды, громадные плиты и др. Капители и другие фрагменты отличаются тонкой художественной работой. Некоторые из них впервые встречаются в Херсонесе.

Под насыпью первого слоя, выше развалин базилики, обнаружены усыпальницы.

«Красно-балтийский флот», 23 июня 1935 г.

«Горьковская Коммуна», 11 июля 1935 г.

«Красный Крым», 9 сентября 1935 г.

● Экспедиция Московского отделения Гос. академии истории материальной культуры совместно с музеями: изобразительных искусств, Историческим и Антирелигиозным, под руководством Блавацкого, обследовала крепость Харакс, расположенную около Айтордорского маяка в Крыму.

Во время работ экспедицией раскопана площадь около 1000 кв. м. При раскопке некрополя обнаружен инвентарь 22 могил: амфоры с пеплом и костями сожженных трупов, а также обнаружено место сожжения покойников. При раскопках внутри крепости обнаружены каменные ядра для баллист. В стенах терм обнаружены кирпичи с пометками мастеров.

«Красный Крым», 11 сентября 1935 г.

«Известия ЦИК СССР», 27 октября 1935 г.

● Экспедицией Гос. академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра под руководством Крюгера продолжены раскопки, начатые в прошлые годы, на месте древних гг. Дии и Мирмикии.

Экспедиция состояла из двух отрядов. Один из них работал в районе Госметзавода на раскопках г. Мирмикии, а другой отряд — в районе Камыш-буруна на раскопках г. Дии.

При раскопке Мирмикии экспедицией обнаружены остатки цементированных площадок, резервуары для хранения вина, относящиеся к III в. н. э.

Раскопанные две другие винодельни относятся к эпохе же Рима, но дающие картину более усовершенствованного винодельческого производства. В каждой винодельне имелся колодец.

При раскопках Дни экспедицией найдено 15 жерновов, обнаружены зернохранилища с остатками пшеницы, а также росписная посуда, монеты и кости животных.

«Красная Газета» (утр. вып.),
10 апреля 1935 г.

«Красная Газета» (веч. вып.),
28 мая, 23 августа, 11 сентября
и 20 октября 1935 г.

«Рабочий Край», 10 апреля
1935 г.

«Волжская Коммуна», 11 апреля
1935 г.

«Известия ЦИК СССР»,
14 апреля 1935 г.

«Смена», 5 апреля 1935 г.

«Ленинградская Правда», 11 мая
1935 г.

«Ударник», 8 октября 1935 г.

Экспедиция Гос. академии истории материальной культуры под руководством Данилевского произвела обследование древних водопроводов в районе Феодосии.

В Султанской долине, близ Феодосии, экспедиция обнаружила водосборное сооружение и магистраль водопровода, построенного, судя по найденным надписям на древнеармянском языке, в XVIII в.

ЦО «Правда», 12 сентября
1935 г.

● Экспедиция Алушкинского дворца-музея под руководством Эрнста провела работу по выявлению и учету историко-археологических памятников южного берега Крыма от Ай-Тодора до Алтушты.

В прошлом году экспедиция провела аналогичную работу от мыса Айя до Ай-Тодора.

«Красный Крым», 12 сентября
1935 г.

Западная Сибирь, Восточная Сибирь и Дальний Восток

● Экспедиция Гос. академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра под руководством Г. П. Сосновского обследовала палеолитическую стоянку в местности Сростки на р. Катунь на Алтае.

На месте работ найдена мастерская по изготовлению каменных орудий. Давность стоянки Г. П. Сосновский определяет в 10—12 тыс. лет.

Экспедицией обследованы также памятники бронзового и железного периодов северной и центральной части Ойротии.

В окрестностях Усть-Кана экспедицией обследованы пещеры, где найдены остатки ископаемых грызунов.

«Красная Ойротия», 5 сентября
1935 г.

● Сотрудником Хатангской землеустроительной экспедиции Давыдовым обнаружена стоянка каменного века за Полярным кругом, на берегу р. Попигой.

На месте стоянки, в торфяном слое, найдены грубо обработанный наконечник копья треугольной формы, недоконченный наконечник дротика, 2 стрелки треугольной формы, 4 скребка, один из которых с высоким рабочим краем, и 5 кусков кремня со следами обработки, пластинка, обломок расколотой трубчатой кости, 2 оленьих зуба и предметы неизвестного назначения.

«Комсомольская Правда», 6 июня
1935 г.,

«Красная Газета», 19 января
1935 г.

● По поручению Института антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР произведены раскопки древнего поселения в устье р. Полуя километрах в 5 от г. Сале-Харда.

На небольшой площади (около 300 м), при мощности культурного слоя до 60 см в среднем, найдено в общей сумме до 16 000 предметов. Одних только различных поделок из кости, бронзы и камня найдено до 1500. Обнаружено также много обломков глиняной посуды, покрытой различными вдавленными или штампованными узорами, и кости различных животных.

Среди утвари экспедицией найдены костяные рукоятки ножей (изредка с остатками железного лезвия), ножи, целиком сделанные из кости, разнообразные костяные наконечники стрел, крючки для вязания, шилья из кости, различные пряжки, ложки из кости с короткими ручками, украшенные вырезанными фигурами или головками различных животных. Гребни узкие и высокие, как правило с 5 зубьями, также украшенные тонкой резьбой, каменные песты, фигуры людей из бронзы, несколько маленьких поделок из кости, в миниатюре подражающих земледельческой мотыге. Кроме того, найден ряд предметов неизвестного назначения, также украшенных различными узорами.

Среди обломков глиняной посуды обнаружено несколько черепков от тиглей для плавки металла, со следами спекшихся шлаков по краям, а также несколько бронзовых и медных листов неправильной формы. Здесь же найдены кости домашних животных — собаки, оленя, отличающегося от современного более крупными размерами, а также кости журавля, отсутствующего в настоящее время в пределах округа.

Собранный инвентарь позволяет датировать данный памятник IV в. н. э.

«Омская Правда», 30 августа,
15 сентября, и 20 сентября 1935 г.

«Известия ЦИК СССР», 23 октября 1935 г.

● Каменский музей провел раскопки кургана, содержащего погребение с остатками женского и детского скелетов. Здесь же найдено ожерелье, стеклянный кувшин, серебряная серьга — возле черепа, железный нож.

По определению зав. музеем погребение относится к X—XII вв.

«Советская Сибирь», 21 июня 1935 г.

● Экспедицией Гос. академии истории материальной культуры проведено обследование древних памятников и раскопки курганов в Курайской степи Ойротской автономной области.

Экспедиция работала двумя партиями. Первая партия, под руководством Киселева, вела работы по Чуйскому тракту, вторая — в районе Быстрянки, Суртаевки и Туэзты, Чуйского же тракта, под руководством Сергеева. Работы проводились в 7 пунктах Курайской степи, в результате чего раскопано 25 курганов, собрано более 500 предметов, а также обследован ряд других древних памятников.

В одном из курганов найдены в каменных ящиках человеческие скелеты, относящиеся к бронзовому веку. В двух других курганах обнаружены на глубине 2½ м скелеты людей, животных и резные украшения, среди которых выделяются резные кабаньи клыки и грифоны. Курганы относятся к началу нашей эры.

Вскрыта серия курганов VII—VIII вв., в которых найдены скелеты людей и кости животных на ряду с золотыми и серебряными украшениями, колчаны, луки со стрелами и другие предметы. Особенно выделяется один курган, давший 224 предмета, среди которых найдены серебряный кувшин с орхонскими надписями, 65 серебряных блях, набор на пояс, золотые серьги и серебряное украшение для сбруи.

«Советская Сибирь», 23 августа и 3 октября 1935 г.

«Красная Ойротия», 6 сентября 1935 г.

«Ленинградская Правда», 2 сентября 1935 г.

«Смена», 8 сентября 1935 г.

«Известия ЦИК СССР», 4 и 17 сентября 1935 г.

● Экспедицией Бурято-Монгольского института культуры совместно с Антирелигиозным музеем и Обществом по изучению Бурято-Монголии под руководством Сергеева произведено обследование древних памятников в Ацагате (Хорийский аймак).

Во время работ экспедицией были обнаружены могильники, состоящие из ряда могил, сооруженных из больших каменных плит, выложенных по краям могильной ямы и высоко поднимающихся над поверхностью. Способ захоронения и могильный

инвентарь позволяют отнести данные погребения к родовому обществу.

На ряду с этими погребениями экспедицией обнаружены погребения на горах, среди скал. В одном из таких погребений найдены кости лошади, шелковая китайская ткань, часть железного стремена, железное кольцо из удила, кусок краски. Здесь же найдены наконечники стрел, лук и седла. Эти погребения относятся к феодальной эпохе, времени китайской династии Сун (960—1127 гг. н. э.).

Выше описанного погребения, на утесе обнаружена Мухоршибирская писаница, расположенная в 3 км на северо-запад от первого участка совхоза паровозостроительного завода, в пади, с западной стороны утеса.

Рисунки нанесены красной краской, на гладких местах скалы силуэтами. Многие фигуры расплылись и выцвели, в сохранившейся же части рисунки дают изображения людей, животных, птиц равноконечных крестов и отпечатков пальцев руки. По неуклюжим фигурам животных определить их вид невозможно, но динамика передана понятно. Одно животное изображено в настороженной позе с приподнятой слегка головой, рядом с ним другое животное, вытянув шею, несет галопом, подогнув к животу передние ноги. Люди изображены с различием пола. Птицы, находящиеся справа и слева изображенной группы, представлены в вертикальном полете.

Мухоршибирская писаница генетически связывается с погребением на горах среди скал.

Экспедицией раскопаны 2 кургана, в которых найдены захоронения в колодах. В одном из таких погребений оказались при скелете, завернутом в китайскую шелковую ткань, лук, колчан со стрелами с железными наконечниками, железный кинжал и копье, древко которого обито спирально-серебряной ленточкой. У двух вскрытых скелетов (один женский) обнаружены болезненные наросты на сочленениях позвонков и суставов пальцев.

Материалы экспедиции передан в Улан-Удский антирелигиозный музей.

«Бурято-Монгольская Правда», 24 и 26 августа, 21 сентября и 21 октября 1935 г.

● Экспедиция Института антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР под руководством Окладникова провела обследование и раскопки археологических памятников по р. Амуру от Хабаровска до Николаевска на Амуре.

Отрядом пройдено более 1000 км по долине р. Амура, в которой обследовано и открыто около 200 археологических «точек».

На территории Николаевска на Амуре, Хабаровска (Красная речка), у Марининска

(о. Сучу) обнаружены следы древних поселений. Были вскрыты глубокие ямы полу-подземных жилищ, с остатками пола и углублений для столбов, поддерживающих жилище. Внутри жилищ обнаружены богато орнаментированная керамика, зубчатые наконечники стрел, ножи и скребки из прозрачного камня, халцедона, кремня и многоцветной яшмы. Здесь же найдены острые, массивные долота, мелкие топоры, копыя, грузила для сетей, палыцы.

В Малмыжском, на территории винозавода, в Хабаровске у мыса Ваиди (Николаевский район) и других местах обнаружены предметы, относящиеся к более позднему периоду — костяные наконечники стрел, шиферные кинжалы, изготовлявшиеся на месте в подражание привозным бронзовым; обнаружены следы зарождения местной металлургии. Здесь же найдено погребение с костями человека, возле которого находились костяные стрелы и огромный глиняный сосуд.

В землянках найдены пастовые привозные бусы, ножи из камня типа кривых «карасукских» ножей из Западной Сибири, нефритовые кружечки, схожие с восточносибирскими неолитическими украшениями. У дер. Калиновки возле древнего жилища обнаружен крупный валун, покрытый изображениями человекоподобных лиц, пересеченных недоузками, как на каменных изваяниях минусинской курганной степи. К этому времени относится обследованное экспедицией древнее поселение на о. Сучу, обнесенное двумя валами и ровом до 3 м глубиной.

У с. Ново-Георгиевского обнаружена мастерская каменных топоров на ряду с железными предметами; найден древне-железоплавильный «горн-лабиринт» в с. Богородском, минусинские «монетные слитки», относящиеся к переходному периоду от камня к железному веку.

От Хабаровска и ниже обследованы жилые ямы, давшие серую ложеную посуду, относящуюся к I в. до н. э., там же находились кости домашних животных (лошадь, корова).

На берегах Амура, в Секачи-Аляне, и у стойбища Май сохранились изображения на скалах. Одновременниками их являются обнаруженные экспедицией следы жилых ям с каменными каналами. Раскопка одного такого памятника в большом Дурнале (Нижняя Тамбовка) дала один над другим четыре слоя — от современной нанайской культуры до неолита включительно. Во втором слое с каменными лежанками-каналами была найдена древняя китайская фарфоровая чаша с иероглифами и богатыми рисунками. Данный памятник относится к VII в. н. э. К тому же времени относятся исследованные древненанайские стойбища, знавшие изготовление подобной посуды,

и могильник Грязнухинский у жел.-дор. моста близ Хабаровска.

«Советская Сахалин», 16 октября 1935 г.

«Тихоокеанская Звезда», 23 июня и 12 сентября 1935 г.

«Красная Газета» (веч. вып.), 18 июля 1935 г.

«Волжская Коммуна», 8 июля 1935 г.

Средне-Азиатские Республики

● Экспедицией Московского Исторического музея под руководством Граковой произведены раскопки древних памятников на берегу Тобола близ пос. Алексеевского, Кустанайского района.

На месте работ экспедиция обнаружила древнее жилище с сохранившимся полом, а также около 200 ям, в которых были врыты столбы. У восточной стены здания найден очаг из глины, пережженные кости домашних животных и обломки глиняных сосудов. У очагов на костях барана обнаружен хорошо сохранившийся бронзовый нож. Недалеко от очага обнаружен точильный брусок, остатки каменной плиты для растирания зерна, каменная булава яйцевидной формы с отверстием для рукоятки. У одной из стен в яме обнаружен глиняный сосуд, кости коровы, лошади, овцы, каменный клин и обломок бронзового топора.

Памятник имеет давность около 3000 лет.

Материалы переданы в Исторический музей.

«Вечерняя Москва», 2 августа 1935 г.

«Казхстанская Правда», 16 июня 1935 г.

«Северо-Кавказский Большевик», 30 июня 1935 г.

«ЦО Правда», 15 августа 1935 г.
«Известия ЦИК СССР», 11 сентября 1935 г.

● Экспедицией Гос. Этнографического музея под руководством Григорьева проведены раскопки древнего городища в г. Каунчу.

Разведкой 1934 г. в Янгиюльском районе, проведенной Г. В. Григорьевым, обнаружены древние городища, относящиеся к первому тысячелетию до н. э., к скифским поселениям. В основании городищ, под мощными культурными наслоениями, толщиной до 4 м, залегает разрушенное пещерное поселение, относящееся к началу бронзового века. Такие древние поселения были обнаружены в г. Каунчи около станицы Персак (Журган-Тепе), в Таш-Тепе у Кафтар-Тепе возле с. Агдонабад.

Городище Каунчи-Тепе расположено почти в центре г. Каунчи, между маслозаводом и арыком Куркульдак. Внешне оно представляет собой цельный ряд хол-

мов, занятых кладбищем. Во время раскопок экспедицией обнаружено несколько культурных слоев, относящихся к различным эпохам существования этого города. На глубине 2—3 м обнаружен центр железоплавильного производства древнего Каунчи. Во всех 5 раскопах обнаружены железные шлаки, а в 3 найдено 9 железоплавильных площадок. Здесь же найдены остатки стрел и копий.

В этом же горизонте обнаружены следы поливного земледелия, найдены обожженные зерна ячменя, пшеницы, косточки персиков, джиды, а также кости домашних животных — лошади, верблюда, козы, свиньи, коровы, овцы. В этих же слоях найдены глиняные изображения баранов с закругленными рогами и быка. Чаще всего изображения сделаны на стенках и ручках сосудов. У некоторых из них на носу сделано углубление. Сюда же относится находка раковины «каури».

Каунчи-Тепа относится к древнескифским поселениям.

Ниже, на глубине 6 м, идут слои, в которых преобладают костяные орудия, кости диких животных, оленей, диких козлов, кабанов, косулей и бронзовые орудия.

«Правда Востока», 27 июня 1935 г.

ЦО «Правда», 29 июня 1935 г.

«Архитектурная Газета», 5 июня 1935 г.

● Археологи Казахского научно-исследовательского института национальной культуры произвели раскопки кургана в г. Алма-Ата в районе д. 10 по Дачной ул.

На глубине 2 м от поверхности обнаружены кости домашних животных. Ниже, на глубине 4 м — 3 человеческих костяка, в изголовье которых лежали 3 глиняных горшка.

«Казахстанская Правда», 4 августа 1935 г.

● Экспедиция Казахского научно-исследовательского института национальной культуры провела раскопки Тургенской сопки, расположенной в нескольких километрах от с. Турген, Энбекши-Казахского района. На месте раскопок экспедицией установлено существование в древности города окружностью около 3 км.

При раскопке высокого кургана обнаружены большие каменные плиты с высеченными на них письменами, по определению археолога Сулеймана относящиеся к письменам древнесогдийского языка.

«Казахстанская Правда», 10 августа 1935 г. и 4 августа

«Карагандинская Коммуна», 10 августа 1935 г.

«Прикаспийская Правда», 10 августа 1935 г.

«Правда южного Казахстана», 8 августа 1935 г.

● Бухарским отделением Узкомстариса проведены раскопки, под руководством Шишкина, древнего квартала в Старой Бухаре.

При обследовании мечети «Магоки-Аттар» обнаружено, что современное ее здание является лишь надстройкой над двумя более древними зданиями. Первое из них расположено ниже уровня современного здания на 1—1.5 м; время его постройки предполагается в IX—XI вв. Второе относится к еще более древнему времени. Фундамент его находится на глубине 11 м, ниже современного уровня земли. На стенах сохранилась резьба с позолотой на алебастре.

В древнем же квартале Ст. Бухары обнаружена занесенная песком карагандинская мечеть XII в, с сохранившимися надписями на портале мечети. Здесь же найдены 2 клада монет и различные предметы эпохи Тамерлана.

В южной части Бухарского оазиса обнаружены остатки древней стены (VIII в.) «Камфыр-Дувал», от которой остался лишь небольшой вал протяжением около 300 м.

«Правда Востока», 18 августа 1935 г.

«Вечерняя Москва», 19 апреля 1935 г.

«Известия ЦИК СССР», 18 марта и 5 ноября 1935 г.

● Археологами Узбекского комитета по охране памятников искусства и старины при обследовании Аму-дарьинской группы развалин найден фрагмент керамики, раскрашенный коричневой краской, с орнаментом типа Анау, фрагмент решета или цедилки, двойной скребок из серого камня.

«Правда Востока», 30 октября 1935 г.

● Экспедицией Туркменского Госуд. научно-исследовательского института под руководством Марущенко произведены раскопки городища Нессы.

Экспедицией вскрыт большой холм внутри крепости, в котором откопаны башневидная постройка, а также обломки статуи и ряд колонн. По определению Марущенко данное здание является древним храмом огня.

«Известия ЦИК СССР», 11 мая 1935 г.

«Труд», 17 мая 1935 г.

«Ленинградская Правда», 17 мая 1935 г.

«Туркменская Искра», 8 мая и 3 июня 1935 г.

«Горьковская Коммуна», 6 июня 1935 г.

Б. В. ЛУНИН

Н. И. БЕРЕЗИН. СПРАВОЧНИК ПО ПАЛЕОЛИТУ СССР. АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Труды Института антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР, т. XII, вып. 1. Археологическая серия 1. Издательство Академии Наук СССР. М.—Л., 1936, стр. 74, тираж 1200 экз., цена 4 р.

Выпуск справочника по палеолиту СССР отвечает весьма назревшей необходимости. Следует констатировать быстрое и значительное возрастание за последнее время наших знаний по истории доклассового общества на территории СССР и, в частности, открытие в границах советской страны ряда палеолитических стоянок и накопление обильных материалов по этим, а также и по ранее известным, но остававшимся мало изученными стоянкам. В этих условиях и при значительно возросшем интересе к изучению памятников доклассового общества совершенно необходимо, разумеется, появление общих обзоров, сводных изданий, справочников и указателей литературы, отвечающих определенным этапам в развитии наших знаний и подводящих итоги последних.

«Справочник по палеолиту СССР» содержит в себе перечень палеолитических стоянок Европейской части СССР (86 стоянок), североазиатской части РСФСР (39 стоянок) и Восточносибирского края (24 стоянки).

Составителем справочника проделана значительная и нужная работа. Комплекс основных сведений по каждой из вошедших в справочник стоянок хорошо продуман. Мы имеем 11 граф: 1 — номер по порядку, 2 — область или район, 3 — наименование стоянки и ее характер, 4 — точное местонахождение стоянки, 5 — культура стоянки, 6 — главнейшая фауна, 7 — имена лиц, открывших стоянку, 8 — имена лиц, раскопавших стоянку, 9 — перечень главнейших литературных источников, 10 — место хранения найденного материала, 11 — номера планшетов военнотопографической карты Европейской части СССР (следовало бы, возможно, указать специальной графой руководящие формы кремневых орудий и другие наиболее характерные находки в отдельных стоянках).

Составленный Н. И. Березиным справочник несомненно восполняет определенный пробел в литературе по палеолиту СССР, и появление его является весьма своевременным. Подобного рода справочников до настоящего времени мы не имели.

Положительное значение нового справочника по палеолиту СССР умалывается, однако, определенными недочетами.

К числу наиболее многочисленных недочетов должны быть отнесены недочеты

в сведениях о «главнейших литературных источниках» (графа девятая). Надо иметь в виду, что сведения о литературных источниках принадлежат к числу основных сведений справочника. По существу, сведения эти представляют библиографический указатель литературы по палеолиту СССР; значение такого указателя доказывать не приходится, и в нем можно видеть едва ли не центральную часть справочника.

При просмотре сведений о главнейших литературных источниках бросается в глаза, прежде всего, отсутствие подразделения между действительным источником и пособием. В самом деле, если отчеты К. С. Мережковского об обследовании им памятников каменного века в Крыму могут рассматриваться как определенный источник, то в какой мере является источником по данным памятникам книга Ю. В. Готье «Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы», лишь повторяющая в контексте сведения того же Мережковского и др.? Такое смешение действительных источников с вспомогательными изданиями проходит красной нитью через весь справочник.

Крайне трудно уловить какую-либо систему в расположении указаний на литературу. Положение дел способно убедить в отсутствии всякой системы, что, конечно, является уже весьма существенным промахом.

Возьмем, например, «главнейшие литературные источники» по известной крымской стоянке Сюрень I (стр. 13). Здесь, как и во всех других случаях, составитель не придерживается расположения указаний на литературу по фамилиям авторов (алфавитный порядок).

Список литературы открывается фамилией Мережковского, далее следуют фамилии Готье, Башкирова, Бонч-Осмоловского, Ефименко, вновь Бонч-Осмоловского и т. д. Алфавитный порядок тут явно не взят в основу. Быть может, его заменяет принцип хронологического расположения материала, и указания даны в порядке последовательного выхода в свет приводимой литературы (годы издания)? Нет. И здесь, как и во всех других случаях, список литературы открывается изданием 1880 г., затем следует 1925 г., после него 1924 г., затем 1926, 1929, 1934, вновь 1925. за ним 1928, 1930, опять 1934 г. и т. д.

Отпадает предположение и о расположении материала в порядке его значимости. При просмотре справочника нетрудно убедиться, что составитель чередует указания на специальные исследования с указаниями на обзорные статьи в научно-популярных журналах, очерки в путеводителях и пр.

Остается несомненным, таким образом, механическое, лишенное системы и последовательности сочетание в одном списке наименований всей известной составителю литературы по той или иной стоянке.

Такая «система» не может не затруднить пользование справочником и умалывает значение его библиографической части.

Библиографическая сторона справочника является, впрочем, вообще самым уязвимым и недоработанным разделом справочника.

Библиографические небрежности столь многочисленны, что перечислить их невозможно. Вне зависимости от того, описывал ли составитель издания *de visu*, или пользовался, частично, другими методами, — налицо обильные искажения, неточности, неполнота.

Справочник имеет в виду помочь пользующимся им лицам в нахождении соответствующей литературы, облегчить работу по розыску необходимых изданий и пр. Печально, когда вместо этого справочник способен вызвать местами лишь недоуменные вопросы и осложнить дальнейшую работу.

Обратимся к фактам.

Составитель не претендовал на составление специального библиографического справочника. Не будем требовательны поэтому в вопросе об исчерпывающей полноте библиографической номенклатуры в приводимых составителем указаниях литературы (наименование издательства, указание формата издания, числа страниц, количества иллюстраций, тиража, цены и пр.).

Совершенно недопустимо, однако, когда составитель дает указания, лишенные элементарных, основных библиографических сведений, когда читатель встречает наименование «источника» вне времени и пространства.

Попробуйте разыскать, например, «Туркестанские протоколы Клуба любителей археологии» (стр. 33). Когда и где появились они в свет? Печатное ли это издание или рукопись? Загадка так и не найдет своего разрешения. На стр. 15 читатель узнает о существовании статьи Г. Ниорадзе (на немецком языке) о палеолитической стоянке Девис-Хврели в Грузии. Статья напечатана в 1933 г. Но где? В СССР или за границей? Отдельное ли это издание или публикация в каком-либо журнале, сборнике? Но здесь идет речь о статье 1933 г., а тремя строками ниже указана статья, отделенная от первой целым столетием (опе-

чатка?), «Гамкрелидзе П. — Геологическое описание части долин рек Дзерулы и Чхеримелы, 1833». Где, в каком издании искать эту работу? В одном случае сборники «Антропология» (на укр. яз.) отмечены как «Вестник кабинета антропологии им. Волкова» (кстати сказать, кабинета — при каком научном учреждении? Академия Наук УССР и место издания не отмечены), а в другом случае имеем однословное указание «Антропология», т. III, 1930» (стр. 23) и т. д. Несколькими раз отмечена статья Б. Н. Вишневецкого «Доисторический человек в России» в приложении к книге Осборна «Человек древнего каменного века». На стр. 9 книга Осборна указана вне времени и пространства, несколькими строками ниже и в других случаях дано указание года издания (1924), но место издания и издательство до конца остаются неизвестными (то же в отношении книги П. П. Ефименко «Дороговое общество» и др.).

Или такие указания: «Ауэрбах Н. К. — Доисторическое прошлое Приенисейского края» (стр. 43). Что дает это указание и чем облегчает поиски литературы.

На стр. 63 узнаем о существовании издания «Труды Секции Археологии РАНИОН в честь В. А. Городцова». Между тем речь идет о IV выпуске «Трудов Секции археологии» Института археологии и искусствоведения РАНИОН (в другом случае, например на стр. 27, он так и обозначен); выпуск этот (и только он один) действительно был посвящен В. А. Городцову, но «Трудов секции в честь В. А. Городцова», вообще, разумеется, не существовало. Кстати сказать, на стр. 23 статья В. А. Городцова о кремневых резцах Супоневской и Тимоновской стоянок отмечена как напечатанная в издании «Техника обработки камня и металла, РАНИОН, Москва, 1930». Речь же идет, по существу, о вып. V «Трудов» той же секции, и хотя выпуск этот имеет наименование «Техника» etc., но, конечно, следовало бы точнее отметить, что речь идет о выпуске, входящем в серию «Трудов» названной секции.

На стр. 9 дано указание на издание «Замятнин, С. Н. Обзор деятельности Н.-иссл. инст. в 1926 г. Тр. Ассоц., 1928, № 1». Читателю предоставляется право догадываться, что речь идет об издании «Обзор деятельности Северо-Кавказской ассоциации Н.-исслед. инст. за 1926 и 1927 гг.» («Труды» ассоциации, № 41, Ростов на Дону, 1928), в котором действительно, между прочим, даны краткие сведения и о работах С. Н. Замятнина по изучению Ильской стоянки.

Все это примеры, которые могут быть значительно приумножены. Не стоит говорить уже о произвольности и разнохарактерности сокращений названий одних и тех же изданий, указании последних по второстепенным, а не основным признакам и пр.

(например, на стр. 23: «Ефименко П. П. Палеолит СССР, Сборник каф. доист. о-ва, 1935» и т. д.).

Ко всем этим библиографическим упущениям составителя следует прибавить опечатки, зачастую досадные. Так, на стр. 13 год издания путеводителя «Крым» указан 1915 (следует 1925), на стр. 43 «Проблемы истории докапиталистического общества» вместо «обществ». Не сразу догадываешься, что «СПб. Совет. Энциклопедия» на стр. 64 представляет собой не Санкт-петербургскую, а «Сибирскую Советскую Энциклопедию» и т. д.

Не мало недоумений вызывает и приложение (стр. 62—64) — «Труды общего характера, не заключающие описания стоянок и не относящиеся непосредственно к ним».

В списке таких трудов значителен не только, например, работа Г. Ф. Мирчинка «Геология палеолитических стоянок СССР», но и сборник «Палеолит СССР» (Известия ГАИМК, вып. 118, ОГИЗ, М.—Л., 1935).

Между тем, просмотра одного содержания указанного сборника достаточно, чтобы убедиться, что это издание содержит в себе девять статей восьми авторов (Ефименко, Замятнина, Герасимова, Громова и др.), целиком посвященных вопросам изучения конкретных палеолитических стоянок. Кстати сказать, все девять статей расписаны самим составителем по соответствующим стоянкам. В этих условиях включение сборн. «Палеолит СССР» в список трудов «общего характера», не заключающих описания стоянок и не относящихся непосредственно к ним» вызывает чувство недоумения. И здесь, очевидно, сказывается отсутствие определенной системы и метода в работе над библиографической частью указателя.

Нигде не дано также расшифровки часто встречаемых условных сокращений: «РАНИОН, ГАИМК, АИЧПЕ».

Мы останавливаемся столь подробно на всех этих недочетах, имея в виду, что справочник (его тираж 1200 экз.) рассчитан,

конечно, не только на узкий контингент специалистов по палеолиту СССР, хорошо осведомленных в литературе вопроса, но и на широкую читательскую аудиторию. Читатель в праве требовать должного качества и высоты библиографической работы, и упущения Н. И. Березина тем более досадны, что при известном внимании к этой части указателя составитель без особого труда мог избежать отмеченных ошибок и промахов в своей нужной и полезной работе.

Следует отметить в качестве положительного факта сопутствующие справочнику указатели («Стоянки», «Географические названия», «Именной», «Фауны», «Культур»). Составитель преодолел неизбежные и многочисленные трудности, вызывавшиеся, в частности, различным наименованием культур одних и тех же стоянок отдельными исследователями.

Очень жаль, что к справочнику не приложена карта палеолитических стоянок СССР. Мы считали бы также не лишним дополнить справочник указаниями на литературу о неустановленных точно стоянках, неизученных или даже сомнительных.

Следует констатировать, что в целом составитель справочника с успехом осуществил начинание, которое, несомненно, заслуживает продолжения. П. И. Березин своевременно проделал большую работу, значения которой нельзя недооценивать. Отмеченные выше ошибки и недочеты справочника объясняются тем, что он является первым опытом такого рода изданий.

Выпуск справочника по палеолиту СССР представляет определенное событие в нашей археологической литературе. Надо всемерно приветствовать инициативу Института антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР в деле издания подобных справочников. Институту следует приступить к подготовке и изданию таких справочников и в отношении последующих стадий в историческом развитии человеческого общества на территории СССР.

СОДЕРЖАНИЕ № 2 «СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ»

	Стр.
Наши задачи в области археологических исследований, в связи с решениями ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР об учебниках по истории	1
СТАТЬИ	
О. Н. Бадер (Москва). Лихачевский могильник	19
П. П. Ефименко (Ленинград). К истории западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. по археологическим источникам	39
МАТЕРИАЛЫ	
В. В. Федоров (Ленинград). Рыболовные снаряды неолитической эпохи из долины р. Оки	65
С. В. Киселев (Москва). «Афанасьевские» курганы у сел. Сыды и Теси	71
А. В. Збруева (Москва). Ананьинский могильник	91
В. А. Городцов (Москва). Подчеремский клад	113
Е. В. Жиров (Ленинград). Древние ижорские черепа	151
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА ЗА РУБЕЖОМ	
И. М. Лурье (Ленинград). Город Тель-Эль-Амарна	161
МЕЛКИЕ СООБЩЕНИЯ	
В. И. Громов (Москва). Некоторые итоги полевых исследований по палеолиту СССР в 1935 г.	186
С. А. Локтюшев (Ворошиловград). Редкое погребение и остатки стоянки в Донбассе	195
А. А. Мансуров (Москва). К материалам по изучению химического состава ископаемых металлических изделий	199
Г. И. Петров (Ленинград). Некролог. Генри Фэрфильд Осборн	201
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА	
А. С. Стрелков (Москва). Третий международный конгресс по иранскому искусству и археологии	205
С. А. Трусова (Ленинград). Пленум комиссии по изучению ископаемого человека Советской секции	215
В. И. Селиванов (Ленинград). Археологическая работа Государственной академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра в 1935 г.	221
П. Н. Третьяков (Ленинград). Экспедиция по изучению «Арктического неолита»	227
Э. В. Зиберт (Ленинград). Археологические находки на Аляске	228
Н. Захаров (Краснодар). Пограничное укрепление Боспорского государства на Северном Кавказе и Краснобатареиное городище	229
М. З. Паничкина (Ленинград). Обзор археологических находок за 1934—1935 гг. в СССР по газетным сообщениям	230
Б. Рабинович (Ленинград). Работа сектора доклассового общества Государственного Эрмитажа в 1935 г.	241

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция сборника «Советская Археология» предлагает авторам в отношении присылаемых рукописей придерживаться следующих правил:

1. Размер статьи не должен превышать 2 авторских листов.
2. Рукопись должна быть перепечатана на машинке через два переката на одной стороне листа с полями на левой стороне в 4 см. Ни в коем случае недопустимы в статье вставки от руки чернилами и карандашом, кроме знаков транскрипции.
3. К статье следует прилагать краткое резюме, исходя из расчета 1 стр. на 1 авт. лист.
4. Рукопись должна быть тщательно выправлена с литературной стороны.
5. Необходимо внимательное отношение к географическим названиям (придерживаться современной номенклатуры). Требуется единообразное, принятое в «Советской Археологии», сокращение названий метрических единиц (м, см, км, кг и т. д.) и румбов (СЗ, ЮВ и т. д.).
6. Цитаты должны быть сверены с источниками.
7. В ссылках должны быть точно указаны: год, место издания, том, выпуск, страницы.
8. Иллюстративный материал должен быть тщательно выполнен (особенно фотоснимки) и рассчитан на формат полосы текста «Советской Археологии» (при возможном уменьшении иллюстраций). Мелкие рисунки должны быть смонтированы в таблицы. Необходимо указывать масштабы. При монтажке указывать уменьшение. К иллюстрациям необходимо прилагать подписи и размечать в тексте рукописи их размещение. Желательно указывать, какие рисунки могут быть, в случае необходимости, сокращены. Плохо оформленный иллюстративный материал приниматься не будет.
9. По всем вопросам, связанным с рукописями, можно обращаться в редакцию «Советской Археологии» по адресу: Ленинград, Университетская набережная, д. 3, Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР.

Технический редактор Д. С. Бабкин.
Ученый корректор Яснецкий. Сдано
в набор 2 февраля 1937 г. Подписано
к печати 8 июля 1937 г. X стр. +
+ 276 стр. (103 рис.) + 8 вклеек.
Формат бумаги 72×110 см. $18\frac{3}{4}$
п. л. 50615 тип. зн. в 1 п. л. 23,7 уч.-
авт. л. Тираж 2200 экз. Ленгорлит
№ 3712. Ризо № 243. АНИ № 1381.
Заказ № 161. Типография Академии
Наук СССР. Ленинград, В. О. 9 ли-
ния, 12.

Настоящая карта к статье О. Н. Бадера «Лихачевский могильник», напечатанной в № 2 Советской археологии, не вошла в этот номер по техническим причинам.

Редакция

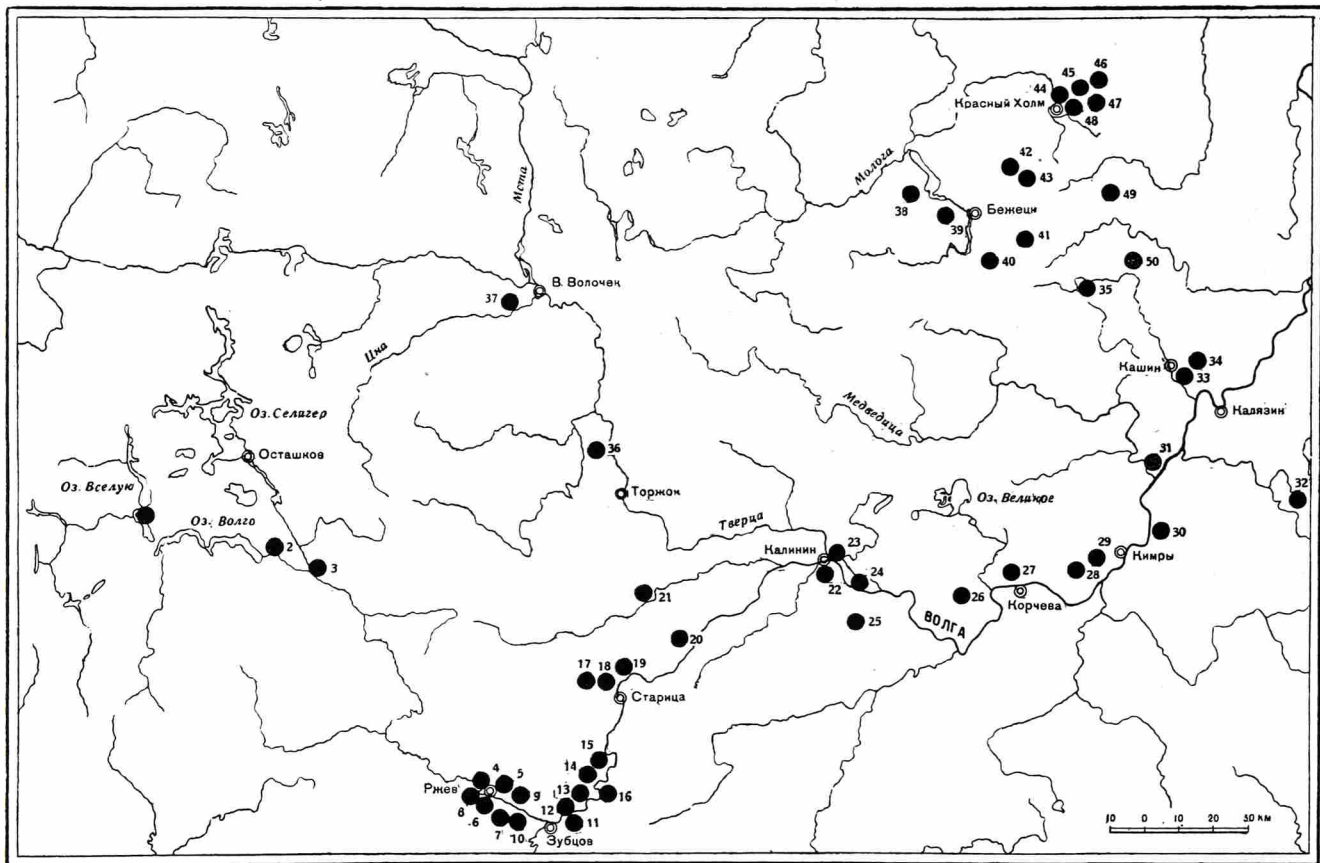

Рис. 6. — Карта распространения находок каменных сверленых топоров в Калининской области.*)

1. Овселуг (К. М., № 6863). — 2. Хотошино (К. М., № 6844). — 3. Селижарово (К. М., № 4916). — 4—10. Ржев (К. М., №№ 536, 1079, 7916, 12608, 12649 и 2 топора без №№). — 11, 12. Терешково (К. М., №№ 2837, 3415. — Пл., стр. 88). — 13. Троицкое (К. М., № 5653. — Пл., стр. 90). — 14. Спасское (Пл., стр. 91). — 15. Иружи (Пл., стр. 91, 92). — 16. Мямлино (К. М., № 3465). — 17, 18. Холохольня (К. М., №№ 9235, 2. 60). — 19. Пентурово (К. М., № 4662). — 20. Пролежнево (К. М., № 3817). — 21. Стружня (К. М., № 6745). — 22, 23. Калинин (К. М., № 10789 и без №. — Пл., стр. 182). — 24. Власьево (Пл., стр. 190). — 25. Старый Погост (К. М., без №). — 26. Каськово (экспед. Антр. Ин-та МГУ 1930 г., Кимрск. музей). — 27. Санниково (экспед. ГАИМК на Москва-Волгострое. Кимрск. музей). — 28. Губин Угол (К. М., № 331. — Пл., стр. 262.) — 29. Шутово (Кимрск. музей). — 30. Головино (Кимрск. музей). — 31. Медведицкое (К. М., № 4402 (?). — Пл., стр. 297). — 32. Апухтино (К. М., № 4007 (?). — Пл., стр. 293). — 33, 34. Кашин (К. М., № 3161. — Пл., стр. 302). — 35. Кесова Гора (Кашинский музей). — 36. Быльщино (Пл., стр. 399). — 37. Городолобля (К. М., № 15151. — Пл., стр. 318). — 38. Люткино (Пл., стр. 427). — 39. Болшнево (Пл., стр. 427). — 40. Сукромны (Пл., стр. 407). — 41. Подобино (Полтавский музей, № 106). — 42, 43. Между д.д. Борок и Андреевское (Пл., стр. 427, 428). — 44—48. Красный Холм (К. М., 3 топора с надписью, без №№. — Пл., стр. 517, 518). — 49. Налючи (Пл., стр. 519). — 50. Раменье (Пл., стр. 307). Кроме того, в Калининском музее имеются сверленные топоры: из села Ретухова б. Старицк. у. (№ 4945; с. Ретухово отсутствует на карте и в списке населенных мест Тверской губернии), топор из Тверского уезда без обозначения селения, близ которого он был найден (№ 4083) и несколько топоров без №№ и надписей.

*) Сокращения: К. М. — означает Калининский музей; Пл. — означает книгу Плетнева «Об остатках древностей и старины в Тверской губернии». Ссылки на прочую литературу для краткости не приведены.